

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Л а м а н с к а г о

Выпускъ II

Г О Д Ъ В Т О Р О Й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр. № 12

1892

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Очеркъ русской діалектологіи.

Б. Сѣверно-великорусское, или окающее поднаръчіе.

Главная характеристическая черта сѣверно-великорусскихъ, или окающихъ говоровъ—сохраненіе древняго (=ореографическаго) неударяемаго *о*. Разные изслѣдователи указываютъ большее или меньшее количество исключеній, т. е. приводятъ случаи аканья. Но значительная часть словъ съ аканьемъ, находящихся въ окающихъ говорахъ,—слова, заимствованныя изъ акающихъ говоровъ, книжныя и новыя русскія или иностранныя: *кара́нь*, *парахо́дь*, *са́лдатъ*, *канво́й*, *Расе́я*. Другія слова съ *а* вмѣсто *о* имѣли это *а* еще въ древне-русскомъ языкѣ: *монастырь*.

Другія черты окающихъ говоровъ слѣдующія. Древнее (=ореографическое) ударяемое и неударяемое *а* послѣ твердыхъ согласныхъ сохраняется: *балова́ть*, *паха́ть*. Разные изслѣдователи говорятъ о спорадическомъ произношеніи окающими, вмѣсто неударяемаго *а*,—неударяемаго *о*, но одни изъ указываемыхъ ими словъ имѣютъ древнее *о* (вмѣсто котораго мы пишемъ *а*): *робота*, *рокита*, *ровня́ть*, *поро́мъ*, *корманъ*, *стоканъ*, *олта́рь*, *полата*, *тороканъ*, *Ондрей*, *Оле́на* ф. родит. ед. *доброво*, другія—позднѣйшія заимствованія изъ акающихъ говоровъ: *юмпада*, *корета*, *кортина*, *локей*, *тонцовать*¹⁾.

Древнее (=ореографическое) неударяемое *е* передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ въ массѣ случаевъ, подобно ударяемому, звучитъ какъ *о* (т. е. *ѣ*): *се́ло*, *сте́кло*, *бе́дрѡ*, *выле́тѣть*, *чо́во*, *јовѡ*, *торгу́еъ*, *сиди́те*, *пойде́мъ-те*; при чемъ слышится рядомъ: *де́ру* и *дери*, *поме́рдѣ* и *поме́реть*.

Древнее неударяемое *е* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ перехода его въ *о* не произошло, иногда звучитъ какъ *и*: *поми́реть*.

¹⁾ Графъ Н. Толстой въ «Заволжскихъ Очеркахъ», М. 1857, приводитъ рѣчи крестьянъ заволжской части Манарьевскаго у. Нижегородской губ., пишетъ *кожи́сь*, *норо́дь*, *кожи́хъ*; но, вѣроятно, мы пишемъ здѣсь дѣло съ ошибкою человека, мало знакомаго съ народною рѣчью.

Древнее (=ооографическое) *о* и *о* образовавшееся изъ *е* (т. е. *ё*), ударяемое и неударяемое, звучитъ не открыто, какъ въ акающихъ говорахъ, а закрыто, ближе къ *у*. Многіе окающіе говоры имѣютъ *о* очень закрытое, которое иногда кажется намъ тождественнымъ съ *у* и которое производитъ на нашъ слухъ непріятное впечатлѣніе. Сѣверяне называютъ свою рѣчь съ закрытымъ *о* низкой.

Древнія группы *ае*, *ое* звучатъ обыкновенно (но не всегда) какъ *а*, *о*: дѣлать, играть = дѣлаетъ, играетъ, моё, моёму = моего, моему.

Древніе мягкіе согласные сохраняются передъ суффиксами *ск* и *ство* (особенно передъ первымъ): царьской, царство или царьско, причемъ иногда звучитъ мягко и *с* суффикса: царьськой.

Изъ формъ слѣдуетъ отмѣтить форму род. ед. прилагательныхъ, которая, вмѣсто ожидаемаго окончанія *ово*, часто (но не вездѣ) можетъ имѣть окончаніе *ова*: дѣлова, слѣдова (но ёво, ково и т. п.), формы имен.-вин. мн. моё, твоё, чьё и т. п. = мои, твои, чьи, ф. род. мн. моѣхъ, твоѣхъ и т. п., ф. дат. мн. моёмъ, твоёмъ и т. д. Формы им. ед. прилагат. муж. р. всегда оканчиваются на ой: дѣбой, слѣбой. Мѣстоименіе 3-го лица часто звучитъ ёмъ, ёнъ, ёно, множ. ч. оны, ёны. Формы 2-го лица ед. — дасъ (=дашь), јисъ (=ѣшь). Формы сравнительной степени — на ље: скорѣе и т. п.

Окающіе говоры могутъ быть сведены въ двѣ большія группы: 1) группу не покающую и 2) группу покающую. Даль называетъ эти группы восточною и сѣверною, но его названіе едва ли выполнѣ удачно: говоры не покающіе слышатся далеко на сѣверо-западѣ (около Тихвина и Ёвлаго озера), а покающіе — на югѣ (въ Муромскомъ и Меленковскомъ у. Владимирской губ. ¹⁾)

Территорія, занимаемая не покающими говорами, не обширна. Она состоитъ изъ юго-восточной части Тверской губ. (Колязинскій и Корчевскій уѣзды), большей части Владимирской (такъ что западъ ея почти не покаетъ, а востокъ, по Окѣ, по сосѣдству съ губ. Рязанской, Тамбовской и Нижегородской, имѣетъ болѣе или менѣе сплошное поканье), большей части Ярославской (здѣсь покаютъ по Шекснѣ, Сити и Мологѣ), западной части Костромской (восточная, дѣсная часть — уѣзды Ветлужскій, Варнавинскій, Кологривскій отчасти — покаетъ) сѣверо-западной части Нижегородской (въ части юго-восточной, по сосѣдству съ Владимирской губ., есть селенія покающія), Симбирской, большей части Казанской, части южнаго Приуралья. Вообще поканья не слышно въ предѣлахъ древ-

¹⁾ Объ окающихъ говорахъ и ихъ дѣленіи см. «Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія» (Записки Акад. Наукъ, томы 28, кн. 2, и 30, кн. 1). Авторъ, покойный Колосовъ, объѣхалъ рядъ селеній и сдѣлалъ хотя мимоходныя, но нерѣдко цѣнныя наблюденія въ губ. Владимирской, Ярославской, Новгородской, Олонецкой и Вятской.

ней Суздальской области и въ тѣхъ мѣстахъ, на востокъ отъ нея (въ среднемъ Поволжьѣ и далѣе), которыя заняты въ XVI в. и позже переселенцами изъ Суздальщины.

Эта территория не сплошь занята не цокающими говорами: между ними мѣстами, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, какъ бы вкраплены говоры цокающіе; они явились здѣсь вслѣдствіе разновременныхъ переселеній крестьянъ, какъ старыхъ, такъ и позднѣйшихъ. ¹⁾ Колосовъ нашелъ цокающія деревни въ уѣздахъ Переславскомъ, Юрьевскомъ, Суздальскомъ, Владимирскомъ и Ковровскомъ Владимирской губ.; Шавыревъ—въ уѣздѣ Александровскомъ, по дорогѣ къ Александрову отъ Сергіевой Лавры ²⁾.

1. Группа не цокающая. Изъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія (скупныя) лишь о говорѣ г. Колязина. Наблюдатель такъ говоритъ о немъ. «Главную роль играетъ буква *о*. Вездѣ, гдѣ только стоитъ она въ словахъ, сохраняетъ свой чистый, неизмѣнный звукъ, и никогда, ни въ одномъ словѣ, не переходитъ въ *а*... Но эта буква не произносится никогда такъ крѣпко, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ она просто терзаетъ непривычный слухъ. Такъ, слово голова: въ селеніяхъ Колязинскаго уѣзда, прилежащихъ Суздальскому и Переславскому,—го́лова, съ самымъ крѣпкимъ удареніемъ надъ обоими *о*...; въ Колязинѣ—голова. Буква *е* въ началѣ и въ срединѣ словъ произносится большею частію какъ *ѣ*: ³⁾ еще—ещѣ, стекло—стѣкло, ведро—вѣдро и т. п. Въ концѣ глаголовъ *ѣ* звучитъ крѣпче: сидѣѣ, ходиѣѣ, торгуѣѣ, гуляѣѣ, особенно, когда къ глаголу прибавляется *те*: пойдѣѣмъ-тѣѣ, сядѣѣмъ-тѣѣ». Форма дат. мн. «всегда, безъ исключенія», замѣняется формою твор. и на оборотъ: вотъ гостинецъ вашимъ дѣтьми, снеситѣ ѣвоимъ, какъ я ратѣ вамъ, съ сыновьямъ, дочерямъ и со фсеми гостямъ вашимъ ⁴⁾.

Объ не цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ тоже немного. Колосовъ сообщаетъ, что въ этой губерніи оканье сильнѣе къ югу

¹⁾ А иногда и горожанъ. О выводѣ Новгородцевъ въ центральные города московской Руси, между прочимъ въ Муромъ, въ XVI вѣкѣ, см. у Ч е с ч у л и н а, Города московскаго государства, 184.

²⁾ «Что Владимирцы-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему?—Нѣтъ (отвѣчалъ извошникъ), тамъ говорятъ не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалые въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутюшніе въ Александровѣ при с ц о к и в а ю т ѣ... Поводомъ къ этому разговору было село Сюттино... Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно ц а в о к а л а. Вотъ вамъ цашецка, говорила она» (Шавыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850, I, 31—32).

³⁾ Авторъ пишетъ *ѣіо*.

⁴⁾ Калачовъ, Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи, кн. 2-я, Сиб. 1861 («Записка о г. Колязинѣ», стр. 75—76).

отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу. Онъ же отмѣчаетъ подслушанное имъ въ разныхъ мѣстахъ той же губ. бѣда, пѣсокъ, рѣка (=бѣда, пѣсокъ, рѣка).

Въ говорѣ Ковровскаго у. о звучить очень закрыто и, можетъ быть, иногда переходить въ у. Во всякомъ случаѣ въ немъ отмѣчено *буѣре*, *ку-вѣль*. Сверхъ того, въ немъ слышится *вм.* неударяемаго *е*—часто *ё* (даже *трѣмй*, *твѣты*=*цвѣты*) и *изрѣдка и*, послѣ *ж* и *ш*—*ы* (*плѣчить*, къ *лапушки*, *скажыть*) и встрѣчается стяженіе гласныхъ (*клѣнетца*=*кланяется*, *свовѣ*, *добро дѣло*, *сву* сторону=свою); *е* передъ *у* опускается: *голубшка*, *дѣушка*=*голо-оушка*, *дѣе*—. Изъ формъ замѣчательны *ф.* род. *теѣ*, *сеѣ*=*тебя*, *себя*, *дат. теѣ*, *сеѣ*, род. на *ова*, мѣстн. на *солѣ*, при *фсѣмъ* народѣ (не: *фсѣмъ*), 3 л. *мн. нѣсютъ*, *вѣдютъ*. Отдѣльные слова (немногія) имѣютъ *и* *вм. ч:* *тысяца* ¹⁾.

О говорѣ Переславскаго у. мы не знаемъ почти ничего (*свовѣ*, *дѣброва*, *свахынька*=*свахонька* ²⁾).

То же должно сказать о говорахъ Юрьевскаго уѣзда, села Бережокъ (о умѣренно закрытое, въ отдѣльныхъ словахъ *и* *вм. ч:* *чудно*), и Гороховецкаго у. (*ф.* род. на *ова*, *ф.* твор. съ тремя дубинамъ, за закусочкамъ ³⁾).

Говоръ Вязниковскаго у. также имѣетъ очень закрытое *о* («сильно замѣчается удареніе на *о*», говоритъ наблюдатель). Въ немъ отмѣчены: *биз-пирѣчь*=*безперечъ* (*безпрестанно*), *батъ*=*баеть*, *мому*=*моему*, формы род. *теѣ*, *дат. теѣ*, род. на *ова*. Этотъ говоръ, благодаря вліянію сосѣднихъ акающихъ говоровъ, имѣетъ иногда въ концѣ словъ *а* *вм. о* безъ ударенія: *блага*=*благо*, *близѣшенька*, *гѣжа*=*гоже* ⁴⁾).

Говоръ села Іудина, Александровскаго у. (близъ границы Московской губ., въ 15 верстахъ отъ Сергіевой Лавры) принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Онъ строго сохраняетъ *о* передъ удареніемъ и замѣняетъ его черезъ *а* послѣ ударенія; так. обр. въ немъ слышится рядомъ: 1) *кобыла*, *возытъ*, *корыто* и 2) *прокѣслаѣ*, *дѣяканъ*, *стѣпекѣѣ*, *дѣбравѣ* ⁵⁾).

Колосовъ такъ характеризуетъ «ярославское» *о*: оно «произносится звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ; это—рѣзко отчеканенный звукъ».

¹⁾ Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собранны и изданы съ сохраненіемъ мѣстнаго выговора. М. 1847. Сравни Дала.

²⁾ Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ, М. 1857, стр. 36 слѣд.

³⁾ Труды Владимирскаго Губ. Ст. К., III, 1864 (ст. «Свад. обряды въ Мордвиновской волости»).

⁴⁾ Труды Владимирскаго Губ. Статист. Комитета, VII, 1868 года (ст. «Обычай хоронить Кострому»); Голишевъ, Богоявленская слобода Мстера, Владимиръ, 1865.—Вязниковскій говоръ принадлежитъ къ числу пѣвучихъ (замѣчается «пѣвучесть голоса въ разговорѣ»).

⁵⁾ Русск. Фил. В. 1879 г. № 2, 1880 г. № 1.

Изъ говоровъ Ярославской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія лишь объ одномъ—Ярославскаго у., на правой сторонѣ Волги (села Козьмодемьянское и Иваньково съ окрестностями). Онъ принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. По словамъ наблюдателя, *о* въ немъ звучитъ «чисто и открыто, безъ наклонности перейти въ *а* или *у*», но въ 2-мъ слогѣ передъ ударяемымъ замѣняется черезъ краткое *а*: хѣрошѣ, зѣлотой, а въ отдѣльныхъ словахъ, безъ ударенія, «произносится какъ *у*»: утопрѣ, укунѣсь; ѣ изъ *е* безъ ударенія постоянно передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ; встрѣчается *и* изъ *е* безъ ударенія: ишишѣ, ихарошѣ, смѣрдѣ, бирѣждѣ; нерѣдко *и* вм. *ъ* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: обидѣня (при обѣдать), отвѣтитѣ (при отвѣтъ); изрѣдка *е* изъ *я*, обыкновенно безъ ударенія: сѣчѣко (при опѣтъ, опрѣсти, горѣчей); обычно стяженіе гласныхъ (въ ф. 2 и 3 л. ед., рѣже 1 л. мн.): знашѣ, знѣтъ; группы *би* и *бе* звучатъ какъ *мм* и *ев*: омманѣ, овѣнячѣтъ; двойное *ш* твердо: пушшѣй.

Изъ формъ отмѣчены: ф. род. на *овѣ*, ф. дат. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ очѣамѣ, хѣ гѣсьмѣ, ф. твор. ед., род., дат., твор., мѣстн. мн.: добрымѣ, добрымѣхъ и т. д., ф. неопр. накл. пѣчи, ф. возвр. з. на *са*, сравнит. ст. на *яе*. Форма 3 л. ед. *ѣсти* (=есть). Остатки формъ члена: *дорогу-ту*, *бабы-те* и др. ¹⁾.

Сверхъ того, мы знаемъ, что въ самомъ Ярославлѣ употребляется ф. дат. мн. вмѣсто ф. твор.: онъ пошѣлъ за свѣчамѣ, съ вамѣ ²⁾, что въ селѣ Давыдовѣ, Романо-Борисоглѣбскаго у., слышится (какъ часто?) *и* вм. *ъ*: свѣтитѣ, свѣтитѣ ³⁾, что въ Рыбинскомъ у. *о* звучитъ «типично», есть *и* вм. *ъ*: увѣчѣ (послѣ *и*—*ы*: процѣживаю) и твердое двойное *ш*: рошшѣ-таю ⁴⁾, что въ Ростовскомъ у. ф. дат. мн. употребляется вмѣсто ф. твор. и на оборотъ.

О не показывающихъ говорахъ Костромской губ. мы почти совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній. По Колосову, здѣсь *о* по «степени звучности» не отличается отъ *о* новгородскаго и случаи *и* вмѣсто *ъ* (даже въ Костромскомъ у.) чаще, чѣмъ въ Ярославской губ.; по Далю, здѣсь употребляютъ форму дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ, формы твор. ед., дат. мн. добрымѣ, ф. неопред. накл. сѣчѣй и т. п.

¹⁾ Р. Филол. В. 1890 г. № 3. Описанный здѣсь говоръ—протяжный.

²⁾ Москвитянинъ 1842 г., ч. 4, стр. 448.

³⁾ Ярославскій литерат. Сборникъ, 1850 годъ, Яросл. 1851, стр. 155.

⁴⁾ Яросл. Губ. Вѣд. 1889 г. № 41.

Изъ не цокающихъ говоровъ Нижегородской губ. ¹⁾ мы имѣемъ немного свѣдѣній объ говорѣ Арзамаса. Онъ «мало отличается» отъ нижегородскаго; о въ немъ «твердое», произношеніе «легкое», стяженіе гласныхъ: дѣлать, дѣлашь, мовѡ. Другія его особенности принадлежать или цокающимъ говорамъ (и вм. ѣ, вѣроятно, изрѣдка: писни), или акающимъ (холодна, жарка, велена, гаварѡ, перитаскашь, цыревникъ, свѣхынѣка). Послѣднія являются едва ли не спорадически; по крайней мѣрѣ наблюдатель отрицаетъ существованіе замѣны о черезъ а ²⁾).

Катунскій говоръ, Балахнинскаго у., имѣетъ иногда (передъ и) с вм. ш: яйсница, и употребляетъ ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ намѣ, съ яблокамѣ, къ нами, шью детьми рубашки ³⁾).

Въ говорѣ села Павлова, Горбатовскаго у., отмѣчены: частое ё изъ е: ёвѡ, ёмѡ, зелѣнѡ вино, сѣлѡ, жонѡ, свиданѣнѣцо, даже трѣмѣ, дѣвѣтъ, твердыя двойныя ш и ж пушшѡ, иишѡ, ежжѣлѣтъ, стяженіе гласныхъ: седлѣтъ (при узнаетѣ), мовѡ, сво востро копѣѣ, пымѣтъ (=поймѣтъ), формы род.-вин. у ты, на ты, теѣ, сеѣ, дат. теѣ, сеѣ, возвр. з. на са: ударимса. Спорадическія черты акающихъ говоровъ въ большомъ количествѣ: онѣ-жа, поднесѣ-жа, двѡра-тъ, чѣрычка, свѣхынѣка, даликѡ ⁴⁾).

Говоръ Нижегородскаго у. «довольно правиленъ». Въ немъ есть случаи аканья: коня-тъ ⁵⁾. Говоръ Васильскаго уѣзда, повидимому, богатъ случаями аканья: мнѡга, толька, постѡй жа, двѡз, дискать, бирегѡфѣтъ, биспримѣнна, вѣнисти (при човѡ, топѣръ и т. п.). Другія особенности: ф. 3 л. ед. батѣ, спрашивать, 2 л. мн. хвѣстѣти, двойное твердое ш: выташшылѣтъ, ф. род. теѣ, дат. теѣ, ф. дат. къ чувашскеѣ деревни ⁶⁾.

¹⁾ Жители береговъ Волги въ предѣлахъ Нижегородской губ. жестоко смѣются надъ говоромъ цокающихъ Вятчанъ. «Вятчане-бурлаки всегда въ раздорѣ съ бурлаками-Нижегородцами... Вятчане цокають. Нижегородцы ихъ дразнятъ этимъ». Ш с в ы р е в ѣ, Поѣздка въ Кир.-Вѣлоз. мон., II, 222.

²⁾ Москвитянинъ 1852 г., № 22, стр. 82—83 (ст. Торопченка).

³⁾ Нижегородскій Сборникъ III (Н. Новг. 1870), стр. 153.

⁴⁾ Памятники и образцы нар. языка и словесности (Изв. Акад. Н. I). Здѣсь мы находимъ странное примѣчаніе: «о безъ ударенія въ выговорѣ удерживаетъ звукъ а». Еще кое-что о говорѣ Горбатовскаго у. (батѣ=баеъ, дат. теѣ, сеѣ) въ Нижегород. Сб. V, 174, 197.

⁵⁾ Нижегородскій Сборникъ V (1875), стр. 207, 216 (въ Нижегородскомъ у. лишь одна деревня, переселенная изъ Муромск. у., имѣетъ ч вм. и).

⁶⁾ «Сказки» Аеанасьева (1-ое изд., вып. 5). Гациссскій говоритъ: «до сихъ поръ сохранились въ нижегородскомъ Поволжѣ новгородскія преданія, новгородское обличье, новгородскій говоръ (особенно сильно въ Балахнинскомъ Усольѣ)»; но г. Г., повидимому, не знакомъ съ новгородскимъ говоромъ. Сборникъ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 г. Составленъ А. М. Семеновскимъ, Спб. 1872, стр. 68.

Объ не цокающихъ говорахъ К а з а н с к о й губ. у насъ нѣтъ свѣдѣній (о въ нихъ можетъ быть очень закрытое; отмѣчено: *удейло, бабучка*).

Окающіе говоры С и м б и р с к о й губ. принадлежатъ къ числу переходныхъ.

Въ говорѣ К у р м ы ш с к а г о у. (къ сѣверу отъ р. Пьяны) о послѣ ударенія замѣняется звукомъ приближающимся къ *а*: *ладна, родѣмай*. Передъ удареніемъ *о* всегда сохраняется, звуча однако слабѣе, чѣмъ въ Ярославлѣ: *вѣзу, ѣвѣ, тѣсать*, даже: *слѣпѣй, бѣдѣ*. Формы род. тей, дат. тее¹⁾.

Въ говорѣ С и м б и р с к а г о и Б у и н с к а г о уѣздовъ о послѣ ударенія также замѣняется черезъ *а*: *мала, мнучѣнакъ, крѣпчай, какъ жа* (изрѣдка, послѣ шипящихъ, и передъ удареніемъ: *фчарѣ, жана*) въ другихъ случаяхъ оно сохраняется: *вѣзу, ѣвѣ, човѣ, жонѣ* (даже: *дѣнѣкъ, Олѣксѣй*). Стыженіе гласныхъ обычно: *гулѣтъ, знатѣ, батѣ* (рядомъ: *гуляйтѣ*), *Микулаѣ* (= *Николѣевъ*), *хозяйва, хозяйѣ* (= *хозяйева*), *мовѣ, копекѣ, скорѣ, Ондрѣвичѣ, Гордѣѣ* (= *Гордѣевъ*), *богатѣ* (= *богатыи*). Форма дат. *тіѣ*. Остатки формъ члена: *богатѣ-те, на концѣ-те, полѣ-та* ²⁾).

Объ окающемъ говорѣ Земли Уральскаго Войска мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что въ немъ оканье слабо.

2. Группа цокающая состоитъ изъ ряда говоровъ болѣе или менѣе разнообразныхъ въ звукахъ и формахъ и пѣвучихъ. Главная черта, общая всѣмъ этимъ говорамъ, перешедшая въ нихъ отъ ихъ предка—древняго новгородскаго говора,—мѣна *и* и *ч*, т. е. употребленіе *и* вм. *ч* (цоканье): *цортѣ, цоловѣкъ, рядомъ съ употребленіемъ ч* вм. *и* (чаканьемъ): *чарѣ, черква*. Въ однихъ говорахъ она развита очень сильно, такъ что часто слышится и *и* вм. *ч*, и на оборотъ; другіе имѣютъ часто лишь *и* вм. *ч* ³⁾.

Эта главная черта обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ *и* вм. *ъ*, по преимуществу въ слогахъ передъ мягкими согласными, подъ удареніемъ и безъ ударенія: *свѣчка, пѣсня, замѣною а* послѣ *і* и мягкихъ согласныхъ (т. е. *я*) черезъ *е* въ слогахъ передъ мягкими согласными: *гресь* (= *грязь*), *опеть*, а также иногда употребленіемъ формъ род. ед. на *ы* вм. *ѣ*. дат.-мѣстн.: къ *жоны, по избы, и* формъ дат. мн. вм. *ѣ*. твор. и (иногда) на оборотъ: *ходить ногамъ, съ вамъ, къ вами; сверхъ того, формы 3 л., особенно ед. ч., не имѣютъ окончанія тѣ* (болѣе или менѣе часто): *идѣ, гуляѣ* (рядомъ съ *идѣтъ, гуляѣтъ, гулятъ*)

¹⁾ Archiv f. slav. Phil., X, стр. 350—351.

²⁾ Мотovilovъ, Симбирская моливъ. Спб. 1888.

³⁾ Колосовъ не встрѣтилъ ни одного чакающаго говора во Владимирской губ.

Взглянемъ прежде всего на говоры Новгородской губ. ¹⁾.

Обитатели береговъ оз. Ильменя, Позёры (Новгородскій у.), произносятъ *о* «твердо и грубо», т. е. сильно закрыто (отмѣчено: *муна́хъ, очу́нь*), *ъ* (спорадически?) «почти одинаково» съ *и, ъ* в м. ч и на оборотъ: *оте́чь, очу́* (=отцу) и т. п.; отмѣнены частое ё: *доми́шшо, восхрѣсеньё, хрѣсья́нско*, двойное твердое *ш*: *ви́шшо, большу́шшой, ѡи* в м. дн: *ла́нно, ро́нной*, стяженіе гласныхъ: *испи́ва́мъ, мо́во, дру́гъ (другую), ца́рско небесно, ф. род. на ова (рядомъ тѣ же ф. на ово), дат.-мѣстн. ед. на ѡ, твор. мн. на мѣ, 3 л. безъ тѣ: мо́жо, е (=есть), гля́дѣ (=глядятъ). Сверхъ того: форма род.-вин. *тѣ* (=тебя), вин. ед. *ею* (=ее), сравнит. ст. на *яё*: *скоряё*. Кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ словахъ, *а* в м. *о, е*: *цалковой, таперя* ²⁾.*

Деревня Ракома подъ Новгородомъ, рядомъ съ *и* в м. *ъ*: *бѣлова* дня, въ Новогоро́ди, имѣеть *и* в м. *е* (безъ ударенія): *вѣ́чера, бѣ́линкой* (=бѣленькій), даже *я* в м. *е*: *ра́достянь, ми́лянкой*, слѣдствіе близости Петербурга. Сверхъ того, отмѣнены ф. 3 л. *работатъ* (есть ф. 3 л. также безъ *тѣ*), род. на *ова* ³⁾.

Въ дер. Ямокъ, Новгородскаго у., по Колосову, слышится *и* в м. *ъ* постоянно; въ 15 верстахъ отъ него—изрѣдка.

Въ с. Эстьяны, того же у., отмѣчено *ишо* (=еще), ф. дат.-мѣстн. на *ѡ*, творит. мн. на *мѣ* ⁴⁾, твор. мн. на *мы*: *лю́дмы*, 3 л. ед. *идѣта, идѣ, естѣ* (=есть).

Въ Боровичахъ *и* в м. *ъ* обычно: *нѣту* хлѣба, *нихто* не *ѣде* ⁵⁾ (=ѣдетъ), *сидѣ, деревеньской, руськой*; формы 3 л. на *тѣ*, возвр. зал. на *ѡѡ*: *бѣѡѡ; ѣстѣ* =есть.

Въ селѣ Зимогорье, подъ г. Валдаемъ, по Колосову, *ъ* звучитъ какъ *и*; въ 4-хъ верстахъ отъ него тотъ же *ъ* произносится какъ *е*, а 5 верстами далѣе—опять какъ *и*. Въ Зимогорѣ отмѣнены ф. 3 л. *смека́тъ*, дат.-м. на *ѡ* ⁶⁾. Въ самомъ Валдаѣ Колосовъ отмѣтилъ форму 3 л. ед. *естѣ*.

Говоръ пограничныхъ мѣстъ Крестецкаго и Тихвинскаго у. (Заборовской и Боровенской волостей) имѣеть *о* довольно закрытое, *и* в м. *ъ* (часто): *бѣло́й, по́люно, хлѣ́нь, снѣ́къ, ко́пѣ́къ* (род. мн.), на дворѣ, при:

¹⁾ Колосовъ говоритъ: «языкъ населенія Новгор. губ. представляетъ немало діалектическаго разнообразія, но отвѣтитъ научнымъ образомъ на вопросъ: какіе именно говоры можно различить на пространствѣ этой губ.,—я не вижу возможности».

²⁾ Новгородскій Сборн., вып. I (1865), ст. «Общій очеркъ образа жизни.... жителей Новгород. губ.»—Отечеств. Зап., т. 197, ст. «Позеры въ Новгородѣ».

³⁾ Якушкинъ, Путевыя письма изъ Новгородской губ., Спб. 1860, стр. 29, 30 (тоже въ «Сочиненіяхъ П. И. Якушкина», Спб. 1884).

⁴⁾ Новгородскій Сборникъ, вып. III и IV.

⁵⁾ Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. мон., II, 115.

⁶⁾ Новгор. Сб., II.

отмѣнены формы твор. мн. съ сѣстрамъ и т. п. ¹⁾). Въ одной мѣстности отмѣнены формы твор. ед. и дат. мн. на *мемъ*: бѣлымъ. Наконецъ наблюдатель, говорящій о Морозкомъ приходѣ (близъ границы Ярославской губ.), упоминая о мѣнѣ *и* и *ч*, замѣчаетъ: «эта погрѣшность въ выговорѣ особенно разительна у жителей дер. Язина, такъ что съ перваго раза можно отличить Язинца по этому выговору». Имъ отмѣнены формы возвр. з.: здѣлалсы, руга~~ты~~*и* ²⁾).

О бѣлозерскомъ говорѣ мы знаемъ, что въ немъ часто *и* вм. *ч*, нерѣдко *и* вм. *н*: вѣтеръ, вѣникъ, билѣе, целовикъ, нерѣдко *е* вм. *я* (при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ): петь (=пять), хресѣнинъ, хосѣинъ; встрѣчается *и* вм. *е* безъ ударенія: ишшѣ, нидѣля, тибя, тибѣ; *и* мягко: вин~~и~~*и*, брѣтецъ; двойное *и* твердо: иишшѣ; *хв* замѣняется черезъ *ф*: фатать, фборось (=хворость). Формы род. ед. муж. и ср. р. всегда на ово (на ова нѣтъ); тѣ же ф. женск. р. иногда на *ие* и *іе*: зъ большіе головы, ни едѣные пѣсни, нетъ сѣіе краски, съ тѣе стороны; формы неопред. накл. иногда сохраняютъ окончаніе *ти*: сѣсти (=сѣсть); ф. повел. н.—суффиксъ *и*: сѣди, сѣдите; ф. возвр. зал. всегда оканчиваются на *ся* (нѣтъ окончанія *сь*); ф. сравнит. степени имѣютъ окончаніе *іе*. Наблюдатель замѣчаетъ: «грамматическая сторона бѣлозерскаго говора поражаетъ отчетливостью и ясностью окончаній» ³⁾).

Колосовъ въ говорѣ Бѣлозерска отмѣтилъ еще *мм* вм. *бм*: омманъ, и указалъ на рѣдкость употребленія ф. дат. мн. вмѣсто твор. и на оборотъ.

Говоры С.-Петербургской губ. принадлежатъ къ числу сильно цокающихъ.

Говоръ дер. Княжѣй горы, Лужскаго у., имѣетъ о очень закрытое (отмѣчено: мачуха, упять), *и* вм. *н* (спорадическое): свирѣпой, твердое двойное *и*, формы дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ* (рядомъ—отъ лю~~д~~*и*—ф. дат. людѣмъ), 3 л. безъ *тз*: плывѣ, помахи~~ва~~*ѣ*. Сверхъ того: жѣд вм. жѣж (вождѣтца). Звука *н* здѣсь нѣтъ ⁴⁾).

Говоръ Новоладожскаго у. при частомъ *и* вм. *н*: бѣлой, невѣска, нѣту, къ себѣ, имѣетъ стяженіе гласныхъ: гулять, скѣзывать, ф. дат. вм. ф.

¹⁾ Барсовъ, Причитанія сѣвернаго края, I, №№ 3 и 5. Въ текстахъ, записанныхъ въ другомъ (близкомъ) селѣ того же уѣзда отмѣнены еще: двѣ избы, миня, тибя, формы род. на ова, род.-вин. мѣя=меня, возвр. зал. на *си*, *и*, остатки члена: руки-те, дѣдѣям-те, у ямы-те, плеча-та (Причит., II, стр. 84, 281).

²⁾ Новгородск. Сборникъ, V, стр. 39, 161.

³⁾ На основаніи рукописнаго труда г. Порошина.

⁴⁾ Записки И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., IV, ст. Лиль-Адама.

твор., ф. 3 л. безъ *тз* (понжжаѣ), а также *е* вм. *я*: горѣчь (=горячь) и *е* вм. *и* (въ отдѣльныхъ словахъ: завѣйте=завѣйте ¹⁾).

Говоръ прионятскій, на берегахъ р. Ояти, у Ладожскаго оз., на границѣ губ. Новгородской и Олонецкой, имѣетъ *о* очень закрытое (отмѣчено: чуловѣтъ), *и* вм. *ъ* почти всегда: свить, лись, тило, дви головы, сибй (=себѣ), ф. твор. на *мз*, 3 л. безъ *тз* (формъ на *etz* и *ятз* нѣтъ, всегда: несѣ, любй, но: несѣтца; формъ на *и* и *у* также нѣтъ, всегда: любйтъ, нѣсуть), возвр. 3. на *си* (далъси, научилси). Отмѣчено *и* безъ ударенія вм. *е*: ммий, тибй, сибй. Цоканье здѣсь не сильно ²⁾.

Говоры юго-восточнаго Прионежья, Олонецкой губ., уѣздовъ Каргопольскаго и Вытегорскаго, по Колосову, одинаковы и имѣютъ *и* (отчетливое) вм. *ч* постоянно (*ч* вм. *и* не встрѣчено), *ѣ* изъ *е* часто, *и* вм. *ъ* спорадически (передъ мягкими согласными): смйю, линйфъ, летйтъ, *е* вм. *я* очень часто: зеть, чѣшша (=чаща), повенцѣлись, мягкое *и*, *и* вм. *е* безъ ударенія: рыбѣта, знѣйтъ, ф. дат.-мѣсти. на *ы* вм. *ъ* (спорадически) и на *е* вм. *и*: по грязѣ, вин. ед. женск. р. *ей* и *ю*=*еѣ*: схватилъ *ей*, неопред. н. сѣнци=сѣчь (формъ дат. мн. вм. ф. твор. незамѣчено). Описание Колосова по отношенію къ вытегорскому говору можетъ быть нѣсколько пополнено указаніемъ на употребленіе въ немъ *ч* вмѣсто *и*: кормилечъ (изрѣдѣ), твердаго двойнаго *ш*: къ тѣшшы (спорадически: прощѣтисе), формъ твор. мн. на *мт*, *мы*, *мт*: трудамъ праведнымъ, съ нами, слѣзамъ горящимъ, ф. неопред. накл. беречи и т. п. ³⁾. Относительно говора въ г. Каргополѣ намъ извѣстно, что въ немъ *ъ* «выговаривается неправильно» (т. е. какъ *и*) только въ глаголѣ *ьсть*, удерживая въ другихъ словахъ «правильный выговоръ» ⁴⁾.

Говоръ окрестностей озеръ Выгозера и Водлозера (въ сѣв.-зап. Прионежьѣ) отличается «наклонностью» *и* къ *ч* и *ъ* къ *и*, но случая, гдѣ вмѣсто *и*—чистое *ч*, а вм. *ъ*—чистое *и*, рѣдки и непостоянны; обыкновенно слышатся средніе звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически. Такъ, очень рѣдко говорятъ молодець, бмлой свить; обыкновенно слышио что-то среднее между молодець и молодець, между свить и светъ. Здѣсь *о*—«чистое»; *ѣ* изъ *е* очень часто: славноѣ, коровищо, здраѣствуѣтъ, прѣжочка, сѣятелѣвичъ; *е* изъ *я* (спорадически): нѣнюшка, полюбиласе; *и* можетъ быть

¹⁾ Одна пѣсня на этомъ говорѣ въ Новгородск. Сборн., II.

²⁾ Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., II, ст. Хрушова.

³⁾ Памятники и образцы нар. яз. и слов. (Изв. Ак. Н. II); Олонецкій Сборн., I. Должно замѣтить, что Лабардинъ, доставившій матеріалы въ «Памятники», пишетъ форму род. съ омониміемъ ю. Слѣдовательно, въ Вытегорскомъ у., какъ въ сѣверу отъ него, въ формѣ род. *ъ* сохраняется?

⁴⁾ Кораблевъ. Этнографич. и географич. очеркъ г. Каргополя, М. 1851, стр. 68.

мягко: *цудо*, *лицё*; есть стяженіе гласныхъ: *наказываѣтъ*; формы: дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. существительныхъ и личныхъ мѣстоименій на *мы*: *столамы*, *намы* (рядомъ на *ми*), тв. мн. прилагат. на *ма*: *дубовыма*, 3 л. безъ *тъ*: *кѹшаё*, *любя* (=любить), возвр. зал. на *си* и *со*: *показалоси*, *закручинилсо*. Сверхъ того, здѣсь есть *и* изъ *е* безъ ударенія: *миныя*, и—что важно—въ ф. род. ед. доброго (не *доброво*). ¹⁾

Говоръ *Повѣнца* и его уѣзда (сѣв. берегъ Онежскаго оз.) не имѣетъ важныхъ особенностей. Въ немъ отмѣчены частое *и* (мягкое) вм. *ч*, частое *ё* изъ *е* (*оружё*, *ё*=*есть*), спорадическое *и* вм. *н*: *свирипой*, *зди*, *гди*, *мни*, стяженіе гласныхъ: *дѣлатъ*; формы: род. на *ова*, дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. существительныхъ на *мы*, прилагательныхъ на *ма*, 3 л. безъ *тъ* ²⁾.

Говоръ окрестностей оз. *Кенозера* и рѣки *Моши* (сѣв.-вост. *Пріонежье*) отличается «чистымъ» произношеніемъ *и* (т. е. нѣтъ ч вм. *и*, но *и* вм. *ч* обычно), *н*=*е* (*н* «весьма рѣдко принимаетъ отдѣнокъ звука *и*»), частымъ *ё* изъ *е*, изрѣдка *е* изъ *я* (*свалиласе*, рядомъ съ *-ся*), стяженіемъ гласныхъ, формами дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. на *ма* (подъ нимъ=подъ ними), 3 л. безъ *тъ* ³⁾.

Переходимъ къ *Архангельской* губ. *Колосовъ* говоритъ, что въ ней *ё* изъ *е* рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (между прочимъ, чѣмъ въ *Вологодской* губ.), что *и* изъ *н* рѣдко, что ф. род. можетъ оканчиваться на *она*, а форма возр. з.—на *сё* ⁴⁾.

Говоръ г. *Онеги* и его уѣзда имѣетъ частое *и* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ: *красавица*, *молотча* (род. ед.), *чена*, частое *ё* изъ *е*: *будё*, *полё*, *синёё*, *лѣжить*, *и* вм. *н* въ концѣ словъ: *фъ сундукѣи*, *фъ Килеви*, частое *е* изъ *я*: *внесь*, *кнѣзя*, *боѣринъ*, *перснѣми* (твор.), *срежѣнтсе*, *луцѣлосе*, стяженіе гласныхъ: *дѹмать* (рядомъ: *дѹмаѣтъ*), *смелѣ*, *метнѣ*, *скоря* (сравни. ст., = *смѣлѣе*); твердыя двойныя *ш* и *ж*, спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія: *миныя*, формы твор. мн. существит. на *мы*: *ушмы*, и прилагательныхъ и мѣстоименій на *ма*: *старыма*, *тема*, 3 л. безъ *тъ*: *будё* (рядомъ: *пекѣтъ*), мѣстоименіе

¹⁾ Онежскія быliny, собр. *Гильфердингомъ* (особенно введеніе, стр. XXXI). Въ текстѣ былинъ мы читаемъ: *висть* (вѣсть), на *двори*, въ *шатри* и т. п.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же. О говорахъ *Олонецкой* губ. см. еще у *Рыбникова*, «Шѣсни» (особенно ч. III, *Петрозав.* 1864, стр. 347 слѣд.), и у *Барсова*, «Причитанія сѣвернаго края».

⁴⁾ «Вообще жители (*Арханг. губ.*) говорятъ нѣсколько протяжно, особенно на послѣднемъ слогѣ, удвояя гласные: *новооѣй*, *говоришиѣ*. Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 134 (= *Арханг. губ. Вѣд.* 1847 г. № 30). По Далю, «пѣвучесть говора на западѣ *Архангельской* губ. уменьшается; она сильнѣе по *Печорѣ*, *Мезени*, *Двинѣ*».

цо. Сверхъ того, отмѣчено мягкое *с* вмѣсто *ш* передъ *н*: зысьной голосъ, боролевисья, плата гудобьяная, и остатки формъ члена: глаза-те ¹⁾).

О говорѣ большей части Шенкурскаго у. наши данныя скудны. Въ немъ отмѣчены мягкое *ц* вмѣсто *ч*: цясь, цюдо, частое *ѣ* изъ *е*, *е* изъ *я*: преклонѣлсе, устилаются, даже цѣдо (=чадо), стяженіе гласныхъ: думать, формы род. на ова, твор. мн. на ма: дѣткама, корѣньяма (по Колосову, даже орѣхима), мѣстн. ед. во путѣ (отъ путь) ²⁾, неопр. н. жемчѣй, мѣстоименіе цо. Говоръ остальной, нижней части того же уѣзда—тотъ же, что въ сосѣдней части Вологодской губ. ³⁾).

Сверхъ того, Колосовъ упоминаетъ, что въ Кемскомъ у. мѣстоименіе звучитъ чо и цо, а въ Мезени формы возвратн. зал. могутъ оканчиваться на со; а Ѳ. М. Истомина сообщаетъ, что въ разныхъ мѣстахъ Архангельской губ. онъ слышалъ ф. род. на ю: доброго (съ *г*) и что въ Кемскомъ у. *ц* слышится на мѣстѣ нашего *ч*, а *ч* на мѣстѣ нашего *ц*.

Большая часть говоровъ Вологодской губ. (вмѣстѣ съ сосѣдними Архангельской, Костромской и Новгородской) составляютъ особую группу, съ говоромъ (по Далю) «очень низкимъ».

Говоръ Вельска и его уѣзда употребляетъ и *ц*, и *ч*, но не такъ, какъ нашъ, а на оборотъ: доць, тецѣтъ, свица и личо, сончо, чвѣтъ (съ *ц* мягкимъ); онъ имѣетъ *ѣ* изъ *е* очень часто: ясноѣ, берѣтѣ, даже: со службы царскіе (род. ед.), ясноѣ (им. мн.), *ц* вм. *ъ* почти всегда: дѣло, нѣту, свѣтъ, во мнѣ, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными постоянно: снѣтъ, зѣтъ, засвѣчай (=засвѣчай), глѣдѣ (3 мн.), даже: вынѣсѣ, насмѣхаютцѣ, стяженіе гласныхъ: думащѣ, прѣматѣ, формы род. на ово (дѣброво) и ова, твор. мн. существует. и мѣстоим. на ма: съ цѣботамъ, съ вамъ. Сверхъ того, въ немъ *си* вм. *ц*: пусицѣ, частое *ц* вм. *е* безъ ударенія: чилѣ (—чело), либѣдушка, полицѣ (—полечу), видѣ (=веди), миѣ, тѣбѣ, и *ѣ* въ концѣ словъ и передъ согласными вмѣсто *е* и *л*: стаѣ (=ставь), шоѣ (=шоль), ходѣѣ, моѣвиѣ (=молвилъ), воѣна. Мѣстоименіе что звучитъ и што, и цо. ⁴⁾ Саввантовъ, говоря о говорѣ какой-то мѣстности Вельскаго у., замѣчаетъ, что въ немъ «по большей части *ц* вм. *ч*, а иногда и на оборотъ; послѣднее рѣже», и

¹⁾ Кораблевъ. Очеркъ правописательной этнографіи г. Онеги, М. 1853.—Памятники и образцы народн. языка и словесности (Изв. Ак. Н. III, IV).

²⁾ «Пѣсни» Кирѣевскаго, вып. I, стр. 77—86.

³⁾ Жителей нижней части сосѣди-сѣверяне дразнятъ словами: куда ходѣтъ, куда пошѣтъ? (Изв. И. Общ. любит. естествозн. при Моск. у—тѣ, XXX, вып. 2, стр. 251).

⁴⁾ Этнографіи ч. Сборн., V (ст. Воронова); Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., ч. 25 (1859 г., ст. Воронова).

что «и часто вмѣсто ъ». Имъ отмѣчены, кромѣ е изъ я, у вм. л, еще жд въ поезжайте и ф. сравн. степ. поскорѣя, побилѣя ¹⁾).

Говоръ Яренска и его уѣзда, повидимому, тотъ же, что говоръ Вельска. Отмѣчены: и вм. ч («самая обыкновенная замѣна»; и—мягко; оно передается наблюдателемъ черезъ ис), и вм. ъ: по вѣники ѣдемъ, Олексѣй, Ондрий (рядомъ: вмѣсте, въ горстѣ), е вм. я: пецель, неспѣсье, двѣцѣть, взѣлж; е передъ согласными, по словамъ наблюдателя, всегда произносится «такъ твердо, что болѣе похоже на у, только короче послѣдняго»; такъ же звучитъ л «въ концѣ словъ, особенно въ формахъ прош. вр.»: взяу деѣку, вѣдеу; стяженіе гласныхъ часто: знашъ, збирѣсья, знѣтъ; двойное ш твердо: училишшо; мѣстоименіе звучитъ штѣ и шѣ; формы сравн. степ. на яя. Что замѣчательно въ яренскомъ говорѣ, это—сохраненіе звонкихъ (= звучныхъ): кадка, водка, родъ, взгляды, роги ²⁾). Колосовъ указалъ въ яренскомъ говорѣ еще ф. род. на ова.

Говоры Сольвычегодска и Великаго Устюга съ ихъ уѣздами, судя по положенію ихъ между Вельскомъ и Яренскомъ и по сообщеніямъ Колосова и Бѣлоруссова, очень близки къ говорамъ вельскому и яренскому. Колосовъ отмѣтилъ въ сольвычегодскомъ говорѣ, кромѣ ъ=и и е изъ я,—мягкое и вмѣсто ч или звукъ средній между и и ч, и вм. е какъ безъ ударенія, такъ изрѣдка подъ удареніемъ: видѣ (=веди), тичѣтъ, силѣ, овѣчка, в (т. е. ѳ?) ³⁾ вм. л: тожковѣтъ, дообѣтъ, шовѣ, стяженіе гласныхъ только въ формѣ 2 л.: знашѣ, ф. твор. мн. чашкима, огородыма, конима, красныма, ф. сравн. ст. на яя. Онъ же замѣтилъ относительно великоустюжскаго говора, что въ немъ нѣтъ ч вм. и, что въ немъ ф. род. съ окончаніемъ ова. Въ устюжскихъ пѣсняхъ, записанныхъ Савванитовымъ, указаны только и вм. ч (иногда мягкое: иястой, мостоцѣку, но: мостоцѣкъ), и вм. ъ: грѣбѣтъ, рѣцѣка, е вм. я: мѣсець, мѣстоим. шѣ. Шевыревъ упомянулъ, какъ объ устюжскихъ чертахъ,—объ стяженіи гласныхъ: батъ, и ни вм. дн: ланно ⁴⁾). Сверхъ того, эти говоры имѣютъ очень частое ѣ изъ е, мягкое и: отиѣ, отиѣ, твердое двойное ш, твердое л передъ н въ болѣй и т. п., формы возвр. зал. на са.

¹⁾ Москвитянинъ 1841 г., ч. 2, стр. 271—272 (смѣсь). Бѣлоруссовъ утверждаетъ: «во всѣхъ мѣстностяхъ Вологодской губ. звукъ е, происшедшій изъ л, произносятся одинаково какъ е, а не какъ ѳ» (Р. Фил. В. 1887 г. № 4, стр. 226).

²⁾ Вологодскій Сборн., IV, стр. 85—92.

³⁾ Колосовъ опредѣляетъ этотъ звукъ какъ средній между е и у.

⁴⁾ Москвитинъ 1842 г., ч. 6, стр. 312, 333; Р. Фил. Вѣстн. 1887 г. № 4; Шевыревъ, Позадка въ Кир.-Бѣл. мон., II, 115. Авторъ статьи въ Ф. В. отмѣтилъ въ Городишнѣ, Великоустюжск. у., мѣстоим. сѣѣ, чѣ чѣ (рядомъ съ шѣ, штѣ).

Объ говорѣ Тотемскаго и Кадниковскаго у. мы знаемъ отъ Колосова, что въ немъ *о* можетъ звучать (въ отдѣльныхъ словахъ?) какъ *уо*: *трусось* (= трость), что въ немъ обычны *и* вм. *ч* и *ч* вм. *и*, *ѣ* изъ *е* (особенно въ концѣ словъ: *доброѣ*, *руки бѣлыѣ*, но: *ходите*), *и* вм. *ъ* передъ мягкими согласными: въ *нѣге*, къ *невѣстѣ* (при: *нѣга*, *невѣста*), *е* изъ *я* также передъ мягкими согл.: *ейцѣ*, *сіеть*, *стоеть*, твердое двойное *ш*: *ешшѣ*, *с* (изъ *ѣда*) изъ *ш*: *молѣсной* (— *молочной*); твердое *л* передъ *н*: *болной*; кое-гдѣ въ немъ мягкое *к*: *ручка*, *лѣгонькѣй*; *ф.* род. на *ово* и на *ова*; *ф.* возвр. зал. на *цо*: *битцо*; *ф.* сравн. ст. на *лѣ*; мѣстоименіе *што*, *штѣ*, *щѣ*. Нѣкоторыя мѣстности (указано с. Вотча, Тотемск. у.) имѣютъ постоянно, передъ согласными и въ концѣ словъ, *в* вмѣсто *л*: *довго*, *кѣловоѣ*, *лиѣ*, рѣдко стяженіе гласныхъ: *зидѣтъ*; *мм* вм. *бм*: *омманъ*; *ф.* им.-вин. мн. на *нѣ*; *ф.* дат.-мѣстн. на *е* вм. *и*: къ *мѣтере*; *ф.* возвр. з. на *се*, *со*, *цо*: *напивсѣ*, *дѣлаетсо*, *дѣлатцо* ¹⁾.

Въ говорѣ Грязовца Колосовъ отмѣтилъ *и* вм. *е* безъ ударенія въ *тибѣ*, частое стяженіе гласныхъ: *знатъ*, и сверхъ того, среднее *л* въ формахъ прошедшаго врем.: *зналъ*.

Въ говорѣ Никольскаго у. тотъ же Колосовъ отмѣтилъ *и* вм. *ч* и *ч* (ясное) вмѣсто *и*. Въ немъ извѣстно еще *и* вмѣсто *ъ* и *е* вм. *я* передъ мягкими согласными ²⁾; мѣстоименіе *штѣ*.

Изъ показующихъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія (скудные) лишь о говорѣ Тверскаго у. (по сосѣдству съ Корчевскимъ у.). Онъ имѣетъ не только *и* вм. *ч*, но и *дз* вм. мягкаго *д*, *и* вм. мягкаго *т*: *дзѣло*. *дзя-дзя*, *цѣбѣ*, *у цѣ*; *о* въ немъ звучитъ очень закрыто (отмѣчено: *утопрѣ*, съ *пѣлкуй*, зъ *досѣдуй*); стяженіе гласныхъ обычно: *дзѣлашъ*, *дзѣлатъ*, *моуѣ*, *моу*; *ф.* род. *ця*, *цѣ* ³⁾.

Одинъ изъ показующихъ говоровъ Ярославской губ., въ Посятѣ (Моложскаго у.) и отчасти въ Пошехонѣ (Пошехонскаго у.), имѣетъ не только *и* вм. *ч* и *ч* вм. *и*, но и мягкое *дз* вм. мягкаго *д*, мягкое *и* вм. мягкаго *т*: *дзѣрѣвнѣ*, *падзѣ*, *дзверь*, *цѣсцѣ*, *цѣмнѣ*; *ѣ* изъ *е* въ немъ очень часто: *бесцѣсцѣ*

¹⁾ Р. Фил. В. 1897 г. № 4. Другой наблюдатель говорить о говорѣ с. Вотчи въ немъ «*е* переходить въ *у*: *деука*, а *лѣ* въ *ог*: *сезѣ*».

²⁾ «Сказки» А. А. Мамасева.

³⁾ Этнограф. Сб., I. Дзканье, по Далю, слышится также въ Корчевѣ и въ Торжкѣ.—Бѣжчанки, по тому же Далю, «говорятъ невыносимо на распѣвъ, отрывая коротко всѣ слоги, кромѣ послѣдняго, который растягиваютъ».—Объ одномъ изъ показующихъ говоровъ Бѣжскаго уѣзда авторъ замѣтки: «О Бѣжскомъ уѣздѣ и Тоблишанахъ» (Москвитин. 1863 г., № 16) говоритъ: «интонація (у жителей с. Тоблиши)—чужинная; какъ чужъ чужинскъ, чужинскъ, да наконецъ и протянется, такъ и Тоблишанинъ».

великое, идзипце, даже: песни весёлыё (им. мн.); двойныя *и* и *ж* твердыя: *ишшу*, *дожжсы*; формы дат. мн. в.м. ф. твор. и на оборотъ: *умываюсь* горюцыми слёзамъ, звейцёса яснымъ соколамъ, по глазъми, по полями цыстымъ; ф. 3 л. безъ *тз*: гуля (=гуляетъ); ф. род.-вин. *ця* (=тя), *цёй*, дат. *цёё*; ф. возвр. 3. на *са*. Сверхъ того, здѣсь, какъ въ сильно акающихъ говорахъ, въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ въ этихъ послѣднихъ,—мягкое *к*: *косьнькя*, *солньшкё*, *хорошенькё*, *горькяя*, *горькюю*, *синенькёй*; и въ концѣ словъ *ф* в.м. *х*: во цюжыфъ людзяфъ, моефъ ясныфъ оцей, *ифъ* (=ихъ) ¹⁾.

Въ другомъ говорѣ Поситья (села Захарына, Моложскаго у.) отмѣчены лишь частое *и* в.м. *н*: билей, дитушки, *выисти*, *с* изъ *я*: цюжѣнинъ, провожѣтой, снарённой (=снарядный), мягкое *к*: *бирѣзынькя*,—*кю*, *ни* в.м. *ди* и еще *и* в.м. *е*, обыкновенно передъ мягкими согл., какъ безъ ударенія, такъ иногда и подъ удареніемъ: *бирѣза*, *бисѣда*, *дѣриво* (=дерево), *дынь*, *иль* (=день, ель), *ифти* гости (=эвти), *двирій* (род. мн.). Но *дз* и *ц* в.м. *д* и *т* нѣтъ ²⁾.

Въ одномъ изъ говоровъ пошехонскаго центра (с. Давшино), при мягкомъ *и* в.м. *ч* (*цясь*) и частомъ ё изъ *е* (*нашо*, какъ *жо*, *копѣекъ*), отмѣчены *и* в.м. *н* предъ мягкими согл.: *свича*, *свитлѣю*, *горить* (=горѣть), *Тимофій*, *е* в.м. *я*: *петь*, *стоитъ*, *ф* в.м. *х*: *фто* (=кто), *тефъ*, въ *окошкафъ*, формы дат. мн. в.м. ф. тв. и на оборотъ: съ *намъ*, съ *етемъ* подлымъ людьми, къ *нами*, гъ *дворами* (употребленіе ф. твор. в.м. ф. дат.—признакъ вѣжливости), ф. род. *тія*, *сія*, дат. *тіё*, *сіё* (рядомъ: *тибѣ*, *тибё*), возвратн. зал. на *сы*: *занелсы*, *занимаётцы*, *мѣстони*. *що* (при *што*). Сверхъ того, остатки члена: *конамъ-те* и т. п. ³⁾.

Въ другомъ говорѣ того же центра (Дмитровскаго прихода, въ 10 верстахъ отъ г. Пошехонья) отмѣчены частое ё (*кудри рѣсьё*), *и* в.м. *н* (*насяяла*, *замытьте*, *стрича*), *и* в.м. *е* безъ удар. (*тибѣ*, *минѣ*, *бисѣда*), твердое двойное *ш*, мягкое *к* (*маменькя*, съ *маменькёй*, *поздѣхонькё*, *послѣшай-кё*), ф. род. на *ова* ⁴⁾

¹⁾ Этногр. Сб. I; Памятн. и обр. народн. яз. и словесн. (Изв. Ак. Н. I): о Поситѣхъ.—Р. Филол. В. 1879 г. № 2: о Пошехонѣхъ. На этомъ говорѣ изложены «Анекдоты древнихъ Пошехонцевъ. Соч. В. Березайскаго», Спб. 1798 (здѣсь можно отмѣтить спорадич. с в.м. *ш*: *наса*=*наша*, *росъ*=*рожь*, *сцо*=*что*, *асцо*=*еще*).—И. И. Срезневскій говоритъ: «Ситкари отличны отъ другихъ Моложцевъ говоромъ» (Изв. Ак. Н. I, 186).—Изъ словъ Дала можно заключить, что дзеканье слышится также въ Череповскомъ у.

²⁾ Этногр. Сб. I; Р. Фил. В. 1879 г. № 2.

³⁾ Этн. Сб. II. Авторъ помѣщенной здѣсь статьи сообщаетъ, что описанный имъ говоръ слышится также на правомъ берегу Шексны (Моложск. у. Яросл. г.) и въ Череповскомъ у., а говоръ другихъ мѣстъ по сосѣдству (въ Пошехонск. у. по р. Югу и, въ Вологодск. у.) отличается употребленіемъ не только *и* в.м. *ч*, но и на обор.: *цѣбуъ* *цалавѣкъ*, *церква*, а также *шт* в.м. *ш*: *штетина*, *ешто*, *штавель*.

⁴⁾ Яросл. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 гг.

О показующихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ очень мало.

Колосовъ отмѣтилъ въ Муромскомъ у.: Бугородица, очюнь; отъ другаго лица намъ извѣстно, что въ говорѣ зарѣченской (на правомъ берегу Оки) части этого уѣзда (поканье слышится лишь въ ней) распространено стяженіе гласныхъ: знанѣть, знатѣть, свово, сву сторону, форма род. ед. можетъ оканчиваться на ова, ф. род. и дат. звучать теѣ, сеѣ, теѣ, сеѣ. Въ слогахъ послѣ ударенія, мѣстами, болѣе или менѣе часто, а вм. неударяемаго о, но «больше о, чѣмъ а»; ч вм. и, повидимому, неизвѣстно ¹⁾).

Говоръ Меленковского у. (въ сѣверо-восточной его части), повидимому, тотъ же, что въ Муромскомъ; только въ немъ, рядомъ съ и вм. ч, есть изрѣдка и ч вм. и.: чалковой ²⁾).

Говоръ Нижегородской губ., Княгининскаго у. имѣетъ, рядомъ съ очень закрытымъ о (уддыхаць) и съ и (твердымъ) вм. ч и ч вм. и, — также дз вм. мягкаго Ѣ и и (мягкое) вм. мягкаго т: отведзѣ, ѡдзетъ, Мордзвѣнъ, бацюшка, пуцѣмъ, несцѣй. Стяженіе гласныхъ (знатѣть, свово); ф. дат. цѣѣ, цѣѣ (=тебѣ); ии=иц (пушче); спорадическое а вм. о послѣ ударенія ³⁾).

Говоръ Ардатовскаго у., повидимому, составляетъ одно цѣлое съ гоюромъ княгининскимъ ⁴⁾).

Показующій говоръ Арзамасскаго у. имѣетъ только и вм. ч (часто). Въ немъ отмѣчены: ѣ изъ е безъ ударенія: цово, цолковой, стяженіе гласныхъ: знатѣть, форма род. теѣ ⁵⁾).

Передъ нами Вятская губ. съ ближайшею къ ней заволжскою частью Нижегородской, частями Костромской, Казанской ⁶⁾, Уфимской.

Колосовъ по говору дѣлитъ Вятскую губ. на двѣ части — сѣверную и южную, и находитъ, что о сильнѣе въ первой и слабѣе во второй. По словамъ Колосова, въ вятскомъ краѣ о звучитъ сильнѣе къ сѣверу, слабѣе къ югу; въ его говорѣ ѣ изъ е неособенно часто, и вм. ѣ спорадически, преимущественно передъ мягкими согласными: здѣсь, но: нѣтъ, причѣмъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ на мѣстѣ ѣ могутъ быть и и, и е (въ концѣ словъ всегда е); е вм. я: оиѣтъ, забрѣцѣло; твердые двойные ж и ш (ошши); то твердѣе, то

¹⁾ Труды Владим. Губ. Стат. Комит. VII, IX, X; Ежегодникъ Вл. Г. Ст. К., I. Говоръ зарѣченской части Муромскаго у. «отличается растянутостью, тутъ-то-тѣмъ, болѣе-менѣе» (Труды X, 76).

²⁾ Труды IX; Ежегодн. I, IV.

³⁾ «Сказки» Афанасьевы; «Пѣсни» Яко; «Кляня».

⁴⁾ Р. Финлод В. 1879 г. № 2.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 162—163.

⁶⁾ Городъ Макарий, въ чѣмъ вѣтъ: въ городѣ Макарий и въ городѣ Макарий.

мягкое *и*; с *и* изъ *ш*: *иасница*, *дивиснякъ*; формы дат. мн. в. ф. твор. (съ плечама), дат. мн. имѣ, 3 л. безъ *тъ*, неопред. накл. на *ты*: *сѣяти* (часто), также неопр. н. запречки; остатки формъ члена: *дорогу-ту*; мѣстоим. *штѣ*, *щѣ*, *що*.

По Васнецову, вятскій край можетъ быть раздѣленъ на три части: сѣверную (сѣверныя окраины Слободскаго и Глазовскаго у.), среднюю (южныя части Слободскаго и Глазовскаго у., уѣзды Вятскій, Нолинскій, Котельничскій и Орловскій) и южныя (южныя половины Уржумскаго, Елабужскаго, Яранскаго, Малмыжскаго у.); изъ нихъ въ средней слышится собственно вятскій говоръ, а въ южной другой, замѣтно отличающійся отъ вятскаго и приближающійся, а часто даже сливающійся съ казанскимъ ¹⁾. Особенности собственно вятскаго говора: «грубое» *о*, иногда переходящее въ дифтонгъ *оу*: *хоуроушо*, *поулѣ*, *поуцъ* (=пошъ) и въ особое («какъ бы глухое») *у*: *ху-дѹли*, *нѹжикъ*; частое *ѣ* изъ *е*: *дѣбрѣ*, *мѣрѣ*, *пѣлѣ*, *ѣй*, *зѣднѣй*; взаимная мѣна *и* и *ч* ²⁾; мягкое *и*: *цѣрь*, *отецѣ*; *е* вмѣсто *я*: *бѣеть*, *бѣель*, *фсѣчина* (=всачина); формы неопред. накл. на *ты*: *учити*, *роуботати*; остатки формъ члена: *баба-та*, *бабу-ту*, *бабы-те*, *бабы-ти*, *окно-то*, *окну-ту* ³⁾.

Савиновъ указываетъ у Вятчанъ мѣну *и* и *ч* («замѣтное пристрастіе къ ч»), *е* в. я: *терѣть* време, *я* в. я. *е* подъ удареніемъ (въ нѣсколькихъ словахъ): *лѣгче*, *крѣсло*, ф. сравн. ст. на *яе* (теплѣе), мѣстоименіе *штѣ* и *що*. Онъ замѣчаетъ: «вообще вятское нарѣчіе такъ богато провинціализмами и особенностями выговора, различнаго въ сельскомъ и городскомъ населеніи, что заслуживаетъ вниманія нашихъ филологовъ» ⁴⁾.

¹⁾ «Для крестьянъ южныхъ уѣздовъ чисто вятскій говоръ страненъ и служить предметомъ ихъ ироніи».

²⁾ «Рѣчь какъ бы дѣлится на мужскую и женскую. Мужская рѣчь чокающая, а женская цокающая. Въ мужской рѣчи *и* произносится какъ *ч*, въ женской на оборотъ—*ч* произносится какъ *и*, а *и* произносится мягко. Чокающая рѣчь грубовата, а цокающая, напротивъ, отличается мягкостью».

³⁾ Календарь Вятской губерніи на 1892 г. Вятка, 1891.

⁴⁾ Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г. ч. 24, стр. 118. «По мнѣнію того, какъ вы углубляетесь во внутренность вятскаго края, вы замѣчаете въ рѣчи жителей болѣе и болѣе итальянской пѣвучести (протяженіе голоса на послѣднемъ слогѣ), которая чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ на ваше непривычное ухо».—«Первое, чѣмъ отличается Вятчанинъ, это растянутость или пѣвучесть въ выговорѣ, которая замѣтна не только у простолудниновъ, но и у всѣхъ, кто не выѣзжалъ за предѣлы Вятской губ.» Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 148 (=Вятск. Губ. Вѣд. 1847 г. № 39).—По Колосову, Вятчане мѣстами говорятъ съ растяженіемъ гласныхъ, пѣвучею рѣчью: *ничегово* и т. п... Кажется, всѣ гласныя могутъ имѣть долготу... Растяженіе гласныхъ не всегда совпадаетъ съ удареніемъ, а проявляется и независимо отъ него. Явленіе этой долготы довольно рѣдко. Оно, на сколько знаю, встрѣчается мѣстами только въ Вятскомъ и Слободскомъ уѣздахъ... Въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ». Замѣтки, стр. 64—65. По Васнецову, въ собственно вятскомъ говорѣ «въ концѣ *о* растяжимо: *ну-боо*, *зерноо*, *худоо*. Календ. Вятск. губ. на 1892 г., стр. 235.

Мартыновъ говоритъ: «Говоромъ Вятчанинъ рѣзко отличается отъ своихъ сосѣдей, исключая, можетъ быть, только Костромичанъ. Вятчанинъ, если можно такъ выразиться, цокаетъ и цокается». Онъ указываетъ на очень закрытое *о* (*чуво* = чего), на мѣну *и* и *ч*, на очень частое *е* вм. *я* (*мѣхче*, *ейчѣ*); на особенную мягкость *и* и *ч* (*иудо* и *чудо*, *чюль*), на *г* = какъ-бы *хг* (*хорохъ*), на твердое двойное *ш*, на *ни* вм. *дн* (*ланно*), на ф. возвр. з). на *си* (*случисл*), на мѣстоим. *штѣ* и *щѣ* ¹⁾.

Изъ говоровъ отдѣльных мѣстъ Вятской губ. мы знаемъ о слѣдующихъ.

Въ говорѣ Слободскаго у., кромѣ закрытаго *о* близкаго къ *у* (*пѹпикъ* — *попикъ*, *булото*), ѣ изъ *е* «излюбленнаго здѣшнимъ нарѣчіемъ», переходящаго послѣ *г*, *к* даже въ *о*: *могдшѣ*, *могдѣть*, *могдѣ* (= можешь), «постояннаго» употребленія *ч* вмѣсто *и* и «нерѣдкаго» *и* вмѣсто *ч*, отмѣчены: долгое *и* изъ *ъ*: *клитъ*, *свичи*, *нитъ*, *е* изъ *я*: *тѣнѣть*, *петъ*, даже: *езѣкъ*, *везѣть*, *меснѣй*, твердое двойное *ш*: *ошшо*, *пешшора*, откуда простое *ш*: *шока* = щека, формы род. на *ова*, формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ: *ходить* *ногамъ*, *купилъ* *сукно* *дѣтьми*, *подошолъ* къ *нами*, формы твор. мн. *имя* (=ими), формы неопред. накл. на *ти*: *сѣисти* (=сѣѣсть), ф. неопред. накл. *пекчи*, ф. сравнит. степ. на *яе*, мѣстоименіе *штѣ* и *щѣ*. Сверхъ того: мягкое *и*: *июю*, с вмѣсто *ш* передъ *н*: *молосной*, *мм* вм. *бм*: *омманъ*, иногда твердое *л* передъ *н*: *колоколна*, формы дат.-мѣстн. *дочерѣ*, *матерѣ*, *лошадѣ*, *печѣ*, ф. 1 л. ед. *колотю*, *вредю*, *пустю*, *бросю*, *можу* ²⁾.

Въ говорѣ Кайгородскаго мѣстоименіе *что* звучитъ *чо* ³⁾.

Говоръ Глазовскаго у. (Ухтымскаго прихода и смежныхъ мѣстъ) имѣетъ очень закрытое *о*: *оцѣнно*, частую мѣну *и* и *ч* (*июю*, *сѣсѣе* = счастье, *молодича*, *лючки* = людски), частое *и* вм. *ъ* передъ мягкими согл. и въ концѣ словъ: *дивки*, *клитъ*, *сѣсъ* = сѣсть, *нелъзі*, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: *опѣть*, *брѣчѣть* (но: *брѣкнутъ*), *цѣю* (= чаю), *спорадическое и* вм. *е* безъ ударенія: *тибѣ*, *цѣвѣ*, *стяженіе* гласныхъ: *батъ*, ф. дат. мн. *ф*. твор. и на оборотъ: *зѣ боронамъ*, по *лугамъ*, ф. 3 л. безъ *тѣ*, «если передъ *тѣ* должны быть два гласныхъ»: *тоскуѣ*, *цѣѣ*, мѣстоим. *штѣ* и *щѣ*. Сверхъ того, ф. 3 л. возвр. з. *чѣвѣча*, *любѣющча* и т. п. ⁴⁾.

Говоръ Котельничскаго и его уѣзда имѣетъ *ч* вм. *и* (*о и* вм. *ч* не упомянуто), ф. 2 л. ед. возвр. з. *ругѣшша*, *брапѣшша* и т. п., ф. неопред.

¹⁾ Братчина, Спб. 1859, стр. 277 слѣд.

²⁾ Календарь Вятской губ. на 1892 г.; Куропчевъ. Слободской уѣздъ Вятск. губ. въ географич. и статистич. отношеніяхъ. Вятка, 1881.

³⁾ Бял. Вятск. г. на 1892 г., стр. 211.

⁴⁾ Календарь Вятской губ. на 1890 г. Составилъ Н. Спаскій.

н. на *ти*: говорити, мѣстоим. *штѣ*. Замѣны ѣ черезъ и, повидимому, нѣтъ ¹⁾).

Въ говорѣ Уржумскаго у. отмѣчены: рѣдкое употребленіе *и* вмѣсто *ч* и на оборотъ, частое ѣ изъ *е*: лѣгитѣ, полѣ, эдакіѣ воры, спорадическое *и* изъ *ѣ*: здись, сникъ (= снѣгъ), *е* изъ *я* (почти постоянно передъ мягкими, изрѣдка и передъ твердыми согл.): бречѣть, горѣчь, дѣдя, вѣзнуть, грѣзной, дѣчке (изъ дѣчка; рядомъ, въ отдѣльныхъ словахъ, я вм. *е*: лѣхче), твердое двойное *ш*, мягкое *к*: клукя, войскѣ, горкѣ, губѣрскѣй, толкѣ, крѣчѣкъ, крѣчѣмъ, двойное *м* вм. *бм*: омжорокъ, оммѣнь (= обмѣнь), спорадическое *с* вмѣсто *и* и *ш*: саръ (= царь), половиса, списъ (= спишь), формы род. ед. менѣ, дат. мн. имѣ (= имъ), къ лошадыми, мѣстн. ед. фъ костѣ, фъ грѣзѣ (= въ кости, въ грязи), неопред. н. дѣти, ходити и т. п., бѣхчѣ, жѣхчѣ, сравнит. ст. на *яе*, мѣстоименіе *штѣ* (рядомъ: по-шчо). Стяженіе гласныхъ рѣдко: дѣлаѣтъ, знаѣтъ, копѣѣкъ ²⁾).

О говорѣ Сарапульскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть *и* вм. *ѣ*: высь (= вѣсть), *е* вм. *я* (кричѣть), ф. дат. мн. вм. ф. твор., ф. имѣ = имъ ³⁾).

Говоръ Малмыжскаго у. имѣетъ «нѣкоторыя особенности, довольно замѣтно отличающія его отъ другихъ великорусскихъ». Отмѣчено с вм. *и*: сѣркава, сѣловальникъ ⁴⁾).

О говорѣ ветлужскаго края наши свѣдѣнія крайне скудны. Мы знаемъ, что въ предѣлахъ Нижегородской губ. онъ таковъ же, какъ и во всемъ ветлужскомъ краѣ, что онъ отличается отъ говора горной стороны Волги, что въ немъ «всегда» *и* вм. *ч* ⁵⁾, что ему свойственно стяженіе гласныхъ: знаишь, знатъ, заиндеветъ (= вѣтъ), така тростычка ⁶⁾. Въ говорѣ Варнавинскаго,

¹⁾ Этнограф. Сб., V, стр. 88—89. Авторъ (Глушковъ) замѣчаетъ: «языкъ—естъ чисто русскій; произношеніе словъ вообще просто и твердо».

²⁾ Магницкій, Особенности русск. говора въ Уржумск. у. Вятск. губ. Казань, 1886. Тотъ же говоръ, по Магницкому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловскаго уѣзда. Васнецовъ объ уржумскомъ говорѣ замѣчаетъ, что въ немъ о не только звучитъ «мягче», чѣмъ въ говорѣ вятскомъ, но даже переходитъ въ *а*: харомы, карова (?). Кал. Вятск. г. на 1892 г., 235.

³⁾ Календарь Вятской губ. на 1880 г., стр. 79.

⁴⁾ Современникъ, т. 59 (ст.: «Народн. бытъ въ сѣвер.-вост. Россіи»).

⁵⁾ Вѣстн. И. Р. Географ. Общ. 1858 г., ч. 23, стр. 164. Въ ветлужск. краѣ (Нижегор. губ.) были деревни, выселенныя изъ Тульской губ., авающія (стр. 163). Рѣчь Ветлужанъ отличается «весьма растянутымъ произношеніемъ слоговъ, имѣющихъ на себѣ удареніе, и весьма краткимъ произношеніемъ прочихъ слоговъ, отчего происходитъ неровность въ рѣчи, весьма непріятная для слуха».

⁶⁾ Графъ Н. Толстой. Заволжскіе очерки. М. 1857. Даль указываетъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ особенно сильную мягкость *и*: цлрѣцѣ.

Вотлужскаго и Кологривскаго у. Костромской губ. отмѣчены лишь *и* вм. *ч* и *е* вм. *я*: *моэчать* ¹⁾).

Изъ говоровъ Пермской губ. мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія лишь о немногихъ.

Въ говорѣ Шадринскаго у. часто слышится *ё* изъ *е* безъ ударенія: *вѣтѣрь*, *тоскѣтъ*, *вѣшо*, *кудѣ жо*, *и* вм. *ъ* передъ мягкими согл.: *сѣтъ*, *полетѣли*, *бездѣльникъ*, даже: *одолѣла*, *е* вм. *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согл.: *пѣтъ*, *пѣмѣтъ*, *хозѣишъ*, *пѣтѣю*, *взѣлъ*, *стяженіе гласныхъ*: *знашъ*, *знатъ*, *знамъ*, твердое двойное *ш*: *шшѣка*, ф. род. на *ово* и *ова*, ф. твор. *имѣ* (=ими). Сверхъ того: *и* вм. *е* безъ ударенія (спорадически): *нидѣли*, *перевидѣте*, *тибѣ*; мягкое (иногда) *и*; ф. 2 л. ед. возвр. з. *берѣшша* и т. п.; остатки формъ члена: *мушкѣа-то*, *мушкѣу-ту*, *мушкѣи-те*, о *мушкѣахъ-ту* ²⁾).

Говоръ Чердынскаго у. очень близокъ къ шадринскому. Отмѣчены: *и* вм. *ъ*, *е* вм. *я*, *стяженіе гласныхъ*, твердое дв. *ш*, ф. род. на *ова*, ф. твор. мн. прилагат. и мѣстоименій на *мя*: *столами дубѣвыми*, *фсемѣ городами* (даже: *цвѣтѣчкѣми аленькими*). Сверхъ того, *и* вм. *е* безъ ударенія (изрѣдка): *ишѣ* (=еще) ³⁾).

То же можно сказать о говорѣ Кунгурскаго у. Колосовъ отмѣтилъ въ немъ (и въ говорѣ Пермскаго у.) формы сравн. степ. на *ая*: *добрѣя*, и мѣстоименіе *чо* или *цо*.

Въ говорѣ Верхотурья отмѣчены: *мѣна и* (мягкаго) и *ч*: *вица* и *вица*, *стяженіе гласныхъ*: *бѣгѣтъ*, *бѣгамъ*, твердое двойное *ш*: *шшѣка*, формы дател. мн. вмѣсто ф. твор.: за *губамъ*, формы дат. мн. *имѣ*, *емѣ*, *фсемѣ* (=имъ, всѣмъ), формы род. *фсѣмъ*, дат. *фсѣмъ* и т. д. (=всѣхъ, всѣмъ) ⁴⁾.

О говорахъ Соликамскаго и Ирбитскаго у. мы знаемъ лишь то, что *о* въ нихъ звучитъ очень закрыто (отмѣчено: *будлѣвая*, *клубѣкъ*), что *и* можетъ быть въ мѣстѣ *ъ* ⁵⁾ и что *с* въ ирбитскомъ говорѣ (по Колосову) иногда замѣняетъ *ц*: *улиса*, *сарь*, а губныя *п* и *ф* въ исходѣ словъ всегда звучатъ твердо: *кѣрамъ*, *любѣфъ* ⁶⁾).

¹⁾ Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Костромская губ. Сиб. 1861, стр. 498.

²⁾ Матеріалы для знакомства съ пермскими говорами въ Пермскомъ Сборникѣ, томы I и II, М. 1859—60, и въ «Сказкахъ» Афанасьева.

³⁾ Даль отмѣчаетъ въ чердынскомъ говорѣ еще формы неопр. н. на *ти*: *ходити*.

⁴⁾ Вѣстн. И. Р. Географ. Общ., кн. X, 1854 г. (ст. архим. Макарія).

⁵⁾ Скудные матеріалы въ Запискахъ Уральскаго Общ. Любител. естествознанія, томы III и VII, Екатеринбургъ, 1875—83.

⁶⁾ Тотъ же Даль сообщаетъ, что въ Екатеринбургѣ есть *и* вм. *ъ* и *е* вм. *я* и слышится (равно какъ и въ Верхотурьѣ) *ф* вм. *х*: *добрѣфъ*.

Въ говорѣ печорскаго края (с. Усть-цыльмы) о «иногда какъ-бы приближается къ короткому у»: пушдль думой; ё изъ е безъ ударенія особенно часто: сажонъ (род. мн.), знаетъ, знаёшь, но: берѹ, несѹ, берекъ (=берегъ); и (мягкое) вмѣсто ч какъ-будто постоянно: каша, цюдо, а ч вмѣсто и или совсѣмъ не употребляется, или очень рѣдко; и вмѣсто ѣ спорадически: мни, тоби, на столѣ, фъ городи (но: светъ, свѣцка, свѣтелъ); е изъ я не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согласными: дѣдя, зеть, фсяка фсецина, благословлѣть, светой, сѣдутъ (=сидутъ), требуютъ; стяженіе гласныхъ: знатъ (но: моего и т. п.); двойное ии твердо: ииши, двойное ж также твердо: дожжѹ, дожждѹмъ; и въ конечныхъ слогахъ мягко: цария, отецъ, молодецъ; ѣ въ концѣ словъ всегда твердо: любѣѣ, кроѣѣ; формы твор. мн. существительныхъ на мы, прилагательныхъ на ма: бѣлыма рукамы, шырокама рекамы; ф. 3 л. ед. безъ тѣ: несѣ (рядомъ: несѣтъ); остатки формъ члена: хлѣбо-тѣ, каша-та, масло-то, кашу-ту, в-ызбушки-ты, кони-ти; мѣстоименіе ѹе (=что). Сверхъ того: ѣ произноится «значительно мягче е»; формы род. ед. сохраняютъ древнее і: дѣброго, твоею; ф. род.-вин. мѣстоименія иногда звучитъ мня (=меня ¹).

О цокающихъ говорахъ южнаго Приуралья у насъ нѣтъ свѣдѣній.

Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ почти совсѣмъ неизвѣстна.

Главная часть ея русскаго населенія состоитъ изъ переселенцевъ съ нашего цокающаго сѣвера, прибывшихъ въ Сибирь въ XVII в. ²) Понятно, ихъ говоры имѣютъ очень много общаго съ говорами Архангельской, Вологодской, Вятской ³), Пермской губ. и разница между ними состоитъ по преимуществу

¹) На основаніи свѣдѣній Ѳ. М. Истомина. Онъ замѣчаетъ: «рѣчь произносится довольно быстро, какъ бы говоркомъ, и вся сила ударенія сосредоточивается на самомъ концѣ реченія или фразы, очень часто на приставочномъ словцѣ *вѣдь* или *да*; при этомъ повышеніе голоса на удареніи можно измѣрить октавою (сравнительно съ остальною рѣчью)». Примѣры: масло-то однако, парень, я и позабылъ вѣть. Цяшу-ту потъ кашу-ту хошь взялъ ли? Цяшу-ту взялъ да; масла-то набъ было взеть да. Цѣ инд! Инъ правда твой.

²) «Первое переселеніе (=древнѣйшіе переселенцы въ Тобольской губ.), тѣсясь къ сѣверу и смѣшавшись съ ордами чрезъ браки, много потерпѣло въ чертахъ наружнаго образованія и удерживаетъ благородство славянскаго происхожденія однимъ почти нарѣчіемъ, которое по всей Сибири есть устюжское, или новгородское» (Словцовъ, Прогулки вокругъ Тобольска, М. 1834, стр. 25).

³) Должно однако замѣтить, что Сибиряки смѣются надъ Вятчанами и ихъ говоромъ. Словцовъ пишетъ: «одинъ изъ здѣшнихъ Гасконцевъ (такъ понимаютъ въ Сибирѣ Вятчанъ)». Моск. Телегр. 1830 г., ч. 36, стр. 30.

въ словарномъ матеріалѣ ¹⁾). Лишь немногіе изъ нихъ выработали себѣ подѣ влияніемъ инородческихъ языковъ новыя черты. Такъ, «выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора, или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализациі у русскихъ туруханскихъ уроженцевъ отличаются почти тѣми же особенностями, какъ и у Остяковъ. Напримѣръ, подобно Остякамъ, они вмѣсто *ч, ж, ш, р* выговариваютъ *с, з и л* или *рл*: посолъ, осень, большой, зарко, мерла (=мѣра), альсынъ ²⁾. «Всѣ коренные жители Нижне-колымска картавятъ», замѣняя *р и л* черезъ *ј* и мягкое *т* черезъ *ч*: нба = рыба, емъ = ромъ, юди = люди, тепей = теперь, пиехаи = пріѣхали, чей — тѣло. чебнокъ = теленокъ. Они «вставляютъ якутскія слова, употребляютъ якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе» ³⁾).

Говоръ, говоритъ наблюдатель,—одинъ и тотъ же во всей восточной Сибири: въ Иркутскѣ, въ низовьяхъ Ангары, на Илимѣ, въ Верхнеудинскѣ, въ Нерчинскѣ, по Шилкѣ и Амуру, въ Камчаткѣ, у Охотскаго моря; всѣ жители восточной Сибири «считаютъ его своимъ». Въ немъ, при мѣнѣ *и* и *ч*, *о* звучитъ очень закрыто (отмѣчено даже: нүги = ноги, на туй стороне, дүле доле, подгүрье), нерѣдко *и* вм. *ъ*: хлипъ, перейхаль, и *е* вм. *я*: опѣтъ; встрѣчается *и* вм. *е* и на оборотъ: симъ (=семь), шалѣтъ (=шалить). брѣтца (=бриться); «повсемѣстно» *е* вм. твердаго *л*: быеа (=была), шошка (=ложка; въ нѣсколькихъ словахъ?); *т* вм. мягкаго *к*: тину (=кину), ру-кавичти, речте (=рѣчѣ; въ нѣсколькихъ словахъ?); *ни* вм. *дни, кн*: ламно, три *ни* (=дни), сумно (=сукно); *ов* вм. *ов*: овоодить, овварной; *с* вм. *ш*: пасня, сестъ (=шесть), насн (въ нѣсколькихъ словахъ?), *х* вм. *ф* въ формахъ род. мн.: изъ мешкохъ, прутьѣхъ; формы дат.-мѣстн. на *ы*, род.-дат. твор.-мѣстн. на *ей*: съ тей жоной (=тѣй?), съ какей стороны, въ одной шкуре, ф. дат. мн. вм. твор. и на оборотъ: съ рукама, по людъми, ф. дат.

¹⁾ Въ Туруханскѣ нѣкоторые казаки и мѣщане умѣютъ говорить по-остяцки и по-тунгуски. А на низу Енисея и за тундрой Русскіе почти вовсе не говорятъ по-русски, а по большей части говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ... Въ самомъ русскомъ туруханскомъ нарѣчій изъ 66 словъ чисто мѣстныхъ, какія мы успѣли записать такъ сказать на лету, до 33 словъ чисто остяцкихъ и тунгусскихъ и словъ 8 финскихъ, употребленныхъ и въ архангельскомъ русскомъ нарѣчій. Извѣстія Сибирск. отд. И. Русск. Географ. Общ., т. III (1872), стр. 189—190, ст. Шапова. (О «русско-сибирской народности» вообще и ся языкъ въ частности см. еще «Этнографическіе очерки Сибири», Д. Н. Анучина, въ Ремесленной Газетѣ 1876 г.).

²⁾ Тамъ же, стр. 190.

³⁾ Тамъ же, стр. 162. Сибирскій Сборникъ (Ядринцева) 1887 г. Спб. 1887 г., стр. 16. Верхоянскій Сборникъ, составл. Худяковымъ (Труды Восточно-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ.), Иркутскъ, 1890.

и тв. имѣ, неопред. н. бѣчи, мѣчи (=мочь), взять (=взять), гнасть, достать, слячча (=шляться), сравн. ст. на яе ¹⁾).

О говорѣ западной Сибири у насъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній (тобольск. летѣть, летѣмъ, дѣбровѣ ²⁾), дат. мн. темѣ =тѣмъ). Едва ли онъ не очень близокъ къ говору восточно-сибирскому. Мы можемъ сказать еще лишь то, что великорусское населеніе Алтая имѣетъ очень закрытое о (отмѣчено упѣть, дукѣль, уткѣль), форму род. на ова и мѣстоименіе чо (=что) ³⁾).

А. Соболевскій.

¹⁾ Извѣстія Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., IV, Иркутскъ, 1873 г., ст. Ровинскаго. Авдѣева говоритъ объ Иркутскѣ: «кто пріѣдетъ прямо изъ Москвы или Петербурга,... его слухъ жестоко пострадаетъ отъ тамошняго выговора» (Записки и замѣчанія о Сибири, М. 1873, стр. 10). «Самый языкъ и манера выражаться тамъ чисто русскіе, и если бы не противная интонація, или аксанъ, какимъ отличается выговоръ иркутскихъ жителей, то у нихъ можно было бы искать истиннаго русскаго языка. Но эти возвышенія и пониженія голоса, эти грубые ударенія на о—чрезвычайно неприятны, особенно тому, кто не привыкъ къ нимъ или отвыкъ отъ нихъ. Надобно прибавить, что таковъ выговоръ только простолюдиновъ. Въ разговорѣ другихъ только отзывается областная грубость аксана» (Отч. Зап. 1848 года, т. 59, ст. «Воспоминанія объ Иркутскѣ», стр. 131).

²⁾ Московск. Вѣстникъ 1830 г., ч. 5, стр. 120. Въ Tobольскомъ у. «произношеніе не тихое, не скорое, но нѣсколько отрывистое».

³⁾ Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г., ч. 24, стр. 106—108. Гуляевъ о говорѣ населенія алтайскаго Сузунскаго завода (Томской губ.) говоритъ: онъ «тотъ же, что въ сѣверо-восточныхъ частяхъ европейской Россіи, грубый для непривыкшаго къ нему уха... по самой интонаціи, похожей въ оживленномъ разговорѣ на речитативъ» (Пам. нар. яз. и словесн. при Изв. Ак. Н. П.). Рядомъ съ великоруссами на Алтай живутъ говорящіе по-бѣлорусски раскольники изъ Вѣтки и Черниговской губ., извѣстные у соседей подъ названіемъ «Поляковъ»; другая часть ихъ, «семейскіе», живутъ за Байкаломъ (Зап.-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. II, Омскъ, 1880, стр. 79).

**Путевыя письма И. И. Срезневскаго
къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской
(1839—1842).**

IX.

№ 8. С.Пбурѣ. 1-е Ноября 1839.

Вчера, милая Маменька, я началъ писать Вамъ письмо подъ этимъ номеромъ, и написалъ-было почти три страницы; сегодня братъ возвращается изъ Академіи, приноситъ письмо отъ Васъ, и въ немъ нападку на меня, что дурно пишу: что дѣлать, посмотрѣвши на написанное, и увидя, что и это написанное, написано также дурно, какъ и все прежнее, рѣшился разорвать листокъ и писать снова на другомъ. Что дѣлать! Виновать, душенька Маменька, право виновать, да вѣдь какъ начнешь писать, всегда забываешь, что пишешь, для того что-бы прочли. Вотъ и теперь чуть было не засуетился перомъ, чуть не началъ писать каракульками.

О чемъ-же писать? Я не хочу не только переписывать, но и перечитывать того, что написалъ на листкѣ, обреченномъ на всеожженіе. О чемъ-же писать? или лучше, съ чего начать? Многое, многое волнуется въ воспоминаніи даже противъ воли; но всего этого такъ много, что не находишь нигдѣ точки опоры, непрерывно забываешь одно вмѣсто другаго, забываешь наконецъ все, кромѣ того, что передъ глазами,—готовъ саженью растянуть руки, и сказать: вѣтъ-съ, ничего-съ не знаю-съ. Я уже не говорю, сколько мнѣ слѣдовало-бы написать о Москвѣ, о Москвичахъ, или о пути изъ Москвы въ С.Пбурѣ; о самомъ Пбурѣ, вѣроятно, очень многое останется въ тяжеломъ грузѣ недосказаннаго. Мнѣ бы надо было вести журналъ и для памяти вписывать въ немъ хоть краткія замѣтки о томъ, что видѣлъ и слышалъ, но до сихъ поръ за журналъ и не принимался, а записывалъ на лоскуткахъ, изъ которыхъ половина уже, можетъ статья, затерялась.

Начну сегодняшнимъ числомъ. Утро прошло, свѣчи на столѣ, день конченъ, я я могу писать о немъ, какъ о давно прошедшемъ припоминая по недавне-прошедшему и о давно-прошедшемъ. Съ утра, послѣ чаю, я занялся сниманіемъ карты, на которой Шафарикъ означилъ во всей подроб-

ности народонаселеніе Австрійской Имперіи по племенамъ. Эту карту сообщилъ мнѣ Сербиновичъ. Чрезвычайно любопытная карта: глядя на нее, видишь, какъ могущественно расширилось по Австрійс. Имперіи наше родное племя Славянъ, какъ примкнуло къ нему съ Юга племя Римское, какъ вѣзались, ворвались въ ихъ средину съ Запада Нѣмцы, съ Востока Маджары, вѣзались, и разбросались клочками. Другую карту Шафарикову о типографіяхъ Славянскихъ я уже снялъ. Эту не такъ легко: иногда бьешься, бьешься, да и бросишь. Кстати о Сербиновичѣ: онъ—воспитанникъ іезуитовъ, перекрестившійся въ нашу вѣру, обходителенъ со всѣми, обходителенъ и со мною, даже очень обходителенъ. Онъ обѣщался между прочимъ помѣщать мои статьи, находящіяся у него, одну за другою, просилъ, что-бы я доставлялъ ему статьи изъ за границы, и сказалъ, что будетъ доставлять мнѣ деньги. Деньги: вотъ это очень хорошо. Я у него бываю довольно часто.—Просидѣвши за картою до $1\frac{1}{2}$ одинадцатаго, отправился на Лиговку въ домъ Смирдина, думалъ тамъ найдти Полеваго, узналъ, что перемѣнилъ квартиру, поѣхалъ къ Башуцкому ¹⁾, узналъ то-же,—и воротился къ Фонтанкѣ къ дому Долгорукова, гдѣ живетъ Князь Одоевскій... «Дома Князь?»—«Дома». И я вошелъ въ предкабинетіе. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Княгиня, нѣчто въ родѣ смуглаго папашника, и проситъ извиненія, что Князь заставляетъ ждать, что Князь, принявши ванну, приметъ и меня. Выбѣгаетъ наконецъ и Князь: въ бархатномъ черномъ шлаф-сюртукѣ, въ колпакѣ темномъ, изъ подъ котораго виднѣтъ другой бѣлый, и во всемъ прочемъ, онъ очень похожъ на Нѣмецкаго калбасника,—и также худъ, и также хомиковать, и также простъ; лице впрочемъ миленкое, добренькое, умненькое. Узнавши мою фамилію, онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки и потащилъ въ кабинетъ, говоря, что радъ и моему пріѣзду въ Пбургъ, и встрѣчѣ со мною; потомъ посадилъ въ кресло, спросилъ имя и отчество, спросилъ, хочу-ли чаю, или цигару, подалъ цигару, и началъ разспрашивать объ Украинѣ, о Харьковѣ, о моемъ путешествіи, и т. д. Жалѣеть, что я не запаса свѣденіями музыкальными, что этого роду свѣденія не вошли у насъ въ обычай; просилъ сообщить ему мое собраніе Малорос. голосовъ проиграть и исправить ошибки переписки: видно, что страстный музыкантъ. Онъ впрочемъ и правитель дѣлъ по Комитету о Пріютахъ,—и разговоръ своротился на пріюты. Ихъ въ Пбургѣ семь, и въ семи до 1000 дѣтей отъ 3 до 9 лѣтъ: цѣлый день они въ пріютѣ, обуты, одѣты, учатся читать, писать, считать, пѣть, играютъ—все это подъ присмотромъ добропорядочныхъ женщинъ, между тѣмъ какъ дома только бы

¹⁾ Алекс. Павл. Башуцкій—литераторъ; въ это время издавалъ Журналъ Общепользн. свѣдѣній.

дурачились. Князь просилъ меня заѣхать въ одинъ изъ пріютовъ, что бы увидѣть, какъ полезны этого рода заведенія: «у васъ навернутся слезы отъ чувства при видѣ этихъ дѣтей, извлеченныхъ изъ грязи, и воспитаніе которыхъ имѣетъ благотѣльное дѣйствіе и на родителей». Говорили и о промышленности Русской, о надеждахъ нашихъ въ будущемъ въ этомъ отношеніи. О литературѣ почти не говорили. Я успѣлъ однако осмотрѣть кабинетъ, увидѣть, что у Князя все, что нужно ему, есть подъ рукою, и все съ большимъ удобствомъ: не говорю о богатой мебели, о журналахъ,—у него и библіотека очень богатая, очень разнообразная, очень правильно расположенная, и богатое собраніе картинъ, и пропасть нотъ, и прекрасный рояль. Я просидѣлъ у него до двухъ часовъ, получилъ приглашеніе на субботу—по субботамъ у него литературные вечера,—и отправился въ Александровскій пріютъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не любоваться этимъ множествомъ дѣтей, чисто одѣтыхъ, веселыхъ, шутя учащихъ. Они пропѣли мнѣ «Боже царя храни», показали свои работы, свои передники, свои башмаки, плетенные изъ рѣзанныхъ покровокъ, свое писаніе, а при выходѣ моемъ возгласили мнѣ «прощайте».—Не далеко оставалось до Лавры,—и я поѣхалъ въ Лавру. Главный храмъ похожъ фигуροю на Казанскій соборъ, только не такъ богатъ; въ немъ справа гробница Александра Невского, серебрянная, въ 95 пудовъ, изумительно богатая и изящная; въ немъ же слѣва двѣ гигантскія картины Рубенса—снятіе со креста и воскресеніе,—и я не могъ не любоваться выраженіемъ лицъ въ первой изъ нихъ, въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, виситъ такая же гигантская картина Рафаеля—благовѣщеніе,—но я грѣшникъ—сколько ни всматривался въ нее, не высмотрѣлъ такого, что бы тронуло мою душу. Въ Малой церкви подлѣ кладбища, весь полъ и всѣ стѣны исписаны надписями на память о погребенныхъ тутъ знаменитостяхъ. Прежде всего я поклонился передъ гробомъ Суворова, потомъ сталъ читать надписи, которыя попадались подъ глазами и подъ ногами. Чего тутъ нѣтъ: тутъ и царевны дочери покойника Александра, и Грузинская Царевна, и Голицыны, и Строгановы, и Куракины, и Бепкій, и вся знать. Коегдѣ въ стѣнахъ вѣдланы памятники, блестящіе золотомъ, серебромъ, мраморомъ. Я зашелъ и на кладбище: груды мраморовъ. между которыми трудно пробираться,—и того, передъ чѣмъ-бы въ другомъ мѣстѣ простоялъ полчаса, считаешь тутъ десятками. Грустно было ходить по этому кладбищу, куда снесено и много изъ тѣхъ, кто двигалъ Россіей, кто оставилъ по себѣ долгій слѣдъ и долгую память... Тутъ и Державинъ, и Карамзинъ... Многіе памятники покрылись мохомъ, другіе разрушаются, и между ними свѣтлѣютъ юные, прекрасные, а нѣкоторые благоразумными владѣльцами покрыты отъ ударовъ времени шелевочными колпаками—очень кстати! Возвращаясь домой, я заѣхалъ къ откупщику Бенардаки, съ порученіемъ отъ Погодина,

принять очень ласково, прошенъ и на обѣдъ, и на вечеръ, и хоть каждый день, у порога встрѣтился съ бывшей моей ученицей Ваффеевой,—и домой.— Вотъ и все утро. Теперь мы пообедали, попили кофе, собираемся пить чай; а я, просмотрѣвши, что написалъ, вздумалъ, что надобно же сказать нѣсколько словъ и о Казанскомъ соборѣ, гдѣ я былъ уже два раза, и лучше чего я еще ничего не видалъ въ Пбурѣ. Полукруглою колоннадою развѣртывается онъ на Невскій проспектъ, образуя площадь, на которой стоятъ памятники Кутузову и Барклаю. Колоннъ что-то очень много, цвѣту желтобурого, какъ и весь храмъ снаружи. Въ серединѣ надъ колоннадою возвышается величественный куполъ, покрытый серебряною кровлей. Вошедши въ храмъ, не знаешь, чему удивляться—огромности, богатству или величію. Вы видите громадные цѣльныя колонны изъ темносѣраго гранита съ бронзовыми пьедесталами и капителями, видите огромную площадь храма, развернувшуюся длиннымъ крестомъ,—и сами себѣ кажетесь такъ малыми, что одного этого довольно для пробужденія чувства. Храмъ пустъ, кое гдѣ только по угламъ стоятъ и сидятъ пришедшіе поклониться святому образу Казанскому,—и все молчитъ, такъ что вы слышите, какъ ноги ваши скользятъ по мрамору, и какъ эти звуки повторяются на сводахъ,—и сердце ваше начинаетъ сильно биться. А вонъ стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ Казанскимъ тощій старикъ, можетъ быть, изстрадавшій всю жизнь, слышится и гортанный полузвукъ его «Господи!»—и слеза скатывается по лицу,—и вы уже не можете не молиться. Сюда, кто пришелъ, пришелъ молиться, а если пришелъ и не съ тѣмъ, выйдетъ помолившись.—Иконостасъ, и рѣшетка передъ нимъ изъ литаго серебра. На пиластрахъ, поддерживающихъ куполъ со стороны паперти, развѣшены ключи разныхъ городовъ; на колоннахъ паперти висятъ знамена, отнятыя во время послѣднихъ войнъ; въ углу за колоннами гробница Кутузова. Но зачѣмъ этотъ храмъ не въ Бѣлгородѣ, или лучше зачѣмъ этотъ Петровскій Бѣлый городъ не такъ-же близко отъ Харькова, какъ тотъ другой! То-то бы хорошо! И мы были бы съ вами въ немъ, и я теперь хоть на денѣкъ убѣжалъ-бы изъ него къ Вамъ въ Харьковъ, гдѣ я оставилъ такъ много незамѣнимаго, незабвеннаго, отнятаго у меня уже можетъ стать на всегда. Ахъ, Харьковъ, Харьковъ! Ворочусь въ него, если Богъ дастъ воротиться, уже не такимъ; да и люди, которыхъ встрѣчу тамъ, развѣ не измѣнятся! Какъ же не желать увидѣть его еще разъ, увидѣть безъ перемѣны тѣхъ, кого привыкъ любить или уважать такъ, какъ они есть, не иными.

2-е Ноября.

Вчерашній вечеръ до полуночи я просидѣлъ въ кругу товарищей одноклассниковъ: Хозяиномъ былъ Гамалея—не товарищъ, но хохоль, и слѣдо-

вательно свой братъ.—Съ Шингоцкимъ мы маловались, съ Джунковскимъ бранились, съ Лыгинымъ хохотали,—и Лыгина же слушали. Онъ имѣетъ голь, имѣетъ большія музыкальныя способности, и притомъ носѣщалъ каждую оперу по крайней мѣрѣ по десяти разъ. Онъ пѣлъ намъ мотивы изъ Роберта, изъ Фенеллы, изъ Жизни за Царя и пр. Мы наслаждались. Ахъ, Боже мой, я и забылъ вамъ сказать, что былъ въ театрѣ уже два раза—въ прошлую Пятницу на Сильфидѣ, а третьего дни, во Вторникъ, на Робертѣ. Я видѣлъ въ Сильфидѣ Тальони,—видѣлъ Сильфиду. Я не воображалъ, чтобы балетъ могъ имѣть на меня какое нибудь сильное вліяніе, кромѣ развѣ самаго непріятнаго, не воображалъ потому, что не могъ себя представить, чтобы мнѣ могла понравиться искусственность, почти совершенно отрѣшенная отъ естественности,—и... Занавѣсъ поднимается, великолѣпная музыка отдаетъ звуки за звуками, душа сотрясается,—передо мною комната Нѣмецкаго рыцаря съ очагомъ, въ которомъ чуть тлѣетъ огонь. Оруженосецъ спитъ у дверей, рыцарь спитъ ближе на креслѣ. У ногъ рыцаря, на колѣняхъ, оперши руку о ручку кресла и головку о руку, и устремивши глаза на рыцаря, стоитъ что-то недвижно-прекрасное. Музыка разворачивается, сгущается, волнуется,—недвижно-прекрасное остается безъ движенія, какъ мраморная статуя, чувствуешь жизнь только въ глазахъ, все всматривающихся въ рыцаря. Ждешь, наслаждаешься, теряешь понятіе о времени. И вдругъ Сильфида вспархиваетъ какъ тѣнь, и начинаетъ облакомъ виться около спящаго рыцаря, вьется, обходить, отходить, приходитъ, облетаетъ разъ, другой, третій, становится на колѣни передъ рыцаремъ, взлетаетъ сзади и, сложивши ручки, опустивши головку, снова недвижно всматривается въ рыцаря, недвижно стоя на воздухѣ, опять летитъ, опять прилетаетъ, цѣлуетъ рыцаря въ лобъ, летитъ прочь. Рыцарь проснулся, вскочилъ, очнулся, припоминаетъ, видитъ Сильфиду, къ ней, за нею; но она неуловима, летитъ къ очагу, въ очагъ, и улетаетъ въ трубу. Рыцарь будитъ оруженосца, рассказываетъ ему (разумѣется тѣлодвиженіями) что видѣлъ; оба ищутъ Сильфиду въ очагѣ,—и потомъ видятъ, сквозь окна, какъ она летитъ по полямъ и лѣсамъ, освѣщеннымъ зарею, все далѣе, далѣе... Эта первая сцена, наслаждаясь которою, и любя въ вѣстѣ съ Сильфидой, и грустишь о Сильфидѣ за рыцаря, такъ очаровала меня, что я готовъ былъ себя проклинать, какъ могъ я не постигать возможности выразить въ балетѣ все, что можетъ быть изящнаго и высокаго въ чувствѣ. Впрочемъ слѣдующія сцены гораздо хуже; кромѣ послѣдней, гдѣ Сильфида, уже лишенная неземности, умираетъ какъ человѣкъ. Въ вѣстѣ съ музыкою плакалъ и я. Музыка и декорация въ Робертѣ превосходны, но актеры — гадость, — и эффектъ потерять.

— Не худо-ли я сдѣлалъ, что оставилъ при себѣ только 200 рублей для брата. Мы разсчитывали съ нимъ, и нашли, что нынѣшній годъ ему надобно дать еще 200. Изъ своихъ я боюсь дать, изъ вашихъ—но гдѣ вамъ взять? Я что-то худо помню состояніе финансовъ вашихъ. Если Вамъ нельзя, то я изъ за границы пришлю статью къ Сербиновичу, и буду просить, чтобы деньги отдалъ брату.

— Я васъ увѣдомлю, куда поѣду и куда адресовать мнѣ письма за границу; а покамѣстъ пишите къ брату: онъ мнѣ перешлетъ.

— Удивительно, что съ почтою дѣлается: я писалъ отъ 6 Октября и Вы до 20 не получили: а я рассчитывалъ, что вы получите 16-го ¹.

Х.

№ 9. С.Петербургъ 1839. Ноября 10.

Вчера былъ четвергъ, по четвергамъ получаемъ мы письма отъ Васъ, милая Маменька,—и вчера я съ нетерпѣніемъ ждалъ возврата брата изъ Академіи, надѣясь, что онъ принесетъ письмо Ваше; но онъ не принесъ,—и избалованный Вашъ Измайлуха невольно груститъ. Онъ увѣряетъ себя, что недолго придется ему получать письма Ваши такъ часто, какъ теперь получаетъ, что скоро за счастье будетъ считать получить письмо Ваше через два мѣсяца: напрасно: не легче ему отъ того, даже тяжелѣе. Нѣтъ, еще не привыкъ я странствовать, одиночествовать. Чѣмъ далѣе отъ Харькова, тѣмъ болѣе грущу по немъ: вотъ такъ бы и поворотилъ оглобли къ нему, помчался-бы не оглядываясь, ни о чемъ не думая... И мечта уже рисуетъ передо мною очаровательные образы той милой жизни, которую вѣдь я съ Вами, въ добромъ кругу знакомыхъ, друзей,—рисуетъ образы Вашей любви ко мнѣ и попечительности обо мнѣ, а тутъ и картинку кружка друзей, собравшихся вокругъ Вашего чайнаго столика, и картинку изъ поѣздки въ Бѣлгородъ, и пр., и пр. Такъ много было таково съ чѣмъ бы не разстался никогда,—и разстался... не безъ надеждъ, но могу-ли въ ихъ рядъ поставить и надежду—встрѣтить, возвратясь, все по прежнему зажить, какъ жилось? Обстоятельства такъ быстро измѣняются!.. Измѣнить можетъ быть и меня, сдѣлаютъ неспособнымъ сочувствовать тому, чему сочувствовать еще недавно такъ меня счастливо. О, не дай Боже! — Горька глотокъ грусти заѣдаю конфетой душевной увѣренности, что я такъ жилъ, и переворачиваю листокъ. Авось, говоря съ Вами о Петербургѣ, забуду горечь хоть на минуту.

Начну съ того, что въ Петербургѣ менѣе нежели гдѣ имѣю право ¹ ревать. Я у родного, и часто вижу съ старыми друзьями: этого уже слыш

¹) Приписки на поляхъ.

много для странника. Душа можетъ говорить какъ хочетъ.—Брата я засталъ какимъ желалъ застать: каждый день и весь день онъ занимается—утромъ отъ 8 до 2 или отъ 9 до 3 часовъ въ Академіи, послѣ обѣда до 12, а иногда и до 2 дома; нѣтъ другихъ книгъ, ни другихъ мыслей, ни другихъ разговоровъ, кромѣ военно-ученыхъ; его познанія во многомъ такъ основательны, такъ велики, что иногда изумляешься—особенно, что для меня болѣе другаго понятно, въ Географіи Европы и Россіи, которую онъ изучилъ съ такой подробностію и съ такою сознательною отчетливостію, что дай Богъ и профессору Географіи знать не хуже его; желаніе и стараніе становится все лучше, все благоразумнѣе и благороднѣе—занимаетъ его по прежнему; и—что-бы сказать обо всемъ—овоипорованъ онъ прекрасно, чисто, даже богато (не богатъ только бѣльемъ). Онъ ухаживаетъ за мною, какъ добрый братъ и другъ, и живемъ мы съ нимъ и съ его товарищемъ, прекраснымъ молодымъ человекомъ, Андр. Лавр. Барковскимъ, славно. Можетъ быть я имъ и наскучу, но они сами не захотѣли, что-бы я нанималъ квартиру отдѣльную, стѣна обѣ стѣну съ ихъ комнатами, когда былъ случай. Что до моихъ прежнихъ старинныхъ друзей, то я засталъ тутъ двухъ изъ нихъ—Шпигоцкаго и Джуновскаго ¹⁾: одинъ—чиновникъ вполне, работаетъ днемъ весь день, работаетъ часто и ночью, приобрѣлъ о себѣ хорошее мнѣніе начальства, и скоро будетъ Надворнымъ, добръ, милъ, гостепріименъ, словомъ—какъ прежде; другой остается Коллежскимъ Секретаремъ, служитъ нерадиво, за то все читаетъ книги, учится, и приобрѣлъ гигантское количество познаній, такъ что иногда странно становится, какъ можетъ голова его сдерживать такую массу фактовъ и не терять способности сообщать, пользоваться фактами,—и добръ, благороденъ, чуденъ по прежнему. Я и забылъ было о Булычовѣ ²⁾: милый юноша, высшаго круга, служитъ по нѣскольку часовъ въ недѣлю въ Комитетѣ Министровъ, время проводить съ Министерами и т. п., добрый товарищ по прежнему. Съ нимъ впрочемъ вижу не часто; за то часто съ Шпигоцкимъ и Джуновскимъ, и время бѣжитъ.

Вотъ уже и три недѣли (безъ одного дня), какъ я живу въ Петербургѣ, а добраго сдѣлалъ мало. Обстоятельства заставляютъ остаться еще на недѣлю. 21-го ѣду непременно. Иностранный паспортъ уже получилъ, и бѣжать на мѣсто въ дилижансѣ также взять, остается только получить подорожную; но обстоятельства заставляютъ остаться до 21, на 21-е взято и мѣсто въ дилижансѣ. Ёду въ Ригу; оттуда не знаю куда—въ Варшаву, если рѣшю будетъ ѣхать покойно, въ Кёнигсбергъ, если не найду попутчика въ

¹⁾ Иос. Абр. Джуновскій и Ав. Григ. Шпигоцкій—товарищи И. И. С.—го по университету.

²⁾ Ив. Демьян. Булычовъ—товарищъ И. И. Срезневск. по университету; впоследствии дѣйств. членъ Имп. Географ. общ., путешественникъ по Сибири; имъ издано «Путешествіе по Восточн. Сибири»—роскошный сборникъ видовъ Сибири и бытовыхъ картинъ изъ жизни ея населенія.

Варшаву, и кажется всего вѣроятнѣе въ Кѣнигсбергъ, что-бы оттуда въ Берлинъ и Прагу. Изъ Риги увѣдомлю.

Между тѣмъ нельзя же не сказать хоть нѣсколькихъ словъ о томъ, что былъ я и еще разъ въ театрѣ. Въ этотъ третій разъ былъ я въ Александринскомъ театрѣ, когда давали Велисарія, новую драму, передѣланную съ Нѣмецкаго Ободовскимъ, и имѣющую необыкновенный успѣхъ. При мнѣ давали ее уже разъ шесть, и театръ всегда полонъ, биткомъ набитъ. Велисарій возвращается побѣдителемъ изъ похода противъ Вандаловъ, когда составляется противъ него заговоръ. Лѣтъ за 20 у Велисарія родился первенецъ-сынъ, и Велисарій готовъ былъ любить его; но зловѣщій сонъ, представившій ему, что этотъ сынъ его вооружится противъ Имперіи и Императора, превращаетъ его любовь въ ненависть, и Велисарій поручаетъ вѣрному рабу своему утопить младенца. Воля его исполняется такъ, что никто, ни тѣмъ болѣе жена, этого не знаетъ. Знаетъ только рабъ, исполнявшій волю. Передъ возвратомъ Велисарія изъ Вандаліи рабъ заболѣлъ, почуялъ смерть, и покаялся женѣ Велисарія. Пылая мщеніемъ, жена принимаетъ участіе въ заговорѣ—на гибель Велисарія. Сегодня Юстиніанъ Императоръ награждаетъ его триумфомъ и лавровымъ вѣнкомъ; завтра онъ подъ судомъ: призывается въ Сенатъ, обвиняется врагами и женою въ злоумышленіи противъ Сената и Императора, заключается въ тюрьму, осуждается на смерть Сенатомъ, осуждается на изгнаніе и ослѣпленіе Императоромъ. У Велисарія есть дочь: она, узнавши объ осужденіи отца на изгнаніе и ослѣпленіе, покидаетъ мать, и становится вожакою слѣпаго отца, вожакою, какимъ только можетъ быть дочь. Велисарій привезъ изъ Вандаліи между прочимъ одного плѣнника и усыновилъ его. Этотъ плѣнникъ, рѣшаясь мстить Имперіи за Велисарія, идетъ къ Аланамъ, вооружаетъ ихъ противъ Константинополя, ведетъ ихъ... Случайно встрѣчается этотъ юноша Аламиръ съ бродячимъ Велисаріемъ и обязывается покинуть свое намѣреніе; но Аланы продолжаютъ путь къ Цареграду, разбиваютъ Императорское войско. Велисарій также идетъ въ Цареградъ, встрѣчается съ Греческимъ войскомъ, узнаетъ, что Аламиръ не кто иной какъ его сынъ первенецъ, случайно спасенный, принимаетъ начальство надъ войсками, разбиваетъ Алановъ, получаетъ рану... Жена Велисарія между тѣмъ покаялась, обезумѣла отъ горя. Понятна послѣдняя сцена: Велисарія вносятъ на носилкахъ, едва дышащаго, дѣти и Императоръ и войско плачетъ надъ нимъ, вбѣгаетъ жена, молятъ мужа о прощеніи, получаетъ его и умираетъ; потомъ умираетъ и Велисарій.—Драма сама по себѣ не высокаго смысла; но въ ней есть много положеній, много мыслей и чувствъ, понятныхъ для души Русскаго,—и публика хлопаетъ и топаетъ, плачетъ, забывається. Въ одномъ мѣстѣ Юстиніанъ говоритъ, что счастлива страна, гдѣ Царь говоритъ съ народомъ какъ съ дѣтми отецъ: хлопанье,

топанье, крикъ радости продолжались минуту послѣ этихъ словъ, и гремѣли такъ, что страшно становилось. Не громче было бы ура народа, въ первый разъ встрѣчающаго Царя. Надобно сознаться, что и нѣкоторые изъ актеровъ, если не всегда, то во многихъ сценахъ, исполняли роли свои прекрасно. Каратыгинъ 1-й въ роли Велисарія былъ почти всегда превосходенъ; Каратыгина, въ роли жены, также; Брянскій—Юстиніанъ—также. Елену, дочь Велисарія, играла Асенкова, милочка собою и актриса съ высокимъ дарованіемъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ дочернему чувству,—и какая милочка... Не подумайте, Маменька, что я въ нее влюбился; но, право, она такъ мила—перевѣтая въ мальчика, такъ любитъ отца, такъ понимаетъ его, такъ угадываетъ всякое чувство его, всякое желаніе, что, взглянувши на нее, не хочешь вспомнить о Тальони, а все бы на нее смотрѣлъ. Вся душа моя наслаждалась чувствомъ изящнаго и высокаго, небеснаго. Не женщину видѣлъ я въ ней, а дочь, которой и въ раѣ не будетъ лучшей. Я плакалъ, я забывалъ и присутствіе толпы людей вокругъ меня, и содержаніе драмы, и игру Каратыгиной, Брянскаго и другихъ, и самого себя наконецъ,—все глядѣлъ на отца и на дочь, на дочь и на отца. Мнѣ наконецъ совѣстно стало, что я сажу въ креслѣ между 500 подобныхъ и подъ 5-ю ярусами ложъ, будто у себя въ одиночку, и закрылъ глаза лорнетомъ; стало совѣстно, не надолго однако: скорѣе совѣститься долженъ тотъ, которому не понятно чувство, возбуждаемое этою драмою, кто можетъ смотрѣть на Асенкову какъ на красавицу, забывая, что она дочь Велисарія. Не могу пересказать всѣхъ сценъ, меня поражавшихъ, но вотъ нѣкоторые:—Велисарія выводятъ за городъ, снимаютъ цѣпи съ него, говорятъ, что есть юноша, готовый быть его вожааемъ; поотдаля стоитъ мальчикъ, сердце его сильно бьется, онъ жметъ его руками, и то молится, то глядитъ на старца—слѣпца, а слезы градомъ по лицу. Велисарій начинаетъ спрашивать юношу (онъ могъ не узнать голоса, потому что долго былъ въ походахъ и только вчера возвратился съ нихъ); юношѣ не хотѣлось бы раскрыть свою тайну, но чувство побуждаетъ... Елена падаетъ къ ногамъ отца, цѣлуетъ полу его тоги, его сандалю, изъ глубины сердца восклицаетъ: «родитель!» Публика захопала—я зарыдалъ.—Близъ одного селенія, мужики собрались около Велисарія, не зная кто онъ, и поютъ о немъ пѣснь (Малютка, шлемъ нося, просилъ для Бога—пищи лишь дневный слѣпцу, котораго водилъ, кѣмъ славны Римъ и Византія): малютка Елена прижалась къ отцу, ласкаетъ его, и въ ея движеніяхъ отражается смыслъ пѣсни—и совершенно естественно, и вполнѣ. Мнѣ опять захотѣлось плакать,—и я закрылъ глаза лорнетомъ.—Велисарій возвращается въ Константинополь, уже онъ близко, уже виденъ. Велисарій надѣется, съ нимъ надѣется и Елена; молится, съ нимъ молится и она: опять удивительная сцена, которой я не могъ

не сочувствовать... Впрочемъ довольно о Еленѣ и Велисаріи. Я уже говорилъ и о публикѣ. Скажу еще, что публика здѣшняя, сколько ни любитъ вызывать хорошихъ актеровъ, но хлопаешь, топаешь болѣе въ пользу автора, т. е. когда ей понравится та или друая сцена, та или другая мысль или выраженіе. Ей какъ будто не хочется отличать сцены отъ дѣйствительной жизни, хочется жить на сценѣ, по крайней мѣрѣ принимать участіе въ жизни ¹⁾ живущихъ на ней.

Братъ воротился изъ академіи, и принесъ письмо отъ Васъ, душенька Маменька. Слава Богу, Вы здоровы, Вы не скучаете, Вы спокойны... ²⁾ И во весь вечеръ только и было нами сдѣлано, что написана эта страничка. Барковского не было дома; мы ждали его возвращенія и болтали. Между прочимъ, какъ люди, и о деньгахъ. Брату больно, что онъ долженъ отягощать Васъ своими просьбами, больно, что онъ до сихъ поръ не сладится такъ, что-бы прибрѣтать по крайней мѣрѣ столько, чтобы жить безнуждно,—и онъ рѣшается отдѣлять часть времени что бы его посвящать на литературные подряды—для денегъ. Впрочемъ, что скрывать, занятій у него много, чѣмъ больше будетъ заниматься, тѣмъ для него-же лучше,—и безъ помощи Вашей ему не обойдется. Я уже писалъ Вамъ объ этомъ въ прошломъ письмѣ, и повторяю: если не 200, то хоть 150 въ этотъ годъ ему необходимы въ добавокъ къ 200, уже полученнымъ. Я бы не поскупился ему оставить если не всѣ 200, то хоть 100, если-бы зналъ, что со мною не можетъ случиться ничего непріятнаго, что эта первая треть испытаній пройдетъ удачно, что деньги слѣдуемые за слѣдующую треть получу акуратно; но теперь ничего не знаю, что будетъ со мною—и скуплюсь противъ желанія сердца. Я хоть и получилъ отъ Министерства за статью о Персидской и Египетской религіи ³⁾, но это мнѣ не станеть и на проѣздъ отсюда до Риги, потому что только за мѣсто въ дилижансѣ я заплатилъ уже 100 (что получилъ), надо же прибавить на съѣстные издержки и т. п.; за то казна мнѣ ничего не дала за проѣздъ изъ Харькова до сюда, а мнѣ еще жить два мѣсяца и пути около 2000 верстъ. Я не стану лѣниться, и надѣюсь получить что нибудь за статьи, но теперь все это еще будущее. Вы мнѣ напишите о Вашихъ финансахъ, а я Васъ увѣдомлю о моихъ—и Богъ дастъ, дѣло сладится. Что до банковыхъ билетовъ, я сдѣлалъ бы подло, если-бы сдѣлалъ иначе: протягивай ножку по одежкѣ, у меня же нога не длинна, не высокаго я росту,—собьюсь,—достанеть на все и даже на то, что-бы посмотрѣть разъ-другой на какую-нибудь Асенкову. Лишь бы непредвидѣнности не сражали; а я для нихъ только и скуплюсь.

¹⁾ Въ подл.: въ жизни.

²⁾ Далѣе на томъ-же листкѣ слѣдуетъ письмо Ник. Иван. Срезновскаго; его мы опускаемъ.

³⁾ Сближеніе религіи Персидской съ Египетской (Журн. Мин. Нар. Пр. 1839, ч. XXII, отд. II, стр. 188).

Сегодня, т. е. 11-го Ноября, я проснулся, Академиковъ уже нѣтъ: они съ 8-ми часовъ отправились. Я сѣлъ за письмо, написалъ страницу, перечелъ Ваше письмо, опять пишу,—и прежде всего извиняюсь, что дурно пишу. Что мнѣ дѣлать, душечка Маменька: и рука скользить, и хочется больше написать, вотъ и пишется дурно. Я и принуждаю себя, да проку нѣтъ. Когда я жилъ при Васѣ, то иногда, и довольно часто, не находилъ, что новенькаго сказать Вамъ; а теперь все-бы, все-бы рассказывалъ Вамъ, а въ то время, когда хочется мнѣ говорить, Вы знаете, я болтунъ, и юрза: отъ этого и глѣблю букву на букву, и спѣшу. Да что таить: и писать не умѣю. Простите меня, душенька Маменька.

Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе и душевную благодарность Марѣ Ивановнѣ ¹⁾ она учила меня быть добрымъ сыномъ въ Харьковѣ,—и того я никогда не забуду; она и теперь заставляетъ меня благодарить Бога.—Обращаюсь къ Миссъ Фанни ²⁾: Если Вы не помните меня лихомъ, то будьте добры, поцѣлуйте за меня ручку у Мары Ивановны. Вы передадите мое почтеніе и благодарность и доброй Маменькѣ Вашей.

Поклонитесь, Маменька, Ивану Петровичу и его супругѣ, и всѣмъ, кто меня не забылъ и кто забылъ.

Вамъ, добрые незабвенные друзья мои, общій поклонъ. Да извинить меня тотъ изъ Васъ, передъ кѣмъ я виноватъ. Тебѣ, frate Ambrosio ³⁾, спасибо за второе письмо: оно хоть и сильно огорчило меня, за то и утѣшило. Слава Богу, слава Богу, и да расточатся врази. Отвѣтъ на него начать, но дописать не успѣю. Посылаю листокъ только Александру Петровичу ⁴⁾ съ Семеномъ Семеновичемъ ⁵⁾. Прощайте! Цѣлую Васъ.

По моему расчету, я напишу еще два письма изъ Россіи: одно отсюда, другое изъ Риги... и потомъ.

Цѣлую ручки ваши, душенька Маменька. Прощайте... Да подкрѣпите Господь Ваше здоровье.

Вашъ поганый, но крѣпко любящій Васъ сынъ И. Срезневскій.

ХІ.

№ 10. С.П.бургъ. 1839. Ноября 14. Вторникъ.

Вамъ не вѣрится, милая Маменька, что я до сихъ поръ въ Пбургѣ. Не вѣрится и мнѣ самому,—и между тѣмъ еще недѣлю, ровно недѣлю я

¹⁾ Фидлеръ.

²⁾ Сестра проф. А. С. Пятры, бывшаго впол. проф. и ректоромъ Харьк. унив.

³⁾ Аявросій Лук. Метлинскій.

⁴⁾ Рославскій-Петровскій.

⁵⁾ Лукьяновичъ.

буду въ Петербургѣ. Выѣзжаю только 21-го: на это число взять и билетъ въ дилижансъ. Одна изъ главныхъ причинъ такого замедленія вотъ какая: дилижансъ въ Ригу ходитъ только по вторникамъ; думая выѣхать въ прошедшій еще вторникъ, я зашелъ въ контору съ тѣмъ что-бы записаться дин за три,—и что же—всѣ мѣста не только на тотъ вторникъ, но и на сегодншній, были заняты. Что было дѣлать? Я было хотѣлъ искать другихъ средствъ для выѣзда въ Ригу, но когда въ теченіи нѣсколькихъ дней ничто не подавало надежды, я побоялся потерять мѣсто въ дилижансѣ и на 21 число, и рѣшился записаться не медля. Теперь живу въ СПбургѣ и жду 21. Уже и казенная подорожная до Таурогена взята, и все готово: остается только выѣхать. Вы думали, душенька Маменька, что я поскуплюсь взять шубу? Нѣтъ, сотню разъ благодарилъ я Васъ за то, что Вы велѣли мнѣ взять ее съ собою. Не знаю, какъ-бы и быть мнѣ въ поѣздѣ изъ Москвы сюда, если-бы не было со мною шубы; не зналъ-бы и тутъ, что дѣлать безъ нея. Я ни шагу безъ нея, и въ Ригу и далѣе поѣду не иначе какъ въ ней. Воротника отпарывать не буду, потому что не стоитъ покупать другаго, да и не хочется тратить денегъ на эту покупку. И такъ шубу я беру съ собою. За то многое другое, многое оставляю. Угадайте, Маменька, что?—большой чамайданъ съ книгами, или, лучше сказать, все, кромѣ Берлинскаго чамайдана, наполнивши его сколько можно болѣе. Не дорого было-бы переслать большой чамайданъ пароходомъ въ Любекъ и оттуда въ Прагу; но пароходы уже не ходятъ, а пересылать транспортомъ дорого. По этому пусть остается онъ до времени у брата. Пріѣхавши въ Прагу и разузнавши обстоятельства, какъ сдѣлать, я напишу къ брату, а онъ обѣщается распорядиться какъ слѣдуетъ. Если-же найду ненужнымъ пересылку ¹⁾, то братъ привезетъ его къ Вамъ... А между тѣмъ собираюсь, собираюсь—и вотъ уже скоро...

Сегодня я бродилъ по Петербургу. Вышелъ въ 10, воротился къ 4-мъ, былъ только у Сербиновича, въ Редакціи Ж. М. Н. П., на почтѣ (отосилъ письмо къ издателю Галатеи) ²⁾, у Гординскаго (издателя Очерковъ Россіи) и въ Канцеляріи г. Губернатора,—все остальное время бродилъ. Началось Англійскою набережною: я ходилъ на нее къ Анастасевичу, не засталъ, и отъ Румянцевскаго Музеума (гдѣ онъ живетъ) шелъ тихо. Время было только что за полдень, солнце свѣтило роскошно, легенькій туманъ поднимался и опускался серебряною пылью; высокопраздный народъ высыпалъ отовсюду на гулянье. Я шелъ и встрѣчался... Прекрасно ходить между людьми, которыхъ не знаешь, сколько и имъ неизвѣстенъ. Вотъ идетъ парочка: розовый капотъ съ длиннымъ розовымъ мантиле, обшитымъ блондой, то-же розо-

¹⁾ Въ подл. «пересылки».

²⁾ Ранчу.

вой, розовая шляпка съ розовымъ перомъ, и все это розовое оттънено только чернымъ собольимъ хвостомъ, обвившимъ шейку, да чернубурой муфтой, да черненькими крошечными сапожками, да черненькими.... т. е... глазками,—такова одна дама; другая—удобопочтенная старушка вся въ коричневомъ, вся коричневая, не исключая и лица. Парочка эта идетъ, за нею идетъ ливрейный лакей. Идутъ онѣ ко мнѣ на встрѣчу. Я смотрю на нихъ, онѣ смотрятъ на меня; чѣмъ ближе, тѣмъ болѣе мы всматриваемся другъ въ друга,—и проходимъ мимо. Не прошедши трехъ шаговъ, я любопытствую посмотрѣть на моихъ незнакомыхъ сзади, оборачиваюсь, гляжу — онѣ смотрятъ на меня, также оборотившись задомъ къ своему переду. Это меня изумило и вмѣстѣ разсвѣстило: я притворяюсь, что смотрю не (на) нихъ, а на Неву. Она-же такъ прекрасна подъ ледяною корою, кое гдѣ гладкою какъ стекло, кое гдѣ бѣлою, будто вспѣнною, такъ прекрасна подъ дымкою полупрозрачнаго тумана. Я смотрю на Неву, на людей, пробирающихся черезъ нее тамъ и здѣсь. Вдругъ подходитъ ко мнѣ ливрейный лакей моихъ незнакомыхъ, и спрашиваетъ, какъ моя фамилія; а дамы между тѣмъ все смотрятъ на меня. Что мнѣ дѣлать? Свою фамилію пускать по вѣтру не захотѣлось; я вздумалъ притвориться иностранцемъ, и вновь избобрѣтаемыми словами, поясняя ихъ тѣлодвиженіями, даю знать, что я не понимаю, что ему нужно. Дамы прислушиваются, полуулыбаются,—я подхожу къ нимъ, и по французски, ломанымъ произношеніемъ, говорю, что я не Русскій: Мэ тамъ, ше не зви па Рюсь! Удобопочтенная старушка извиняется, спрашиваетъ, откуда я, кто я, а между тѣмъ оборачивается, идетъ и заставляетъ идти за собою. Вотъ еще новость! Но я иду за дамами, объясняя, что я Арманинъ изъ Вѣны, и пр. Дамы доходятъ до моста, что за Воен. Академіей, ворочаются... Я иду съ ними рядомъ, разговариваю о Вѣнѣ, о Германіи, о Петербургѣ, объ Араратѣ, какъ моей родинѣ... Между тѣмъ мимо насъ проходятъ дамы, дѣти, юноши въ 20, 30, 40 и далѣе лѣтъ, военные и статскіе, тутъ же и попъ, и салопница, и продавецъ винограда, и гризетка съ воробомъ изъ моднаго магазина, и т. д. Еще прошли мы не болѣе полуверсты, еще только что перебѣжали черезъ Исакиевскій мостъ, а уже были очень хорошо знакомы. Мы прошли на Адмиралтейскій бульваръ, обошли все Адмиралтейство, повернули на Дворцовую набережную, мимо Зимняго Дворца, любовались имъ, шли довольно далеко за него, повернули въ какую то улочку на право, подошли къ богатому подъѣзду. Лакей дернулъ звонокъ, дверь отворилась. Я сталъ раскланиваться; дамы попросили меня войти съ ними... Но куда же я войду съ ними? Не произойдетъ ли со мною что-нибудь болѣе нежели занимательное? Да и что они скажутъ, увидя мои пуговицы съ орлами? Я извинился, попросилъ позволенія имѣть удовольствіе быть у нихъ въ домъ въ другое время,—раскланялся, и пошелъ. Простившись съ дамами—кто

онѣ, я не знаю, какъ не знаю и того, зачѣмъ изволили онѣ обратить на меня свое милостивое вниманіе—я пошелъ назадъ, мимо Зимняго Дворца, мимо Александровской колонны, на которую скажу, мимоходомъ, надобно смотрѣть изблизи, что-бы любоваться ея величіемъ и громадностью, на Малую Морскую, на Невскій проспектъ... Смотрю кто-то идетъ знакомый, всматриваюсь—Роберти ¹⁾ Мы поговорили съ нимъ нѣсколько секундъ, общались видѣться, и простились. Тутъ проѣхала по Невскому Марія Николаевна ²⁾ съ супругомъ,—и я снялъ шляпу вмѣстѣ съ другими. Невскій былъ уже полонъ, полонъ какъ наша Никольская площадь во время ярмарки, только не возами, а экипажами и гуляющими. Тутъ я видѣлъ не одну Пбуржскую красавицу, и признаюсь, нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько хорошенькихъ. Въ одномъ мѣстѣ я ждалъ минутъ до пяти, что-бы перебѣжать черезъ Невскій: такъ много ѣхало. Я завернулъ въ Казанскій, оттуда въ лавки, книжныя, оттуда взялъ извожника въ театръ, что-бы взять билетъ на Дѣву Дуная, и домой..... ³⁾

Посылаю Вамъ, маменька, видъ лагеря при Красномъ селѣ ⁴⁾ и три другихъ вида окрестностей Пбурга: очень рады будемъ, если онѣ понравятся. Еще посылаемъ ноты. Вы, Маменька, не найдете между ними трудныхъ, но за то всѣ модныя.

Вчера я былъ у Роберти, просидѣлъ у него часа два, говорилъ съ нимъ объ Амьрсіи Лукіановичѣ, объ Иванѣ Петровичѣ. Можно обоихъ поздравить,—и я съ наслажденіемъ представляю себѣ, что словесность отечественная будетъ въ нашихъ рукахъ, будетъ преподаваема двумя друзьями, которые будутъ совѣтываться, какъ что сдѣлать, какъ преподавать, какъ упражнять слушателей ⁵⁾. Объ обществѣ, данномъ Ив. Петр., я не забылъ, и исполню; впрочемъ теперь нѣкогда.

Мы собирались пить кофе, когда пришелъ Ив. Федоровичъ ⁶⁾. Онъ просидѣлъ съ нами до тѣхъ поръ, пока мнѣ идти въ театръ, вышелъ вмѣстѣ со мною и проводилъ до театра. По дорогѣ, просилъ онъ у меня денегъ, рублей 50. Я извинился, что не могу дать,—и могъ-ли я иначе сдѣлать? Не нуждаюсь, но боюсь нуждаться, и мнѣ, страннику, кѣтъ ничего легче, Богъ знаетъ, что еще впереди.

Я вошелъ въ театръ, когда занавѣсъ былъ уже поднятъ, музыка грсмѣла, со сцены раздавался хоръ. Давали Фрейщюца первое дѣйствіе. Жалѣ,

¹⁾ Александръ Адольф. де-Роберти, сынъ содержателя пансіона въ Харьковѣ, въ которомъ Н. И. С—ій давалъ уроки.

²⁾ Великая княгиня, герцогиня Лейхтенбергская.

³⁾ Слѣдуетъ письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

⁴⁾ Этими словами обрывается письмо Н. И. С—го; далѣе идетъ письмо Н. И. Срезневскаго.

⁵⁾ А. А. Метлинскій былъ избранъ словеснымъ факульт. Харьк. ун. въ адъюнкты (письмо его къ Н. И. С—му 27 окт. 1839 г.). Въ декабрѣ 1839 г. это избраніе получило утвержденіе.

⁶⁾ Леоновъ докторъ медицины, и хирургія, адъюнктъ-профессоръ Виленской медико-хирург. акад.; вполн. былъ орд. проф. ун. св. Владиміра по кафедрѣ государственнаго врачевовѣдѣнія.

что не удалось слышать увертюры. Впрочемъ я все-таки успѣлъ насладиться музыкою Вебера. Потомъ занавѣсъ опустился, долго не поднимался, поднялся наконецъ... Раскрылся видъ истоковъ Дуная, окруженный лѣсами, между которыми, коегдѣ мелькаютъ хижины поселянъ. Поселяне, дѣвушки... между ними одна, чарующая всѣхъ, это Цвѣтокъ Долины. Она найдена одною старушкою у истока Дуная, и воспитана ею какъ дочь; а кто она—никто не знаетъ. Былъ себѣ баронъ, богатый, знатный. Онъ имѣлъ брата, несчастнаго въ дѣлахъ супружества: три раза былъ онъ женатъ, и три раза новобрачная умирала на другой день брака; умеръ наконецъ и онъ самъ. Пошла молва, что такъ ужъ на роду написано этимъ баронамъ, что и брату не одобровати. Братъ хотѣлъ доказать противное, и вмѣсто того чтобы выбирать супругу изъ баронессъ, вздумалъ искать невѣсту изъ поселянокъ—долины истоковъ Дуная. Черезъ герольда онъ далъ имъ знать объ этомъ, приглашая ихъ къ себѣ въ замокъ. Узналъ объ томъ и Цвѣтокъ долины, и мать ея, и ея милый Рудольфъ, оруженосецъ барона. Старушка въ радости, молодые въ горѣ. Надобно знать, что они уже сосватаны, а сосватала ихъ Наяда, въ то время когда онѣ отдыхали на берегу Дуная, надѣвши перстни на ихъ руки. Невинные, они преснулись, бросились другъ другу въ объятія... и теперь ихъ мучитъ мысль, что баронъ ихъ разлучитъ. Наконецъ они придумываютъ средство избавиться отъ барона: Цвѣтокъ Долины постарается представиться барону глупою, безобразною, неловкою мужичкою. Сцена перемѣняется, мы въ галлерей замка баронова, обращенной однимъ своимъ концомъ къ Дунаю, къ его глубинѣ. Являются воины, пажы, поселянны, поселяне, баронессы, бароны, самъ баронъ... тутъ и Рудольфъ, и Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ предлагаетъ барону и ту, и другую изъ поселянокъ,—не нравится барону ни одна. Онъ указываетъ на Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ, хочетъ обмануть, снова предлагаетъ другую; но баронъ требуетъ знаетъ чего. Мать велитъ Цвѣтку Долины выйти къ барону, она не хочетъ, Рудольфъ мучится, она то-же, наконецъ повинувшись, выходитъ мужичкой,—и все-таки нравится барону. Горе... Цвѣтокъ Долины не можетъ скрыть его, начинаетъ вмѣстѣ съ Рудольфомъ умолять мать, барона... все напрасно. Тогда Цвѣтокъ Долины взлетаетъ на перилы конца галереи, доказываетъ, что она не измѣнитъ Рудольфу,—и бросается въ Дунай. Утонула. Всѣ бѣгутъ туда... утонула. Когда поднялся занавѣсъ втораго акта, намъ представился берегъ Дуная, и на противоположной горѣ великолѣпный замокъ барона. Рудольфъ терзается, и бросается въ Дунай... Музыка вдругъ измѣняетъ тонъ и сцена вся медленно поднимается вверхъ съ Дунаемъ, съ замкомъ барона, словомъ—вся, поднимается все выше,—и потомъ раскрывается подземное подводное царство Дуная, которому небо почва земли, переплетенная корнями, болотными травами... и чудное царство, влажное, туманное. И вонъ Рудольфъ.

падаетъ, вглубь упадаетъ на цвѣты. Являются ондины, волнуются, рѣзвятся исчезаютъ. Рудольфъ пробуждается, встаетъ, въ изумленіи осматривается, не понимаетъ ничего. Ондины снова волнуются вокругъ него, между ними и Цвѣтокъ Долины. Онъ ищетъ ее между ними, долго не можетъ найти, потому что она хочетъ его испытать, наконецъ находитъ... Они супруги... Они будутъ жить на землѣ. И снова подводное царство опускается вглубь, снова прежній разливъ Дуная,—и на равнинѣ выплываетъ изъ водъ юная чета... Поселяне, поселанки, баронъ видятъ это, изумляются... Занавѣсъ опускается. Тальони была восхитительна. Жаль, что нѣгдѣ сказать болѣе.

Цѣлую ручку вашу, милая Маменька. Прощайте.

Из. Срезн.

ХП.

№ 11.

19-е Ноября 1839. Спб.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянь полуночный орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Летай!... но въ вольномъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгулемъ вольности согрѣта,
Ты младшихъ братьевъ не забудь;
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись...
Ихъ много тамъ, гдѣ шумъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвелись,
Въ ущеляхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебрахъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья
Когда-то зовъ услышать твой,
Когда-то крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой!
О, вспомни ихъ, орелъ полночи,
Пошли имъ звонкій свой привѣтъ:
Пусть ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ.
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней!

И хладъ сердець единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣи!..
Ихъ часъ придетъ. Окрѣпнуть крылья,
Младые когти отостутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.

Какъ-же Вамъ нравятся, милая Маменька, эти стихи? Не правда-ли, хороши? Они—Хомякова—и послѣдняя новость въ литературѣ, тѣмъ болѣе занимательная, что нигдѣ не напечатаны и не будутъ¹⁾. Царю не угодно было этого позволить. И къ чему? Кто захочетъ ихъ помнить, будетъ помнить; а иначе—вѣроломные Тевтоны и Богъ знаетъ что подумаютъ. Я было хотѣлъ Вамъ выписать и еще одни стихи Давыдова изъ Утренней Зари на 1840, но теперь этого альманаха у меня нѣтъ подъ рукою. Альманахъ этотъ только что изданъ и украшенъ великолѣпными картинками, изъ которыхъ на первой портреты Вел. Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. Другихъ литературныхъ новостей мало. Отечественныхъ Записокъ готовится 12-й номеръ, первые 11-ть у меня подъ руками, и я безпопашно рву изъ нихъ статьи, которыя могутъ быть особенно занимательны за-границей. Сына Отечества вышелъ только № 8-й, Библіотеки для чтенія не вышелъ еще 11-й за тѣмъ, что идетъ споръ между Сенковскимъ и Цензурой: выйдетъ вѣроятно вмѣстѣ съ 12-мъ. Изъ книгъ нѣтъ ничего особенно важнаго. Что до зрѣлищъ, то во 1-хъ) въ Павловскѣ пріѣхали плясать и пѣть Московскіе Цыганы, стоитъ взять мѣсто на паровозѣ—и въ 25 минутъ тамъ; но мнѣ не придется съѣздить;—во 2-хъ) въ Среду Тальони на сценѣ въ новомъ балетѣ «Тѣнь»,—и я опять не успѣю, потому что ѣду во Вторникъ. Можетъ быть есть и еще что нибудь новое, но не припомню, или не знаю.

Мои личные новости, которыя, для Васъ, душенька Маменька, лучше всѣхъ новостей, вотъ какія: былъ два раза у графа Головкина ²⁾ и у Министра. Первый разъ былъ у Головкина съ визитомъ и обласканъ какъ не ожидалъ. Онъ спрашивалъ меня, что я сдѣлалъ уже, что готовлюсь дѣлать, вникалъ во всѣ подробности, и потомъ просилъ меня зайти къ нему проститься. Сегодня я простился съ нимъ: онъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути, и велѣлъ относиться къ себѣ обо всемъ, что нужно будетъ. Добрый старикъ. Душевно благодаренъ ему. «Можетъ быть уже меня на свѣтѣ не будетъ, когда вы

¹⁾ Въ изданіи стихотвореній А. С. Хомякова эта пьеса, помѣщенная подъ назв. «Орелъ», подписана 1832 г. (издатель, прочесть, но увѣренъ въ правильности даты); кстати замѣтимъ, что списокъ приведенный здѣсь нѣсколько отличается отъ напечатаннаго въ собраніи стихотвореній А. С. Х. (М. 1861, М. 1881).

²⁾ Попечитель Харьковскаго учебн. округа.

воротитесь!» сказалъ онъ мнѣ, пожимая мнѣ руку. «Позволяю себѣ надѣяться, что буду имѣть счастье поднести Вамъ отчетъ о моемъ путешествіи и посылно оправдать предъ Вами довѣріе Ваше!» Онъ пожалъ еще мнѣ руку, и прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ помните, что вы трудитесь для отечества, и все будетъ хорошо».—У Министра, т. е. у С. С. Уварова я былъ третьяго дни, только что воротившагося изъ Польши. Узнавши, что я здѣсь, онъ велѣлъ мнѣ сказать, что желаетъ меня видѣть, но что теперь очень занятъ, а свободнѣе будетъ на слѣдующей недѣлѣ. Я однако добился быть у него на этой недѣлѣ. И принять былъ прекрасно. Онъ спрашивалъ меня подробно, что я уже успѣлъ сдѣлать касательно Южной Руси и Славянины, что намѣренъ дѣлать, какъ предполагаю заниматься, и т. п. Далъ нѣсколько совѣтовъ, кое-что замѣтилъ, какъ я долженъ вести себя передъ Нѣмцами, предложилъ рекомендательныя письма въ Прагу, велѣлъ относиться къ себѣ въ случаѣ нужды замѣчательно для меня и начало нашего свиданія: когда я вошелъ въ кабинетъ и поклонился, онъ медленно подошелъ ко мнѣ, сталъ въ меня всматриваться и потомъ протяжно сказалъ: «Такъ это вы—г-нъ Срезневскій! Очень радъ, что вижу васъ наконецъ». Пока не дошло до «очень радъ», я ничего не понималъ, и чуть-чуть не струсилъ: онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ всего меня съѣсть или по крайней мѣрѣ высмотрѣть. Прощаясь, онъ положилъ обѣ свои руки на мою руку, и сказалъ «Работайте, молодой человѣкъ! Знайте, что каждый вашъ шагъ не только можетъ, но и долженъ имѣть вліяніе на будущее поколѣніе—вліяніе благотѣльное и слѣдовательно производимое строго-совѣстливо».

Еще я былъ у Бенардаки, и везу отъ него въ Чехію тысячу рублей. Тутъ я видѣлся... съ милымъ существомъ—Вы не угадаете какимъ. Была когда-то въ пансіонѣ Нагель ¹⁾ дѣвица Ваффей (Катинька). Она теперь замужемъ, и уже болѣе году въ Шбургѣ. Бывши въ первый разъ у Бенардаки (откупщика), я встрѣтился съ нею на порогѣ. Мы узнали другъ друга, но уже разминувшись. Бывши сегодня, я слышалъ отъ Бенардаки, что она узнала меня, каждый день спрашивала былъ ли я, буду ли я, просила послать за нею, лишь только я приѣду,—и случаю угодно было, что-бы мы встрѣтились наконецъ. Не смотря на присутствіе чужихъ, мы не могли не обрадоваться этой встрѣчѣ. А потомъ—и простились, какъ слѣдуетъ прощаться учителю и ученицѣ, умѣющимъ уважать другъ друга взаимно. Она была прекрасная дѣвица,—теперь прекрасная женщина—жена и мать, предпочитающая домашній уголъ всему блеску свѣта. Да, она должна была быть такою.

¹⁾ П. Н. С.—ій былъ преподавателемъ въ пансіонѣ г-жи Нагель въ Харьковѣ; здѣсь онъ между прочимъ преподавалъ Географію, (изъ письма воспитанницъ этого пансіона, сохранившагося въ архивѣ П. Н. С.—го).

Однако я опять пишу дурно,—скоро и не разборчиво. Что будешь дѣлать! Вѣчно забуду. Впрочемъ уже и поздно: скоро 4 часа утра. Пора спать. Завтра допишу этотъ листокъ, послѣдній изъ Петербурга. № 12-й будетъ уже изъ Риги или изъ Митавы. Покойная ночь.

20 Ноября 1839.

8-й часъ вечера. Пьемъ чай. Чамоданъ мой уже уложенъ; портфель то-же. Остается немногое кончить—и баста. Что оставляю у брата, о томъ онъ самъ напишетъ. Многое бы надобно было еще сдѣлать въ Пбургѣ, но я не безъ надежды воротиться въ Пбургъ изъ-за границы, и слѣдовательно надѣюсь успѣть додѣлать черезъ два года, что не додѣлалъ теперь. Уѣду даже не простившись со всѣми. Впрочемъ завтра буду еще у Роберта проститься: многимъ я обязанъ ему, и грѣхъ мнѣ забыть его. Кстати: онъ скоро воротится въ Харьковъ—Предсѣдателемъ Казенной Палаты, вмѣсто Крылова ¹⁾). Кое-когда напишу къ Вамъ письмо и черезъ него... Завтра еще прибавлю нѣсколько словъ, если успѣю. Ъду завтра въ 10 часовъ утра.

21.

Прощайте, Маменька! Черезъ 50 минутъ ѣду ²⁾).

XIII ³⁾).

Янишекъ, въ 44 вер. отъ Митавы и въ 40 отъ Шавли.

Вторникъ, 28-е Нояб. 1839.

Вотъ гдѣ я теперь, милый братъ. Не спрашивай, что это такое: не скажу ничего, потому что ничего не знаю, потому что уже вечеръ, и такъ холодно, что я изъ коляски выпрыгнулъ въ комнату какъ бравое ядро. Скорѣе могу рассказать, какъ я наконецъ добрался до сюда—съ надеждою послѣ завтра быть въ Тильзитѣ. Кое-что объ этомъ я писалъ Маменькѣ изъ № 12-мъ ⁴⁾); кое-что могу написать и тебѣ съ прибавленіемъ того, о чемъ не могъ написать Маменькѣ: ты прочтешь это письмо, и, прибавя къ нему отъ себя еще полулистокъ, перешлешь къ Маменькѣ.

Путь мой отъ СПбурга до Риги былъ очень гладокъ, хотя и не такъ быстръ, какъ я ожидалъ, или какъ можно было ожидать судя по разстоянію. Въ 11-мъ часу утра 21-го числа, какъ ты знаешь, коробъ нашъ двинулся

¹⁾ Дмитр. Серг. Крыловъ.

²⁾ Дальше на томъ же листѣ идетъ письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

³⁾ Письмо Николаю Ив. Срезневскому. Хотя это письмо адресовано не Еленѣ Пв. Срезневской, мы рѣшаемся включить его въ печатаемое собраніе писемъ; думаемъ, что оно не только не нарушитъ единства этого собранія, но, какъ предназначавшееся для пересылки Еленѣ Ив. Ср—ой, даже явится необходимымъ его дополненіемъ.

⁴⁾ Письмо это не сохранилось.

съ мѣста и только въ 4-мъ часу по полудни 25-го числа вдвинулся въ лабиринтъ Рижскихъ канавокъ—я хотѣлъ сказать—улицъ: выходитъ, что онъ подвигался менѣе пяти верстъ въ часъ. Впрочемъ это зависѣло отчасти и отъ самихъ насъ, пассажировъ: кого холодъ, кого голодъ, кого скука неподвижности сидѣнія въ клѣткѣ заставлялъ выходить изъ нее при каждой перепряжкѣ лошадей, и выходили всѣ, и разбалтывались на станціи, и съ сожалѣніемъ выходили изъ комнаты и съ неудовольствіемъ садились въ клѣтку,—а время между тѣмъ уходило. Разумѣется этого-бы не могло быть, если бы мы не были довольны другъ другомъ. И вотъ кто были эти мы, кромѣ меня: моимъ сосѣдомъ былъ Поручикъ Артиллеріи (отставной), Николай Ивановичъ Соймоновъ, пріятный и довольно образованный человѣкъ (онъ будетъ у тебя, и расскажетъ подробно о нашемъ странствіи, а ты, конечно, примешь его ласково, какъ онъ того стоитъ); № 3-й и 4-й Полковникъ отставной и молодой архитекторъ, Корсини ¹⁾ (тотъ самый, который строилъ рѣшетку передъ домомъ Г. Шереметева, и украшалъ внутренность этого дома), отправляющійся теперь въ путешествіе за границу, и до сихъ поръ сопутствующій мнѣ; № 5 и 6—Рижскій купецъ съ женою—христіане, но вѣроятно изъ Жидовъ; № 7 и 8 Майоръ отставной и актеръ Спбуржской Нѣмецкой труппы, переѣзжающій за славою и деньгами въ Ригу. Мы всѣ сблизились такъ хорошо, что составили изъ себя une *ugaie société de voyage*: подробности расскажетъ тебѣ Соймоновъ.—Что до путевыхъ моихъ наблюденій, я ихъ сдѣлалъ очень-очень мало: едва-ли достанетъ и на полъ-страницы. Путь лежитъ между лѣсами, черезъ разные разливы водъ, и для проѣзжающаго лѣтомъ представляетъ, я думаю, много хорошихъ видовъ: лучшіе—у Финскаго залива, у Пейпуса, у рѣки Аа. Станціи почти всѣ устроены очень чопорно и содержатся Нѣмцами хозяйками: на станціи находишь двѣ—три, а иногда и болѣе чистыхъ комнатъ, изрядно меблированныхъ, фортепьяно, двухъ—трехъ служанокъ съ прекрасными таліями, чисто поданное кушанье, прекрасно-приготовленный кофе, и т. п. Русскаго встрѣчаешь все меньше и меньше; вмѣсто Русскаго языка слышишь сначала Нѣмецкій и Чухонскій, потомъ Нѣмецкій и Латышскій,—даже Русскіе многіе говорятъ лучше по-Нѣмецки нежели по-Русски. Языки Чухонскій и Латышскій очень сладкозвучны. На самихъ Латышахъ я не замѣтилъ ничего особенно оригинальнаго; а Чухны очень милы въ своихъ полунѣмецкихъ курткахъ, съ длинными рыжими волосами, съ глупымъ своимъ, но очень добрымъ взглядомъ. Города по дорогѣ—Ямбургъ, Нарва, Дерптъ, Валкъ, Вольмаръ—промелькнули мимо, такъ что я объ нихъ сохранилъ самое темное, понятіе: Ямбургъ еще Русскій городъ; Нарва уже въ половину Нѣмецкій, всѣ другіе почти чисто Нѣмецкіе; болѣе всѣхъ Нѣмецъ—Дерптъ, и Нѣмецъ старый—

¹⁾ Геронимъ Доминикъ Корсини (1811—1886), впоследствии (1849) академикъ архитектуры уры.

улицы кривы, узки, кирка чисто Нѣмецкая съ башнею, дома высоки и покрыты черепицей и т. д. Рига есть не только Нѣмецкій, но и старшій Нѣмецкій городъ: передъ нею Дерптъ франтъ, хоть и бѣднѣе ея въ 10 разъ: въ ней улицы уже Невскихъ тротуаровъ, дома иные пережили 3 или 4 вѣка и выдвигаются одинъ изъ за другаго мебелью въ мебельной лавкѣ, кирпичи почернѣли и напоминаютъ своими шпичами 15-й вѣкъ. Что-же еще сказать... что-то ничего въ голову нейдетъ. Крѣпости въ Нарвѣ и Ригѣ могутъ быть крѣпостями, и Рижская даже обведена каналомъ, а Нарвская даже сохраняетъ обликъ старины. Двина въ Ригѣ лучше Невы, шире, величественнѣе. Въ Ригѣ я останавливался, вмѣстѣ съ Соймоновымъ и Корсини въ одной квартирѣ, въ Митавскомъ форштадтѣ, въ гостинницѣ Чернаго Орла,—и квартира была чисто-Нѣмецкая: дѣвушки прислуживали, кровати были покрыты свѣжимъ бѣлымъ, самъ хозяинъ топилъ печь и т. п. То-же было и въ Митавѣ, куда мы поѣхали въ прошлое воскресенье вечеромъ въ 5 часовъ, т. е. 26 числа (дилижансъ отъ Риги до Митавы идетъ два раза въ день—въ 8 и въ 5). Сегодня утромъ мы наняли съ Корсини коляску съ четверкой лошадей у Нѣмца фурмана за 28 цѣлковыхъ до Тильзита и, простившись съ добрымъ Соймоновымъ, поѣхали. Вотъ уже 44 версты проѣхали, и теперь ждемъ пока кормятъ лошадей и оба пишемъ письма. Фурмана нельзя было нанять дешевле, а почтовые для меня одного пришлось бы дорожѣ 14 цѣлк. Но крайней мѣрѣ теперь мы ѣдемъ покойно, и не будемъ хлопотать ни о чемъ до тѣхъ поръ пока опять будетъ возможность сѣсть въ дилижансъ. Съ Корсини мы ѣдемъ до Кѣнигсберга: оттуда я въ Берлинъ, онъ въ Варшаву. Коляска у насъ большая, четверомѣстная, съ зонтикомъ: она напоминаетъ мнѣ своимъ устройствомъ одну, въ которой когда-то сидѣлъ и я вмѣстѣ съ другими, когда она ѣхала въ Бѣлгородъ и обратно въ Харьковъ. Давнопрошедшее! Теперь мы сидимъ вдвоемъ и ищемъ носами въ воздухъ того фюкуса, который можетъ насъ привести на сладкій сонъ.—Спать уже хочется. Завтра напишу еще что нибудь.

29-е Ноября. 3 часа утра. Въ пяти верстахъ отъ Шавля; Жидовскій постоялый дворъ.

Нечистота, вонь, холодъ. Если бы не вѣтеръ, то лучше бы въ коляскѣ высидѣть эти два часа. Знать, что мы въ центрѣ Виленской губерніи. Вмѣсто Нѣмцевъ и Латышей тутъ Поляки и Литовцы, и Жидовъ пропасть. Корсини укался кое-какъ на кровати, а я развернулъ портфель; впрочемъ не знаю буду-ли, т. е. будутъ-ли мои пальцы въ состояніи писать... Покажѣсь они еще коломъ стоять.

Тауругенъ. 30-е Ноября. 1839. 8 часовъ утра.

(7 верстъ отъ Рус. границы)

Мои пальцы не въ состояніи были писать. Я усѣлся на чемъ-то, носящемъ названіе софы, укутался, и заснулъ. Потомъ поѣхали, потомъ ѣхали безъ малаго цѣлыя сутки, и еще ѣхали, и въ 5-мъ часу утра сегодня пріѣхали въ Тауругенъ, пограничное таможенное мѣстечко Русское. Напившись чаю, Корсини пошелъ визировать паспорта наши, а я принялся за этотъ листокъ. что-бы написать хоть еще нѣсколько строчекъ изъ Россіи.

Что-же написать? На умѣ у меня теперь только одно, какъ-бы переѣхать черезъ границу... а что стараюсь забыть, и что впрочемъ до сихъ поръ напоминаетъ о себѣ, это—Виленская губернія. Жалкая сторона! Мы ѣхали черезъ нее по прекрасному шоссе; но только въ ней это и хорошее. Простой народъ—Литвины—народъ полудикій, грубый и невѣжественный; Жиды попадаютъ на каждомъ шагу—и Жиды факторы, и Жиды трактирщики, и Жиды купцы, и Жиды нищіе, и даже Жиды земледѣльцы,—а гдѣ они, тамъ нечистота, гадость, вонь, обманы и т. д.; Нѣмцы—не тѣ Нѣмцы, съ которыми весело встрѣтиться въ Лифляндіи или Курляндіи; Поляки наконецъ, занимая мѣсто вышшаго сословія, нерѣдко носятъ на себѣ отпечатокъ и Литвы, и Нѣмціи Литовской, и Жидовіи вмѣстѣ, имѣя впрочемъ очень часто фізіогномію прекрасную, благородную или миловидную. Вчера послѣ обѣда мы останавливались въ Жидовскомъ городкѣ Кельмѣ,—и насмотрѣлись на всякаго рода здѣшнихъ людей. Городокъ не бѣдный, торговый, есть и порядочные домики, но грязь и нечистота ужасныя. Въ Тауругенѣ гостинницу содержитъ также Жидъ, и хоть въ комнатѣ полъ усыпанъ ельникомъ по Нѣмецкому обычаю, и все довольно чисто, но Жидовіа отзывается во всемъ, начиная съ чайника съ надбитымъ горлышкомъ до копѣчныхъ отчетовъ при размѣнѣ денегъ.

Перевертываю страницу только съ тѣмъ, что-бы сказать, что черезъ полчаса мы ѣдемъ въ Тильзитъ, до котораго отсюда 4 мили, т. е. 28 верстъ. Прощай, душа братъ! Прощай, будь счастливъ, не забывай чаще писать къ Маменькѣ. Поцалуй за меня добраго Андрея Лаврентьевича¹⁾, поблаговари его за вниманіе ко мнѣ. Не забудь также исполнить мои порученія: отдать Аркадію Ивановичу Мартынову письмо съ посылкой и попросить, что-бы онъ приказалъ послать деньги мои въ Прагу не позже Января 1840, послать ко мнѣ карту Россіи, спросивши прежде можно-ли переслать (деньги за карту и пересылку ея получишь отъ Маменьки).

Предоставляю тебѣ дополнить для Маменьки этотъ листокъ, и послать къ Маменькѣ.

¹⁾ Барковский—товарищъ Ник. Ив. Срезневскаго.

Еще разъ прощай! Прощайте и вы, Маменька, и вы, добрые мои знакомые и друзья! Черезъ $\frac{1}{2}$ часа въ путь, и черезъ часъ съ небольшимъ уже въ Пруссіи. Прощайте.

И. Срезневскій.

XIV.

№ 1. Берлинъ. 1839 Декабря 10/21.

Вотъ уже 19 дней, какъ я не писалъ къ Вамъ ни строчки, милая Маменька, и мнѣ становится совѣстно, даже грустно. Хотѣлъ написать изъ Тильзита—не успѣлъ, хотѣлъ написать изъ Кёнигсберга—опять не успѣлъ... Изъ Берлина уже грѣхъ не написать—по крайней мѣрѣ одно письмо. И вчера я началъ писать, написалъ двѣ страницы, но такъ дурно, что тотчасъ же разорвалъ,—и вотъ теперь, вставши довольно рано, принимаюсь опять писать.

И такъ, Маменька, я за границей—за 750 верстъ отъ границы Русской, за 3000 верстъ слишкомъ отъ Харькова, если считать тою дорогою, по которой я ѣхалъ. И грустно, грустно было расставаться съ Россіей. Ъхавши такъ долго,—и по времени—и по пространству—все по Россіи, я забывалъ, что ѣду изъ Россіи, что и для нея, безпредѣльной, есть предѣлы,—и вдругъ... коляска остановилась, Русскій чиновникъ вышелъ, записалъ наши паспорта, велѣлъ поднять рогатку, фурманъ хлопнулъ по лошадамъ... я былъ уже внѣ Россіи. Вздогнуло мое сердце; мнѣ хотѣлось заплакать; мнѣ хотѣлось, что-бы лошади поворотили назадъ—и прямо въ Харьковъ, гдѣ мнѣ было такъ хорошо, такъ уютно-покойно, такъ мирно-весело, такъ сѣмейно-счастливо. Нѣтъ! Прощай, Харьковъ! Прощайте, душенька Маменька! И вы, съ которыми связывало меня безкорыстное чувство взаимнаго уваженія, можетъ быть даже взаимной любви! И вы, которыхъ я не могъ не почитать, зная, что и самъ я, будучи вами понятъ, не буду по крайней мѣрѣ презираемъ. Всѣ—прощайте—на долго,—и по крайней мѣрѣ не забудьте помнящаго и часто о васъ вспоминающаго странника.

Я выѣхалъ за границу 30 ноября, въ Четвергъ, въ 11-мъ часу утра. Съ тѣхъ поръ прошло 10 дней. Перескажу Вамъ, милая Маменька, хоть кратко, какъ прошли эти 10 дней.

Въ первомъ часу по полудни мы пріѣхали въ Тильзитъ (мы, т. е. я да Корсини, съ которымъ мы ѣдемъ вмѣстѣ до Кёнигсберга). По дорогѣ до Тильзита (20 верстъ съ небольшимъ отъ Таурогеа), я замѣтилъ только, что Прусское шоссе уже и хуже нашего, что тамъ, гдѣ оно поднято надъ низкими мѣстами, нѣтъ барьеръ, такъ что когда лошади взбѣсятся, можно будетъ

полетѣть кувыркомъ въ какое нибудь болото,—и болѣе ничего не замѣтилъ, все думалъ о томъ, что оставилъ въ Россіи и чего могу ожидать за границей, грустилъ, утѣшалъ себя, и опять тосковалъ....

Въ Тильзитѣ мы переѣзжали черезъ Мемель по льду, и остановились въ Hotel de SPburg, въ прекрасной холодной и сырой комнатѣ. Изъ оконъ можно было видѣть часть города, а походивши по городу $\frac{1}{4}$ часа можно было познакомиться съ нимъ вполнѣ. Городъ небольшой, имѣющій 12,000 жителей, довольно старый, слѣдовательно довольно тѣсный, не то что Рига, гдѣ вмѣсто улицъ какія-то канавы, обшитыя шкафами, но что-то въ томъ-же родѣ, и улицы кривы и узки, и дома въ нѣсколько этажей, все каменные, и все самыхъ дивныхъ формъ, напр:

и т. д. Нѣкоторые выстроены изъ кирпича, другіе изъ дерева и кирпича вмѣстѣ, такъ что въ деревянныя перекладины вкладывается кирпичъ, иные изъ дикаго необтесаннаго камня природныхъ формъ, такъ что кирпичемъ выложены только окна и двери и пр. Улицы сходятся напр.

вотъ такъ:

или вотъ такъ:

или какъ нибудь еще затѣйливѣе. И таковы то всѣ старые Нѣмецкіе города и городки.

Взявши мѣсто въ Personen-Post, въ 6 часовъ вечера я выѣхалъ изъ Тильзита, а въ 6 часовъ слѣдующаго утра былъ уже въ Кенигсбергѣ. Всю ночь я спалъ, слѣдовательно—ничего не видалъ. Знаю только, что передъ выѣздомъ изъ Тильзита, передъ каждой шоссейной заставой, передъ пріѣздомъ на станцію и передъ выѣздомъ изъ нее, почтальонъ трубилъ въ трубу, и что лошадей перемѣняли не болѣе какъ въ 5 минутъ. Кстати сказать, что и дилижансы, называемые Personen-Post, и другіе — Fil-Post содержатся въ Пруссіи отъ казны, и что вообще все почтовое вѣдомство устроено превосходно: экипажи хуже нашихъ дилижансовыхъ, но зато лошади гораздо лучше и везутъ

акуратно ни болѣе, ни менѣе времени какъ опредѣлено. Personen-Post дешевле Eil-Post и ѣдетъ очень немногимъ медленнѣе.

Въ Кёнигсбергѣ я пробылъ 5 дней: нельзя было не познакомиться и съ городомъ, и съ учеными. Городъ старый, слѣдовательно, какъ Вамъ уже извѣстно, состоящій изъ канавъ, обставленныхъ шкапами, и не смотря на то, что имѣетъ 70,000 жителей, занимаетъ очень небольшое пространство, гораздо меньше нежели Харьковъ. Заблудившись разъ, я могъ ужё смѣло бродить по городу изъ конца въ конецъ, и потому нанималъ лондинера (за 2 рубля въ день) только на первый день, а объ извозчикѣ (тутъ есть и сани, и дрожки) и не думалъ. Въ Кёнигсбергѣ я видѣлъ все, что стоитъ вниманія—и Соборъ, и Музеумъ, и Библіотеку, и Замокъ, и Университетъ, и домъ Канта, и театръ, и обсерваторію. Соборъ великъ, но хуже Рижскаго; въ Соборѣ погребены разные маркграфы и пр. Съ сѣверной его стороны есть галлерей, называемая Stoa Kantiana, и въ глубинѣ ея, въ чуланѣ, за желѣзной рѣшеткой гробница Канта, надъ которою на черной стѣнѣ какой-нибудь вѣрно студентъ написалъ «думай, дѣйствуй» (Denke, wirke!). Соборъ есть вмѣстѣ и Университетская церковь. Университетскія зданія тутъ-же подлѣ: старые, дрянные дома, грязные, по крайней мѣрѣ нечистые. На аудиторіи страхъ взглянуть: въ уѣздномъ училищѣ у насъ во 100 разъ лучше, даже въ приходской школѣ лучше, потому-что это нечистыя комнатки, уставленные гадкими столами и скамьями, а кафедры, такія же гадкія, годились-бы развѣ для Миргородской базарной торговли, и самая лучшая аудиторія только-что поболѣе другихъ, впрочемъ то-же не велика, и самая наконецъ торжественная зала похожа скорѣе на корридоръ. Обсерваторія, гдѣ командиромъ Бессель, одинъ изъ первыхъ современныхъ астрономовъ, очень богата инструментами. Театръ порядочный, но актеры напоминаютъ труппу Млатковскаго. Замокъ—обширное зданіе съ большою площадью внутри и съ башнями. Главная башня очень высока и представляетъ съ себя прекрасную панораму разнообразныхъ крышъ и канавъ города. Домъ Канта — вотъ онъ, сколько помню:

Надъ входомъ есть надпись, по черному полю золотыми буквами, что въ немъ жилъ и училъ Кантъ съ 1784 по 1804. Кажется я и еще что-то видѣлъ въ Кёнигсбергѣ, но теперь не припомню. Да! Въ Замкѣ я видѣлъ Московитеръ-зааль: большая, низкая, и никто не знаетъ, почему такъ названа. Еще видѣлъ старинную Польскую церковь: мрачная. Въ Кёнигсбергѣ многіе умѣютъ жить: прекрасная мебель, чистота, хорошее кушанье, наряды и пр. это доказываютъ. И профессора живутъ очень хорошо. Даже моя комнатка въ Deutsches Haus была съ мебелью краснаго дерева, съ кисейною драпиріею, украшенною бронзою на окнахъ, съ голландскимъ бѣльемъ на постели, съ фарфоромъ въ умывальнѣ. Остается еще сказать о Профессорахъ:

я познакомился съ 5-ю и у двухъ былъ на лекціи. Первое мое знакомство было съ Шубертомъ, профессоромъ Политическихъ наукъ. Онъ полюбилъ меня, я его, и мы видались почти каждый день. Очень добрый, очень милый, хотя и честолюбивый человекъ. Жена его также очень добрая женщина, дѣти— милые нѣмчурки. Два раза я у него обѣдалъ и провелъ время до вечера. Я подарилъ Шуберту экземпляръ своей диссертациі¹⁾, пересказалъ содержаніе,—и, вы повѣрите, Маменька, какъ обрадовался, когда узналъ, что Шубертъ не только одобряетъ мои мысли, но и почти вполне согласенъ съ ними. Съ тѣхъ поръ предметомъ нашихъ разговоровъ большею частью была Статистика, и какъ можно ее усовершенствовать какъ науку. Мы разстались добрыми пріятелями, обѣдая другъ другу продолжать знакомство перепиской²⁾. Розенкранцъ³⁾, профессоръ философіи, пылкая, нѣжная, мечтательная душа, напомнившая мнѣ Вельтмана, былъ также въ моемъ вкусѣ: нѣсколько часовъ провелъ я съ нимъ въ разговорѣ о народной поэзіи, которую онъ страстно любить,—и этотъ разговоръ сблизилъ насъ какъ давно знакомыхъ⁴⁾. У него и у Шуберта я былъ на лекціи: оба читаютъ прекрасно. Кромѣ того я познакомился съ Мозеромъ⁵⁾ и Фохтомъ⁶⁾ и наконецъ—съ кѣмъ-бы Вы думали?—съ Швейкартомъ. Добрый старикъ помнить папеньку, васъ, меня, Харьковъ и приказалъ передать Вамъ свой душевный поклонъ⁷⁾. Сверхъ того я видался каждый день по нѣскольку разъ съ Прейсомъ, который посланъ путе-

¹⁾ Докторская диссертация И. И. Ср—скаго (Опытъ о предметѣ и элементахъ Статистики и Политической экономіи сравнительно. Харьковъ. 1839), не допущенная совѣтомъ Харьковского университета къ публичной защитѣ вслѣдствіе новизны взглядовъ, высказанныхъ въ ней авторомъ.

²⁾ Считаю не лишнимъ привести нѣсколько словъ о Шубертѣ изъ отрывочныхъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—скаго: «Шубертъ обизалъ меня сообщеніемъ статистико-топографическихъ свѣдѣній о Славянскомъ народонаселеніи не только Пруссіи, но и Австрійской Имперіи, и первый указалъ мнѣ на необходимость личныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи, основываясь на томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ отчасти и въ Австріи, многіе видятъ Славянъ только тамъ, гдѣ народъ остается чисто Славянскимъ безъ знанія Нѣмецкаго языка. Съ его помощію началъ я составленіе этнографической карты Славянской части Европы».

³⁾ Karl Rosenkranz —извѣстный послѣдователь Гегеля, докторъ философіи; былъ профессоромъ сначала въ Галле потомъ Кѣнигсбергѣ (1799—1868).

⁴⁾ «Розенкранцъ, занимаясь народной поэзіей въ отношеніи эстетическомъ и мифологическомъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ замѣчаній касательно народной поэзіи Германской, примѣняемыхъ къ міру Славянскому». (Изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—го).

⁵⁾ Проф. физики въ Кѣнигсбергскомъ университетѣ.

⁶⁾ Johannes Voigt (1786—1863), проф. исторіи и директоръ Кѣнигсбергскаго архива.

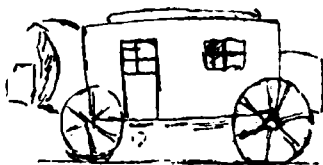
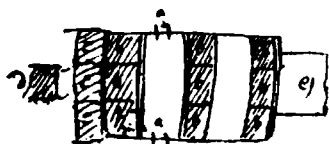
⁷⁾ Ferdinand Karl Schweikart; въ 1813—1816 г. былъ профес. въ Харьковѣ. О его службѣ въ Харьковѣ есть нѣсколько словъ въ воспоминаніяхъ Роммеля (Пять лѣтъ изъ исторіи Харьк. унив.): «Украшеніемъ университета и юридико-политическаго факультета, пишетъ Роммель, былъ мой другъ благородный философъ Швейкартъ... Въ 1817 г. мнѣ посчастливилось перезвать его въ Марбургъ; отсюда съ титуломъ профессора и члена суда онъ перешелъ въ Кѣнигсбергъ, а въ 1844 г. вызванъ былъ въ Берлинскій синодъ».

шествовать отъ Петерб. Университета, съ тою-же цѣлію какъ и я, и теперь живетъ въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка ¹⁾.—Вообще я провелъ въ Кёнигсбергѣ время очень, очень пріятно: Дай Богъ, что-бы и всюду такъ. Кое-что успѣлъ я прочесть и даже досталъ одну старинную Слав. грамоту (отъ Фохта).

5-го числа декабря я выѣхалъ изъ Кёнигсберга въ 6^{1/2} часовъ вечера, и 8-го въ 3-мъ часу послѣ обѣда былъ уже въ Берлинѣ. Скажу нѣсколько словъ о дорогѣ.—Мое мѣсто въ Personen-Post случилось угольное (это лучшія мѣста) я задомъ къ движенію экипажа: въ ногахъ бурка, подъ бокомъ подушка, на головѣ шапка, на мнѣ самомъ шуба и шинель, — мнѣ было тепло и покойно. Вотъ встаети и

расположеніе кареты:

а вотъ и видъ:

а) входъ въ карету. б) мѣста: 9 мѣстъ въ каретѣ. с) три мѣста въ кабріолетѣ, изъ нихъ одно для кондуктора. Что-бы пройти въ заднія мѣста, надобно перелѣзть черезъ подушку средняго ряда. Мое мѣсто означено крѣстикомъ. Первый рядъ и средній рядъ сидятъ ногами другъ къ другу. d) мѣсто для почтальона. е) ящикъ для багажа. Сверху кареты другой.—На каждой станціи останавливались не болѣе 5 минутъ, исключая завтрака, обѣда и ужина, на что употреблялось по 20 или по 30 минутъ. Приѣзжая на станцію, гдѣ можно кушать, все находишь готовымъ, и плата очень недорогая. Пассажиры измѣнялись непрерывно одни другими, и только четверо доѣхало изъ Кёнигсберга до Берлина, другіе пристали или отстали на полудорогѣ. Люди были большею частію не занимательные. — Дорога отъ К. до Б. лѣтомъ должна быть во многихъ мѣстахъ прелестна: почти непрерывно тянется аллея раинъ, осинъ, липъ; часто идетъ боромъ или березовой рощей, и дорога вьется, и то поднимается, то спускается внизъ; часто видишь прекрасные сельскіе домики, рѣдко лачужки. Прелестно. Фрауенбургъ мы проѣхали ночью: жаль, потому

¹⁾ Въ одной изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—ій такъ пишетъ объ этомъ первомъ личномъ знакомствѣ съ Петромъ Ив. Прейсомъ: «Первый мой визитъ былъ Петру Ивановичу Прейсу, какъ сотоварищу по пути, мною избранному. Онъ живетъ съ мѣсяцъ и пробудетъ еще съ мѣсяцъ въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка подъ руководствомъ профессора Резы. Милый молодой человѣкъ, отъ котораго многого можно надѣяться. Съ нимъ я провелъ очень весело почти все утро и до 4-хъ часовъ пополудни. Онъ проводилъ меня къ квартирѣ профессора Шуберта»... (Кёнигсбергъ. 1839. Дек. 1).

что здѣсь погребенъ Коперникъ, а гробу этого Славянина нужно было бы поклониться. Эльбингъ—миленькій городъ съ 25,000 жителей, и довольно новый, слѣдовательно не богатый старонѣмецкими вычурами: его мы тоже проѣзжали ночью, но луна свѣтила и наружность города можно было хорошо видѣть. Въ Маріенбургѣ останавливались на 20 минутъ. Это время я употребилъ, что-бы обѣгать замокъ. Огромное и великолѣпное зданіе. Не знаю впрочемъ жалѣть-ли или радоваться, что и наружность и внутренность его подновлены. Я бѣгалъ по корридорамъ, лѣстницамъ и заламъ, представляя себя жильцемъ 15-го вѣка: чудное состояніе. Стоило бы остановиться во многихъ мѣстахъ, но время не позволяло. Стрѣльчатые своды, разноцвѣтные окна, мозаиковые полы, корридоры кольцами, витыя лѣстницы, статуи, образа гигантскаго размѣра, и всего много: живешь въ четверо тише, потому что впечатлѣніи вчетверо больше. Передъ Диршау переѣзжалъ черезъ Вислу: прекрасная рѣка. Штаргардъ хорошенькій городъ съ прекрасною площадью, что въ городахъ Германскихъ очень рѣдко, такъ что въ Кенигсбергѣ есть нѣсколько площадей величиною не болѣе и даже менѣе перекрестка передъ домомъ Генріэты Ѳедоровны ¹⁾, и называются торжественно площадями. Кюстринъ городъ съ 5,000 жителей на стрѣлкѣ соединенія Варты съ Одеромъ и вооруженъ большою крѣпостію, о которой я бы рассказалъ многое, если-бы пожилъ съ братомъ въ Пбургѣ по болѣе. Отъ Кюстрина до Берлина только 11½ миль.—Чѣмъ ближе подѣвзаешь въ Берлину, тѣмъ жизни болѣе, и болѣе населенія, и болѣе движенія странниковъ пѣшихъ и въ экипажахъ,—и за 2½ мили показался Берлинъ. А вотъ ѣдутъ и фуры длиною и вышиною аршинъ по 5, вотъ и молочницы идутъ съ тѣлѣжками, въ которыя запряжены собаки, вотъ и почты обгоняютъ одна другую, вонъ дымятся и высокія трубы фабрикъ, вонъ и ворота Берлина. И забылъ сказать, что еще вечеромъ наканунѣ пересѣлъ я съ своего мѣста въ кабриолетъ, уступивши мѣсто мое одной большой дамѣ, которую беспокоилъ вѣтеръ: ночью было холодно, за то, вѣвзжая въ Берлинъ, я видѣлъ его очень хорошо. Пріятно было вѣвхать въ широкую, прямую, прекрасно обстроенную улицу, въ городъ, на которомъ всюду отпечатокъ нашего вѣка: невольно веселѣе становится сердцу, будто принимаешь участіе, будто становишься членомъ въ этой кипучей дѣятельности. Полмили (3½ версты) ѣхали мы по улицамъ Берлина до Почтоваго двора. Пріѣхали наконецъ; всякій отобралъ свои вещи и отправился съ ними въ свою сторону. Я, по совѣту Шуберта, отправился въ Hotel de Brandenburg на Площадь Жандармовъ. Тутъ отвели мнѣ въ верхнемъ этажѣ маленькую комнату по 15 серебр. грошей въ день (по 1,80 коп.),—и я зажилъ.

¹⁾ Г. Ѳ. Юнкертъ; въ ея домѣ, въ Харьковѣ, жили Е. И. и И. И. Срезневскіе.

Впрочемъ остаюсь въ моемъ отелѣ не на долго. Найму мѣсячную квартиру: это будетъ дешевле и даже выгодноѣ. Предполагаю остаться въ Берлинѣ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, потому что считаю необходимымъ послушать лекціи Боппа ¹⁾ и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Не могу жить долго, потому что у меня только 125 талеровъ (около 400 рублей); проживу сколько можно.

23 Декабря, по нашему 11-е.—Вотъ уже скоро трое сутокъ какъ я живу въ Берлинѣ и до сихъ поръ не устроился. За то время летить. Первый вечеръ я провелъ въ театрѣ: виртуозъ-скрипачъ Прюмъ давалъ концертъ, дѣвица Шульце пѣла, и потомъ былъ данъ балетъ „Морской Разбойникъ“. Прюмъ играетъ превосходно, Шульце поетъ громко, балетъ поставленъ хоть и хуже Петербургскаго, но все хорошо. На другой день, побродивши утромъ по городу, я нашелъ квартиру нашего священника Доримедонта Васильевича Соколова, попалъ какъ разъ на именины его жены Анны Сергѣевны, и воротился отъ него во 2-мъ часу ночи. Тутъ были почти все Русскіе: Полковникъ Юни съ женою и 2 дочерьми, два брата Джонсены, два брата Маленны ²⁾, семейство полунѣмца Барту ³⁾, Нѣмецкій купецъ съ женою, и еще кто-то. Танцовали подъ фортопіано, пѣли, веселились отъ души, — просто, какъ у насъ. Юни просилъ меня на другой день къ себѣ, и я вчера опять воротился во 2-мъ часу: было тоже, и кромѣ прежнихъ я познакомился съ Свиридовымъ ⁴⁾, Калиновскимъ ⁵⁾, Адъютантомъ Принца Ольберхомъ ⁶⁾, двумя

¹⁾ Подъ руководствомъ Боппа Н. Н. С.—кій занимался Санскритскимъ языкомъ; вотъ что онъ пишетъ объ этихъ занятіяхъ (2 янв. 1840 г.) своему брату: «Познакомился я сошелся съ Боппомъ, у котораго слушаю Санскр. грамматику; выучу этимологию, да и поѣду изъ Берлина. Боппъ помогаетъ мнѣ отъ души и на лекціяхъ, гдѣ бываешь не болѣе 4-хъ человекъ, особенное вниманіе обращаетъ на меня, стараясь передать мнѣ и то, что говорилъ онъ на прежнихъ лекціяхъ». Ниже въ томъ же письмѣ читаемъ: «Остаюсь въ Берлинѣ еще на 3 недѣли. Надобно доучить Санскр. склоненія, выучить спряженія и лучше понять формы произведенія словъ. Боппъ мнѣ сказалъ, что въ полгода можно отлично узнать Санскр. языкъ, занимаюсь по 3 часа въ день; но полгода я не могу посвятить на это, да мнѣ и не нужно отлично знать Санскр. языкъ: хочу только понять его и, что еще важнѣе для меня, понять, какъ понимаютъ Герм. ученые сравнительность языковъ».

²⁾ Маленны, Александръ и Василій, окончившіе юрид. фак. Спб. ун. въ 1839 г.

³⁾ Семейство живописца Барду, какъ видимъ изъ слѣдующаго письма; вѣроятно это отецъ и сынъ—Карлъ и Алекс. Барду (Bardou), картинъ которыхъ бывали на Берлинскихъ выставкахъ конца 1830-хъ и начала 1840-хъ гг. (см. Verzeichniss der Werke lebender Künstler, welche in den Sälen des Akademie-Gebäudes... öffentlich ausgestellt sind. 1837. XXX. Kunstausstellung der Königl. Ak. d. Künst.; также Verzeichniss 1840. 1842 г.).

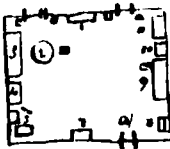
⁴⁾ Яв. Алекс. Свиридовъ, въ это время лекарь, впоследствии врачъ. Служ. Мед. дивизіи и Медицинской полиціи въ Харьк. живя: посланъ Харьковскій ун. для усовершенствованія въ исторіи медицины, въ 1839 г. онъ уже былъ на обратномъ пути изъ Россіи. (Изъ пут. зам. Н. Н. С.—го).

⁵⁾ Яв. Ник. Калиновскій, впоследствии проф. Сельскаго Хозяйства и Мотоводства въ Московскомъ университетѣ.

⁶⁾ Ольбергъ, адъютантъ принца Карла; въ письмѣ къ Н. Н. С.—й упоминаетъ Н. Н. С.—ій говорить, что Ольбергъ готовитъ и режиссировать на Нем. яз. нѣкое русск. драм. Писателя (Письмо изъ Берлина, 2 янв. 1840 г.). Эта опера была въ 1840 г. Gedichte von Al. Puschkine übersetzt von E. v. O. Bergh. Вѣстн 1841. М. жень. Ряз. вѣстн 214). Вѣроятно Ольбергу же принадлежатъ нѣкоторые стихи изъ Писателя, упоминаемыхъ въ Нхъ Нип. Величествахъ, изд. въ 1840 г. Gedichte von Alexander Puschkine aus dem Russischen übersetzt von E. von O. Bergh. 1840. № 216.

Русскими офицерами. Русский этот кружок мнѣ очень нравится, и Богъ дастъ я съ нимъ сживусь. Поминали не разъ объ Александрѣ Ивановичѣ ¹⁾, о Семенѣ Семеновичѣ ²⁾, о Мишинѣ Касторскомъ ³⁾, и т. д. Русскіе тутъ любятъ другъ друга, и сживаются хорошо. Свиридовъ предлагаетъ мнѣ свои услуги для квартиры и портнаго, даже деньги: спасибо ему: онъ придетъ ко мнѣ въ 10 часовъ, и пойдемъ по Берлину. Священникъ—превосходный человѣкъ. Да и мало ли хорошихъ людей въ этомъ небольшомъ кругу. И всѣхъ Русскихъ въ Берлинѣ до 60 человѣкъ. — Последнюю страницу напишу уже на новой квартирѣ.

10 часовъ вечера.—Наконецъ я переселился на постоянное жительство. Вотъ мое жилище:

1) комодъ, на(дъ) нимъ большое зеркало, а на немъ часы, лампа и экранъ; 2) столъ передъ софой, за которымъ на креслѣ я сижу теперь и пишу; 3) софа; 4) шкафъ для платья; 5) умывальный столикъ; 6) печь; 7) другой комодъ; 8) чамоданъ; 9) постель, передъ которой стоитъ маленький столикъ; 10) столъ для книгъ; 11) секретеръ. На приличныхъ мѣстахъ стулья. Мебель почти вся краснаго дерева. На окнахъ (b) кисейное драппри.

Жилище мое—Подъ Липами, т. е. въ лучшей части города и на лучшей улицѣ, № 69. Подниматься надобно на четвертый этажъ, 52 ступени. Плачу 7 талеровъ въ мѣсяцъ; на отопку выдѣтъ талера два. Я нахожу мою квартиру выгодною. Обѣдать буду въ одномъ съѣстномъ домѣ и уже абонировался на полмѣсяца за 3 талера. Чай и кофе дома. Такъ что всего выдѣтъ на квартиру и пищу талеровъ 20 въ мѣсяцъ.

Я заказалъ себѣ и платье: пару фракную, скортукъ и жилетъ за 53 талера. Пара завтра будетъ готова. Сегодня я былъ въ театрѣ, и видѣлъ лучшихъ комиковъ Берлина за 15 серебр. грошей (т. е. 1, 60 к.).

Завтра отправлю письмо, буду у Посланника, и еще у когонибудь.

Прощайте, Маменька. Никому не пишу, потому что спать хочется: да извинять. Прощайте.

Вашъ люб. сынъ Из. Срез.

Поздравляю Васъ и всѣхъ съ наступающимъ Новымъ годомъ.

¹⁾ Покорскій (?).

²⁾ Лукьяновичъ.

³⁾ Мих. Ив. Касторскій, впоследствии докторъ философіи и проф. С.-П.-Б. ун-в.; во время заграничнаго путешествія онъ (1836—1837) долго жилъ въ Берлинѣ. (В. В. Григорьевъ. Имп. С.-П.-Б. Ун.).

XV.

№ 3. Берлинъ, ^{1840. Янв. 1.}
^{1840. Янв. 13.}

Цѣлую Вашу ручку, милая Маменька, и поздравляю съ Новымъ годомъ.

Сегодня я всталъ поздно, и только нѣсколько строчекъ успѣю написать до обѣдни, можетъ быть — только о томъ почему всталъ поздно и почему напишу только нѣсколько строкъ. Вотъ почему:—вчера я приглашенъ былъ на вечеръ къ Полковнику Юни, и пробылъ тамъ до 3-го часу утра. Общество было обыкновенное: хозяйка—Полковникъ съ женой и двумя дочерьми—дѣвушками; священникъ нашъ съ женой; живописецъ Барду съ женой, сыномъ и дочерью; Нѣмецкій книгопродавецъ съ женой; наконецъ одинъ, два, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро молодыхъ людей. Это общество помѣщалось въ двухъ небольшихъ комнатахъ: въ одной играли въ бостонъ или въ вистъ—не знаю; въ другой танцевали подъ фортопьяно, и должность музыканта исполняла или одна изъ дѣвушекъ, или хозяйка. Я... я... танцевалъ! Приказали, потянули, стали учить: повиновался. Потомъ разохотился,—и весь вечеръ проплясалъ. Изъ того, что танцевалъ и я можете судить, Маменька, что дѣло обходилось безъ претензій. Напротивъ того, всякій изобреталъ разныя штуки, что-бы заставить хохотать, и хохотали у кого сколько силъ доставало. Играли немного и въ фанты, дили и свинецъ. И я, грѣшникъ, во весь вечеръ не вспоминалъ о Васъ; за то когда стукнуло 12-ть, когда стали поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ и пить шампанское, мнѣ стало вдругъ такъ грустно, что я отказался я отъ вина, и отъ ужина, и готовъ былъ хоть плакать. За однимъ туромъ вальса послѣ ужина мнѣ стало легче, но только на минуту. Оставался до самого конца только потому, что неловко было уйти прежде. Мнѣ все думалось о васъ, хотѣлось узнать, гдѣ Вы, что Вы дѣлаете, весели-ли Вы, я представляюсь, что Вы одинъ, скучаете, грустите, и не съ кѣмъ Вамъ слова сказать. Не дѣла было не вспомнить и о томъ, что вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я не знаю, что съ вами, не имѣю ни строчки отъ Васъ. Мнѣ объ этомъ и думалось, мнѣ это и снилось,—и сегодня, вставши, я взялся прежде всего за перо къ Вамъ. Напишу листокъ къ Вамъ, листокъ къ брату и къ кому-нибудь еще изъ Петербургскихъ знакомыхъ и постараюсь отправить завтра. Братъ успѣетъ мнѣ отвѣчать, и утѣшить меня, что съ Вами.—Нѣтъ, я не приемысь страствовать: все болѣе и болѣе вижу, что дома лучше, гораздо лучше.

Теперь пора обратиться къ обѣднѣ. Помолюсь Богу, помолюсь и за Васъ, можетъ быть въ одно время съ Вами, когда Вы будете мыслить о васъ съ братомъ.

Помолился и воротился. Въ обѣдни было челоѡкъ до 40, можетъ и болѣе. вмѣсто пѣвчихъ пѣли Потсдамскіе солдаты. Былъ и посланникъ, было и болѣе 10 дамъ. Доримедонтъ Васильевичъ служить обѣдню прекрасно: время это проходить незамѣтно и пріятно. Въ часъ обѣдни окончилась. Шедши домой вмѣстѣ съ старухой Барду и дочерью, я заванъ былъ къ нимъ вмѣстѣ съ Калиновскимъ, оттуда пошли въ нашу ресторацію къ Чеху, оттуда кофе пить къ Свиридову, оттуда домой, велѣлъ топить печь, и сѣлъ писать письмо.

Печь! Это слово подираетъ меня морозомъ по кожѣ. Слава Богу, сегодня теплѣе. Вчера-же, третьяго дня и четвертаго дня было нестерпимо холодно: болѣе 15 градусовъ! Вы смѣтаете, Маменька; а я право не пучу. До сихъ поръ съ самаго пріѣзда въ Германію я еще не согрѣлся. Очень пріятенъ морозъ на воздухѣ, но въ комнатѣ—это другое дѣло. Представьте же себѣ, что у меня въ комнатѣ никогда не было теплѣе, какъ бывало въ дѣвичьей нашей въ домѣ Юнкертъ. Истопять печьку, не лзя къ ней притронуться; отойдешь шагъ отъ нея—паръ изо рта, еще шагъ—трясешься какъ рыба, а за письменнымъ столомъ сижу я не иначе какъ въ шубѣ, и то холодно. Топится же у меня два раза въ день. Заплешешь иногда по неволѣ. И это не у одного меня, а всюду: потому что и двойныхъ оконъ нѣтъ, и дѣвушка, прибирая комнату, всегда растворяетъ окошко, потому что и печи прегадко устроены. Развѣ лѣтомъ хорошо въ этой хваленной Германіи, а зимою — мерзко, несносно. И что же думать объ этихъ Нѣмцахъ, которыхъ ужасаютъ наши зимы: почти ни у одной дамы нѣтъ манта съ мѣховымъ воротникомъ, не говоря уже о пѣлахъ, а молодые люди, напрімѣръ студенты, бѣгаютъ въ однихъ сертучкахъ, и нѣкоторые — безъ галстуховъ, раскрывши шею и грудь. Нечистый ихъ знаетъ, гдѣ они набираютъ тепла, гдѣ отогрѣваются.

Теперь надобно отдохнуть—руки отогрѣть: околѣбли. Закурю трубку и сяду подлѣ печки, т. е. подлѣ небольшого кафельнаго шкафика, называемаго тутъ печкой.

Вотъ и въ третій разъ принимаюсь за письмо. Теперь уже 12-й часъ.

Сѣвши подлѣ печки за Санскритскую грамматику, я вспомнилъ о самоварѣ своемъ, котораго до сихъ поръ не пробовалъ. Развернуть его не долго, угли есть; вздумано и сдѣлано. Черезъ двѣ минуты самоваръ былъ поставленъ, и я, въ ожиданіи пока онъ будетъ готовъ, продолжалъ твердить склоненія. Пришелъ Калиновскій: «Пойдемъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ» (священникъ нашей).—«Пойдемъ, а прежде напьемся чаю».—Приготовили чай, напились, пошли. Тамъ застали, что Анна Сергѣевна съ Мlle Барду и меньшимъ Маленинымъ играютъ въ дураки: пристали и стали играть въ пятерыхъ. Пришла

мать Барду: играли въ шестерыхъ. Анна Сергѣевна послала за дочерьми Юни,—и когда онѣ пришли, пошли къ фортепьяно, и давай плясать: три пары танцовали, а четвертая дама играла. Не танцовали, а дурачились. Такъ да сякъ прошло до 11-го часу. Воротившись домой я зашелъ къ хозяйкѣ своей, поболталъ съ нею; а теперь къ столу, да за письмо.

И спать уже хочется: вчера мало спалъ. Покойную ночь!

2-е января.

О чемъ же написать на этой остальной полустраницѣ? Право не придумаю.

Развѣ написать о томъ, что можетъ молодой человѣкъ прожить въ Берлинѣ въ мѣсяцъ, думая беречь деньги:

За квартиру довольно порядочную около 8 талер. (я плачу 7); на дрова не менѣе 3 талер.; мѣсячный абониманъ на обѣдъ—6 талер. да прибавка къ этому 2 талера; на кофе и чай съ сахаромъ, хлѣбомъ и сливками 5 талеровъ, можетъ быть и менѣе; за чистку платья и сапогъ 1 талеръ; на театръ, гулянья и пр.—вдоволь—3 талера; на раз. мелочи 3 талера. Итого 30 талеровъ—около 100 рублей. Впрочемъ я уже издержалъ въ Берлинѣ по сей день—104 талера: изъ этихъ денегъ 54 пошло на платье, болѣе 15 на книги, около 5 на раз. разности, напр. на бумагу, перья. Слѣдовательно издержалъ 30 на кушанье и гулянья: плохо, да вѣдь это первое время.

Прощайте, душенька Маменька.

И. Срезневскій.

XVI ¹⁾.

Галле. 1840. ^{29 Янв.}_{10 февр.} Понедѣльникъ.

Пора идти за билетомъ для отъѣзда въ Лейпцигъ; а между тѣмъ надобно написать нѣсколько строкъ на память о Галле. 7-го февраля ю 2-мъ часу по полудни пріѣхалъ я въ Галле. За двѣ станціи до Галле въ Биттерфельдѣ я расстался съ моими спутниками изъ Потсдама, и поѣхалъ въ небольшой коляскѣ съ однимъ Потсдамскимъ купцомъ. Добрый человѣкъ, онъ ѣхалъ въ Галле только для того, чтобы навѣстить одного своего друга, который просилъ его осмотрѣть его заведенія. Подъѣзжая къ Галле, начинаешь чувствовать близость Саксоніи: ѣдешь уже между холмами и по холмамъ, ви-

¹⁾ Это письмо осталось недописаннымъ и, вѣроятно, не было послано по назначенію.

дишь вдали передъ собою чуть не горы. Вправо отъ Галле возвышается Retersberg съ развалинами стариннаго замка на вершинѣ; влѣво вскрывается кое гдѣ Сала съ бережными скалами ¹⁾).

Лейпцигъ, 1840. 30 янв.
11 февр.

Занявши вчера мѣсто въ Personenpost съ тѣмъ, что-бы въ 12-ть часовъ ночи ѣхать въ Лейпцигъ, заблаговременно пришелъ я въ Passagier Zimmer, и ожидалъ пріѣзда дилижанса. Около полуночи пріѣзжаютъ въ Галле два дилижанса: одинъ изъ Лейпцига въ Магдебургъ, другой изъ Магдебурга въ Лейпцигъ. Съ послѣднимъ долженъ былъ я отправиться. Ровно въ 12 часовъ пріѣхалъ Лейпцигскій дилижансъ, немного позже Магдебургскій. Пока отправили далѣе первый и приготовили лошадей для втораго, прошелъ часъ, такъ что мы, пассажиры въ Лейпцигъ могли выѣхать изъ Галле только во 2-мъ часу. Отъ Галле до Лейпцига только ²⁾ миль, одна перепряжка. Вовсе не занимательная болтовня моихъ сосѣдей—двухъ Жидовъ, Гамбургскаго прикащика и двухъ торговцевъ изъ Хемница (станція между Галле и Лейпцигомъ) усыпила меня, такъ что я проснулся только тогда, когда у вѣзда въ Лейпцигъ таможенный чиновникъ отворилъ двери и потребовалъ паспорта. Въмѣсто паспорта мнѣ дали бумажку съ тѣмъ, что-бы я написалъ на ней фа-

¹⁾ Слѣдуютъ 1½ бѣлыхъ страницы. Такъ какъ о посѣщеніи И. И. С—го Галле не сохранилось ни замѣтокъ, ни писемъ, рѣшаемся восполнить этотъ пробѣлъ сообщеніемъ г. Любовича о встрѣчѣ И. И. С—го въ Галле съ извѣстн. послѣдствіи историкомъ проф. Реппелемъ (Р. Стар. 1882. Іюль). Г. Любовичъ посѣтилъ Реппеля въ Бреславлѣ въ 1880 г. «Зашла рѣчь о нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, и г. Реппель сталъ вспоминать тѣхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Между прочимъ, онъ освѣдомился у меня о Измаилѣ Ивановичѣ Срезневскомъ. Извѣстіе о смерти И. И. было новостью для г. Реппеля. На мой вопросъ, гдѣ онъ познакомился съ И. И., г. Реппель разсказалъ мнѣ объ ихъ встрѣчѣ слѣдующее. Въ 1840 году пріѣхалъ покойный Срезневскій въ Галле, гдѣ находился Реппель, бывший въ то время приватъ-доцентомъ. Тутъ-то они познакомились и, по-видимому, подружились. Съ тѣхъ поръ, однако, они болѣе не встрѣчались. Не смотря на то, что со времени этого знакомства протекло такъ много времени, г. Реппель живо помнитъ И. И., пронаведшаго на него сильное впечатлѣніе своимъ умомъ, энергіею и живостью характера. Уѣзжая изъ Галле, И. И. оставилъ на память г. Реппелю на ключикѣ сѣрой бумаги, трехстишіе, которое онъ сохраняетъ до сихъ поръ. Вотъ это трехстишіе:

Ой піишовъ козакъ межъ чужіи люди,
Чи не лучше на чужини якъ межъ своими буде.
Ой що буде, то и буде, козакъ добра не забуде.

И. Срезневскій.

1840. Февраля 10.

Кромѣ Реппеля въ Галле И. И. С—кій познакомился съ Поттомъ и М. Дунке-ромъ; замѣтки ихъ, данныя ими на память И. И. С—му сохранились въ собраніи автографовъ архива И. И. Ср—го.

²⁾ Цифра пропушена.

милию, чинъ, мѣсто и цѣль странствія, и т. п. По этой бумажкѣ, сказали мнѣ чиновникъ, могу я получить обратно мой паспортъ. Другіе не дали паспортовъ: одни сказали, что они жители Лейпцига, другіе, что они изъ Хемница и завтра поѣдутъ обратно, и т. д. впрочемъ изъ словъ ихъ видно было, что они вралъ. Такъ одинъ жидъ на вопросъ чиновника отвѣчалъ, что онъ житель Лейпцига. «Какъ прозывается?» Шульце. «Купецъ?» Да! «Аа!»—и чиновникъ затворилъ дверцы, а жидъ захохоталъ. Было 6 часовъ, когда мы ѣхали по Лейпцигу. Почтовый дворъ, въ которомъ остановился длинѣнскъ—прекрасное, богатое строеніе. Одинъ изъ служителей предложилъ мнѣ услуги, и за 4 гут. снесъ мои вещи въ Hotel de Robière, гдѣ мнѣ совѣтовали остановиться. Комнатка, которую мнѣ отвели, довольно мала, но кажется будетъ покойна. Вмѣстѣ съ кофе мнѣ принесли Fremde Buch, въ которомъ я долженъ былъ написать отвѣты на тѣже вопросы, какъ въ тамош. бумажкѣ. Кофе прекрасный, служители вѣжливые. — Пора выйти смотрѣть на городъ.

Wam is dann dar Hund do?—Ha?—Wam dar Hund do is?—Wos?—Nu, wam dar Hund do is?—War?—Nu, dar Hund do?—Dar Hund do? Dos is main Hund.—Ah so!

Worüm sieht dann dar Hund so treech aus?—Ha?—Worüm dar Hund so treech aussitt?—War?—Dar Hund do!—Dar Hund do? nu dar sieht nischt!

Worüm frisst dann dar Hund nischt?—Ha? Worüm dar Hund nischt frisst?—War?—Nu dar Hund do!—Nu mer gä'n'n nischt.—Worüm gä'tt er dann dam Hund nischt?—Ha?—Worüm gä'tt er dam Hunde nischt?—Wos?—Worüm er dam Hunde nischt gät?—Wam?—Nu dam Hunde do.—Nu, mer hann nischt.—A, su!—

Сцена: Zwei Bauern sitzen in der Schenke, der eine den Kopf auf den Arm gestützt, in Gedanken versunken, der Andre unruhig, begierig ein Gespräch anzuknüpfen.

1. —Ist er verheirathet (женатъ)? 2. —Wer (кто)? 1. —Er (онъ). 2. —Wer (кто же)? 1. —Er (ну онъ). 2. —As wie ichi (я напримѣръ)? Ja (да). 2. —Ne (нѣтъ). 1. —Eh (гмъ)! 2. —Aber er (а онъ)? 1. —Wer (кто)? 2. —Er (онъ). 1. —Wer (кто)? 2. —Er (ну да онъ). 1.—Als wie ichi (я что-ли)? 2. —Ja (да). 1. —Ja (да). 2. —Ah (ахъ)! ¹⁾

¹⁾ Эти разговоры, иѣроятно слышанные во время пути, записаны на отдѣльный листокъ, вложенный въ письмо.

XVII.

№ 5. Прага. 1840 $\frac{4}{18}$ Февр. Воскресенье.

Наконецъ, душенька Маменька, я въ Прагѣ.—Напишу Вамъ хоть нѣсколько строчекъ, пока мнѣ вычистятъ платье. Вечеромъ буду имѣть, вѣроятно, болѣе времени; а теперь—хоть нѣсколько строкъ.

Вчера въ 11 часовъ утра я оставилъ Дрезденъ. Мнѣ расхвалили его до того, что онъ мнѣ во все не понравился. Притомъ-же всѣ драгоценныя собранія открыты бывають только лѣтомъ; слѣдовательно не многимъ было и любоваться. Я обѣгалъ городъ, осмотрѣлъ главныя церкви, посѣтилъ театръ; два Kafe-haus'a, пересчиталъ до сотни сапожныхъ лавокъ, полюбовался Эльбою и окрестностями города съ Эльбскаго моста,—и въ дорогу. Когда буду въ Дрезденѣ въ другой разъ, тогда осмотрю и собранія, и Саксонскую Швейцарію; а теперь лучше всего было ѣхать скорѣе въ Прагу.

Дорога отъ Дрездена до Праги очаровательна. Идетъ между горъ и по горамъ, и безпрестанно раскрываетъ новые очаровательные виды. Чѣмъ ближе къ Австрійской границѣ, чѣмъ высота горъ чувствительнѣе, виды красивѣе. Въ Петерсвальдѣ—на границѣ—снѣгъ и холодъ, точно зима, между тѣмъ какъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ я гулялъ во одномъ сюртукѣ и вокругъ все уже начинается зеленѣть. Точно зима,—и какъ хороши эти горы и ели, покрытыя густымъ пластомъ инея, какъ пріятно глядѣть на нихъ изъ долины. Въ Петерсвальдѣ Австрійская таможня: записали наши паспорта, и осмотрѣли вещи. Мнѣ говорили, что этотъ осмотръ бываетъ не безъ непріятностей для проѣзжихъ; кажется, это неправда: всѣ мои вещи были уложены въ 2-хъ Reisesack'ахъ, и если-бы захотѣли осмотрѣть ихъ подробно и проворно, то бѣднымъ книгамъ навѣрно-бы досталось, да и платье могли порвать. Ничего этого не было: на вопросъ чиновника, что я везу съ собою, я отвѣчалъ: «Платье, бѣлье, книги, тетради,—и если вамъ угодно осмотрѣть, то я выну все,—мнѣ бы только жалалось, что-бы я вынималъ самъ, потому что незнающій можетъ что-нибудь испортить.—«Вы путешествуете»? спросилъ меня чиновникъ. «Да». «Пишемъ у васъ нѣтъ»?—«Есть письма, которыя я получалъ отъ знакомыхъ и родныхъ». —«А запечатанныхъ писемъ къ кому-нибудь нѣтъ»?—«Нѣтъ».—«Ну, я не буду трогать Вашихъ вещей: увѣренъ, что Вы говорите правду». Я поблагодарилъ чиновника словами, —и оставивши свои вещи на произволъ кондуктора, побѣжалъ обѣдать, потому что очень проголодался. Къ 5-ти часамъ все было готово къ отъѣзду,—и по звуку трубы мы усѣлись въ карету. Карета была уже не Саксонская, а Австрійская, порядочная, но не столько покойная. То-ли дѣло наши Русскіе дилижансы! Впрочемъ и Австрійскіе имѣють свое доброе: несмотря на гористую дорогу, мы

ѣхали очень скоро, по Русски, не такъ какъ въ Пруссіи, гдѣ иногда не знаешь, за что и считать себя—за гуся ли, котораго везутъ въ городъ на продажу, или за какой другой товаръ. Мало-по-малу стемнѣло, и мѣсяца было не видно за туманомъ; но я не переставалъ глядѣть и смотрѣть. Я былъ въ Богеміи: могъ ли я спать? Подлѣ Кудьма, я высказывалъ изъ дилижанса, что-бы лучше видѣть поле сраженія и три памятника въ память этого сраженія. Далѣе любовался Тѣплицемъ, еще далѣе Лауномъ; еще далѣе всякой деревушкой, потому что всякая хатка напоминала мнѣ Русь. Въ 7-мъ часу утра мы подѣхали къ горамъ, окружающимъ Прагу, въ 8-мъ были въ Прагѣ. Когда-то сердце мое трепетало, когда я подѣвжалъ къ Москвѣ: теперь оно также трепетало. И въ самомъ дѣлѣ, Прага имѣетъ сходство съ Москвою. Чудный городъ! Не знаю, какимъ я найду его, когда осмотрю лучше; а теперь онъ для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самаго Берлина. А чего стоитъ одно то, что, проходя по улицѣ, слышишь Славянскіе звуки и даже Московскій напѣвъ.

$\frac{6}{17}^1$) Февр. Понедѣльникъ.

Не спавши поза-прошедшую ночь въ дорогѣ, я не могъ не хотѣть спать, и воротившись домой (въ Гостинницу Голубой Звѣзды, гдѣ я остановился), легъ. За то всталъ сегодня рано и здоровый, хоть опять не спать цѣлую ночь. Вотъ какъ провелъ я вчерашній день: одѣвшись, я поѣхалъ къ Шафарику, былъ имъ облаканъ, и проговорилъ съ нимъ часа два. Я понимаю, когда онъ говоритъ по Чешски; онъ понимаетъ, когда я говорю по Русски; слѣдовательно можемъ разговаривать безъ труда. Отъ него я получилъ письмо, писанное Вами 31 Декабря (1 Января): прежняго онъ не получалъ. Сказавши, что-бы я приходилъ къ нему въ 3 часа, что-бы вмѣстѣ идти въ Чешскій театръ, онъ далъ мнѣ своего сына, что-бы онъ проводилъ меня домой. Дома я пообедалъ, потомъ пошелъ бродить, зашелъ въ кофейню и выпилъ чашку шоколаду, и къ 3 часамъ поспѣлъ къ Шафарику. Онъ видѣлъ меня изъ окна, и вышелъ на встрѣчу: добрѣйшій человекъ, онъ обращается со мною какъ родной. Вышла потомъ жена съ дочушкою, и въ 4-хъ мы пошли въ театръ. Чешскій театръ бываетъ только по воскресеньямъ и то отъ 4 до 6 часовъ, потому что въ 6 начинается Нѣмецкій. На этотъ разъ былъ данъ Quodlibet: пѣли куски изъ оперъ, кое-что танцовали и пр. Стракаты, Подгорска, Геснерова и Бекъ поютъ прекрасно; танцовщицы плохи. Театръ былъ биткомъ набитъ. Изъ театра пошли опять къ Шафарику, и пили чай, приготовленный по Русски. Пришелъ Докторъ Станекъ²⁾). Говорили о квартирѣ для меня: изъ разговора я увидѣлъ, что Шафарикъ былъ у Станка утромъ, и что Ста-

¹⁾ Въ подл. 5/17.

²⁾ В подл. 5/17.

некъ пріискалъ уже для меня комнату. Теперь я жду его, и пойдемъ смотрѣть. Я просидѣлъ у Шафарика до 8 часовъ, и, воротившись домой, легъ спать. Многое снилось и многое бы хотѣлъ я пересказать Вамъ; но словъ нѣтъ...

О вѣюгахъ Харьковскихъ я читалъ еще въ Берлинѣ, и добрая Анна Сергѣевна ¹⁾ утѣшала меня.—О недостаткѣ денегъ, душенька Маменька, не беспокойтесь: еще учусь экономничать; но и, учившись, не имѣлъ недостатка. Денегъ, которыя повезъ изъ Харькова, еще остается можетъ быть мѣсяца на два... а вотъ позвольте перечту... Безъ малаго 200 рублей. Кажется на два мѣсяца не должно стать. [Впрочемъ не беспокойтесь: деньги будутъ у меня. Можетъ быть уже и лежать на почтѣ] ²⁾.—За письма ко мнѣ платите только до границы; а за мои письма Вамъ придется платить не болѣе 2-хъ рублей асс. даже менѣе. Для полученія процентовъ точно надобно посылать въ банкъ самыя векселя. На всякій случай не мѣшаетъ написать письмо къ Андрею Львовичу Цвѣтаеву (въ Москвѣ, въ приходѣ Никола на Драчахъ, въ собств. домѣ): онъ служить по этой части, и помогалъ мнѣ получить вексель.—Ивану Петровичу напишу можетъ быть съ этимъ письмомъ, а если не этимъ, то съ слѣдующимъ.—

Цѣлую ручки Ваши, милая Маменька. Прощайте до слѣдующаго письма.

— Вотъ я и съ квартирой. Станекъ пришелъ ко мнѣ; съ нимъ пошли мы на квартиру,—и кончили. За большую комнату съ отопленіемъ, прислугой и мытьемъ бѣлья плачу—12 гульденовъ, т. е. около 24 рубл. И адресъ мой: In Prag. Roszmarkt. № 834, Chahrhaus. 3 Treppen hoch. bey dem Kaufmann Klinkaček.—Оттуда ходили въ Полицію, и взяли Aufenthaltsschein на 3 мѣсяца. Завтра переѣду на квартиру,—и стану заниматься. Благословите, Маменька!

Пожалуйста номеруйте, Маменька, Ваши письма, что-бы я зналъ, буду ли все получать: полученное мною буду считать № 1-мъ ³⁾.

При вѣздѣ въ Прагу взяли у насъ паспорта, и дали такую бумажку. N-ro. 114 Pasz-Rezepisse für Eilwagen. Angekommen den ¹⁶], 1840.

Jedermann hat nicht nur sogleich bei der Ankunft an dem Stadthore seinen Pasz abzugeben, sondern auch binnen 24 Stunden wegen des vorgeschriebenen Aufenthaltsscheines sich bei der k. k. Stadthauptmannschaft ganz unfehlbar gegen Vorweisung dieses Zettels, unter der diesfalls bestehenden Ahndung zu melden.

(Тоже по Чешски, Франц. и Итальян.)

¹⁾ Соколова, жена Берлинск. свящ. Д. В. Соколова.

²⁾ Помѣщенное въ скобкахъ []—приписка на погѣ.

³⁾ Приписка на погѣ. Слѣдующее послѣ этого записано на отдѣльномъ листѣ, вложенномъ въ письмо.

(На другой стороне)

Aufenthaltsschein

für

Ismail Srezniewski

gebürtig aus Iaroslaw im Russland

versetzen mit Pasz von

wohnhafte in

gültig auf

Bei jeder Veränderung der Wohnung, wie auch bei Ausgang der Aufenthaltsfrist, ist dies hierorts zu melden

Von der k. k. Stadthauptmannschaft

Prag den 1840

По приѣздѣ къ Почтов. двору, вновь осмотрѣли наши вещи.

Остановившись въ Гастгаузѣ подъ вывѣскою blaueu Stern отъ меня по-
требовали отвѣтъ на записку слѣд:

Meldzettel Billet d'Annonce

(на Фр. и Нѣм. яз.)

Bei mir Gestadverlasser (?) ist heute eingekehrt:

Stadtviertel Haus N ro Hausschild

Nennet sich Ismail Srezniewski.

Charakter oder Nahrung Adjunctprofessor

Geburtsort und Vaterland Iaroslaw in Russland

Alt 27

Religion Griech.—Catholique

Stand (ledig, verheirathet, verwittwet) ledig.

Kommt von Dresden

Gedenket hier zu bleiben 1 Monath

Allein oder mit Allein

Hat Pasz oder Urkunde von Hat Pasz

Reiset von hier nach Wien.

Prag den 1840.

XVIII.

№ 6. Прага, 1840. 2-й листок

Вотъ я писалъ какъ я въ Прагѣ. я въ Прагѣ, тогда въ Прагѣ
прошли въ Прагѣ два раза. какъ пришла въ Прагѣ, тогда въ Прагѣ
пришелъ, пришелъ, пришелъ, пришелъ, пришелъ, пришелъ, пришелъ, пришелъ,
недоволенъ. изъ Прагѣ въ Прагѣ, пришелъ, пришелъ, пришелъ, пришелъ.

Встаю рано—въ 7-омъ часу. По голосу моего звонка дѣвушка приходитъ топить печь (топится въ моей комнатѣ по 2 раза въ день по немного, потому что очень холодно—доходить, можетъ быть до 10°, такъ холодно, что Молдава, передъ моимъ прїѣздомъ совершенно растаявши, опять покрывалась по берегамъ довольно толстою корою льда; время впрочемъ стоитъ ясное). Между тѣмъ какъ я умываюсь, мнѣ готовить кофе, и черезъ пять минутъ приходитъ старушка няня, точный портретъ нашихъ русскихъ нянь, съ кофе, а съ нею приходятъ и два милыхъ мальчика, сыновья моего хозяина, поздороваться со мною. Потомъ я остаюсь одинъ и занимаюсь. Почти всегда до самого обѣда я дома. Обѣдать мнѣ ходить недалеко: стоитъ спуститься по тремъ лестницамъ внизъ: тутъ за очень умѣренную плату имѣю три кушанья, довольно чисто приготовленныхъ. Послѣ обѣда или иду домой спать или изъ дому гулять. Въ три часа приходитъ ко мнѣ І. Франта Шумавскій ¹⁾, съ которымъ занимаемся мы по Чешски и по Русски. Вечеромъ рѣдко остаюсь дома; иду или къ Шафаріку или къ Станьку или куда нибудь со Станькомъ. Въ половинѣ 9-го я опять дома, и прямо къ хозяину, болтаю съ нимъ и его женою, играю съ дѣтьми. Потомъ, въ половинѣ 10-го, отправляюсь въ свою комнату заниматься—и въ 12-мъ часу гашу свѣчку. Изъ Чеховъ ученыхъ болѣе всего сошелся я съ докторомъ Станькомъ: хоть на короткое время, а непремѣнно видимся съ нимъ каждый день, никакъ не думая считаться визитами. Дома я—точно дома: дверь изъ моей комнаты въ хозяйскую не запирается, а выходя изъ дому запираю только дверь въ переднюю; хозяйка сама смотритъ за чистотою въ моей комнатѣ; вечеромъ иногда безъ церемоніи и ужинаю съ ними или пью пиво, впрочемъ пиво мнѣ не нравится, а ужинать я совершенно отвыкъ; когда въ это время я сижу въ хозяйской комнатѣ, то маленькую дочку хозяйскую убаюкиваютъ въ моей комнатѣ, и т. д. Если что мнѣ нужно, стоитъ только слово сказать хозяину или Станьку, какъ все готово.

Вчера вечеромъ я былъ у Станька. Чтобы познакомить меня съ молодыми Чешскими литераторами, онъ созывалъ ихъ всѣхъ къ себѣ. Пили чай по Русски. Сестра жены Станька, миленькая дѣвушка, прекрасно играющая на фортепіано и прекрасно поющая, пѣла старинныя Чешскія пѣсни, потомъ Соловья Дельвига и «Сладко пѣлъ душа соловушко» Лажечникова (видите, я не напрасно повезъ съ собою ноты). Послѣ сѣлъ за фортепіано одинъ изъ литераторовъ и подъ его акомпанеманъ все общество стало пѣть народныхъ Чешскія пѣсни: чудный хоръ, человѣкъ 12 басовъ и теноровъ. И такъ далѣе,

¹⁾ Іос. Фр. Шумавскій (1796—1857) — филологъ и литераторъ; имъ составленъ Deutsch-böhmisches Wörterbuch (1843) и начато изданіе большого словаря Славянскихъ нарѣчій «Wörterbuch der Slawisch. Sprach. in den sechs Hauptdialekten.»

и такъ далѣе. Всѣ рады были знакомиться со мной, всѣ говорили отъ души. Литературное братство Славянъ могущественное братство: я это испытываю на себѣ, и душевно благодарю ихъ за пріязнь. Особенно нравится Чехамъ моя терпимость, мое правило «почитать и власть политическую, оставаясь вѣрными подданными отечества, почитать и народность». Въ политическомъ отношеніи мы всѣ Европейцы, въ народномъ—Славяне. Въ обществѣ нашемъ есть и Поляки,—и, повѣрите ли, Маменька, рука въ руку съ каждымъ изъ нихъ, я остаюсь Русскимъ, онъ Полякомъ, и дружны. «Мы Славяне»: это слово примиряетъ враговъ... я это испытываю уже не первый разъ: въ Лейпцигѣ сошелся я такъ же съ Поляками, и мы были друзьями, разстались друзьями... Германцы не составляютъ вѣдь одного государства, а могутъ быть Германцами-братьями одной крови: такъ могутъ быть братьями и Славяне; а что до Поляковъ, то, Богъ дастъ, они будутъ со временемъ и болѣе нежели братьями Русскихъ.

—¹¹/₂₄ Февралья.

Вчера вечеромъ... опять вечеромъ! Нѣтъ лучше начну съ утра. Вчера утромъ я отправился съ хозяиномъ бродить по церквамъ. Заходили во многія, пока дошли до собора св. Вита. Церквей въ Прагѣ еще много. Прежде было еще больше, и почти столько же монастырей; но уничтожены, и превращены въ казармы или въ больницы, или въ присутственныя мѣста, или во что нибудь подобное. Многія изъ церквей очень велики и хорошо украшены. Впрочемъ ни одна изъ нихъ не можетъ быть сравнена съ соборомъ св. Вита. Подобнаго храма за границей я еще не видалъ. Онъ построенъ въ готическомъ вкусѣ, и изумителенъ смѣлостью и легкостью архитектуры и богатствомъ украшеній. Вотъ его форма... ¹⁾).

Колонны какъ будто изъ гигантскихъ тростниковъ поддерживаютъ середину храма и второй этажъ, опирающіеся на этихъ колоннахъ весь прозраченъ и отдѣланъ какъ игрушка. За колоннами ходъ довольно широкій и вдоль по всему ходу кругомъ множество капеллъ, посвященныхъ разнымъ святымъ. Во время проповѣди мы ходили по церкви и осматривали ее. Потомъ началась обѣдня, и мы заняли мѣсто на первой лавкѣ. Я молился съ благоговѣніемъ, величественные звуки огромнаго органа, сопровождаемые прекраснымъ оркестромъ и хоромъ, не могутъ не внушать благоговѣнія. Постараюсь посѣщать св. Вита довольно часто. Жаль только, что далеко: отъ Конскаго торго, гдѣ я живу, надобно идти различными улицами и улочками довольно далеко до мосту, потомъ длиннымъ, длиннымъ мостомъ (что на картинѣ у Ив. Петр.), потомъ улицами

¹⁾ Въ подлинникѣ слѣдуетъ рисунокъ.

до горы, гдѣ замокъ, сходцами въ 220 ступеней на гору и по горѣ различными изворотами. За мостъ, т. е. на малую страну, я хожу очень рѣдко. Видъ съ замковой горы на городъ превосходенъ; видъ съ моста на гору таковъ же. — Послѣ обѣда я былъ въ Чешскомъ театрѣ: давали мелодраму «Саломоновъ судъ»; музыка очень хороша, но пьеса и игра актеровъ прѣжалкая, такъ, въ родѣ Харьковской. Изъ театра пошелъ къ Шафарику. Потомъ домой, прежде къ хозяину потомъ къ себѣ, и довольно рано легъ спать. За то сегодня рано всталъ...

Пожалуйста, милая Маменька, пришлите мнѣ слова «Сладко пѣлъ душа соловушко»: я не взялъ съ собою Новика, жалѣю, да нечего дѣлать, а теперь эта пѣсенка нужна. Ктонибудь изъ нашихъ знакомыхъ переписшетъ ее.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ. Цѣлую ручку вашу.

Из. Срезневскій.

ХІХ.

№ 6. Прага, ^{23 февр.}_{7 марта} 1840.

Живется кое-какъ, мало-по-малу; день [за днемъ, недѣля за недѣлей] идутъ, пройдутъ и мѣсяцы. Не бываетъ очень весело, не бываетъ и скучно. Утро безвыходно дома; послѣ обѣда хожу гулять по стѣнамъ города, потомъ опять домой, и вечеромъ, если не у Шафарика или Станька, то всетаки дома: большею частію дома. Много, многое надобно перечестъ, многое записать; да и безъ того нѣтъ охоты шлаться.

Не безъ исключеній впрочемъ. За недѣлю былъ я на одномъ масличномъ вечерѣ. Масленица или мясопустъ католическій продолжался до прошлой среды, чуть-ли не семь недѣль, и въ послѣдніе дни заставилъ по обычаю шумѣть, пѣть, плясать, всячески веселиться, и особенно плясать, всю Прагу. Съ пяти, даже съ 4-хъ часовъ по полудни начинались эти танцы, и продолжались—безпрестанно—вы не угадаете, милая Маменька, до какихъ поръ... до ночи? нѣтъ; до утра? чуть-чуть не до полудня. Въ улицахъ тихо, души не видно и не слышно; а пройдите по этой заглохшей улицѣ и изъ всякаго дому услышите музыку или пѣсни. Неутомимость здѣшнихъ плясуновъ и плясуней невѣроятна всякому, кто не изъ ихъ числа. Такъ и я былъ приглашенъ на одинъ изъ такихъ вечеровъ-сутокъ. Гдѣ-то въ концѣ города подъ Вышеградской скалою живетъ тотъ мѣщанинъ, у котораго собралось это общество: въ комнатѣ верхняго этажа плясали, въ комнатѣ нижняго этажа курили, пили пиво, пѣли. Общество было незавидное, хоть отчасти и изъ литераторовъ здѣшнихъ; но для меня любопытное. Пѣли большею частію пѣсни народные, нерѣдко глупыя по содержанію, но вообще прекраснаго напѣва: сходство съ Малороссійскими удивительное, и напѣвы еще музыкальнѣе. И танцовали

большую частью народные танцы—разнаго рода вальсы въ $2/4$, напр. польку, рейдовакъ, рейдовачку, фурианта и т. п. Дамы всё вообще ловки, и слѣдовательно смотрѣть было весело. Въ антрактахъ подавали кофе, чай, вафли или крафены (что-то въ родѣ аладій съ вареньемъ, обыкновенное здѣшнее пирожное или какъ тутъ называютъ мучное кушанье мейшпензе) и т. д. Гостепріимство истинно Славянское; простота и безцеремонность даже болѣе нежели Славянская, мѣщанская. И я пробылъ тамъ, хотъ и не танцовалъ, до... до 4-хъ часовъ утра, пока нашелъ себѣ провожатаго домой, потому что самъ не сумѣлъ бы найти путь домой. Мнѣ бы и веселѣе было, если бы я лучше могъ заставлять себя понимать; а то ломаю, ломаю языкъ, мѣшаю слова и грамматическія формы всѣхъ возможныхъ нарѣчій, а на Чешскій ладъ попадаю развѣ случайно или въ веселую минуту. Впрочемъ я не могу бранить Чешскаго языка только потому что еще не могу выразиться на немъ сколько нибудь прилично: это языкъ очень нѣжный, очень музыкальный.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ былъ на Чешскомъ дивадлѣ, т. е. театрѣ; на другой день то-же. Теперь во весь великій постъ Чешскаго дивадла не будетъ, потому что съ 7-ми часовъ Нѣмецкій театръ, а до 7-ми по костѣламъ читаются вѣзани, т. е. проповѣди.

Третьяго дня ходилъ въ Замокъ и осматривалъ залы сейма, королевскія—императорскія комнаты, комнаты, гдѣ жилъ Король Французскій Карлъ 10-й, и пр. Порядочно; но великобѣднаго почти ничего нѣтъ. Коронаціонная зала съ готическимъ сводомъ и убранная народнымъ Чешскимъ цвѣтомъ краснымъ—бѣлымъ, хороша, только узка; Испанская зала съ 35 люстрами также хороша; Впрочемъ наши Харьковскія залы (Университетская и Дворянская) гораздо лучше: больше, красивѣе, правильнѣе, проще, благороднѣе. Изъ Замка пошелъ въ Страховъ монастырь. Монастырей въ Прагѣ много; было въ четверо больше, но уничтожены и обращены въ разные заведенія. Страховъ имѣетъ богатую бібліотеку и картинную галерею. Осмотрѣлъ картины, кое-что изъ книгъ, записалъ имя свое по Русски и получилъ надежду бывать лѣтомъ: теперь еще холодно. Кстати: и въ самомъ дѣлѣ холодно, такъ что Молдава кое-гдѣ покрыта еще льдомъ,—и утромъ и вечеромъ бываетъ градусовъ до 5-ми. Въ серединѣ дня тепло, такъ что окно у меня теперь открыто. Дни чудесные: солнце и тихо; франтики гуляютъ въ легенькихъ сюртучкахъ съ открытыми шеями; франтики въ платьицахъ, Впрочемъ съ муфтами на рукахъ. А ужъ франтихъ тутъ, франтихъ! Живучи на конскомъ рынкѣ, лучшей площади въ Прагѣ, по которой ежедневно гуляютъ толпы ихъ около полудня я люблю и дивлюсь: если бы прямо изъ Харькова въ Прагу, такъ не зналъ бы, что и подумать объ этомъ множествѣ дамъ, изящно, богато одѣтыхъ. Славянки.

домовой-бы ихъ не взялъ, все Славянки: знать и по поступи, знать и по взгляду, и по вкусу. Это уже не чета Берлину, гдѣ всѣ хотятъ быть радугами: тутъ всѣ вмѣстѣ—одна радуга.

Пора однако закрыть окно (уже 5 часовъ), и перейти къ другому предмету. Въ Берлинѣ слышалъ я Дрейшока, родомъ Чеха, и считающагося теперь членомъ тріумвирата, гдѣ два другіе члена—Тальбергъ и Листъ. И этого Листа, Юлія Цезаря въ этомъ тріумвиратѣ, я слышалъ въ то-же утро. Дайте, расскажу порядочно. Недѣли за полторы объявили, что будетъ концертъ имѣющаго пріѣхать Листа, и что желающіе имѣть билетъ на 1-е мѣсто за 2 гульдена и на 2-е мѣсто (въ галереѣ) за 1 гульденъ могутъ получить въ музыкальномъ магазинѣ—забылъ чьемъ. По всѣмъ угламъ, по обычаю, прибито было это объявленіе, гдѣ Листъ написанъ былъ буквами вышиною вершковъ въ 5. Я прочелъ, я побѣжалъ въ магазинъ; я записался на 1-е мѣсто съ правомъ получить билетъ, когда пріѣдетъ Листъ, я ждалъ съ нетерпѣніемъ—и дождался. Къ несчастію, я не привыкъ еще помнить, что тутъ нѣтъ нумераціи мѣстъ, и что надобно за нѣсколько часовъ ранѣе приходить, чтобы занять порядочное мѣсто; забылъ, пришелъ тогда, когда зала была уже биткомъ набита. Я догадался однако, пошелъ на 2-е мѣсто, на галерею, добылъ, яко иностранецъ, стулъ, всталъ на него—и увидѣлъ не только все общество нижнее и верхнее, но и самого себя—въ зеркало, висящее на противоположномъ концѣ залы. Зала небольшая, кругомъ ея галерея: пестрядь людей—сельдей такая, что иной бы и вздвигнулъ плечами, да сосѣдъ мѣшастъ. Ждали, ждали: пришелъ блѣдный, худой, довольно высокій полу-молодой человѣкъ, 2-й экземпляръ Вас. Ник. Гана ¹⁾), раскланялся подъ прямымъ угломъ—и я началъ слушать. Листъ игралъ увертюру Бетховена, свои варіаціи на пѣсню Шуберта (они у васъ есть) и еще что-то. Я слушалъ. Емда! чортъ возьми! лучше меня. Такъ мягко дьяволъ играетъ, что когда уже слухъ отказывается слушать, все еще есть что слышать; такое *molle*, такое *piano*, такое *sotto voce*, и тутъ же такіе пассажи и лѣвой и правой, такое выраженіе, что мнѣ—даже стало завидно, даже перестало быть завидно. Хлопали ему такъ что ушамъ больно было. За то онъ сыгралъ еще двѣ пьесы на прибавокъ, и сыгралъ лучше, нежели то, что сыгралъ по общацію. Съ нимъ пѣла Пани Подгорска и Канъ Стракаты, хорошо, мило; но не то ужъ.—Ну Листъ!—

Цѣлую Вашу ручку, душенька Маменька. Дай Богъ Вамъ здоровья и покою.

Из. Срезневскій.

¹⁾ В. Н. Ганъ—одинъ изъ учениковъ пансіона Роберта (?) или Зимницкаго (?), гдѣ преподавалъ И. И. Срезневскій.

Троичина,

Кадниковскаго уѣзда.

Бытовой очеркъ.

Подъ именемъ «Троичина» извѣстна мѣстность въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, заключающая въ себѣ слѣдующія волости: Давыдовскую, Кремлевскую, Кумзерскую, Азлецкую, Зубовскую, Троицко-Енальскую, Ухтомскую, Вотчинскую, Нижеслободскую, Ембскую, Митюковскую и Вальгскую, составляющихъ сѣверную часть уѣзда. Объ этой мѣстности мы и намѣрены говорить въ настоящемъ очеркѣ.

Начнемъ съ климата. Климатъ въ данной мѣстности, впрочемъ, какъ и во всей Вологодской губерніи, очень суровый. Разливъ рѣкъ у насъ бываетъ въ концѣ Апрѣля или даже въ началѣ Мая мѣсяцевъ, но и послѣ этого иногда морозъ стоитъ вплоть до Іюня, и за это время нерѣдко выпадаютъ снѣгъ. Въ концѣ Іюля уже пахнетъ осенью: ночи становятся темныя и холодныя, листь на деревьяхъ начинаетъ желтѣть и падать, все указываетъ на приближеніе осени, когда въ другихъ мѣстахъ Россіи лѣто еще въ полномъ такъ сказать разгарѣ. Зимой же температура доходитъ до 40°, а 20° считается обыкновенною погодою, «морозцомъ» — и только.

Обратимся къ статистикѣ: къ числу жителей, населяющихъ эту мѣстность, числу селеній, дворовъ и земель, какъ надѣльныхъ, такъ и крѣпостныхъ, находящихся во владѣніи крестьянъ.

По свѣдѣніямъ г. Шляпина ¹⁾, составленнымъ по офиціальнымъ даннымъ, какъ свидѣлствуется ямъ, видно, что во всѣхъ этихъ 12-ти волостяхъ находится ревизскихъ м. п. душъ 12781.

Наличныхъ муж. п.	14859
» жен. »	15496
» обоего »	30755

¹⁾ 3-й т. Вологодскаго Статистическаго Справника, статьи В. В. Шляпина: «Статистическія свѣдѣнія о составѣ волостей Вологодской губерніи».

Селеній	394
Дворовъ	5383
Число надѣльной земли	95160 дес.
Крѣпостной земли	138028 »
А всего	233188 »

Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что число владѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 25 дес. крѣпостной земли, въ данной мѣстности 411 человѣкъ. Но мы увѣрены, что въ дѣйствительности крѣпостной земли, находящейся во владѣннѣ крестьянъ, гораздо болѣе 138 тыс. десятинъ, что же касается цифры (411) числа владѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 25-ти дес., то она поразительно мала. Впрочемъ тутъ статистика не виновата. Крестьяне вообще покупаютъ по-занадѣльную землю цѣлымъ селеніемъ или обществомъ, но совершаютъ купчую, во избѣжаніе лишнихъ нотаріальныхъ расходовъ, на 2—3-хъ лицъ своего селенія или общества. Такъ напр. въ томъ обществѣ, къ числу котораго принадлежитъ нишущій эти строки, куплено крестьянами по-занадѣльной земли отъ одного помѣщика 1725 дес., да и отъ другаго еще около 1000 дес., но купчія совершены только на 4-хъ человѣкъ. Понятно, статистики и берутъ только цифру 4, а на самомъ дѣлѣ владѣльцевъ здѣсь 65, и каждый имѣетъ болѣе 25 дес. этой земли. Это фактъ повсемѣстный.

1. Средства къ жизни населенія.

Главнѣйшими изъ средствъ къ жизни и уплатѣ повинностей мѣстнаго населенія являются: хлѣбопашество, подсѣчное хозяйство, рубка и возка лѣса, дегтекуреніе и смолокуреніе, льноводство, скотоводство, огородничество, луговодство, охота, рыболовство, заводская промышленность и отхожіе промыслы.

а) Хлѣбопашество. Хлѣбопашество занимаетъ первое мѣсто въ ряду промысловъ всего мѣстнаго крестьянскаго населенія. Сѣется рожь, овесъ, ячмень, частью горохъ и пшеница. Рожь и овесъ въ совокупности занимаютъ $\frac{8}{10}$ всего посѣва. Почва въ данной мѣстности дурная, требующая хорошаго удобрения, безъ чего хлѣбъ или вовсе не родится, или родится самъ 3—4-й, а на хорошо удобренной землѣ онъ бываетъ самъ 7—8-й, нерѣдко и самъ десятый. Посѣвъ яроваго происходитъ съ 20-го Апрѣля по 10-е Мая, озимаго — съ 10-го по 20-е Іюля, а иногда и позже, до 1-го Августа. Жатва хлѣба бываетъ съ 1-го по 20—25-е Августа. Уборка хлѣба начинается съ самаго начала жатвы и оканчивается въ первыхъ числахъ Сентября. Молоченье производится въ разное время: кто смолачиваетъ весь свой хлѣбъ еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ, а кто уже зимою, бываетъ даже и весною, особенно рожь съ новинъ, которую раньше зимы иногда нельзя и достать оттуда.

Мелятъ муку тотчасъ же, по окончаніи молоченья и притомъ на ближайшихъ водяныхъ мельницахъ, въ которыхъ недостатка здѣсь не ощущается. Система хозяйства, какъ и всюду на сѣверѣ, трехпольная, иныхъ системъ веденія сельскаго хозяйства крестьяне не знаютъ. Обработка земли производится сохами чуть-ли не допотопной конструкціи, въ боровахъ же въ послѣднее время замѣчается прогрессъ: зубья стали дѣлать желѣзные. Были попытки единичныхъ личностей изъ мѣстной интеллигенціи ввести въ употребленіе маленькіе плужки производства фирмы «Работникъ» и для новей — шведскіе № 29-й по пропагандѣ г. Энгельгарда, но, по неумѣнію крестьянъ обращаться съ ними, пришлось отказаться предпринимателямъ отъ осуществленія своей мысли.

Вообще можно сказать, что Троичина хлѣбомъ не изобилуетъ, и почти весь урожай его уходитъ для своего пропитанія, нерѣдко бываетъ и недостатокъ, кромѣ овса, излишекъ котораго ежегодно продается мѣстнымъ скупщикамъ, а послѣдними отправляется по веснамъ на судахъ въ Петербургъ.

б) Кромѣ того здѣсь громадное значеніе имѣетъ подсѣчное хозяйство, или новины по мѣстному выраженію, и мы были бы не точны, не сказавши объ этомъ.

Новины служатъ настолько важнымъ подспорьемъ къ сельскому хозяйству, что мы здѣсь считаемъ нужнымъ остановиться подольше. Прежде въ новинахъ сѣялась только одна рожь, въ послѣднее же время въ этомъ дѣлѣ замѣчается прогрессъ — новины стали засѣваться, рожью съ тимоееевкой и культура сѣмянъ послѣдней настолько выгодна для крестьянъ, и такъ быстро развивается на всемъ сѣверѣ, что мы не лишнимъ считаемъ привести здѣсь цѣликомъ нашу статью: «Культура сѣмянъ тимоееевой травы съ коммерческими цѣлями въ Кадниковскомъ уѣздѣ», помѣщенную въ № 17-мъ «Сельскаго Хозяина» за 1889 годъ.

«Когда и кѣмъ впервые былъ введенъ въ нашемъ (Кадниковскомъ) уѣздѣ посѣвъ тимоееевой травы — неизвѣстно, но это введеніе очень недавняго происхожденія, не болѣе 15—20 лѣтъ. Еще десять лѣтъ тому назадъ тимоееевка неизвѣстна была значительному большинству населенія, и воздѣлываніемъ ея занимались лишь одинокія личности. Въ настоящее время рѣдко встрѣтить у насъ деревню, въ которой бы неизвѣстно было о «сіянкѣ», по мѣстному названію. Если еще не всюду занимаются посѣвомъ тимоееевки, то лишь по неимѣнію вблизи удобныхъ лѣсныхъ участковъ земли, или же вслѣдствіе того, что такіе участки принадлежатъ казенному вѣдомству, гдѣ рубка подсѣвъ не дозволяется ни за какія деньги. Особенно распространенъ посѣвъ тимоееевки въ сѣверной части уѣзда, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «Троичина». Здѣсь занимаются этимъ дѣломъ цѣлыя деревни, даже волости, потому что трудъ по воздѣлыванію сѣмянъ тимоееевки вознаграждается на-

столько, что даетъ хорошій доходъ и землевладѣльцу, еще лучшій заработокъ крестьянамъ. Воздѣлываніе здѣсь тимоеевки производится исключительно для сѣмянъ, съ промышленною цѣлью. По обилію лѣсовъ, по сравнительной дешевизнѣ арендной платы за пользованіе чащами (лѣсныя поросли), подобный промыселъ является весьма полезнымъ и какъ бы естественнымъ. Крупный лѣсъ всегда находилъ и находитъ сбытъ за приличное вознагражденіе для землевладѣльца; на вырубленныхъ же мѣстахъ оставалось мелколѣсье, не дававшее прежде никакого дохода владѣльцу. Но вотъ является новый промыселъ — тимоеевка, и мелколѣсье дѣлается источникомъ хорошаго дохода и такого же заработка для крестьянъ. Неудивительно послѣ этого, что воздѣлываніе сѣмянъ тимоеевки годъ отъ году захватываетъ все большій и большій районъ мѣстности. Сѣется тимоеевка непременно на новинахъ, т. е. на вырубленныхъ и выжженныхъ лѣсныхъ поросляхъ, посѣвъ же на пашнѣ для насъ неизвѣстенъ. Лучшимъ мѣстомъ для посѣва служить мягкая съ перегноемъ земля, густо поросшая еловымъ, березовымъ и осиновымъ лѣсомъ. На такихъ мѣстахъ тимоеевка даетъ хорошій урожай сѣмянъ въ продолженіи 5-ти лѣтъ.

Облюбованное крестьяниномъ-тимоеевщикомъ мѣсто, прежде всего, рубится, что бываетъ въ Маѣ мѣсяцѣ, затѣмъ, на слѣдующій годъ, приблизительно около 1-го Іюля, такая новина выжигается и тщательно очищается, т. е. весь несорѣвшій лѣсъ убирается частью на изгородь, частью въ отдѣльную кучу. Когда все это бываетъ готово, новину сначала проборонуютъ особо для того сдѣланными узкими деревянными боронами («смыками») и засѣваютъ рожью съ тимоеевкой. Наиболѣе расчетливые крестьяне сѣютъ иногда сѣмена тимоеевки не вмѣстѣ съ рожью, а по озими, въ Мартѣ, прямо на снѣгъ, съ тою цѣлью, чтобъ она въ первый годъ, во ржи, только бы успѣла отродиться и не препятствовала бы росту послѣдней. Посѣвъ производить въ такой пропорціи, что на каждый пудъ высѣянной ржи кладется отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. тимоеевки, такъ что на десятину придется отъ $4\frac{1}{2}$ до 9 фунтовъ. Количество сѣмянъ, впрочемъ, зависитъ отъ мѣста; если оно очень удобное, то сѣмянъ выбрасывается очень, очень мало, такъ какъ здѣсь тимоеевка разрастается удивительно, и потому лишній фунтъ сѣмянъ, высѣянный на десятину, можетъ совсѣмъ испортить урожай — тимоеевка будетъ мелка, поляжетъ и не созрѣетъ во-время (не говоря уже о ржи, которая еще болѣе боится густоты посѣва). На худыхъ мѣстахъ сѣмянъ требуется, наоборотъ, нѣсколько болѣе, но и то ни какъ не болѣе 9 фунт. на десятину, такъ-что общепринятое для другихъ мѣстностей Россіи положеніе высѣвать на десятину отъ 30 до 50 фунт., для насъ кажется крайне преувеличеннымъ. По окончаніи посѣва, новина снова боронуется.

Въ первый годъ съ такой новины получаютъ одну лишь рожь, такъ

какъ тимоеевка во ржи бываетъ очень мелка и идетъ вмѣстѣ со ржаной соломой коровамъ на подстилку (впрочемъ, бываютъ исключенія: если посѣвъ во ржи этой самой тимоеевки «загустятъ», то она «заѣдаетъ», такъ сказать, рожь, и родится ея болѣе, нежели ржи; тогда, конечно, выдѣляютъ ее изъ ржи). Въ послѣдующіе года ее жнутъ уже одну, что бываетъ около «Успенія», т. е. 15 Августа. Жнутъ и молотятъ тѣми же орудіями, какъ и хлѣбныя растенія. Вѣютъ тимоеевку на тихомъ вѣтрѣ, потомъ просѣиваютъ сквозь рѣшето, а затѣмъ еще разъ или два — сквозь мелкое сито, послѣ чего сѣмена дѣлаются уже чистыми и въ такомъ видѣ поступаютъ въ продажу. Въ первые два года, при благоприятной для роста погодѣ, получается тимоеевки отъ 10 до 20 пудовъ съ десятины, а затѣмъ еще въ теченіи 2 — 3 лѣтъ нѣсколько меньше. Такимъ образомъ съ одной десятины, въ теченіи 5 лѣтъ, снимается иногда отъ 30 до 50 пудовъ сѣмянъ. Переведа это на деньги, по мѣстнымъ цѣнамъ — 2 руб. за пудъ — доходъ составитъ 60 — 100 руб. Ну, какая засѣянная чѣмъ-либо другимъ десятина земли дастъ такой доходъ, особенно у насъ, на сѣверѣ? Положимъ, мною принять въ расчетъ такой участокъ земли, который считается наиболѣе пригоднымъ для посѣва этого растенія, и урожай показанъ въ благоприятный годъ, что не всегда, конечно, бываетъ. Въ сухое, напр., лѣто урожай бываетъ гораздо меньше. Но и въ этомъ случаѣ доходность мало понижается по той причинѣ, что при маломъ количественно урожаѣ, сѣмена возвышаются въ цѣнѣ и доходятъ до 3 р. 50 к. за пудъ, вмѣсто обычныхъ 2 р. Если же принять еще во вниманіе, что арендная плата за землю у насъ пока не высока, не дорже 5 р. за десятину, и что въ первый годъ получается недурной урожай ржи, нерѣдко окупающій грудъ и самую аренду, то такое новшество въ сельскомъ хозяйствѣ нашего сѣвера является чистымъ благодѣяніемъ и неудивительно, поэтому, что развитіе его идетъ у насъ гигантскими шагами. И дай Богъ!

Всѣ собираемыя здѣсь сѣмена скупаются мѣстными купцами и отправляются частію гужомъ, въ Москву, частію на судахъ — въ Петербургъ, гдѣ и продаются по весьма выгоднымъ цѣнамъ. Насколько намъ извѣстно, въ Кадниковскомъ уѣздѣ (преимущественно въ данной мѣстности) собирается ежегодно сѣмянъ тимоеевки до 20 тыс. пудовъ, что приносятъ почтенную цифру рублей. Въ прошломъ (въ 1888 году), урожай тимоеевки былъ блестящій и, по всей вѣроятности, количество сѣмянъ по всему уѣзду значительно увеличилось, если не удвоилось. Намъ могутъ замѣтить нѣкоторые читатели, знакомые съ нашимъ сѣверомъ, что такая система хозяйства, какъ подсѣчная, хищническая, грозящая обезлѣсеніемъ мѣстности. На это я могу отвѣтить отрицательно. Хотя лѣсу вырубаются при этомъ дѣйствительно много, но это не грозитъ лѣсонстребленіемъ, и вотъ почему: во 1-хъ, потому, что весьма незна-

чительная площадь вырубается ежегодно подсѣками, сравнительно со всею площадью, занятою лѣсами; во 2-хъ, потому, что вырубленные и выжженные мѣста быстро заростають лѣсомъ снова и черезъ 15 лѣтъ опять бывають годны для подсѣкъ. Быстрое заростаніе новымъ лѣсомъ и служить главною причиною того, что тимоевская вся идетъ на сѣмена, Даже на 4—5-й годъ послѣ посѣва ея, выгодиѣ бы было уже косить на траву, потому что сѣмянъ въ эти годы получается мало. Но если ея не косать, то потому что нельзя, ибо на новинѣ вырастаетъ уже большой лѣсъ, и тогда косою тутъ ничего уже не подѣлаешь».

в) Рубка и возка лѣса. Благодаря изобилію лѣсовъ, лѣсной заработокъ относится здѣсь къ числу тоже главныхъ, дающій почти всему населенію средства къ жизни и уплатѣ повинностей. Рубка лѣса и вывозка его на берега рѣкъ начинается съ Ноября и оканчивается въ началѣ Апрѣля мѣсяца. Мелкіе землевладѣльцы-крестьяне вырубленный изъ своихъ дачъ лѣсъ обыкновенно продають мѣстнымъ лѣсоторговцамъ на мѣстахъ свалки (склада бревенъ), на берегу какойнибудь рѣки или рѣчки, рѣдко съ доставкой куда либо въ иное мѣсто. Нѣкоторые изъ крестьянъ, наиболѣе зажиточные, сами сплавляютъ свой лѣсъ въ Ананинскую лѣсную ярмарку, что при устьѣ рѣки Кубены, гдѣ тотъ лѣсъ и продають приходящимъ туда за покупкою лѣсовъ и лѣсныхъ матеріаловъ крестьянамъ Вологодскаго уѣзда, какъ ближайшей безлѣсной мѣстности, но такихъ крестьянъ — продавцевъ лѣса, очень немного.

Самый главный способъ рубки и возки лѣса, это—по условіямъ на гг. лѣсоторговцевъ, какъ изъ своей среды, такъ на Петербургскихъ и Московскихъ, послѣдніе, нужно еще сказать, имѣють при устьѣ р. Кубены свои лѣсопильные заводы громаднхъ размѣровъ, отправляющіе всѣ эти лѣса, въ видѣ досокъ, черезъ Кронштадтъ въ Англію. Рубка лѣса въ этомъ случаѣ производится большею частію изъ дачъ, принадлежащихъ самимъ лѣсоторговцамъ, или взятыхъ ими въ арендное содержаніе—на срубъ.

Подряды, обыкновенно, происходятъ такъ: въ началѣ Ноября пріѣзжаетъ въ какуюнибудь деревню лѣсоторговецъ или довѣренный его, собираетъ крестьянъ и объявляетъ имъ свое желаніе подрядить ихъ вырубить изъ такой-то дачи, столько-то деревъ и такихъ-то размѣровъ лѣсу, съ вывозкою ихъ на такое-то мѣсто. Тѣ конечно изъявляютъ свое желаніе работать и освѣдомляются о цѣнѣ за трудъ. Начинается торгъ. (Цѣна бываетъ различная, смотря по расширенію возки, объему, длинѣ самаго дерева, т. е. бревна). Сторговавшись цѣною, крестьяне отправляются всѣ, гурьбой, осматривать ту дачу, въ которой назначена рубка — много ли лѣса (чѣмъ болѣе въ дачѣ лѣса, тѣмъ удобнѣе для вывозки его оттуда), и такое ли дѣйствительно разстояніе до мѣста свалки, какъ говорилъ имъ подрядчикъ? Если все это

окажется вѣрнымъ (въ противномъ случаѣ бываетъ переторжка) и подходящимъ по цѣнѣ, то они отправляются къ подрядчику для заключенія условія за общеою круговою порукою и получаютъ задатки (условленную сумму денегъ). Заключивши условіе, опять идутъ въ ту дачу, гдѣ пролагаютъ до мѣста свалки дороги, дѣлаютъ себѣ жилища—истопки (родъ шалаша) и затѣмъ уже приступаютъ къ работѣ. Работа эта между членами семьи распредѣляется такъ: болѣе мужественный рубить лѣсъ, а слабый или малолѣтній — возить его. Поэтому воциками бываютъ большею частію дѣти—мальчики 10—12 лѣтъ, нерѣдко и женщины, рубшиками же—непремѣнно тѣ изъ семьи, которые физически сильнѣе. Одинокіе, т. е. неимѣющіе дѣтей, или имѣющіе, но не въ этомъ возрастѣ, а малолѣтнихъ, — приглашаютъ къ себѣ такого же, какъ и онъ, одинокого, и такимъ образомъ устраивается компанія. По окончаніи работы лѣсъ этотъ обмѣривается лѣсоторговцами, и крестьяне получаютъ окончательный расчетъ. Компаньоны дѣлятъ заработокъ по числу лошадей, участвовавшихъ въ работѣ, среднимъ числомъ приходится около 35 руб. на каждаго человѣка съ лошадью въ зиму. Такимъ образомъ, семейство имѣющее 2-хъ лошадей, зарабатываетъ 70 руб. Изъ этого числа нужно еще отбросить рублей 10 на покупку (т. е. стоимость) овса для лошадей, котораго безъ возки лѣса, при всякой другой работѣ, не принято давать лошадямъ, хотя бы иная работа была даже тяжелѣе для лошади этой. Кромѣ того надо упомянуть еще о томъ, что окончательный расчетъ крестьяне получаютъ не всегда и не отъ всѣхъ лѣсоторговцевъ наличными деньгами. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, за неимѣніемъ въ ту пору денегъ, выдаютъ только квитанціи, за полученіемъ денегъ, по которымъ нерѣдко крестьяне ходятъ въ ту контору или къ тому лицу, который выдалъ ихъ, цѣлый мѣсяцъ, да еще хорошо, если такое хожденіе увѣнчается успѣхомъ. Бываетъ и такъ, что кончается это хожденіе тѣмъ, что крестьяне вынуждены бываютъ продать такіа квитанціи какому нибудь «богачу», съ уступкою, конечно, 10—20% съ рубля.

Но какъ бы то не было, а лѣсной заработокъ крестьянами считается здѣсь очень выгоднымъ. Лѣсоторговцы изъ своей среды лѣсъ свой продаютъ лѣсоторговцамъ—заводчикамъ, или сплавляютъ его въ Ананинскую ярмарку, или же въ г. Вологду. Вологда является большею частію конечнымъ пунктомъ сбыта. Правда, въ послѣднее время, благодаря высокой таксѣ на казенные лѣса въ Архангельской губерніи, часть лѣса пошла отсюда въ Архангельскъ, но въ этомъ случаѣ доставку до Архангельска принимаютъ уже архангельскіе конторы на свой счетъ.

Лѣса сплавляютъ заводчики по р. Кубенѣ молѣмъ, т. е. розсыпью, а мѣстные лѣсоторговцы—въ плотахъ, 25—100 шт. въ каждомъ. Сплавщиками бываютъ у мѣстныхъ лѣсоторговцевъ — крестьяне данной мѣстности, а

у заводчиковъ частью тоже, частью крестьяне Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Труды онежанъ, какъ болѣе специальныхъ по лѣсо-сплавной части, оплачиваются дороже: онежанину платится отъ 20 до 25 руб. въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ, конечно, харчахъ; мѣстнымъ же крестьянамъ только 10—15 руб. Сплавъ лѣса молѣмъ продолжается отъ 1 до 2-хъ мѣсяцевъ, а въ плотяхъ не болѣе 5—7 дней, и не смотря на это, послѣдній способъ сплава стоитъ гораздо дороже перваго. Плата за сплавъ лѣса до устья р. Кубены въ плотяхъ, въ плѣнках¹⁾, съ вязкою его въ плоты и плѣнки, бываетъ отъ 10 до 20 коп. за каждое бревно, смотря по толщинѣ и длинѣ послѣдняго, тогда какъ заводчику, сплавляющему лѣсъ молѣмъ, при многотысячномъ количествѣ его, обходится не дороже 7 коп. за то-же бревно въ сложности. Общее количество ежегодно вырубленнаго въ данной мѣстности лѣса достигаетъ громадной цифры — около 500 тыс. бревенъ, что даетъ возможность зарабатывать до 100 тыс. рублей однимъ мѣстнымъ крестьянамъ, (не говоря о тѣхъ, которые пріѣзжаютъ сюда на заработки извнѣ, напримѣръ съ Ваги).

Изъ лѣса дѣлаются еще суда—барки и каюки. Суда эти идутъ подъ нагрузъ дѣгтя, смолы, тесу, полѣнныхъ дровъ, овса, костей, тряпки, свинца, сажу и проч. товаровъ. Всѣ эти товары отправляются, большею частью, въ Петербургъ. Строится ежегодно въ данной только мѣстности такихъ судовъ до 100 шт., что даетъ ежегодно заработка мѣстному населенію до 20 тыс. руб.

Мастерами судовъ бываютъ мѣстные крестьяне. Какъ по количеству, такъ и по искусству строенія судовъ, первое мѣсто принадлежитъ Ембской волости: въ ней ежегодно строится до 70 шт., что и даетъ ей пальму первенства, остальные же 30 шт. выстраиваются частью на пристани при дер. Хмѣлевской (Бережокъ тожъ), Нижеслободской волости, частью на пристаняхъ Троицко-Енальской и Зубовской волостей. Суда сплавляются по р. Кубенѣ, а изъ Ембской волости сначала по р. Ембѣ, потомъ также по р. Кубенѣ, къ Кубенскому озеру, гдѣ простоявъ нѣсколько дней, плывутъ далѣе. — Близъ Кубенскаго озера, при сс. Чирковѣ и Устьѣ, товары, нагруженные въ суда, повѣряются полиціею, а такъ-же догружаются, почему и останавливаются тутъ на нѣсколько дней, а иногда и недѣль.

Благодѣяніе для населенія отъ изобилія лѣсовъ простирается еще далѣе—изъ лѣсныхъ матеріаловъ выкуривается деготь и смола, рубятся дрова, жерди и т. п.

¹⁾ Плѣнки—тѣ же плоты, только въ нихъ связываются бревна въ одинъ рядъ, а не плотятся въ нѣсколько рядовъ, какъ въ плотяхъ.

Ежегодно вырубается дровъ и жердей до 6 тыс. куб. сажень, что даетъ населенію возможность заработать до 15 тыс. рублей. Дрова и жерди эти сплавляются въ плотахъ и баркахъ въ Ананинскую ярмарку и въ Вологду. А всего, эксплуатируя лѣса, населеніе ежегодно получаетъ до 135 тыс. руб., исключая дегтекуренія и смолокуренія, равно и новинъ.

г) Дегтекуреніе и смолокуреніе. Промышленность эта годъ отъ году все болѣе падаетъ, какъ въ количествѣ выдѣлываемыхъ продуктовъ, такъ и въ ихъ цѣнности. Лѣтъ 10—12 тому назадъ, дегтя и смолы ежегодно выкуривалось въ Троичинѣ, до 200 тыс. пудовъ, что давало населенію дохода до 40 тыс. руб. въ годъ, или, вѣрнѣе, въ зиму, такъ какъ эта работа, т. е. выкурка дегтя и смолы, производится только въ зимнее время. Теперь же выкуривается дегтя и смолы не болѣе 80 тыс. пудовъ, а доходъ населенія не превышаетъ 10-ти тыс. рублей. Такой быстрый упадокъ этого рода промышленности объясняется тѣмъ во 1-хъ, что въ настоящее время всюду въ Россіи проведены желѣзныя дороги и слѣдовательно на смазку колесъ, по упадку извозничьяго промысла, дегтя и смолы требоваться не стало, а во 2-хъ—открытіе на Кавказѣ громаднаго количества нефти, замѣнившей собою нашъ деготь. До этого же времени нашъ деготь, какъ наилучшій, шелъ исключительно на Кавказъ, откуда для закупки его ежегодно пріѣзжали покупщики изъ Царицына (Саратовской губ.) и Ставрополя — Кавказскаго.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о способѣ производства этой промышленности, пока еще существующей. Деготь добывается изъ березовой коры, называемой просто «берѣсто», а смола изъ сосновыхъ осмолыныхъ пней. Сдирка береста происходитъ съ 10-го по 30-е Іюня, но большею частью берѣста привозятся сюда изъ Вельскаго уѣзда, каковыя мѣстными крестьянами и покупаются. Корченіе пней происходитъ весной, какъ только оттаетъ земля, выкорченные пни въ то время складываются въ кучу, гдѣ нибудь вблизи дороги, увозятся же эти пни на заводы уже осенью, когда выпадетъ снѣгъ, и когда слѣдовательно явится возможность ѣздить на саняхъ, какъ болѣе годномъ экипажѣ для ѣзды по узкимъ и вочковатымъ лѣснымъ дорожкамъ.

Устройство завода очень несложное, не требующее большаго труда и большихъ затратъ и потому для каждого доступное. Устраивается родъ сарая, изъ какого нибудь стараго или новаго тонкаго лѣса, затѣмъ въ этомъ сараѣ сбиваются изъ глины печи, на верхъ каждой печи вдѣлываются 4 глиняныхъ куба, выдѣлываемые преимущественно въ Маныловской волости, изъ находящей тамъ огнеупорной глины, въ одинъ конецъ такого куба вдѣлываются трубы, для дегтя—изъ листового желѣза, а для смолы—изъ осинового дерева. Трубы изъ кубовъ проходятъ черезъ холодильники (чанъ на-

полненный льдомъ или снѣгомъ) въ ушаты. Въ каждомъ заводѣ находится 2—3 и даже 4 печи, съ 4-мя кубами на каждой. Вотъ и все устройство завода.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о процессѣ превращенія берѣста въ деготь, а сосновыхъ пней въ смолу. Прежде всего кладется въ кубъ, если желаютъ получить деготь, — около 3-хъ пудовъ берѣста, — если смолу — около $\frac{1}{10}$ части куб. сажени сосновыхъ пней, расколотыхъ на мелкія полѣнья, затѣмъ кубы наглухо закупориваются и обмазываются глиной. Печи, конечно, топятся. Отъ дѣйствія огня, матеріалы, закупоренные въ кубахъ, разлагаются, смола или деготь, выдѣляясь въ видѣ паровъ, идутъ по трубамъ чрезъ холодильникъ, гдѣ охлаждаются и стекаютъ уже въ жидкомъ состояніи въ ушаты. Ушаты подъ деготь становятся тутъ же, за печками, а подъ смолу — въ особо устраиваемомъ, для устраненія той горечи, которую сопровождается ходъ смолы, пріямѣѣ, онъ выстраивается всегда рядомъ съ заводомъ.

Всѣ полученные за сутки продукты сливаются въ бочки, а смола, для отдѣленія находящагося въ ней нѣкотораго количества воды, предварительно еще нагрѣвается раскаленными камнями и затѣмъ уже сливается тоже въ бочки. Бочки подъ наливъ этихъ продуктовъ дѣлаются крестьянами дер. Игнатовой, Нижеслободской волости, и деревень Даниловской и Блиновской, Ембской волости, въ Кремлевской же волости бочки подъ наливъ оказанныхъ продуктовъ, по отдаленности растоянія отъ этихъ деревень, — дѣлаютъ сами, но гораздо меньшей вмѣстимости и худшаго качества.

Изъ cadaго куба, наполненнаго достаточнымъ количествомъ матеріаловъ, получается въ сутки чистой смолы около 1 пуда, а дегтя около 30 фун. Процессъ добыванія дегтя, съ укладкою берѣста въ кубы и съ укупоркою ихъ, продолжается менѣе 20-ти часовъ, а смола около 15-ти час.

Хотя мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ о числѣ дегтарныхъ и смоляныхъ заводовъ въ данной мѣстности, но едва-ли мы ошибемся сказавъ, что ихъ не менѣе 200, и всѣ они принадлежатъ крестьянамъ дегте-и смолокурамъ.

д) Льноводство. Добываніе льна производится здѣсь большею частью также посредствомъ эксплуатаціи лѣса. Разводится снѣ, какъ и всюду на Сѣверѣ, новинной каткой. (Ленъ, впрочемъ, сѣется и въ поляхъ, вмѣстѣ съ яровымъ, но очень рѣдко). Льноводство въ данной мѣстности пока еще не имѣетъ промышленнаго характера, въ полномъ смыслѣ этого слова. Каждый домъ успѣваетъ изготавить никакъ не болѣе 5-ти пудовъ чистаго льна въ годъ; продается же изъ этого числа 1 — 2 пуда не болѣе, а остальное количество его идетъ для себя, на изготавленіе одежды и проч. Родится ленъ плохаго качества, а потому и цѣна на него бываетъ не высокая —

3—4 руб. за пудъ. Деньги, вырученныя продажей льна, большею частию, идутъ на наряды женщинамъ, на покупку «приданнаго» дочерямъ и т. п. такъ какъ и вся работа разведенія льна совершается болѣе женщинами, нежели мужчинами: мужчины вырубаютъ новинку, обнесутъ ее изгородью, вотъ и все, и дальнѣйшее, какъ-то жженіе дровъ, посѣвъ, уборка и очистка льна— дѣло рукъ женщинъ.

Не смотря на малопродуктивность этого промысла въ настоящее время, думается, въ недалекомъ будущемъ, когда вырубятся крупные сорта лѣса, (а это, вѣроятно, будетъ скоро) льноводство займетъ такое же мѣсто въ ряду промысловъ мѣстнаго населенія, какъ и тимоевскіе.

е) Скотоводство. Разводятъ здѣсь лошади, коровы, овцы и частью свиньи. Количество лошадей и коровъ — мѣрило крестьянскаго благосостоянія мѣстности: чѣмъ болѣе у крестьянина лошадей, тѣмъ, значить, онъ болѣе можетъ зарабатывать денегъ лѣснымъ промысломъ, чѣмъ болѣе у него коровъ, тѣмъ лучше у него удабривается пахотная земля, а слѣдовательно и болѣе родится хлѣба. Но вслѣдствіе-ли плохихъ сѣнныхъ покосовъ или вслѣдствіе другихъ причинъ, скотъ здѣсь очень плохъ, лѣтомъ еще туда-сюда, а зимою, живя почти исключительно на одной соломѣ, въ плохонькомъ хлѣвникѣ, коровенки доходятъ до того, что буквально еле ноги передвигаютъ. Молока отъ такого скота, разумѣется, много ждать нечего, а слѣдовательно и масла (отъ 10—15 коровъ масла получается въ годъ всего 3—4 пуда, изъ этого числа продается 1—2 пуда, на сумму 8—16 руб. самое большее, остальное же количество потребляется самими хозяевами), Овецъ стригутъ два раза въ годъ, шерсть съ нихъ идетъ только для себя на «катаники» (зимняя обувь, известная подъ именемъ валенокъ), на сарафаны и юбки женщинамъ и понитки мужчинамъ. Овецъ у каждаго домохозяина имѣется отъ 5 до 15 штукъ. Свиной очень мало, — по 1 шт. и то у рѣдкаго крестьянина, а лошадей держать по числу работниковъ въ семьѣ и по ея средствамъ, примѣрно отъ 1 до 5 шт., коровъ же отъ 3 до 15 шт. Средняя стоимость лошади 40 руб., коровы 15 руб., овцы 4 руб. и свиньи 6 руб. Скотъ здѣсь чрезвычайно топкій и мелкорослый, впрочемъ и держать его здѣсь главнымъ образомъ (коровъ) для удобренія, быть можетъ исторически выработался и самый типъ такого рода скота.

ж) Огородничество. Огородъ, или «садъ» по мѣстному выраженію, имѣетъ здѣсь каждый для себя, около своего дома и садятъ въ немъ преимущественно картофель, капусту и лукъ, а иногда голландку (брюкву) и рѣпу, (послѣдняя, впрочемъ, сѣется большею частию въ полѣ, въ озими), огурцовъ же и проч. овощей на садятъ вовсе, да пожалуй, немногіе и слы-

хали объ нихъ. Первое мѣсто изъ овощей принадлежитъ картофелю, его больше и садится, да и родится онъ лучше, прибыльнѣе и вкуснѣе, по мнѣнію крестьянъ, къ тому же онъ — и «замѣна хлѣбу».

Вообще, надо сказать, огородничество здѣсь, вслѣдствіи суровыхъ климатическихъ условій, находится въ очень плачевномъ состояніи, да и огороды малы: 5 — 6 грядъ, не болѣе 1 саж. ширины, 4-хъ саж. длины, — вотъ наилучшій и наибольшій огородъ.

в) Луговое хозяйство. Безъ луговъ или поженъ — не мыслимо хозяйство, въ особенности по отношенію къ данной мѣстности, гдѣ урожай хлѣба всецѣло зависитъ отъ удобренія почвы (за исключеніемъ, конечно, климатическихъ условій), а безъ сѣна нельзя имѣть скота, слѣдовательно нельзя имѣть и удобренія, такъ какъ другаго рода удобреній, кромѣ навознаго, не существуетъ здѣсь. Луга, или пожни, по мѣстному нарѣчію, здѣсь большею частію естественныя — травосѣянія не существуетъ. Правда, сѣется тимоеежка, но не для полученія сѣна, а исключительно для сѣмянъ, какъ мы уже говорили объ этомъ ранѣе.

Всякій, мало-мальски зажиточный крестьянинъ, старается всѣми возможными мѣрами приобрести какъ можно больше сѣнокошной земли въ свою собственность, зная хорошо, что безъ этого нельзя вести хозяйства въ исправности. Поэтому и цѣна на сѣнокошную землю стоитъ здѣсь очень высокою, сравнительно съ землями другаго качества. Напримѣръ, земля со строевымъ лѣсомъ цѣнится отъ 5 до 10 руб. за десятину, съ дровянымъ отъ 2 до 3-хъ руб., съ кустарникомъ или болотами отъ 50 к. до 1 руб. за дес., да и то послѣдняя покупается только для служебнаго цензу кѣмъ либо, тогда какъ за пожню платится отъ 25 до 150 руб. за десятину!... Приобрѣвши какую либо пожню въ собственность крестьянинъ всѣми силами старается ее во 1-хъ расчистить, т. е. убрать съ нея кусты, во 2-хъ прорыть на сырыхъ мѣстахъ канавы, въ 3-хъ устроить сарай для сѣна, называемые «сѣновалами». Трудъ въ данномъ случаѣ такого крестьянина-рачителя вознаграждается сторицею: сѣна на расчищенныхъ и устроенныхъ пожняхъ родится не только вдвое, а втрое и вчетверо противъ прежняго.

и) Охота. На югѣ и въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, охота, какъ извѣстно, служитъ только развлеченіемъ, не тѣмъ является она у насъ на Сѣверѣ. У насъ охота такой же промыселъ, какъ дегтекурение, какъ льноводство и т. п., и промыселъ этотъ, надо сказать, довольно выгодный.

Самое слово «охота» рѣдко употребляется крестьянами, оно замѣняется словомъ «лѣсованіе», «лѣшня». Если приходится встрѣтить у насъ мужика съ ружьемъ и спросить: куда и зачѣмъ онъ пошелъ или ходилъ, то получите отвѣтъ: «въ лѣсъ полѣсовать», или «за лѣшной», что будетъ равно-

значуще: «на охоту поохотится». Лѣсуютъ большею частію въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ года — Сентябрь, Октябрь и Ноябрь, — но нѣкоторыми видами лѣсованія въ Кадниковскомъ уѣздѣ занимаются и цѣлый годъ. Предметы лѣсованія: бѣлка (векша тожъ) ¹⁾, рябчикъ, поленикъ (тетеревъ), утка, лебедь, заяцъ, лисица, куница, медвѣдь, волкъ, олень, выдра, рысь и норка. За болотной дичью, какъ-то: куликами, бекасами, вальдшнепами, дупелями и т. п. ве лѣсуютъ во 1-хъ потому, что нѣтъ такихъ собакъ, которая бы шла за этой дичью, а во 2-хъ по неумѣнію стрѣлять въ-лѣтъ.

Разсмотримъ прежде всего всѣ способы добыванія лѣсникомъ cadaго звѣря и птицы въ отдѣльности, — и начнемъ съ лѣсованія на бѣлку. Этого маленькаго и красиваго звѣрька водится у насъ во всякое время много, въ особенности же въ августѣ мѣсяцѣ, такъ какъ къ этому времени нарастаетъ уже новое поколѣніе. У крестьянъ, между прочимъ, существуетъ повѣрье, что если много въ лѣсахъ бѣлки, то значитъ: нашъ лѣшій выигралъ ее у другаго, если же мало, — проигралъ-де.

Лѣсованіе на бѣлку производится всегда съ собаками мѣстной волчьей породы. Бѣжъ этихъ собакъ, лѣсованіе на бѣлку считается совершенно бесполезнымъ. И дѣйствительно порода эта замѣчательно приуровилась къ розысканію бѣлки и чутье свое довела до совершенства. Нерѣдко бываетъ, что лѣсникъ едва выйдетъ изъ деревни, какъ его «сѣрко» летитъ, поднявши хвостъ и рыло, къ тому дереву, гдѣ сидитъ бѣлка и начинаетъ лаять — значитъ бѣлка тутъ, это называется «верховую взять», т. е. безъ справокъ о слѣдѣ, прямо чутьемъ дошелъ до бѣлки. Заслышавъ лай своего сѣрка, лѣсникъ идетъ къ дереву, тщательно осматриваетъ его и если бѣлки не видать, то колотитъ топоромъ по дереву. Если бѣлка тутъ, то она какимъ нибудь движеніемъ непременно дастъ знать о своемъ присутствіи, чтѣ, конечно, не ускользнетъ отъ опытныхъ глазъ лѣсника. Замѣтивъ движеніе бѣлки или увидавъ ее, лѣсникъ стрѣляетъ, предварительно положивъ дуло ружья на вѣтку какого нибудь ближайшаго дерева, чтобы «не стряхнуться». Хорошій лѣсникъ рѣдко дѣлаетъ по бѣлкѣ нѣсколько выстрѣловъ, а всегда бьетъ ее съ одного, не смотря на плохія ружья, какими обладаютъ мѣстные охотники. Кромѣ экономическаго расчета дѣлать меньше промаховъ, есть и другая причина: «товарищи, молъ, засмѣютъ», вотъ почему и стрѣляютъ бѣлку «съ прикладу», а не «съ руки». Когда бѣлка упала, лѣсникъ отрѣзаетъ отъ нея лапки и отдаетъ ихъ своему сѣркѣ въ видѣ поощренія. Возвратясь домой, лѣсникъ «дираетъ съ убитыхъ бѣлокъ шкурки и просушиваетъ ихъ на особо-приспо-

¹⁾ Векша у насъ имѣетъ двоякое названіе: лѣтомъ, когда на ней шерсть бываетъ желтою, называютъ векшей, а осенью, когда шерсть сѣрая, а кожа, напротивъ, бѣлая, — бѣлкою. Начинаютъ охотиться, когда она бываетъ въ послѣднемъ видѣ.

собленныхъ для того палцахъ, а мясо поступаетъ опять «сѣрѣѣ». Просушенные шкурки поступаютъ въ продажу безъ дальнѣйшей обработки. Охота на бѣлку считается наиболѣе выгодною, а потому этотъ родъ лѣсованія наиболѣе распространенъ между мѣстными крестьянами.

Лѣсованію на рябчика и поленика хотя и начинается съ іюля мѣсяца, но въ началѣ ловятъ и бьютъ эту дичь только, такъ сказать, мимо идучи, потому что въ это время она идетъ лишь на собственную потребу. Какъ промыселъ, лѣсованію начинается съ сентября, т. е. съ наступленія морозовъ, когда лѣсникъ уже имѣетъ возможность сохранить дичь до прихода скучицниковъ, что бываетъ въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ.

Добываніе этой дичи производится нѣсколькими способами. Наиболѣе распространены слѣдующіе: ловля въ силышка (сило), приманка на пицикъ, на тока и на чучела.

Каждый лѣсникъ имѣетъ свою тропу, на которой и выставляетъ до 200 силковъ. Силки большею частію ставятся на землѣ (хотя ставятся также они и на деревьяхъ съ ягодами, напримѣръ, на рябинѣ) въ томъ мѣстѣ, гдѣ болѣе водится птицы. Опытному лѣснику это, конечно, извѣстно. Въ ясную и теплую погоду рябчикъ любитъ мелкій березовый лѣсъ съ примѣсью сосны, а подъ зиму улетаетъ въ большіе еловые лѣса; поленикъ же въ началѣ осени водится въ сыромъ съ густою травою мѣстѣ, въ концѣ осени въ пенникахъ, поросшихъ мелкой елкою и вересомъ. Вотъ на такихъ-то мѣстахъ и ставятся силышки, устройство которыхъ очень не хитро: лѣсникъ дѣлаетъ отъ одного дерева до другаго на двухъ-саженномъ разстояніи засѣку, т. е. нѣчто въ родѣ изгороди, по срединѣ которой оставляется маленькое отверстіе, куда и ставится петля, конецъ которой прикрѣпляется къ вѣткѣ какого нибудь деревца. Птица, объѣвши ягоды (вереса и др.) по одну сторону засѣки и видя ихъ по другую, лѣзетъ въ отверстіе и затягивается петлей. Охота на пицикъ бываетъ только на рябчиковъ. При этомъ родѣ лѣсованія требуется отъ охотника главнымъ образомъ поддѣлываться подъ голосъ рябца. Коль скоро лѣсникъ въ этомъ силенъ, то убить рябчика уже не трудно:—онъ подлетитъ и сядетъ на дерево чуть не рядомъ съ охотникомъ.

Способы лѣсованія на тока и чучела общезвѣстны, поэтому мы и не будемъ объ нихъ говорить.

Изъ всѣхъ видовъ лѣсованія по разнообразію способовъ первое мѣсто занимаетъ охота на зайца. Бьютъ ихъ, бѣдныхъ, изъ ружья, ловятъ въ нитки, клепцы (капканы) и кряжи. Лѣсуютъ на него лѣтомъ, осенью и зимою. Изъ ружей бьютъ только лѣтомъ и осенью, когда зайцы по вечерамъ выбѣгаютъ на гладкія мѣста: пенники, пожни и новины съ озимью. Въ нитки ловятъ такъ: замѣтить лѣсникъ, что въ какую либо новину ходитъ заяцъ и, найдя

его лязъ, т. е. то мѣсто въ изгороди, гдѣ онъ продѣзаетъ, ставитъ нитку, т. е. петлю, прикрѣпленную къ длинной жерди, имѣющей положеніе и видъ баланса у десятичныхъ вѣсовъ; какъ только заяцъ попадаетъ въ петлю, жердь своимъ длиннымъ концемъ опускается на землю, а короткій съ прикрѣпленной къ нему петлей, поднимаясь къ верху на цѣлую сажень, затягиваетъ свою жертву.—Заяцъ поздней осенью и зимою бѣгаетъ за ѣдой или за питьемъ въ одно и то же излюбленное имъ мѣсто и всегда по одной тропѣ, и если лѣсникъ замѣтитъ заячью тропу, то ставитъ на ней нитки. Зимой же на такихъ тропкахъ ставятся кленцы и чтобы заяцъ не замѣтилъ кленца, лѣсникъ засыпаетъ его снѣгомъ и на поверхности снѣга поддѣлываетъ особой лопаткой заячьи слѣды. Зимой заяцъ питается большею частью осиновою корой съ молодыхъ вѣтокъ осины. По оглоданнымъ осинамъ, конечно, не трудно замѣтить постоянное мѣстопребываніе зайца. Замѣтивъ его, лѣсникъ срубаетъ два не очень толстыхъ дерева; сажени 1½ длиною, называемыхъ кражами. Одинъ изъ такихъ кражей кладется на землю, а другой, конецъ котораго приподнимается на 1—1½ аршина, кладется вдоль перваго; подъ него подставляется нѣсколько молодыхъ осиновыхъ вѣтокъ и съ такимъ расчетомъ, чтобы при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи кражъ падалъ и своею тяжестью придавилъ бы зайца. Такой способъ ловли зайца называется «ловлей въ кражи».

Лисицу ловятъ только зимою—въ кленцы, которые ставятся на такія же тропки, какъ и заячьи. Но, лисицъ, вообще ловятъ очень не много, такъ это животное настолько хитро, что нерѣдко подойдя къ самому кленцу, на которомъ лежитъ слой снѣга въ 10 вершковъ,—заслышавъ запахъ желѣза—вернется и обойдетъ кленецъ.

Лѣсованіе на куницу бываетъ случайное, тогда, когда лѣсникъ случайно наткнется на ея слѣды или узнаетъ о томъ у людей. Тогда лѣсникъ съ ружьемъ и съ собакою отправляется по слѣдамъ куницы и гонится за нею по два, по три дня, пока куница не пристанетъ и не засядетъ на какомъ нибудь деревѣ.

Лѣсованіе на медвѣдя производится только специалистами-лѣсниками. Кромѣ умѣнія стрѣлять, при этой охотѣ нужна еще значительная доля храбрости, а главное самообладанія, безъ чего и лучший стрѣлокъ не попадетъ въ цѣль. Лѣсованіе это начинается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: узнаетъ лѣсникъ, что у кого либо изъ крестьянъ не вернулась съ пастбы корова, идетъ на поиски и затѣмъ, если окажется, что корова зашиблена медвѣдемъ, то лѣсникъ близъ ушиба дѣлаетъ лабазъ ¹⁾, и къ вечеру садится на него, въ ожиданіи

¹⁾ Лабазъ дѣлается такъ: между двумя деревьями кладутся на вѣлки ихъ двѣ жерди и скрѣпляются веревкой, или прутьями березы. Высота лабаза около 1 сажени.

медвѣдя, притаивъ дыханіе и взявъ ружье на прицѣлъ. Мѣткій выстрѣлъ кладетъ большею частью звѣря на мѣстѣ. Подкарауливаютъ медвѣдя и на овсяныхъ полянкахъ, куда онъ ходитъ по ночамъ ѣсть овесъ. Въ такихъ случаяхъ лѣсникъ тоже дѣлаетъ лабазъ, хотя есть смѣльчаки, что садятся и прямо на землю. Кромѣ этого, медвѣдей ловятъ въ кленцы и кряжи. Кленцы ставятъ около убитаго медвѣдемъ животнаго. Этотъ способъ практикуется во время полевыхъ работъ, когда лѣсникъ не имѣетъ свободнаго времени для караулки съ лабаза. Кряжи ставятся весною, и между ними кладется часть трупа какого нибудь павшаго животнаго, верхній кряжъ въ данномъ случаѣ держится надъ подставленныхъ подъ него жердочкахъ, которыя при прикосновеніи падаютъ. Кряжъ дѣлается изъ трехъ сплоченныхъ между собою бревенъ, какъ въ низу, такъ и въ верху. Въ берлогахъ бьютъ медвѣдей въ мартѣ мѣсяцѣ, но отправляются на эту лѣсню всегда по нѣскольку человекъ, предварительно запасшись ружьями, топорами и рогатинами, въ виду рискованнаго положенія при этого рода лѣсованіи.

Волковъ бьютъ изъ ружей, развѣзая по ночамъ съ собакой, которая служитъ приманкой. Ловятъ ихъ и въ кленцы, какъ медвѣдя, а также и въ ямы. Ямы устраиваются такъ: выкапывается гдѣ нибудь въ лѣсу большая яма, шириною до 3-хъ сажень и на столько глубокая, чтобы попавшій туда волкъ не могъ выпрыгнуть; по срединѣ ямы ставится довольно высокій столбъ, и къ нему придѣлываются примостки. Отъ примостокъ къ краямъ ямы параллельно кладутъ жерди, но рѣдко, и сверху настилается солома. Къ ночи на примосткахъ привязываютъ къ столбу собаку, которая, конечно, по уходѣ хозяина подымаетъ невыносимый вой и лай. Волки, слышавъ лай собаки, прибѣгаютъ, бросаются къ ней, желая разтерзать, но не доскочивъ до примостковъ проваливаются въ яму, гдѣ на-утро и доколачиваютъ ихъ. Нерѣдко такимъ образомъ попадаетъ цѣлая стая волковъ.

Въ послѣднее время истребляютъ волковъ посредствомъ отравы. Этотъ способъ истребленія вреднаго звѣря поощряется земскими субсидіями.

Оленей бьютъ изъ ружей и ловятъ въ нитки, устраиваемыя нѣсколько иначе, чѣмъ подъ зайца. Лѣсуютъ за ними всегда зимою, по снѣгу и чѣмъ глубже послѣдній, тѣмъ лучше для охотника. Лѣсникъ узнавъ, что въ известномъ мѣстѣ (всегда въ болотѣ) появились олени, отправляется туда и преслѣдуетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока олени, вслѣдствіе изнеможенія, не допустятъ его на выстрѣлъ. Нерѣдко при этомъ лѣсникъ не выходитъ изъ лѣсу по нѣскольку дней, ночуя тамъ подъ елкой или въ лучшемъ случаѣ подъ зародомъ сѣна, при морозѣ иногда 30—40°.

Лѣсованіе на выдру, рысь и норку бываетъ также случайное, какъ и

на кунцу. Бьютъ ихъ изъ ружей и не въ какія ловушки не ловятъ. Водятся ихъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, надо сказать, вообще немного.

Для выясненія ежегодной прибыли, получаемой лѣсникомъ отъ своего промысла, мы приводимъ свѣдѣнія о количествѣ убитыхъ и изловленныхъ предметовъ лѣшни, однимъ изъ знакомыхъ намъ лѣсниковъ, въ теченіи прошлаго года (это было писано нами въ 1887 г.), равно приводимъ и мѣстные продажныя цѣны:

Бѣлокъ . . .	200 штукъ по — р. 10 к.	20 р. — к.
Рябчиковъ . .	110 наръ » — » 22 »	24 » 20 »
Тетеревей . .	12 » » — » 30 »	3 » 60 »
Зайцевъ . . .	36 штукъ » — » 10 »	8 » 10 »
Куницъ . . .	2 штуки » 4 » — »	8 » — »
Лисицъ . . .	2 » » 3 » — »	6 » — »
Медвѣдей . .	1	20 » — »
Оленей . . .	1	2 » — »

Итого . . . 87 р. 40 к.

Исключивъ изъ того числа расходъ:

Пороху	6 фунт. по 80 коп.	4 р. 80 к.
Дроби	1 пудъ » 12 » ф.	4 » 80 »
Пистоновъ . . .	2 кор. » 30 »	— » 60 »
Содержаніе собаки въ годъ		5 » — »

Итого . . . 15 р. 20 к.

Получилось чистой прибылью за годъ 72 руб. 20 к.

Правда, этотъ лѣсникъ «вастоящій», т. е. занимающійся специально охотничьимъ промысломъ въ круглый годъ, какихъ немного.—Въ большинствѣ случаевъ охотятся, какъ выше было уже замѣчено, только въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ года и зарабатываютъ въ послѣднемъ случаѣ отъ 15 до 45 руб. Но какъ бы то ни было, а все-таки прибыль отъ лѣсованія является для мѣстныхъ крестьянъ весьма значительной.

Къ сожалѣнію охотничій промыселъ годъ отъ году падаетъ, такъ какъ по случаю истребленія крупныхъ лѣсовъ, дичи и звѣря ставовится все меньше и меньше.

і) Рыболовство. Рыболовство въ данной мѣстности не составляетъ промысла въ буквальномъ смыслѣ этого слова; здѣсь каждый ловитъ рыбу для себя и продаетъ только излишекъ отъ своей потребности.

Ловятъ большею частію слѣдующую рыбу, водящуюся въ р. Кубенѣ и ея притокахъ: щуку, окуня, налима, нельму, сига, азя, сорогу, ельца и ерша. Ловушками общеприняты слѣдующія: морды, мережи (сѣти), неводъ, уда, ко-

лотье «съ лучемъ», бредникъ и крюки. Невода принадлежать всегда артели изъ 10—15 человѣкъ, такъ какъ они во 1-хъ дороги для одного крестьянина, а во 2-хъ одному, хотя бы и съ семьей, тутъ ничего не подѣлать: при этой ловлѣ нужно 10—15 человѣкъ совершенно взрослыхъ да штукъ 5 лодокъ. Остальные же ловушки имѣютъ каждый отдѣльно. Мерѣжи или сѣти, колотье рыбы съ лучемъ, равно уженіе и крюки—общезвѣстныя ловушки, а потому объ нихъ нечего и говорить. Относительно же ловли въ морды, въ бредникъ, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ.

Ловля въ морды бываетъ такъ: замѣтитъ крестьянинъ, что около такого-то мѣста въ рѣкѣ или рѣчкѣ бываетъ въ извѣстное время переходъ рыбы, дѣлаетъ тутъ «заѣзокъ», т. е. нѣчто въ родѣ плотины (бьются поперекъ рѣки колья, межъ ними кладутся еловые и сосновые прутья, которые заваливаются камнями), устраиваетъ въ этомъ заѣзкѣ одни или двой ворота, т. е. проходъ для воды, гдѣ и ставитъ морды (верши). Рыба, желая пройти внизъ по теченію рѣки, не находя другаго перехода, идетъ въ эти ворота и попадаетъ въ морды, откуда выходъ уже невозможенъ. Морды дѣлаются изъ ивовыхъ прутьевъ и имѣютъ форму конуса. Въ такія морды особенно много попадаетъ налимовъ въ зимнее время.

Бредникъ или бредень шьется изъ холста, но такого, что бы вода въ немъ не держалась, а удерживалась бы и самая маленькая рыбка, и имѣетъ этотъ бредникъ форму тоже конуса, когда раздуется водою, къ широкой сторонѣ котораго, по бокамъ, прикрѣпляются шесты, (жерди или колья, смотря по глубинѣ рѣки или рѣчки), и отъ нихъ идутъ веревки. Сдѣлавши такой бредникъ, семья изъ 5—7 человѣкъ, отправляется на то мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ предполагается быть рыбѣ, распускаютъ тамъ бредникъ и бредутъ рѣкою (отчего получила, вѣроятно, и самое названіе эта ловушка). Взрослые идутъ стороною къ рѣкѣ, а женщины и дѣти—къ берегу, и тянутъ этотъ бредникъ внизъ по теченію рѣки. Идущіе стороною къ рѣкѣ, какъ наиглубокою, запасаются шестами, что дѣлается для того, чтобы, зайдя въ такое мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ не встанутъ ноги, т. е. не будетъ возможности идти по землѣ ногами, можно было продолжать этотъ путь на шестахъ и тянуть за собою бредникъ. Хожденіе на шестахъ здѣсь такъ развито, что хорошему ходоку ничего не стоитъ пройти по водѣ какое угодное разстояніе, лишь шестъ его касался бы до земли, т. е. до дна рѣки или рѣчки. Пройдя такимъ образомъ извѣстное мѣсто въ рѣкѣ, ловцы начинаютъ «сгруживать» рыбу, т. е. этотъ бредникъ направляютъ къ берегу и, ежеминутно болтая ногами и руками, по обѣимъ сторонамъ бредника, воду, вытаскиваютъ его на берегъ, гдѣ и вынимаютъ изъ него попавшуюся рыбу. Бываетъ, что такимъ образомъ добываютъ 2—3 пуда рыбы въ одинъ день, даже въ 2—3 часа.

Почему рыболовство въ данной мѣстности не развилось до того, чтобы стать промысломъ,—рѣшить трудно, но во всякомъ случаѣ не потому, чтобы не было въ рѣкѣ Кубейѣ рыбы, напротивъ ея очень довольно, при устьи рѣки цѣлая мѣстность занимается этимъ дѣломъ, какъ промысломъ. Вѣроятно же всего объясняется это тѣмъ, что по отдаленности города некуда сбыть ее...

в) Заводская промышленность. Заводская промышленность въ данной мѣстности гораздо болѣе развита, нежели въ другихъ частяхъ уѣзда, за исключеніемъ с. Устья. Заводы имѣются здѣсь слѣдующіе: дегтекурные, смолокурные, кожевенные, сыроваренные и одинъ стеклянный. О дегтекурныхъ и смолокурныхъ мы уже говорили, а потому начнемъ съ кожевенныхъ. Кожевенные заводы имѣются здѣсь почти въ каждой волости, даже по нѣскольку, и носятъ характеръ кустарныхъ промысловъ, такъ какъ все дѣло по выдѣлкѣ кожъ исполняется одной своею семьею кожевника.

Устройство завода тоже несложное, какъ и дегтекурныхъ заводовъ: устраивается тоже плохонькій сарайчикъ, ставится печка, 2—3 чана и нѣкоторыя орудія для выдѣлки кожъ—вотъ и все. Выдѣлывается на такихъ заводахъ кожъ за одинъ разъ около 100 шт., а въ годъ 200 шт., такъ какъ въ теченіи года бываютъ два «передѣла». Кожи обыкновенно берутся заводчиками «на выдѣлку», т. е. приносятъ крестьянинъ къ заводчику одну или двѣ кожи и просятъ его выдѣлать ихъ; тотъ конечно съ удовольствіемъ соглашается (для полученія кожъ на выдѣлку даже нарочно ѣздить передѣломъ по деревнямъ), принимаетъ кожи и дѣлаетъ значки изъ дерева, называемые «жеребьями», половину которыхъ отдаетъ заказчику, другую привѣшиваетъ къ кожѣ. По выходѣ кожъ изъ передѣла готовыми къ употребленію, такой заводчикъ по жеребьямъ выдаетъ ихъ заказчикамъ, получая при этомъ отъ 80 к. до 1 руб. за каждую выдѣланную имъ кожу.

Наиболѣе состоятельные изъ кожевниковъ приобретаютъ отъ 50 до 100 шт. кожъ въ собственность и, по выдѣлкѣ ихъ, продаютъ на мѣстныхъ торжкахъ и ярмаркахъ, а также и въ Евдокіевской ярмаркѣ (1 марта), въ Архангельской губерніи, что кажется при селѣ Преображенскомъ. Продажа бываетъ на наличныя деньги и на мѣну (въ большинствѣ случаевъ на мѣну) выдѣланныхъ кожъ на сырыя. Заработокъ такого крестьянина—кожевника бываетъ отъ 100 до 150 руб. въ годъ, а тѣхъ же, которые выдѣлываютъ исключительно одни заказы, на половину менѣе.

Сыроваренныхъ заводовъ въ мѣстности—3, и всѣ они принадлежатъ ученику извѣстнаго г. Верещагина И. М. Розсыпному. Сыра выдѣлывается на всѣхъ этихъ заводахъ до 2 тыс. пудовъ ежегодно. Сыры дѣлаются подъ названіемъ: «честеръ» и «голландскій», и сбываются въ Москву, въ извѣстный торговый домъ братьевъ Бландовыхъ. Молоко же покупается у мѣстныхъ

крестьянъ и цѣною по 30—33 коп. за пудъ, но и по такой цѣнѣ крестьяне считаютъ гораздо выгоднѣе для себя продавать молокомъ, нежели масломъ, такъ какъ изъ опыта убѣдились, что изъ пуда молока выходитъ не болѣе 1 фунта масла, цѣна которому всего 15—20 копѣекъ; тогда какъ продавши молокомъ, они получаютъ, какъ сказано, 30—33 копѣйки! Понятно, каждый здравомыслящій крестьянинъ постарается продать произведеніе своихъ коровъ молокомъ, а не масломъ.

Стекланный заводъ находится въ Митюковской волости и существуетъ онъ уже болѣе 30-ти лѣтъ. Сначала былъ построенъ и открытъ онъ известнымъ московскимъ купцомъ А. И. Поповымъ и затѣмъ часто переходилъ изъ рукъ въ руки разнымъ лицамъ, но всѣ владѣльцы этого завода или раззорались или, по бездоходности, продавали его другимъ, которые тоже въ свою очередь раззорались. Въ послѣднее время этотъ заводъ уже лѣтъ 5 стоялъ совершенно въ бездѣйствіи и строенія начали рушиться. Наконецъ достался онъ крестьянину с. Устья И. Н. Никуличеву (нынѣшнему владѣльцу). человѣку очень энергическому и богатому, который сразу поставилъ это дѣло на ноги, и заводъ пошелъ блистательно: стекла не могутъ наработаться, до того сильно требованіе на него. Заводъ имѣетъ два громадныхъ зданія (гута и разводная), припасные, гончарные и т. п. зданія. Кромѣ того находится 12 домовъ для рабочихъ, въ которыхъ обыкновенно живутъ по двѣ семьи мастеровыхъ, контора, домъ управляющаго, такъ-что въ общемъ заводъ выглядитъ хорошимъ сельцомъ. Ежегодно вырабатывается на немъ стекла до 2-хъ тыс. ящиковъ, исключая посуды.

Мастеровъ 10 человѣкъ, получающихъ отъ 35 до 50 руб. въ мѣсяцъ жалованья при готовой квартирѣ. Баночниковъ ¹⁾—тоже 10, получающихъ жалованья 15 руб. въ мѣсяцъ. Разводчиковъ 6 чел., подкладчиковъ 1 и составщиковъ 1, получающихъ 30—40 руб. въ мѣсяцъ.

Всѣ эти люди, впрочемъ, пришлые, большею частію безземельные крестьяне Новгородской и Тверской губерніи, искони занимающіеся этимъ ремесломъ. Баночниками же бываютъ большею частію ихъ дѣти, которые въ послѣдствіи то же поступаютъ въ мастера. Есть семейства, имѣющія 2-хъ мастеровъ и одного баночника и слѣдовательно имѣющихъ возможность зарабатывать до 100 руб. въ мѣсяцъ.

Этотъ заводъ оказываетъ благодѣяніе не однимъ только «фабричнымъ», какъ называетъ ихъ народъ, но и мѣстнымъ жителямъ. Мѣстные жители нарубаютъ ежегодно для завода 1½ тыс. куб. сажень дровъ, подвозятъ ихъ къ заводу, что даетъ изрядный заработокъ; кромѣ того перевозятъ въ с. Устье и въ Вологду, а равно и обратно разнаго товару, въ томъ числѣ и стекла.

¹⁾ Баночникъ—подмастерье.

до 50 тыс. пудовъ, подвозятъ стекло съ завода на пристань близъ дер. Хмѣлевской (Бережокъ—тожь), тоже до 30 тыс. пудовъ, продаютъ песку до 20 тыс. пуд., выпиливаетъ до 20 тыс. досокъ тесу для устройства ящиковъ подъ стекло, выдѣлываютъ кирпичъ и т. п. Все это вмѣстѣ взятое, даетъ такой заработокъ крестьянамъ, что вся Митюковская волость живетъ почти исключительно заводомъ, да множество крестьянъ работаетъ тутъ извнѣ, изъ другихъ волостей, даже и другаго уѣзда.

1) Отхожіе промыслы. Отхожіе промыслы въ данной мѣстности не играютъ особоважной роли въ дѣлѣ приобрѣтенія средствъ къ существованію, сравнительно съ другими мѣстностями Россіи, но все-же они существуютъ. Главнымъ изъ нихъ является по обыкновенію опять лѣсной заработокъ—это нутка и разборка ихъ въ запани, при устьи Кубены, бревенъ лѣсоторговцовъ-заводчиковъ. Подражаются на эту работу съ самой весны, мѣсяца на 2—3, получая отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ. Затѣмъ слѣдуетъ промыселъ — плотничество, практикуемый въ Кумзерской и Азлецкой волостяхъ. Здѣсь почти $\frac{2}{3}$ всего взрослого населенія идутъ на заработки. Обыкновенно идутъ по подрядамъ кого либо изъ своей среды, наиболѣе зажиточнаго крестьянина. Подрядчикъ набираетъ 20—30 человекъ артель плотниковъ и отправляется съ ними въ Петербургъ, Ладогу и др. города, предварительно условившись съ ними въ цѣнѣ, выдавши задатки и заключивъ условія. Цѣна бываетъ смотря по искусству и трудолюбію подряжающагося, примѣрно отъ 60 до 20 руб., за время съ 25-го марта по 1-е ноября, на харчахъ хозяйскихъ. Инструменты же, какъ-то: топоръ, пила, стамеска, долото и т. п. должны быть у каждаго рабочаго свои, за неимѣніемъ чего либо изъ упомянутыхъ вещей, подрядчикъ, въ силу договора, имѣетъ право купить ихъ за счетъ рабочаго. Прогульные дни рабочаго высчитываются въ двойной суммѣ противъ условленной платы, но за болѣзнію, — рабочій не получаетъ только своего жалованія за время болѣзни. Есть въ этихъ волостяхъ и такіе плотники, которые ходятъ на заработки компаніями, артельно; въ этомъ случаѣ деньги, заработанныя ими, дѣлятся по-ровну. Изъ своей среды такая артель выбираетъ «старшаго» (подрядчика), который и подряжается по своему уму-разуму сдѣлать у кого либо то или иное дѣло за условленную плату, и дешево или дорого рядить такой старшій,—остальные должны безпрекословно выполнять подрядъ. Деньги же, по окончаніи подряда, дѣлятся по-ровну, какъ уже нами сказано выше; старшему кромѣ почета, власти брать подряды и заключать отъ имени артели договоры, да еще развѣ угощенія отъ своихъ компаніоновъ за удачный подрядъ,—ничего «сверхшонка» не полагается.

А. Шустиковъ.

(Оконч. слѣд.).

ОТДѢЛЪ II.

Остяцкая былина про богатырей города Эмдера.

(Записана и пореведена въ Шумиловскихъ юртахъ М. Кондинской волости Тоб. окр. и губ.)

На незамерзающихъ берегахъ пнейнаго Эмдера, въ богатырскомъ городѣ ¹⁾, мы проживали.

Какой мужъ съ крѣпкими колѣнями въ ногахъ родился у меня на краю того города?

Хѹ-сасылтем тав-данчем јѹтмай ѹрт ²⁾, мой братъ, (здѣсь) родился.

Имя носящій богатырь, какъ онъ добылъ себѣ славное имя?

Когда на полномъ собраніи князей, вслѣдствіе ихъ хвастовства, возникъ великій споръ, (что,)

Если бы какого-нибудь мужа сынъ, хотя бы и полный мужчина, и положилъ на свои два колѣна (конское бедро),

То гдѣ бы ему удалось разломать его быстро на 7 частей?

Хѹ-сасылтем тав-данчем јѹтмай ѹрт, мой братъ,

Сверѣвшихъ рукъ [и ногъ] суставами онъ его схватилъ,

Въ середину хорошаго обхвата своихъ обѣихъ рукъ онъ его взялъ

И быстро раздробилъ на семь кусковъ.

Подобно дятламъ и щелкуньямъ они разлетѣлись на (цѣлый) день въ четыре угла дома.

Черезъ это мой братъ, имя носящій богатырь, приобрѣлъ свое славное имя.

Послѣ него, какой мужъ съ крѣпкими колѣнями ногъ родился у меня на другомъ концѣ города?

Онѣт сѳт негеп тѣт атта ѹрт ³⁾, мой братъ, (здѣсь) родился.

Послѣ него, кто у меня родился?

Нѣлек туі кѳвдай тѣт атта ѹрт ⁴⁾, мой братъ, (здѣсь) родился.

Послѣ него, кто у меня родился?

Пус-теіпе нѣреп тонх ⁵⁾, мой братъ, здѣсь родился.

Послѣ него разносится мое имя:

Хѳрум курце нѣт-сѳт ѹрт кудѣва піріјідем, сѣвет пѣтѣм сѣвей Јаг ⁶⁾.

¹⁾ Слѣды городка Эмдера находятся на берегу рѣчки Эмдеръ, въ юго-западн. части Березовск. округа.

²⁾ Переводъ прозвища: «Долго сушеное конское бедро раздробившій богатырь».

³⁾ Переводъ: «Кольчугу съ сотней торчавшихъ рожковъ носящій богатырь».

⁴⁾ Пер.: «Звенящую кольчугу изъ блестящихъ колецъ носящій богатырь».

⁵⁾ Пер.: «Богатырь съ остроконечнымъ мечемъ».

⁶⁾ Пер.: «Изъ среды 80 богатырей съ оленями погами избранный, съ опущенными носами, косатый Ягъ».

Едва свѣтаеъ утро ¹⁾, какъ встають незамужнія дѣвицы; такъ (рано) и я встаю ²⁾.

Когда ночь, располагающая къ бесѣдамъ и разговорамъ, затмила свѣтъ,

Подъ влияніеъ быстрой потребности крѣпкаго желудка я вышелъ на улицу.

Къ сѣверной сторонѣ, къ славному краю, я прислушался.

Съ сѣверной стороны звенящій голосъ я слышу.

Это приближается филинь съ человеческимъ ликомъ ³⁾, я знаю.

Посреди города стоит обломанная вѣтромъ кожуриская лисовенница съ тол-
стыми стволами.

На ея славной вершинѣ едва уцѣлѣлъ сукъ толщиной въ ручку скобеля.

СВѢЗЪ НА ЭТУ ВѢЗЪ, ОНЪ ПОВЕРНУЛСЯ КЪ СѢВЕРУ И, КАКЪ БУДТО БЫ ОНЪ СОБИРАЛСЯ СЪЕСТЬ ЧЕЛОВѢКА, ТАКЪ ОНЪ ЗДѢСЬ РАЗДУЛЪ СВОЕ ГОРЛО.

Обратившись ко мнѣ, онъ такъ сталъ говорить:

«Сёвет патнём сёвон Яг!

До каких поръ ты будешь такъ (рано) вставать, какъ вставать незамужнія женщины?..

— «Красавица ¹⁾), дѣвица, которую бы я выбралъ, еще не родилась!».

Но Филипп сказал: «про красавицу по твоему выбору я своим долгим ухом хорошую вѣсть слышалъ».

Я сказал: «Где же ты слышал про красавицу по моему выбору?».

Онъ отвѣчалъ: «Потекли впередъ богатырскія воды инейнаго Эм-
дера съ незамерзающими берегами⁵⁾).

«Въ устьянной желтой галькей чистой Оби обширныя воды 6) онъ пазн.

«Усыянной мелкой галькой чистой Оби обширныя воды впередъ потекли.

«Въ священные воды потока, раздвоеннаго на подобіе раз-
бѣгающихся песковъ ⁷⁾, онѣ пали.

«Раздвоенного потока священные воды вперед потекли.

«Въ красноводныя богатырскія воды мужа Кёвер-хуш'а») онѣ
паги.

«Красноводныя богатырскія воды мужа Кёвер-хуш'а впередъ потекли.

«Въ священный соръ, на который опускается божественный
гуманъ,» они пали.

«Священный сорь, на который опускается божественный туманъ, простирается къ югу, къ славной сторонѣ.

«Кары поспату, богатырскому городу ¹⁰⁾», здесь принадлежит господство.

«Старый князь Худем сѡт ѡт тетідем лулей-мох, тохтей-мох кыней ѳрт-ига¹¹⁾ строгають (здѣсь) черень стрѣлы.

¹⁾ Здесь пропущено неясное выражение: н'от порай јогот хар. Изъ этихъ 4 словъ мнѣ непонятно лишь слово порай.

холость.

2) Видъ Филиппа здѣсь приняла остяцкая княжна изъ города Карыпоспат'а.

*) Эпитетъ красавицы ѹдот ѹх сіводым наі но вполнѣ понятенъ, почему и вымученъ

4) Каждая значительная река имеет свой постоянный эпитет. Приведенный здесь
г. р. Эндера будет: П'ог'от поттаи пожнй Эндер урдат јик.

*) Эпатеть Оби: Сат'-коу підом тері Ас хумт'їні.

а) Эпитетъ Бонды: Вурдем јінкпо Кёвер-хуш-хоі ўрдай јінк.

*) Значить: Тонх чів підом јемый тор. Слово: тор, по русски «сорь», означает на сѣверѣ Тобольской губ. плоскія озера, а также низинныя мѣста по берегамъ рекъ, которыя весной затопляються, а лѣтомъ служатъ лугами. Здѣсь подъ словомъ «тор» подразумѣвается Б. Кондинскій сорь («Ж. С.» 1891, вып. IV, стр. 91, прил. 4).

¹⁰⁾ Кары поспат ўрдат вош.

¹¹⁾ Переводъ см. Ж. С. 1891 III вып. на стр. 95.

«Въ пѣсеннохъ домѣ семь сыновей тутъ указивали.

«Главы дома—старшіе три сына, имя имъ дано:

«Јінка вѣгеттаі јінк-хут' тахпей ѳрта ¹⁾ три сына.

«Среднему сыну имя дано:

«Јден јѳготтаі іт моје сіметтубаі кѣг'ей на рпуйдеп тонх. ²⁾).

«Послѣ семи сыновей въ берестяной зыбкѣ съ красивой спинкой, кого пинали ³⁾)?

«Златоглазую бровастую красавицу полуденной страны ⁴⁾), се (здѣсь) пинали.

«Здѣсь я своимъ долгимъ ухомъ слышалъ про красавицу по твоему выбору хорошіи слухъ.

«Отправляйтесь (туда), если у васъ есть намѣреніе.

«На военную ногу, на сватовскую ногу снаряжайся!»

Старый филинъ повернулся къ полудню, къ славной сторонѣ,

Взмахнулъ три раза своими дорогими крыльями, только его и видѣли.

Когда сталъ свѣтать слѣдующій день,

На военную ногу, на сватовскую ногу мы снарядились.

Мы все ѳхали, ѳхали. Когда мы достигли священнаго сора, на который опускается божественный туманъ,

— Подъ помостками, поперекъ сора, былъ протянутъ золотой шнуръ ⁵⁾ толщиной въ мясистый палецъ—

Мой братъ быстро разсѣкъ золотой шнуръ на семь частей.

Тутъ Хѳ сасылтем тав-данчем јутмай ѳрт палъ въ сани

И пестрое одѣяло, узорчатый коверъ, набросилъ на себя.

Какъ мы только добрались до воротъ города,

Іден јѳготтві ⁶⁾ спустился изъ за (вала) города.

Хотя онъ и взмахнулъ мечемъ на оленей,

Олени рванулись впередъ,

И только привязанные къ животнымъ заиндевіые ремни онъ разсѣкъ.

Назадъ онъ обернулся.

Хѳ сасылтем, мой братъ, (тутъ) вскочилъ,

Схватилъ мечъ, взмахнулъ,

Подобно двумъ чашамъ съ пѣнящимся отверстіемъ онъ распался на двѣ части.

Послѣ этого насъ пустили въ городъ.

Мой братъ выставилъ трехъ пословъ съ посохами въ рукѣ.

Когда пришелъ первый посолъ,

Тестъ, (сидя) за занавѣсомъ, не открылъ своего полаго рта съ 20 зубами.

Хоть и пришелъ второй носолъ,

Тестъ, (сидя) за занавѣсомъ, не открылъ своего полаго рта съ 20 зубами.

Когда прибылъ третій посолъ,

Онъ спросилъ цѣну 100 рабовъ, 100 рабынь,

Онъ спросилъ цѣну 100 кольчугъ и 100 мечей,

Онъ спросилъ цѣну 100 сѣкиръ и 100 котловъ.

Въ видѣ платы за 100 рабовъ и 100 рабынь,

Хорошіи калымъ, состоящіи изъ массы товара, ему выложили.

¹⁾ Перев.: «Въ воду входящіе и рыбу крючащіе богатыри».

²⁾ Въ этомъ эпитетѣ слова іт моје сімет тубаі не понятны; іден јѳготтаі значить «поздно приходящій»; кѣг'ей на рпуйдеп тонх означаетъ: «богатырь съ мечемъ на боку».

³⁾ Слово «пинать» означаетъ въ Сибири качать дюльку ногой.

⁴⁾ Эпитетъ красавицы: Морда-мыг-хоі сорн'і сѣм хут'мет (или хут'май) наі. Слово хоі въ выраженіи Морда-мыг-хоі и въ нѣкоторыхъ др. мы пропустили въ переводѣ, потому что оно затемняетъ смыслъ.

⁵⁾ О подобныхъ же сигнальных «струнахъ» упоминается и въ русскихъ сказкахъ.

⁶⁾ Здѣсь и ниже мы приводимъ ради краткости лишь начало прозвища.

Въ видѣ платы за 100 кольчугъ и 100 мечей,
Хорошій калымъ изъ большой суммы денегъ ему выложили.

Въ видѣ платы за 100 сѣкирь и 100 котловъ,
Хорошій калымъ изъ массы товара ему выложили.

Сватъ сталъ ликовать радостнымъ горломъ.

Послѣ этого жениха отвели къ невѣстѣ ¹⁾.

Трехъ мужей Ёнка въ егеттай дома не было.

Въ полуденныя страны, ко славнымъ водамъ, они отправились.

Когда они вернулись съ южной стороны, со славныхъ водъ,

Они привезли съ собою славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны.

Трехъ златоглазыхъ, бровастыхъ красавицъ полуденной страны они привезли.

(Мои) три брата стали на этихъ трехъ дѣвицъ зариться.

— (Когда) женщина плохо шла, неплотный шовъ изъ пражы распарывается.

(Такъ) возгорѣлась ²⁾ у насъ двойственная Тарнь съ однимъ л-комъ ³⁾.

Когда мы такъ воевали,

Моего брата Пустеине нареп тонх'а

Одинъ мужъ сразилъ,

И, подобно крышкѣ лукошка или кузова,

На томъ же мѣстѣ его совершенно растоптали.

Напрасно онъ, мужъ съ силой въ славныхъ суставахъ рукъ, (только) родился!

Послѣ этого мы четверо богатырей, четверо братьевъ, въ своемъ бѣгствѣ заняли
колотливую дорогу.

Когда мы добрались до высокаго мыса Самарской горы ⁴⁾

И моего брата Хусасылтема

Два оленя, подобно тому, какъ карабкаются лѣтнія бѣлки, взбирались вверхъ,
(Богатыри), догнавъ (насъ) на славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны,
Окровавленнаго мужа двѣ половины тутъ положили.

Когда мы достигли высокаго мыса Сарайской горы

И Онет сѣта, моего брата,

Два оленя, подобно тому, какъ карабкаются лѣтнія бѣлки, взбирались вверхъ,
(Они), подоспѣвъ на славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны,
Окровавленнаго мужа двѣ части тамъ положили.

Когда мы добрались до высокаго мыса горы Тунка,

И моего брата Нилек туи'а

Два оленя взбирались вверхъ, подобно тому, какъ карабкаются лѣтнія бѣлки,
Они, подоспѣвъ на славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны,
Окровавленнаго мужа двѣ половины тамъ положили.

Чтобы мой городъ не остался безъ отцовскаго имени, безъ главы, меня оставили.

Я все продолжалъ путь. Два мужа попадаютъ мнѣ на встрѣчу.

Они меня спрашиваютъ: «Куда ты увелъ нашихъ отцевъ?»

Я сказалъ: «(чтобы видѣть) глаза вашихъ отцевъ, смотрите въ мои».

Старшій мужъ схватилъ мечъ, хотѣлъ меня ударить,

Младшій мужъ сталъ ловить его мечъ.

Въ то время, какъ они оспаривали его другъ у друга,

Ручка меча упала мнѣ на голову

¹⁾ По мнѣнію рассказчика, послѣ свадьбы слѣдуетъ перерывъ въ нѣсколько лѣтъ.

²⁾ Букв.: «начала вестись».

³⁾ Описательно. названіе слова «война». См. «Жив. Стар.» 1891, кн. III, стр. 93.

⁴⁾ Подъ словомъ «гора» здѣсь подразумѣвается правый, нагорный, берегъ Иртыша и Оби. Самарскій мысъ находится по правому берегу Иртыша, 25 вер. отъ его устья, около с. Самарова.

И свѣтъ мой померкъ ¹⁾).

По узкой тропинкѣ, устланной листочками и былинками, я пошелъ,
На 300 ступенную лѣстницу я сталъ снизу взбираться.

Я все взбирался и взбирался.

Когда до неба осталось всего три ступени,

Идутъ мнѣ на встрѣчу три бѣлки съ красными бедрами ²⁾:

«Старшій братъ, куда ты идешь?»—«Я къ вамъ иду!»—

«Мы вотъ что скажемъ: мы пицу ѣдимъ съ человѣческой кровью,

«Воду пьемъ мы съ человѣческой кровью.

«Вернись назадъ!»

Я вернулся, спустился внизъ, достигъ земли

И обратно пошелъ по узкой тропинкѣ, устланной листочками и былинками,
Сѣлъ на свои сани и пробудился.

Мои племянники стоятъ по обѣ стороны саней,

Плачутъ обо мнѣ. Они говорятъ:

«Когда древесные листья достигнуть величины сусликова уха,

«Тогда насъ жди. Если мы не придемъ,

«То, когда листья деревьевъ приобретутъ темный цвѣтъ гнилой рыбы,

«Жди насъ тогда. Если мы не придемъ,

«То, когда отмирающіе древесные листья падутъ на кожистую землю ³⁾,

«Тогда жди души отъ насъ мужей, обладающихъ руками и ногами ⁴⁾».

Мы простились и направились въ разныя стороны ⁵⁾.

Хотя оба мужа и добрались до богатырскаго города Кары поспат-вош'а. (Онъ былъ пустъ). Дорогу вдоль Конды, по которой бѣжалъ Хѹдемъ съ отъ тетидемъ, они выслѣживали подобно собакамъ, приученнымъ къ соболонной охотѣ. Вотъ передъ ними городъ Харда, высотой въ 7 листовнищъ; туда тѣ бѣжали. Въ этомъ городѣ, въ мѣдной крѣпости, оставлено лишь одно отверстіе, достаточное, чтобы пролѣзть воину въ кольчугѣ. Въ мѣдной крышѣ было оставлено окно для свѣта. Въ этотъ Харда-городъ взомелъ народъ и Жѣвыръ-богатырь заперъ городъ. Вслѣдствіе недостатка въ пищѣ голодъ одолѣлъ население двухъ ⁶⁾ городовъ. У этихъ же двухъ мужей рѣка Жѣвра кишѣла рыбой. Въ то время, какъ воронъ, заключувъ рыбку, несъ ее черезъ городъ, его замѣтили внутри города. Народъ изъ двухъ городовъ вывалился наружу. Эти оба мужа лежали въ видѣ змѣй по обѣимъ сторонамъ городскихъ воротъ. Когда они посмотрѣли на трехъ братьевъ Јінка вѣгеттаі, на солнцѣ видно было сквозь, какъ (у нихъ) лежатъ желчь и кишки. Жѣвра-богатыря, хотя они и осматривали и снизу и сверху, онъ какъ будто состоялъ изъ доброй лигой глыбы золота и серебра. Тѣ начали черпать красноперого язя. Много кучъ, величиною съ землянку, они начерпали. Богатырь Жѣвыръ сказалъ: «Вы, три брата, дѣлите!» Три брата сказали въ отвѣтъ: «мы не станемъ возиться со склизкою, хорошо икриною рыбой». Послѣ этого богатырь Жѣвыръ началъ дѣлить. Онъ дѣлилъ, дѣлилъ и своимъ людямъ бросалъ промежъ ногъ красноперого язя. Богатырю Жѣврю стало жарко, онъ снялъ кольчугу и передалъ ее пяти мужамъ: «Не оставляйте моей кольчуги далѣе чѣмъ на разстояніи двухъ-трехъ человѣкъ». Эти мужи смотря: кольчуга осталась далѣе, чѣмъ на разстояніи трехъ мужей. Тогда

¹⁾ Т. е. онъ впалъ въ безпамятство, во время котораго ему показалось, что онъ совершаетъ путь на небо. Придя въ себя, онъ принимаетъ видѣнный имъ сонъ за дѣйствительность и передаетъ его въ своемъ разсказѣ объ этомъ путешествіи.

²⁾ Бѣлки—души его убитыхъ братьевъ.

³⁾ Довольно точное обозначеніе времени весны, лѣта и осени, когда они намѣреваются воротиться, отомстивъ за смерть отцевъ.

⁴⁾ По вѣрованіямъ прежнихъ Остяковъ, души умершихъ иногда навѣщали своихъ родныхъ.

⁵⁾ Отсюда былина многими налагается прозою; другими, напротивъ, она поется до словъ «Двое мужей...»

⁶⁾ Кромѣ своего населенія въ этомъ городѣ укрылись жители Кары поспат-вош'а.

старшій мужъ спустилъ стрѣлу. Какъ раздался шумъ тетивы лука, богатырь *Жевыръ* пристѣлъ. Хотя второй мужъ и выстрѣлилъ, *Жевыръ-богатырь* прыгнулъ вверхъ. Вотъ къ богатырю *Жевру* принесли его кольчугу. Какъ онъ ее одѣвалъ, старшій мужъ выстрѣлилъ: кольчуга совѣтъ закрыла его уши, онъ не слышитъ шума тетивы. Тутъ въ него (стрѣла) и попала. Когда въ него попало, онъ сдернулъ кольчугу вверхъ и бросилъ ее тѣмъ двумъ мужамъ и сказалъ тремъ братьямъ: «Изъ за вашего обжорливаго брюха меня убили».

Двое мужей начали съ тремя братьями вести одноликую двойственную *Тарнъ* (т. е. войну). Они воевали, воевали. Вотъ у трехъ братьевъ кольчуги сдѣлались негодными. Когда кольчуги сдѣлались негодными, израсходывались стрѣлы. Тогда они стали поражать другъ друга еловыми и лиственничными дубинками. Они дрались и дрались. Старшій *Эндерскій* мужъ, схватившись со старшимъ изъ трехъ братьевъ, началъ бороться. Они упали поперекъ рѣки *Катыма* ¹⁾. *Эндерскій* мужъ упалъ съ верхней стороны рѣки, тотъ мужъ—съ нижней. Они, обнявшись, лежать. Тотъ спрашиваетъ *Эндерскаго* мужа: «Ты вотъ лежишь, каково тебѣ лежать?» Онъ отвѣчалъ: «Въ то время, какъ меня прижимаетъ быстрѣею спльнаго теченія, у меня отнимается добрая сициная сила». Тотъ мужъ вострепнулся (и принявъ) образъ ерша, *Эндерскій* мужъ вострепнулся, (принявъ) видъ щуки, гонится за ершомъ. Какъ онъ его хочетъ клюнуть, ершъ поворачиваетъ къ нему хвостъ и взъерошивается. Они выходятъ на сушу. Три брата просятъ у Бога желѣзаную, металлическую, плоть. Старшіе два брата обросли желѣзной, металлической, плотью. Когда же у младшаго брата желѣзная, металлическая, плоть дошла до середины (тѣла), *Эндерскій* мужъ ударилъ его мечемъ, и онъ застѣлъ, какъ бы спущенная на землю кочка. Тогда тѣ мужи, послѣ того какъ убили ихъ брата, вознеслись къ Золотому Свѣту, своему отцу ²⁾, и оба *Эндерскихъ* мужа были поражены спущенными на нихъ въ видѣ грома каменными стрѣлами.

С. Паткановъ.

¹⁾ Р. *Катымъ*—притокъ *Конды* съ правой стороны.

²⁾ Нынѣ они оба чествуются *Остыками*, какъ святыс. Иныя называютъ *Іога теі* *Тогойси* («Ж. С.» 1891 IV вып. стр. 108).

Мордовская свадьба.

I.

Сватовство.

(ладяно - зампреніе).

Остановившись выборомъ на извѣстной дѣвушкѣ, родители жениха въ одинъ изъ легкихъ дней (воскресенье, вторникъ, четвергъ) приглашаютъ къ себѣ родственниковъ и объявляютъ имъ о своемъ выборѣ невесты своему сыну; спрашиваютъ родныхъ—не знаетъ ли кто изъ нихъ какихъ либо недостатковъ и пороковъ за этой дѣвушкой. Тщательно обсуждаютъ всѣ обстоятельства выбора и, по одобреніи его всѣми родственниками, начинаютъ молиться—просить помощи въ задуманномъ дѣлѣ у Бога небеснаго (верешки Пазъ), у бога домашняго (кудонъ кирди сіяка хранитель дома серебряный) и усопшихъ предковъ (покштыть—бабать). Во время моленія предъ иконами зажигается свѣча, на столѣ, накрытый бѣлой скатертью, ставится каравай хлѣба и солонка съ солью. Во время моленія наблюдается, чтобы дверь, окна, труба и даже печь непременно были закрыты, иначе нечистая сила можетъ проникнуть въ избу и помѣшать начатому дѣлу. По окончаніи моленія, хлѣбъ и соль кладутъ въ кошель и потомъ берутъ ихъ съ собой въ домъ невесты; въ случаѣ удачныхъ переговоровъ и рукобитья, эти хлѣбъ и соль мѣняются на такіе же хлѣбъ-соль изъ дома невесты. Съѣдаются они на слѣдующій день послѣ пропоя: собираются снова всѣ родственники жениховъ—въ домъ жениха, невестины—въ домъ невесты; помолятся всѣ виѣсть о присоединеніи новыхъ родственниковъ, и молитвенный хлѣбъ дѣлится по кусочку между всѣми родственниками и съѣдается. Послѣ этого, отступление съ которой либо стороны считается невозможнымъ.

Для предварительныхъ переговоровъ съ родными невесты посылается сначала одинъ болѣе ловкій и почтенный изъ родственниковъ жениха (икельтсь=якитсь впередъ ходящій). Временемъ для такихъ переговоровъ выбирается поздній вечеръ, когда всѣ люди успокоются, чтобы меньше людей могли видѣть его и чтобы никто не могъ перейти ему дорогу и не разстроилъ такимъ образомъ задуманное дѣло. Мордва вообще большое значеніе придаетъ первому встрѣчному и поперечному, по нимъ онъ рассчитываетъ на успѣхъ и неуспѣхъ своему предпріятію. Хорошимъ признакомъ считается встрѣча съ какою нибудь ношею (пекше кедь=полная рука) и дурнымъ—встрѣча безъ всякой липы (чаво кедь=пустая рука). Особенно тяжела и непріятна встрѣча, когда встрѣтившійся спроситъ: куда идешь, тогда хоть ворочайся назадъ,—все равно успѣха не будетъ. Многіе болѣе суевѣрные, чтобы посланный имѣлъ успѣхъ, при выходѣ его изъ дому бросаютъ въ слѣдъ ему старый, поношенный лапоть со словами: «какъ мягокъ и слабъ этотъ лапоть, пусть будутъ также мягки и слабы ушь и сердце родителей избранной нами дѣвушки, выдали бы намъ свою дочь».

Въ домѣ дѣвцы посланный непременно садится подлѣ матицу (мѣстопробываніе домашняго бога) и первую свою молитву обращаетъ къ нему, затѣмъ начинаетъ разговоръ сначала о постороннемъ предметѣ, а потомъ постепенно переходитъ къ цѣли своего посѣщенія. Родители невесты, какъ бы рады ни были такому предложенію, сначала отказываются отъ всякихъ переговоровъ, такъ что предварительные переговоры иногда продолжаются цѣлыя недѣли. Иные родители это дѣлаютъ изъ-за одного обычая, но многіе затягиваютъ сватовство съ цѣлью, чтобы какъ можно больше разгласилось сватовство ихъ дочери и чтобы дать такимъ образомъ возможность и другимъ

иссвататься. Узнавъ объ упрямствѣ ихъ, всякій отецъ, имѣющій сына-жениха, подумаетъ, не подходитъ ли та дѣвушка его сыну и, послѣ обсуждения этого дѣла съ родными, наскоро посылаетъ своего хожалаго попытать счастье. Дѣло еще болѣе затягивается. Хожалые ни днемъ, ни ночью не даютъ покоя родителямъ невесты, каждый старается пересилить своего противника. При этомъ хожалые прибѣгаютъ ко всевозможнымъ суевѣрнымъ способамъ: стараются похитить мочальную судомойку изъ дома невесты, и спрятавъ ее за пазуху (женщина) или въ карманъ (мущина), стараются во время переговоровъ скрытно спутать ее, полагая, что этимъ можно запутать умъ родителей невесты и легче будетъ уговорить ихъ.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ и совѣщаній съ родными и съ дочерью, отецъ невесты соглашается наконецъ пригласить отца жениха для окончательныхъ переговоровъ о цѣнѣ и о подаркахъ. Отецъ жениха идетъ къ невестѣ съ виномъ и молитвеннымъ хлѣбомъ-солью, беретъ съ собою мать жениха и нѣсколько родныхъ; если матери не будетъ, то ее замѣняетъ одна изъ близкихъ родственницъ. Цѣна, назначаемая за невесту, въ разныхъ мѣстахъ различна; она пропорціональна подаркамъ, которые невеста должна сдѣлать родственникамъ жениха и одеждѣ, которую отецъ обѣщаетъ сшить своей дочери. Въ Симбирской губерніи цѣна за невесту не превышаетъ 50 рублей; въ Уфимской и Нижегородской губерніяхъ она доходитъ до 200 руб. (Въ Нижегородской губерніи у Терюшевской Мордвы высоко цѣнятся «вѣнецъ» — женскій головной уборъ, украшенный серебряными монетами). При сватовствѣ вовсе не упоминается о приданомъ изъ скота, которое каждый отецъ даетъ своей дочери безъ уговора, по мѣрѣ своего достатка, именно изъ каждой породы скота даетъ дочери по колодой маткѣ; если имѣетъ пчелъ, то изъ нихъ даетъ одну колоду.

По удачномъ окончаніи ряды (бываютъ случаи, что сваты не сходятся въ цѣнѣ и подаркахъ, и свадьба разстроивается), сваты надѣваютъ рукавицы и бьютъ по рукамъ. Отецъ невесты собираетъ своихъ родныхъ, и начинаютъ молиться. Моленіе совершается такъ же, какъ и въ домѣ жениха — просятъ счастья молодымъ. Молитвенный хлѣбъ жениха оставляется на столѣ, а вмѣсто него берется хлѣбъ и соль изъ дома невесты. Всѣ родные приходятъ на пропой съ караваемъ хлѣба; во время ухода ихъ домой хозяинъ также даетъ имъ по караваю своего хлѣба. Хозяева и приглашенные ими родственники сидятъ какъ гости, ихъ угощаютъ сваты принесеннымъ виномъ. Во время этого угощенія невеста съ подругами сидитъ въ чуланѣ, покрывъ голову фатой.

По достаточномъ угощеніи, отецъ жениха и всѣ пришедшіе съ нимъ помощники отправляются въ чуланъ искать свою будущую сноху, осмотрѣть ее хорошенько и поставить на ней свою мѣтку. Но имъ всюду загораживаютъ дорогу: при входѣ въ чуланъ, въ дверяхъ по обѣимъ сторонамъ стоятъ двѣ женщины — «урывала авать» — онѣ останавливаютъ ихъ и требуютъ плату за пропускъ. Каждый изъ жениховой родни наливаетъ имъ по стакану вина и, опустивъ въ него какую нибудь монету, подаетъ женщинамъ. Женщины выпиваютъ вино, вынимаютъ монету и пропускаютъ сватовъ. Въ чуланѣ невесту загораживаютъ собою подруги ея. Отецъ жениха проситъ дѣвушекъ указать ему купленную имъ невесту. Дѣвушки даромъ не соглашаются сдѣлать это и уступаютъ просьбѣ лишь по обѣщаніи имъ награды. Свекоръ и свекровь, если они первый разъ видятъ свою сноху, начинаютъ внимательно разсматривать ее. Потомъ, похваливъ ее, ставятъ на ней мѣтку: отецъ наливаетъ стаканъ водки или мелу, опускаетъ въ него серебряную монету въ рубль или полтинникъ, смотря по состоянію и подноситъ снохѣ. Она выпиваетъ глотокъ вина, а остальное даетъ допивать подругамъ, вынимаетъ монету и стаканъ возвращаетъ свекру. Затѣмъ свекоръ такимъ же образомъ даритъ всѣхъ подругъ невесты. Свекровь или замѣняющая ее родственница даритъ невестѣ: платокъ, серьги, кольцо и браслетъ. Платокъ накидывается на голову, серьги вдѣваетъ въ уши, кольцо — на палецъ; при этомъ свекровь поетъ передъ снохой:

Вана казанъ тентъ патся
Ультъ монень тонъ эйбашокъ;
Пилезэть путанъ пилекстъ
Кулсонится ультя;
Суровотъ тонганъ монъ суркь
Кедь челькевне ультя;
Кедозэть тонганъ кедькь—
Кедь виевне ультя.

Тутъ же мать передъ своей снохой
Охъ, урвинемъ, зедьнемъ!
Тсёранъ кувалтъ какамать.
Сайдянь монъ тонъ, зедьнемъ,
Чекшнэ куватьш аштитсякь,
Валске толонъ пувитсякь,
Кудось пенъгень кандитсякь,
Начко ведранъ кирдитсякь,
Ванькстэ кудонъ тентсякь,
Чевте тарканъ атсытсякь,
Сэрей прилксонъ путытсякь,
Равужо палинь саитсякь,
Ашо палинь максытсякь,
Калгодо мушконъ томбитсякь
Кувака кодстонъ кодытсякь
Кучтъ киява молитсякь,
Эрва козонъ кундытсякь,
Якнинъ пакинъ вастытсякь,
Тусъ ломанень плытитсякь.

Вотъ дарю я тебѣ платокъ —
Будь ты мнѣ дитяю;
Въ уши твои надѣваю я серьги—
Слушливая ты будь;
На палецъ твой надѣваю я кольцо —
Руководьница ты будь;
На руку твою надѣваю браслетъ —
Будь сильна ты руками (работающая).

высказываетъ, зачѣмъ она беретъ ее:
О, сношенька, дитятко!
По сыну ты мнѣ дитя.
Беру я тебя, дитятко,
Чтобы ты по вечерамъ долго сидѣла,
Утромъ (рано) огонь вздувала,
Въ избу дрова носила,
Ведро мокрымъ держала,
Избу чистою дѣлала,
Мягкую постель стлала,
Высокое изголовье клала,
Черную рубашку брала,
Чистую рубашку давала,
Жесткую коноплю мjala,
Длинные холсты ткала.
Чтобы ты шла, куда посылають тебя,
Чтобы ты все дѣлала.
Приходящаго человека встрѣчала,
Уходящаго—провожала.

Выйдя изъ чулана, свекровь предъ матерью невесты поетъ:

Ияхъ, пяхъ, няяхъ }
Иѣ вайхъ ваяѣхъ } припѣвъ.

Охъ, свахинька-матушка!
Чешкстазъ каданъ умарина,
Кружазъ каданъ умаръ чувто,
Сыть кучозень мельганзо,
Сырнесэ сынъ сянтасызъ,
Масторонъ келесъ корѣнзо,
Сясо сынъ сыргавтсызъ,
Менелень келесъ тарадсо.
Илякъ сорновтъ тонъ, свахай,
Равужо човаля модазо,
Илякъ синьде тонъ, свахай,
Мазыстэ свѣти тарадзо,
Кода кадса шумбрасо,
Истя максыкь вадрасо.

О, свахинька матушка!
Отиѣченную яблоню оставляю тебѣ,
Закруженную яблоню оставляю тебѣ.
Приѣдутъ посланные за ней,
Золотомъ они выкопають
По всей землѣ (распространившіеся) корни ея.
Серебромъ они вырють
По всему небу вѣтви ея.
Ты не страхни, свахинька,
Черно-бисерную землю ея,
Ты не сломай, свахинька,
Красиво-цвѣтущую вѣтвь ея,
Какъ оставляю здоровою,
Такъ и отдай хорошею.

Мотивъ этихъ стиховъ состоитъ изъ слѣдующихъ двухъ колѣнъ:

Медленно.

№ 1.

И яхъ и яхъ и я яхъ и ѣ ва ехъ ва я ехъ

Мотивъ этотъ называется «голосомъ свахи» = сваханъ вайгель. На этотъ мотивъ на свадьбѣ поетъ сваха и всѣ женщины изъ рода женихова. Какъ свадьба мордовская представляетъ борьбу двухъ враждебныхъ партій—рода жениха и невесты, такъ сообразно съ этимъ и все пѣніе на свадьбѣ рѣзко дѣлится на два мотива. Одинъ мотивъ громогласный и торжественный; имъ поетъ сваха, какъ предводительница партіи побѣдителей и весь родъ жениха. Это — сейчасъ приведенный мотивъ. На совершенно другой мотивъ причитаетъ невеста и ея сторонницы — «урьина вальгей» = голосъ причитаній или «тейтерьскъ чинъ вальгей» — дѣвическій голосъ. На этотъ мотивъ невеста причитаетъ до тѣхъ поръ, пока она не разстанется съ своимъ дѣвичествомъ, т. е. пока не отпуститъ дѣвичество въ Божій садъ (въ день отъѣзда изъ дома родителей). Послѣ же этого „урьина-аватъ“ (женщины) подаютъ невестѣ женскій голосъ — „уре вальгей“. „Уре вальгей“ отличается отъ „тейтерьскъ чинъ вальгей“ только грубостью голоса и болѣе низкими нотами; на немъ невеста причитаетъ до конца свадьбы.

Мотивы эти, какъ и всѣ другіе, какіе встрѣтятся, будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ полученія даровъ, всѣ дѣвушки отправляются къ жениху на домъ просить лошадей кататься по селу. Если сваты пріѣзжіе — въ тотъ домъ, гдѣ они остановились. Во время катанья теперь у извѣстной мнѣ Мордвы поются русскія пѣсни. По возвращеніи съ катанья, всѣ дѣвушки становятся въ рядъ передъ сватомъ и въ протяжномъ пѣніи благодарятъ его за лошадей:

Ияъ, ияъ пиякъ } Припѣвъ не переводится.
Не ваякъ ваякъъ

Пасибо, сватъ, пасибо.
Стройтъ-буройтъ ракишазотъ,
Перелетнойтъ нурдозотъ,
Тарганъ уськетъ ождязотъ
Пасибо ломаньскъ довмозотъ
Пасибо ломаньскъ теймезотъ.

Спасибо, сватъ, спасибо
За твоихъ сѣрыхъ-бурыхъ лошадей,
За твои перелетныя сани,
За твои вытянутыя какъ проволока, возжи,
Спасибо, за людей насъ счелъ,
Спасибо, какъ людей насъ почтилъ.

Мотивъ этихъ стиховъ:

Протяжно. № 2.

И яъ и яхъ и я яхъ и е ваякъ в а я ехъ.

По окончаніи этого пѣнія, всѣ дѣвушки кланяются въ ноги свату и уходятъ въ чуланъ къ невестѣ.

Невеста приготовляетъ дары жениху и родственникамъ его: жениху французскій лавтокъ съ рисункомъ, въ одинъ уголъ этого платка завязываетъ серебряную монету (20 коп.—15 коп.), въ другой по діагонали кольцо серебряное или жѣдное; свекру — штани, свекрови — вышитую рубашку, крестной матери — вышитый кокошникъ; сестрамъ и братьямъ жениха — платки, прочимъ родственникамъ — портянки и кольца. Сначала выносятъ изъ чулана дары родственникамъ; выносятъ ихъ женщины-родственницы невесты и держа дары въ рукахъ предъ сватами поютъ на мотивъ № 1.

Охъ, сватушка, батюшка,
Охъ, свахиня, матушка,
Ня-дыя пеняся
Седе покше казининесъ

Охъ, сватушка, батюшка,
Охъ, свахинька, матушка,
Ужь не пеняйте-ка вы,
Что небольшіе вамъ дары:

Нижэ дугамъ парьямъ (или сазоромъ)
Эзъ содакшно аштеме
Тынекъ казнеть анокстась
Чекшне куватсь аштекшнесь
Валске рана стакшнокшнось
Эзъ чійнекшне уальсява
Эзъ яксекшне кужова

Моя голубушка-золотушка
Не знала и отдыха,
Все вамъ дары готовила, —
Вечеромъ долго сживала,
Утромъ рано вставала,
Не бѣгала по улицамъ
Не ходила въ хороводы.

По окончаніи этого пѣнія, всѣмъ присутствующимъ сватамъ кладутъ назначенный ему даръ на правую руку, а дары остальнымъ родственникамъ отдаютъ свату для передачи своимъ родственникамъ. Всѣ получившіе дары отдариваютъ невѣсту деньгами. Деньги эти кладутся на приготовленную для этого тарелку. Кромя того свать отдариваетъ невѣсту и за тѣ дары, которые вручили ему для передачи другимъ родственникамъ.

Подарокъ жениху—платокъ—выносятъ изъ чулана дѣвушка, — подружки невѣсты. Онѣ, взявши этотъ платокъ за четыре угла, становятся передъ сватомъ и въ пѣніи на мотивъ № 2 просятъ свата выкупить его для своего сына:

Ияхъ, ияхъ ияхъ }
Иѣ ваѣхъ ваинь } припѣвъ.

Идика, свать, идика,
Рамика, свать, рамика,
Каяка, свать, каяка
Ниле певанзо, свать
Нилень, нилень вай алтотъ
Кунчказонзо вететсе.
Тесэ оянокъ тусозо
Тесэ ялганокъ чамазо
Гостинетсексь кучсынекъ
Гостинетсексь мсекесынекъ
Радоннасто саессез
Вечкезъ—кельгезъ улезэ.

Выручай-ка, свать, выручай,
Покупай-ка, свать, покупай;
Положь-ка, свать, положи
По четыремъ его угламъ, свать,
По четыре алтына
А въ средину его—пятый.
Здѣсь черы нашей подруженьки,
Здѣсь лицо нашей голубушки,
Въ гостинець мы его посылаемъ,
Въ гостинець мы его отдаемъ.
Пусть съ радостью онъ его приметъ
Пусть онъ его полюбитъ.

Свать выкупаетъ этотъ платокъ, положивъ на него денегъ отъ 50 к. до 1 р. Деньги эти отдаются невѣстѣ.

Послѣ этого сваты допиваютъ принесенное вино, оставивъ лишь немного на днѣ боченка, чтобы не съ пустыми руками вернуться домой и отправляются домой. Всѣ женщины и дѣвушки, присутствовавшія на пропой, съ пѣніемъ провожаютъ сватовъ до дому или до квартиры ихъ. Въ домѣ свата отдаютъ платокъ жениху, если онъ тутъ будетъ, допиваютъ остатки вина и расходятся по домамъ. Вручая платокъ жениху, женщины поютъ на мотивъ № 1.

Нижэ дугай, а Сѣма!
Мазы дугай а Сѣма!
Минь туннекъ гостинець
Лится мазы патсазо;
Тесэ сэрзэ рунгозо
Тесэ туссо-поназо.
Туи а туи мелезэть,
Туи а туи превезэть.

Голубчикъ ты нашъ, Семенъ! (имя жениха)
Красавецъ ты нашъ, Семенъ!
Мы принесли тебѣ гостинець,
Красоту ея лица—платокъ ея,
Здѣсь ея ростъ и станъ,
Здѣсь ея лицо и цвѣтъ;
Понравится ли нѣтъ тебѣ?
Придется тебѣ по мысли или нѣтъ.

II.

Приготовленія къ свадьбѣ.

Послѣ пропоя, невѣста начинаетъ готовиться къ свадьбѣ: готовить дары и учиться причитывать. Изъ этихъ приготовленій болѣе всего озабочиваетъ невѣсту приготовленіе даровъ, которыхъ требуется съ нея немало и которые должны быть всѣ своей работы. Такъ, чтобы сыграть посредственную мордовскую свадьбу, невѣстѣ необходимо имѣть: 3—5 вышитыхъ женскихъ рубахъ, столько же приблизительно мужскихъ рубахъ и значительное количество вышитыхъ кокошниковъ, полотенцевъ, платочковъ съ вышитыми краемочками и т. п. Такое множество даровъ нельзя конечно приготовить въ короткое время между пропоемъ и свадьбой—недѣли 2—3. Поэтому свадебные дары готовятся постепенно, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но у мордовской дѣвушки очень мало времени для работы лично на себя: зиму и лѣто она наравнѣ съ семьей работаетъ на семью, на хозяйство, только въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, которые и называются по мордовски „аштимаковъ ланго“ т. е. мѣсяцъ стоянія, т. е. мѣсяцъ безработный, дѣвушка можетъ немного поработать на себя. Безъ достаточнаго же количества холста и даровъ, ни сама дѣвушка, ни ея родители не согласятся играть свадьбу—не срамить же себя передъ всѣмъ народомъ. Купить свадебные дары нельзя,—мордовскіе костюмы на базарахъ не продаются. Поэтому мордовскія дѣвушки весьма заботятся о приготовленіи даровъ: весьма часто онѣ цѣлыя осеннія ночи просиживаютъ и, при лунномъ свѣтѣ, вышиваютъ немудреные узоры на кокошникахъ и рубашкахъ; въ большіе же праздники онѣ по цѣлымъ днямъ скрываются на сѣновалахъ или въ огородахъ и тамъ работаютъ. Послѣ пропоя, къ невѣстѣ собираются на помощь подруги ея—дохлывать дары. Обычай этотъ такъ установился у Мордвы, что подруги невѣсты считаютъ это своимъ долгомъ, и за весь свой продолжительный трудъ въ это время онѣ ничего не требуютъ отъ невѣсты, а довольствуются тѣмъ, что она подаритъ имъ по окончаніи всѣхъ работъ, передъ своимъ отъѣздомъ въ домъ жениха. Невѣста же обыкновенно даритъ каждую изъ своихъ подругъ голубой лентой аршина въ 1½ длиною. Впрочемъ дѣвушки еще получаютъ отъ поѣзжанъ за величаніе ихъ пѣснями и за украшеніе ихъ шапокъ разноцвѣтными лоскутками.

Не менѣе также озабочиваютъ невѣсту и свадебныя причитанія; но они приобретаются гораздо легче и скорѣе, чѣмъ дары, и пзъ-за нихъ свадьба не можетъ остановиться.

Свадебныя причитанія Мордвы сочинены вѣками и неизмѣнно устно передаются изъ одного поколѣнія въ другое. Къ нимъ мордовскія дѣвушки начинаютъ прислушиваться съ малолѣтства,—какъ только дѣвушка исполнитъ лѣтъ 7—8, она уже начинаетъ исправно посѣщать всѣ свадебные вечерки съ причитаніями и внимательно прислушивается къ нимъ, а потомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, упражняется въ нихъ: остается ли дома одна, нянчить ли своего маленькаго брата—непрерѣнно причитываетъ. Большую пользу въ этомъ отношеніи приносятъ дѣвушкамъ и куклы. На куклахъ у Мордвы играется только свадьба. Здѣсь дѣвушка, назначивъ каждой куклѣ извѣстную роль, причитываетъ за невѣсту, поетъ за сваху, угощаетъ гостей за хозяйку,—однимъ словомъ дѣлаетъ все, что бываетъ на свадьбѣ. Наконецъ мордовскіе дѣти весьма часто играютъ въ свадьбу: собираются нѣсколько дѣвушекъ и парней, обыкновенно въ весенніе праздники, выбираютъ пзъ своей среды жениха, невѣсту и весь свадебный персоналъ и удаляются въ дуга или за гумны играть свадьбу. Но свадебныхъ причитаній такъ много, что невѣстѣ, не смотря на долготѣнную подготовку, передъ свадьбой еще многое приходится вновь заучивать. Учителями и репетиторами въ этомъ случаѣ являются свои снохи и недавно вышедшія замужъ молодыя женщины, которыя хорошо еще помнятъ свою свадьбу и всегда охотно дѣлятся своими знаніями.

Въ домѣ жениха въ это время также идутъ приготовленія: растятъ солодъ, варятъ пиво, убираютъ дворъ, запасаютъ сѣна побольше, такъ какъ на свадьбу найдется много гостей и лошадей, ихъ придется кормить почти цѣлую недѣлю и проч.

Разсчитавши къ какому времени все это можно приготовить, отецъ жениха и мать вмѣстѣ съ другими двумя—тремя близкими родственниками отправляются къ своему новому свату назначать день свадьбы,—день приѣзда свадебнаго поѣзда за невестой (чинъ путио — назначеніе дня). Теперь они приѣзжаютъ прямо къ свату, какъ уже къ знакомому и родному. Въ этотъ приѣздъ привозятъ все уговоренное: вино, деньги и медъ, который обязательно требуется, при всякой свадьбѣ, для поминанія усопшихъ; отъ уговоренной платы за невесту оставляется лишь нѣсколько копеекъ, которыми привозить съ собой свадебный поѣздъ. По приѣздѣ сватовъ, отецъ невесты приглашаетъ всѣхъ своихъ родныхъ поинимать съ новой родней и уговориться о дѣлѣ свадьбы. При этомъ невеста опять даритъ всѣхъ своихъ будущихъ родственниковъ.

III.

Начало причитаній (урьнеме серъгедьма).

Послѣ назначенія дня свадьбы, невеста начинаетъ по вечерамъ причитывать — оплакивать свое дѣвичество. Въ первый разъ она начинаетъ причитывать на срединѣ двора въ глухую полночь. Выходитъ она на дворъ одна, тихонько отъ всѣхъ семейныхъ. По общему заявленію женщинъ—эта ночь, избранная для начала причитаній, проводится невестой въ самыхъ тяжелыхъ размышленіяхъ и душевныхъ волненіяхъ. Сонъ ни на минуту не смыкаетъ глазъ, невеста ежеминутно вскакиваетъ съ постели и прислушивается къ завыванію вѣтра, боясь какъ бы не пролежать первое пѣніе пѣтуховъ: время, когда ей начинать причитывать. Съ этого времени невеста какъ-бы уже вполне убѣждается, что ее дѣйствительно выдаютъ замужъ, и что она должна перейти въ новую, для нея неизвѣстную жизнь, въ новую семью, къ чужому отцу, матерп, которыхъ замужняя женщина въ причитаніяхъ на вопросъ невесты: расскажи-ка мнѣ, сношенья, замужняя жизнь какова, каковы чужіе отецъ съ матерью, описываетъ ей въ весьма непривлекательныхъ краскахъ.

Какъ только пѣтухи пропѣли, невеста встаетъ и тихонько отъ всѣхъ семейныхъ выходитъ на дворъ. Кругомъ пусто и темно, ею овладѣваетъ страхъ, она машинально становится на предначѣненное мѣсто, но не можетъ начать причитывать,—языкъ какъ бы отнимается и невеста, задыхаясь въ слезахъ, падаетъ на землю и начинаетъ рыдать. Облегчивъ нѣсколько такимъ образомъ душу, невеста встаетъ и начинаетъ уже причитывать; сначала слабо, тихо, а потомъ все болѣе и болѣе одушевляясь и усиливая голосъ. Сосѣди со вздохомъ просыпаются и прислушиваются къ плачу невесты: всѣми невольно овладѣваютъ тяжелыя мысли, каждому припоминается своя молодость и все прошлое... Эта ночь настолько тяжела для невесты, что съ ними иногда случаются нервные припадки: онѣ иногда до того расплачутся, что не могутъ начать причитаній. Для избѣжанія этого слабыхъ невесты берутъ съ собою подругъ, но и это не всегда помогаетъ, такъ что нѣмкимъ невестамъ приходится нѣсколько разъ откладывать начало причитаній.

Мотивъ причитаній невесты.

«Урьнима вайгель, — теѣ терькъ чинъ вайгель».

Невѣста на среднѣ двора, обратившись къ востоку, — начинать такъ:

Вере, вере, вере пазъ!
Вере шеп пазъ сѣна!
Ниле ёновъ спокунянь,
Ниле пазовъ инладанъ,
Кона пазосъ максимонъ,
Себе пазосъ чантхманъ
Чисъ сэринень ламаво,
Чисъ сэринень вальмаво.

Вышній, вышній, вышній богъ!
Вышній богъ, хранитель серебряный!
На четыре стороны поклонись я,
Четырехъ богамъ поклонись,
Который изъ боговъ выдать меня,
Пусть тотъ же богъ благословитъ меня
Заживо оплакивать тѣло мое,
Заживо причитывать тѣло мое.

Послѣ этого невѣста кланяется въ землю и съ этого же мѣста обращается къ богу двора:

Тетанъ юртонъ кирдизъ,
Тетанъ кардо сяркзо!
Иля тандатъ шумнэдонъ,
Сэръ ёмаво вайгельденъ,
Авольтонъ монъ тандавланъ,
Авольтонъ тормошанъ.
Эсь сэринень монъ лажанъ,
Эсь сэринень коволянъ.

Хранитель двора батюшкина!
«Кардо сярко» ¹⁾ родительское!
Не пугайся ты моего шума,
Моего голоса раздражающего:
Не тебя я такъ пугаю,
Не тебя я страшаю,
Свое тѣло я оплакиваю,
Свое тѣло причитаю.

Потомъ невѣста подходитъ къ колодцу, обходитъ его три раза посолоны, послѣ каждаго круга кланяется колодцу въ землю и въ это время причитываетъ:

Лисманъ кирди тейтеръ-эй!
Лисманъ кирди кастарго!
Иля тандатъ шумнэдонъ,
Сэръ ёмаво вайгельденъ:
Авольтонъ монъ тандавланъ,
Авольтонъ тормошанъ, —
Монсинъ сэрень коволянъ,
Монсинъ сэрень монъ лажанъ.
Седъ икеле эряжсто,
Тейтерькъ шиньгень четяжсто
Валске рана сакшиньлень,
Чокшинъ позда сакшиньлень.
Эзинъ сакшино лангозотъ
Сэръ ёмаво шумъ маро,
Коль ёмаво крикъ маро.
Киштезь моразъ сакшиньлень
Пейдезь шутазъ сакшиньлень.
Валске рана самосто,
Чекшинъ позда самосто
Можеть токалитъ тонъ удожсто
Можеть токалитъ тонъ ой мажсто
Можеть чалгавкишнынъ монъ
Виде килей сэреть лангсъ,

Владычица колодца, дѣвица!
Владычица колодца, красавица!
Не пугайся ты моего шума,
Моего голоса ужаснаго:
Не тебя я пугаю,
Не тебя я такъ страшаю, —
Свое тѣло причитаю,
Свою жизнь я оплакиваю.
До сего времени живя,
Дѣвчій вѣкъ провожая,
Я и утрошь рано приходила,
И вечеромъ поздно приходила,
Но не приходила къ тебѣ
Съ шумомъ погибающаго,
Съ крикомъ умирающаго;
Плясучи, поючи, приходила я,
Смѣясь и шутя, приходила я.
Приходя утрошь рано,
Приходя вечеромъ поздно,
Можеть угождала ты спящую,
Можеть угождала ты отдыхающую, ²⁾
Можеть наступала я
На твое, какъ береза, бѣлое тѣло,

¹⁾ «Кардо сярко» — богъ двора. Мѣстопробываніе его на среднѣ двора въ вырытой, покрытой доской ямочкѣ. Во время праздниковъ въ эту ямочку кладутъ по маленькой чашечкѣ отъ всѣхъ живущихся куманьень и дѣлать вино и пиво. Въ настоящее время «Кардо сярко» утратило свое значеніе; приношеній ему никакихъ не дѣлають; но ямочка во многихъ дворахъ хранится до настоящаго времени, и кровь закалываемаго животнаго во дворѣ всегда льется въ эту ямочку.

²⁾ Эти два стиха не совсѣмъ понятны. Вѣроятно слѣдуетъ по «тѣ», а «тебѣ». Ред.

Мазы умарь тусотъ лангсь,
Чевте паро алгсотъ лангсь,
Сарей паро прялгсотъ лангсь,
Можотъ чалгавкшннъ
Котова таргазъ палатъ лангсь,
Кумажасъ пуготъ рутсатъ лангсь,

Матразъ кодстъ ашкъ пильгетъ лангсь,
Сія ведсь навазъ каръ пратъ лангсь,
Илямака осудя;
Седё икеле зрямсто,
Тейтерькъ пиньгень печтямсто,
Кишitezъ аштилъ монъ пильгень,
Пейдезь аштилъ монъ кургомъ.

На твое, какъ ягода, красивое личико,
На твою мягкую, хорошую постель,
На высокое, хорошее изголовье;
Можетъ наступала я
На твою рубашку въ шесть полосъ вышитую,
На твою «рутсю»¹⁾ до колѣнъ украшен-
ную,

На твои ноги, какъ трубки холста круглыя,
На твои носки лаптей — посеребренные,
Не осуди же ты меня:
До сего времени живы,
Дѣвичій вѣкъ провожая,
Ноги мои только плясали,
Уста мои только пѣли.

Отъ колодца невѣста отходитъ къ священному мѣсту („ванькъ тарка“ — чистое мѣсто или „шуксь пря“ — мѣсто моленія), которое прежде въ каждомъ дворѣ обязательно имѣлось и читлось, но и теперь тщательно охраняется отъ нечистотъ. Съ этого мѣста до настоящаго времени вызываютъ умершихъ предковъ и обращаются къ нимъ съ своими просьбами.

Здѣсь невѣста также сначала кланяется въ землю, а потомъ обращается къ своимъ прадѣдамъ и прабабушкамъ:

Покштъ покштинень, бодинень!
Мода мазыть бабинень!
Сыркъ мерезъ, бодинень,
Матрасъ, оймась киськинень,
Кепсть мерезъ, бабинень,
Равужо човоля модыненъ.
Покштъ, покштинень бодинень!
Мода мазыть бабинень!
Аволь шквастонкъ порастонкъ,
Мазы леменъкъ ушодсынъ,
Мода челькенъкъ яввтсынъ.
Аволь пси пачалксесъ
Бодинень, тердта дызь,
Аволь писи ямнэсъ,
Бабинень, туйдядызь.
Кува, кува, тердтадызь.
Кува, кува, туйдядызь.
Тердевледезъ покштъ кява,
Покштъ кинь ламо якшэъ,
Ламо каршо понгызэъ,
Ламо мельга сасызэъ
Пелянъ, бодинень, пелянъ,
Пелянъ, бабинень, пелянъ,
Берянь ломанъ вастыде,
Берянь валонъ тергиде
Тердевледезъ, бодинень,
Тувевледезъ, бабинень,
Ошъ порядка юткова,
Московъ ультсынъ кувалма,

Великіе дѣды мои, дѣдушки!
Красы земли мои, бабушки!
Да пошевелится, дѣдушки
Ваше осѣвшее, успокоившееся тѣлице.
Да приподнимется, бабушки,
Ваша чернобисерная земляца.
Великіе дѣды мои, дѣдушки!
Красы земли, бабушки!
Я не въ пору, не въ время
Ваши красныя имена зываю
Вашу пыль земную страхиваю,
Не на горячіе блины
Васъ, дѣдушки, призываю,
Не на горячія щи
Васъ, бабушки, привожу.
По какому же пути позову я васъ?
По какой дорогѣ приведу я васъ?
Привела бы по большой дорогѣ,
У большой дороги много проходящихъ,
Много на встрѣчу попадающихъ,
Много сзади догоняющихъ.
Боюсь, дѣдушки мои, боюсь,
Боюсь, бабушки мои, боюсь
Встрѣчи лихаго челоуѣка,
Дурнымъ словомъ обзывающаго.
Позвала бы васъ, дѣдушки,
Привела бы васъ, бабушки,
По городской улицѣ,
Вдоль Московской улицы —

¹⁾ Верхнее женское платье.

Ультсянъ ламо неязэ,
 Ультсянъ ламо редязэ:
 Пелянъ берянъ сельмездэ,
 Пелянъ а паро вачтавксто.
 Тердевледезь, бодинень,
 Туевледезь, бабинень,
 Ташто тайной кява,
 Ташто, кадонъ кява.
 Пелянъ, бодинень, пелянъ,
 Пелянъ, бабинень, пелянъ
 Одранкъ, саванкъ сезненить,
 Тарадъ ирива кадиновить.
 Тердевледезь, бодинень,
 Туевледезь, бабинень,
 Мода алга кява,
 Масторъ алга кява
 Хоть мода алга кистъ
 Арась кякъ якызэ,
 Арась кякъ пакызэ,
 Ламо мода пультезэ,
 Ламо мода челькезэ.
 Пелянъ, бодинень, пелянъ
 Пелянъ, бабинень, пелянъ
 Кисеянъ одранкъ, саванкъ
 Мода пультэ сайсымизэ,
 Мода челько шуйсымизэ.
 Садья, бодянъ, садья
 Садья, бабанъ, садья
 Велень бодянъ еснавъ рядга,
 Туеде бодянъ туде
 Туеде, бабанъ, туде
 Кеверить еснавъ сельведькеть.
 Садья, бодянъ, садья,
 Садья, бабанъ, садья,
 Каль пулова кява,
 Пешкъ пулова кява,
 Туеде, бодянъ, туде
 Чулгонъ пештъкеть валнэде.
 Васня ливанъ, курись саянъ
 Эрзянъ вѣранъ кулытнень,
 Эрзянъ вѣранъ ёмйтнень,
 Поптомо калмастнень,
 Діаконтомо служастнень,
 Тикше трукасо нуриастнень,
 Сіянъ крёстома ливтестнень.
 Кува колданъ вальгеень?
 Кува оргатянъ шуминень?
 Мірской частой ириватка,
 Чувонъ канава чирева,
 Озивтленъ килей юткова
 Плачи суро паксава,
 Парсей ялавъ коренга,
 Штатолкъ палы олгова,
 Сырьне эрге эзынева,

У улицы много видящихъ,
 У улицы много замѣчающихъ.
 Боюсь дурнаго глаза,
 Боюсь нехорошаго взгляда.
 Позвала-бы васъ, дѣдушки,
 Позвала-бы васъ, бабушки,
 По старой, тайной дорогѣ,
 По старой, заброшенной дорогѣ,
 Боюсь, дѣды мои, боюсь
 Боюсь, бабушки мои, боюсь,
 Ваши одры, саваны издерутся,
 На нершинахъ вѣтвей останутся.
 Позвала-бы васъ, дѣдушки,
 Позвала-бы васъ, бабушки,
 По подземной дорогѣ,
 По подземному пути,
 Хотя у подземной дороги
 Нѣтъ никого проходящихъ,
 Нѣтъ никого шествующихъ,
 Но много пыли земляной,
 Много праху земляного.
 Боюсь, дѣдушки мои, боюсь,
 Боюсь, бабушки мои, боюсь,
 Ваши кисейные одры, саваны
 Пыль земляная покроетъ,
 Прахъ земляной найдетъ.
 Приходите, дѣды мои, приходите.
 Приходите, бабушки мои, приходите,
 По гороховому полю сельскихъ дѣдовъ.
 Принесите, дѣды мои, принесите,
 Принесите, бабушки мои, принесите,
 Какъ горохъ катящіяся слезы.
 Приходите, дѣды мои, приходите,
 Приходите, бабушки, приходите,
 По тальниковой дорогѣ,
 По орѣшниковой дорогѣ,
 Принесите, дѣды мои, принесите
 Слова, какъ орѣхи, гладкія.
 Сперва я почту, помяну
 Въ мордовской вѣрѣ умершихъ,
 Въ мордовской вѣрѣ пропавшихъ,
 Безъ поповъ похороненныхъ,
 Безъ діаконовъ отслуженныхъ,
 Крошками сѣна окуренныхъ,
 Безъ серебряныхъ крёстовъ вынесенныхъ
 Откуда я пошлю (къ нимъ) свой голось?
 Откуда я пушу свой шумъ?
 По мірскому частому забору,
 Вдоль вырытой канавы,
 Между посаженными березами,
 По плодородному полю.
 По шелковымъ кистямъ корней,
 По свѣчкѣ горячей — соломи,
 По золотой бусѣ — колѣнцанъ (соломы).

Сееде кудря колосга
Золотакъ кольги зёрнава,
Оште ливанъ, куркъ саянъ
Рузонъ вѣранъ впрдитнень,
Потъ маро калмастнень,
Діаконъ маро служастнень,
Ладомъ качамсо куриастнень,
Кадиласо кадястнень,
Сіянъ крёстъ маро ливтестнень.
Кува кучанъ вальгеевъ?
Къва полданъ шуминень?
Тсерькувань крута уголга,
Ниленькемень крёстъ алга,
Колонькемень пазъ алга.
Вай, пувазо, пувазо
Сѣксень кельме вармазо,
Вай кандозо, кандозо
Озась мода челькиненкъ,
Явшевестъ кото лазыненкъ,
Илиштывость одрыненкъ,
Панжинкъ глухой вальминенкъ,
Кулсонникъ тейтеръ вальгеевъ,
Езда тун превезёнкъ
А вальгейненъ маштомо,
А валозне пупырдыме.

По частымъ кудрямъ колоса,
По золотомъ наливающимся зерну.
Еще я почту, поману
Русскую вѣру держащихъ,
Съ попами похороненныхъ,
Съ діаконами отслуженныхъ,
Дымомъ ладона окуренныхъ,
Кадиломъ оказженныхъ.
Съ серебряными крестами вынесенныхъ.
Откуда я пошлю голосъ свой?
Откуда я пушу шумокъ свой?
По крутымъ угламъ церкви,
Подъ сорока крестами,
Подъ тридцатью богами.
Пусть подуетъ, подуетъ
Осенній холодный вѣтеръ,
Пусть снесётъ, снесётъ
Настѣвшую на васъ пыль земли,
Пусть раздвинутся ваши шесть досокъ,
Развернутся ваши саваны,
Вы откройте ваше глухое окошечко,
Вы послушайте мой голосъ — дѣвичій.
Если онъ по мысли вамъ придется,
То голосу-бы моему не пропадать,
И въ словахъ-бы не запыкаться.
(собст. спотыкаться).

Отъ священнаго мѣста невѣста направляется къ дому. Къ этому времени обыкновенно начинается зоря заниматься; невѣста обращается къ зарѣ.

Зоря пувась толонзо,
Сялксь кувака чевензэ,
Уськеть, уськеть сятконзо,
Рисьметь, рисьметь куловзо,
Масторонъ келесъ валдозо,
Менеленъ келесъ зеркезэ,
Ансякъ монъ дирийнъ кардайсь,
Зоря валдо зъ токакъ,
Зорянь шумнэ зъ шарявтъ:
Дирийнъ тетянь кардайсь
Монъ пайстомо ломанянь
Пайстомо сѣренъ монъ лажанъ,
Грѣшной сѣренъ коволянъ.

Заря зажгла свой огонь,
Засвѣтила длинную лучину,
Проволокой падаютъ уголья ея,
Цѣпочкой падаетъ ея зола.
По всей землѣ свѣтъ ея,
По всему небу звукъ ея,
Только до двора моего родимаго
Свѣтъ зари не дошелъ,
Шума зари не слышать:
Во дворѣ батюшкиномъ
Я человѣкъ, богомъ оставленный
Безбожное тѣло оплакиваю,
Грѣшное тѣло причитаю.

Потомъ обращается ко всѣмъ жителямъ своей деревни:

Велень бодять, бодинень,
Велень бабать, бабинень,
Велень алятъ, алиненъ,
Велень урятъ, уринень,
Кона можотъ такати
Тантей паро удожсто;
Кона можотъ такати
Апакъ удокъ аштемстэ.
Кона токати аштемстэ,

Сельскіе дѣды, мои дѣдушки,
Сельскія бабы, мои бабушки,
Сельскіе мужи, мои дяденьки,
Сельскія жены, мои сношеньки,
Кто изъ васъ можетъ быть угодить
Спящимъ сладкимъ сномъ,
Но кто можетъ быть угодить
Безъ сна лежащимъ.
Кто угодить не спящимъ,

Се жарасазо монъ шумомъ,
Сэръ ёмамо вальгеомъ.
Кона нехшнесъ беряненъ,
Кона жарсесъ а паронъ,
Севате мери эрьгедезъ:
Коля вардо Охима (имя невѣсты)
Чисъ сэрэнзэ коволи,
Чисъ сэрэнзэ ней лажи
Ки эзъ нехшнекъ беряненъ
Эзъ жарсекъ берянь валыненъ
Се мери монъ жалызъ:
Коля грѣшной Охима
Пайстомо сэрэнзэ лажи,
Грѣшной сэрэнзэ коволи.

Тотъ услышитъ мой шумъ,
Мой голосъ — ужасный.
Кто видѣлъ отъ меня худа,
Кто слышалъ отъ меня дурного,
Тотъ съ радостью скажетъ:
Чу, несносная Офимья
Заживо причитаешь свое тѣло,
Заживо оплакиваешь свой станъ.
Кто же не видалъ отъ меня худа,
Не слышалъ дурного слова,
Тотъ, меня жалѣя, скажетъ:
Чу, грѣшная Офимья
Свое безбожное тѣло оплакиваетъ,
Свое грѣшное тѣло причитаешь.

Потомъ входитъ въ сѣни. Въ сѣняхъ обращается къ богу дома съ такими же словами, какъ и къ „Кардо сярко“ — къ богу двора. Изъ сѣней входитъ въ избу и, остановившись у порога, причитаешь; семейные, услышавъ причитанія дочери еще со двора, встаютъ всѣ, зажигаютъ огонь и, молча, сидятъ по разнымъ угламъ избы, только слышатся всхлипыванья кого нибудь изъ семейныхъ. Какъ бы съ охотою ни отдавали свою дочь замужъ, а въ подобные минуты она бываетъ жалка родителямъ и роднымъ. Особенно когда она плачетъ передъ ними и въ причитаніяхъ произноситъ слова упреки, — нужно имѣть каменное сердце родителямъ и всѣмъ семейнымъ, чтобы при этомъ удержаться отъ слезъ. Невѣста какъ-бы все это не видитъ, не видитъ даже огня въ избѣ, а полагаетъ, что всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ и причитываетъ:

Охъ, тетякай диринемъ!
Охъ, авакай ванымемъ!
Мезень удозъ саидизъ,
Мезень оймазъ муидизъ,
Эли тынь пекъ кетсиде
Монъ ёмамо чинезень.
О, тетякай диринемъ!
Удокъ ней тетякай удокъ,
Удокъ ней дирякай, удокъ:
Мелавтлеть, тетяй, мелавтлеть,
Ризнэкшнымъ, диряй, ризнэкшнымъ,
А ютыкъ пижеть а юты
А солыкъ киветь а солы;
Ней майшь, тетякай ризксеть,
Ней майшь, тетякай мелавксоть
А ютыкъ пижеть — ютась,
А солыкъ киветь — солась:
Монъ ней, тетякай диринемъ,
Нижедемъ пекъ ютанъ,
Киведе-якъ пекъ соланъ.
Охъ, тетякай диринемъ,
Охъ, тетякай ванымемъ
Мейсъ безардиль эстэдэнь?
Мейсъ ёмаватъ монъ эсэнъ?
Эли кудотъ вишкынгадъ?
Эли сиротъ тонъ эзъ шачтъ?

О, тятенька родиный!
О, маменька родиная!
Что за сонъ напалъ на васъ,
Что за покой напелъ васъ,
Или вы очень обрадовались,
Что насталъ день моей гибели.
О, тятенька родиный!
Спи теперь, тятенька, спи;
Спи теперь, родиный, спи:
Тужилъ, тятенька, тужилъ,
Горевалъ, родиный, горевалъ,
Что твоя нерасходная мѣдъ не расходуется,
Твой свинецъ не плавящийся не плавится.
Теперь кончилось, батюшка, твое горе,
Теперь кончилась, батюшка, твоя забота.
Нерасходная мѣдъ — израсходована,
Неплавящийся свинецъ — расплавился.
Я теперь, батюшка родиный,
Сильнѣ мѣди расходуясь
Сильнѣ свинца плавлюсь.
О, тятенька, родиный!
О, тятенька кормилецъ?
Чѣмъ я опровергъла тебѣ?
Зачѣмъ ты губишь меня?
Или домъ твой уменьшился
Или хлѣбъ твой не уродился.

Потомъ обращается къ матери и причитывается:

Авай, авакай ваннемъ!
Авай, авакай диринемъ!
Маштокшныть, авай, маштокшныть,
Трамонъ, ванмонъ маштокшныть:
Кнзэ чиненъ самосто
Шолке потсо трякшнымекъ;
Теле чиненъ самосто
Пухке потсо трякшнымекъ;
Монъ трамостонъ, аванай
Эзить содакшно удою,
Эзить содакшно аштеме...
Эзить маштъ, авакай, эзить маштъ
Ёмавтомонъ эзить маштъ.

О, мать моя, матушка родимая!
О, мать моя, матушка кормилица,
Умѣла ты, матушка, умѣла,
Вспойть, вскормить умѣла:
Съ наступленіемъ весеннихъ дней
Ты въ шелку меня водила;
Съ наступленіемъ зимнихъ дней
Ты въ пуху меня водила,
Во время моего воспитанія
Не знавала ты и сна,
Не знавала ты и покоя...
Не съумѣла ты, матушка, не съумѣла,
Не съумѣла ты, какъ погубить меня.

Въ Нижегородской губерніи невѣста, войдя въ избу, послѣ причитаній на дворѣ, будить своихъ родныхъ такъ:

Систаякая, стаякая,
Диринъ, ванынъ тетинемъ,
Систаякая, стаякая,
Диринъ, ванынъ авянемъ,
Меень удозъ муидизъ
Меень васьказь сандизъ
Монъ а удонзэ мукшнымемъ,
А васькамнэ сайкшнымемъ,
Пси пачалго алксынемъ,
Дикой кевге пряксынемъ,
Татаронъ палаксь вельксынемъ;
А ульнинъ тейтеръ васькитсь,
Тейтеръ эйдъ ульнинъ оймйтсь:
Ульнесъ тисовой краватемъ,
Атсазь пуховой тѣшакомъ,
Ладянъ паршовой тодовомъ,
Вельтянь заячой тулупомъ,
Стявтонъ ашо шарчавомъ.

Вставайка, вставайка,
Родимый кормилецъ мой, батюшка,
Вставайка, вставайка,
Родимая кормилица моя, матушка,
Что за сонъ попалъ на вась!
Что за нѣга взяла вась!
Меня и сонъ не находилъ,
Меня и нѣга не брала:
Горячая сковорода постель моя,
Дикій камень изголовье мое,
Татарская крапива одѣяло мое.
А была дѣвушка нѣжная,
Была дѣвица спокойная:
Была у меня тесовая кровать,
Постлана пуховая перпна,
Положена парчевая подушка,
Покрытый заячій тулупъ,
Поставленъ бѣлый шатеръ.

Вечернія причитанія невѣсты.

Послѣ полуночнаго причитанія невѣста начинаетъ причитывать по вечерамъ, передъ закатомъ солнца.

На причитанія собираются дѣвушки со всего села, такъ что домъ невѣсты во время причитаній бываетъ полонъ дѣвушками всѣхъ возрастовъ; взрослыхъ мужчинъ на вечернихъ причитаніяхъ не бываетъ, кромѣ своихъ семейныхъ, которые, однако, также стараются уйти куда-нибудь. Всѣ гости во время причитаній молча стоятъ кругомъ невѣсты и внимательно слушаютъ. Невѣста причитываетъ сидя на подушкѣ, на передней лавкѣ; въ рукахъ держитъ чистый платокъ, которымъ постоянно утираетъ слезы. Въ прежнія времена, когда въ памяти народа хранилось больше причитаній, невѣсты причитывали до 15 вечеровъ и болѣе. Нынѣ число причитаній сильно уменьшилось и ограничивается 2—4 вечерами.

Первый вечеръ.

1. Мень седей кирдезъ саянмъ!
Мень седей оймазъ муниемъ!
Кевксъ кеведнязъ седеемъ,
Повксъ поводнязъ сельведень.
5. Элк монъ пекъ эргединъ,—
Лужадузанъ,—урекъсъ чисъ,
Эли монъ пекъ кетсинъ,—
Лондадузанъ,—вардокъсъ чисъ.
Монъдень икеле урекъсъ чи.
10. Эргедезъ—кетсязо,
Монъдень икеле вардокъсъ чи
Радуванъ седсэ аштезъ.
Промодо ялганъ промодо,

Промодо оянъ промодо,
15. Сэръ лажамо тарказонъ,
Сэръ вальшамо тарказонъ;
Умокъ марясынъ, ялгинень,
Мазы тсиповкатъ вальгеенкъ,
(или Московъ баяга вальгеенкъ)¹
20. Умокъ марясынъ, ялгинень,
Сахъянской котанкъ чикордытъ
Пуховой тсюлканкъ каштордытъ.
Лисикскелень каршозонкъ,
Лисикскелень вастомонкъ,
25. Дирины тетямъ икельганъ
Таргасъ тарганъ перестолъ,
Удалганъ пирясъ кшнинъ ириявъ.
- Вить пелезеньсонъ поддасъ
Келейстэ чуди чуди ведъ;
30. Керчъ пелезеньсонъ вачкасъ—
Сэрейстэ палы—палы толъ.
Ютыкскелень столестъ троксъ,
Пелвнъ тетянъ мельноде
Норовъ ¹) аванъ кежнеде.
35. Ютыкскелень пирявостъ троксъ—
Кедень венгинъ зытъ сатотъ,
Пялбгень чаггинъ зытъ нектакъ.
Печкикскелень, ялгинень
Се чуди ведестъ троксъ,
40. Пельтйа монъ, ялгинень,—
Бояръ авакъсъ чимъ начинъ.
Ютыкскелень, ялгинень,
Се палы—толстъ велькска—
Пельтйа монъ, ялгинень,—
45. Бояръ авакъсъ гимъ куртава.
Эръ эзинъ лисевтъ каршозонкъ,
Эръ эзинъ лисевтъ вастомонкъ:

Первый вечеръ.

1. Что-за терпѣніе взяло меня!
Что-за спокойствіе нашло меня!
Камнемъ окаменѣло сердце мое,
Какъ пуговики застыли слезы мои.
5. Или такъ сильно я обрадовалась,—
Провалиться бы мнѣ,—жизни замужней,
Или такъ сильно я обрадовалась,—
Пропастъ-бы мнѣ,—жизни супружеской,
Пусть супружество прежде меня
10. Радуется, веселится;
Пусть ранѣ меня замужество
Съ радостнымъ сердцемъ пребываетъ.
Собирайтесь, мои подруженьки, соби-
райтесь;
Собирайтесь, мои голубушки, собирай-
тесь,
15. На оплакиваніе моего тѣла,
На причитаніе моего стана.
Давно я слышу, подруженьки,
Ваши пріятные бубенчики, голоса
(или Ваши московскіе колокола, голоса)
20. Давно я слышу, подруженьки,
Скрипъ вашихъ котонъ сафьяновыхъ,
Шурчаніе вашихъ чулковъ пуховыхъ.
Хотѣла я выйдти на встрѣчу вамъ,
Хотѣла я выйдти встрѣчать васъ.
25. Но родимый мой батюшка предо мной
Поставилъ столъ, накрытый престолъ;
За мной поставилъ онъ желѣзный за-
боръ

По правую сторону онъ пустилъ
Широко текущую—текучую воду;
30. По лѣвую сторону онъ развелъ
Высоко пылающій—горящій огонь.
Хотѣла я перейти черезъ столъ:
Побоялась—воли—батьюшки
Гнѣва—матери „Норова“ ¹);
35. Хотѣла я пройти черезъ заборъ:
Протянула руку—не достала,
Наступила ногой—не утвердилась;
Хотѣла перейти, подруженьки,
Черезъ ту воду текущую—
40. Побоялась, подруженьки,
Что дѣвичество мое замокнетъ;
Хотѣла я перейти, подруженьки,
Черезъ тотъ—горящій огонь,
Побоялась я, подруженьки,
45. Что дѣвичество мое спалится.
Такъ не могла я выйти на встрѣчу вамъ,
Не могла выйти встрѣтить васъ,

¹) «Норовъ ава» или «Норовъ пазъ»=богиня плодородія.

- Илядоа осудя,
Илядоа пенятся.
50. Аштеде ялганъ евтлisa,
Кода манявинъ урексь чнсь,
Кода манявинъ вардоксь чнсь:
Теде вѣде удылень,
Вере вере утомсо
55. Вере утомонъ тсюлансо
Тсюланъ мазы вальмало
Вальманъ сѣрѣ алксомоль
Лавейнъ сѣрсѣ прилксомоль.
Пелеведе икеле,
60. Атякшъ морамода мейле,
Сайтетьсѣ лембе вельксѣмъ,
Калгодксомъсѣ чевте алксомъ,
Алкинъгадъсѣ сѣрей прилксомъ,
Штатотъсѣ тантей удоомъ.
65. Чикоръ меръкшнесь, ялгинень,
Диринъ тетянъ ортазо,
Лавузнякшность, ялгинень,
Диринъ тетянъ кисканзо.
Вачтынъ вальма чирева—
70. Урексь чи сасъ вальмаловъ
Диринъ тетянъ тускесѣ:
Во кедсѣнзѣ сахъянской котатъ,
Омботсѣсѣ—пуховой тсюлкатъ.
Манъчесь, манъчесь монъ эснѣ,
75. Эзинъ манявтъ монъ тензѣ:
Диринъ тетянъ вѣйсѣнзѣ
Эзинъ пиштлекъ котодо,
А пуховой тсюлкадо.
Мейле сакшность, ялгинень,
80. Ванынъ аванъ тускесѣ;
Отамедъ кесакъ кедсѣнзѣ.
Манъчесь, манъчесь сенъ эснѣ,
Эзинъ манявтъ монъ тензѣ:
Ванынъ аванъ вѣйнсѣ
85. Эзинъ пиштлекъ суредѣ.
Оштѣ сакшность, ялгинень,
Вечкима лельнъ тускесѣ,
Мазытъ семеричкатъ кедсѣнзѣ,
Сувтемъ ленгень картъ кедсѣнзѣ.
90. Манъчесь, манъчесь сынштъ эснѣ,
Эзинъ манявтъ сонензѣ.
Вейкинѣ лелянъ вѣйнсѣ
Эзинъ пиштлекъ семерикте;—
Сувтемъ ленгень карнедѣ.
95. Мейле сакшность, ялгинень;
Вечкима ялганъ тускесѣ.
Мазы алиэ кедсѣнзѣ
Тровитсянъ каштазъ присонзо:
„А ялгинешъ а, Охинъ!
- Не осудите же вы меня
И не пеняйте вы на меня
50. Постойте, подруженьки, расскажу.
Какъ обманулась я въ замужество,
Какъ обманулась я въ супружество.
Въ эту ночь я спала
Въ самомъ верхнемъ амбарѣ,
55. Въ чуланѣ верхняго амбара,
Подъ краснымъ окопомъ чулана.
Въ вышину окна была постель моя,
Въ вышину полокъ было изголовье мое.
Немного ранѣе полуночи,
60. Послѣ пѣнія пѣтуховъ,
Снялось мое теплое одѣяло,
Сдѣлалась жесткою моя мягкая постель,
Понизилось мое высокое изголовье,
Отлетѣлъ мой сладкій сонъ.
65. Проскрипили, подруженьки,
Ворота роднаго батюшки,
Залаяли, подруженьки,
Собаки роднаго батюшки;
Взглянула я въ край окна:
70. Подъ окно пришло замужество,
Въ лицѣ родимаго батюшки,
Въ одной рукѣ сафьяновые башмаки;
Въ другой—пуховые чулки.
Прельщало, прельщало меня
75. Не прельстилась ни я:
При родимомъ батюшкѣ
Не нуждалась я ни въ башмакахъ,
Ни въ пуховыхъ чулкахъ.
Потомъ приходило, подруженьки,
80. Въ лицѣ родимой матушки,
Шелковый мотокъ въ рукахъ.
Прельщало, прельщало ни я
Не прельстилась я ни я:
При родимой матушкѣ
85. Не нуждалась я въ ниткахъ.
Еще приходило, подруженьки,
Въ лицѣ брата любимаго:
Въ рукахъ красивые семерички 1) —
Въ рукахъ рѣшеточные лапти.
90. Прельщало, прельщало ни я
Не прельстилась ни я:
При любимомъ братцѣ
Не нуждалась я въ семеричкахъ—,
Въ рѣшеточныхъ лаптяхъ.
95. Потомъ приходило, подруженьки,
Въ лицѣ любимой моей подруги:
Красивое личко въ рукахъ,
Тронувъ вѣнокъ на головѣ.
„О, подруженька, Офиня! (ни пѣвѣсты)

1) Лапти изъ семи лыкъ.

100. А, оннешъ, а Охимъ!
Диринъ тетянь вальмало
Шачозъ мазы поляна,
Пиже луганъ поляна,
Ниде рядсо тикшезъ,
105. Ниде рядсо лукшозъ.
Васенсе рядъ тикшезъ
Пилъге лапавъ—ташто гавданзо;
Обмотсе рядъ тикшезъ
Карьксъ тапардамга—
110. Тантей тсяпоръ тикшезъ,
Колмотсе рядъ тикшезъ
Кумажавъ—керысь тикшезъ
Нилется рядъ тикшезъ
Карксамова—горни повъ тсетсезо.
115. Се полянасть кунчкасо
Виевъ кужо налки
Се полянасть кунчкасо
Виевъ кужо чары.
Весе ялгаты киштитъ, морыть,
120. Весе оятъ пеедитъ—шутить,
Авсякъ тонъ, ялгай, арасать,
Авсякъ тонъ, оямъ, арасать“.
Содасынкъ, ялгинень,
Кужо вечки ульнекшынъ,
125. Ялга вечки ульнекшынъ.
Истя манявинъ урексь чись
Истя манявинъ вардоксь чись.

Провожая подругъ, невѣста причитываетъ:

- Адядо, ялгинень, адядо
Килей пулова якамо.
130. Тарадто тарадсь кунтсеме,
Лопадъ лопасъ чалксеме.

у ворогъ причитываетъ:

- Сакшнодо ялганъ сакшнодо
Сакшнодо, оянъ, сакшнодо
Серь лажамъ тарказонъ.
135. Серъ вальмамо тарказонъ
Илядо безардтъ эстедень.
Илимизъ кадъ тынь скушнасть,
Илимизъ кадъ тынь тошнасть
Илядо пель, ялгинень,
140. Диринъ тетянь мельнеде,
Илядо пель, оннень,
Ванынь аванъ мельнеде,
Илядо пель, ялгинень,
Перекладонъ сивмеде,
145. Илядо пель, ялгинень,
Ало мостонъ меньмеде.

100. О, голубушка, Офимія!
Подъ окномъ твоего батюшки
Образовалась красивая поляна,
Изъ зеленого луга поляна.
Въ четыре ряда трава ея,
105. Въ четыре ряда зелень ея.
Первый рядъ травы,
Въ высоту ступни—отава ея;
Второй рядъ травы,
По обору лаптей,
110. Душистая трава богородская,
Третій рядъ травы,
По колѣни—пырей трава;
Четвертый рядъ травы,
По поясъ—цвѣты-колокольчики;
115. Посреди этой поляны
Большой хороводъ играетъ,
Посреди этой поляны
Большой хороводъ кружится.
Всѣ подруги твои пляшутъ—поютъ,
120. Всѣ подруги твои шутятъ—сбѣются,
Только тебя, подруженька, нѣтъ,
Только тебя, голубушка, нѣтъ“.
Вы знаете, подруженьки,
Какъ я любила хороводъ,
125. Какъ я любила подругъ.
Такъ обманулась я въ замужество,
Такъ обманулась я въ супружество.

- Пойдемте, подруженьки, пойдемте
По березовой рошницѣ гулять,
130. Съ вѣтки за вѣтку хватать,
Съ листка на листокъ наступать.

- Приходите мои, подруженьки, приходите,
Приходите мои, голубушки, приходите,
На оплакиваніе моего тѣла,
135. На причитанія моего тѣла.
Не гнушайтесь вы мною,
Не оставляйте меня въ скукѣ,
Не покидайте меня въ тоскѣ.
Вы не бойтесь, подруженьки,
140. Гнѣва батюшки родимаго,
Вы не бойтесь, подруженьки,
Гнѣва матушки родимой,
Вы не бойтесь, подруженьки,
Что сломаются перекладины,
145. Вы не бойтесь, подруженьки,
Что провалятся полы.

Второй вечеръ.

Во второй вечеръ невѣста начинаетъ причитывать такъ же, какъ и въ первый: «мень седей кирдесъсаишемъ» и пр. Потомъ обращается къ подругамъ, которыя въ этотъ день помогали ей въ приготовленіи даровъ, просить оставить работу и благодарить ихъ за помощь.

1. А, ялгинень, оннень,
Кадынка, ялганъ, кадынкъ,
А теевикстъ монъ тевень,
А прыдовикстъ монъ тевень;
5. Стакיאкъ ведь, ялгинень,
Чи печтиде іешка,
Шка печтиде кавтошка,
8. Вай пасиба тенкъ пасиба.

1. О, подруженьки, голубушки,
Оставьте вы, подруженьки, оставьте,
Мои неисполнимыя дѣла,
Мои нескончаемыя дѣла,
5. И такъ вѣдь, подруженьки,
Вы день провели съ годъ,
Вы время провели съ двухъ годовъ,
8. О, спасибо вамъ, спасибо.

Потомъ обращается ко всѣмъ собравшимся подругамъ и причитываетъ:

Промодо, ялганъ, промодо и т. д. какъ въ Собирайтесь, подруженьки, собирайтесь и первый вечеръ.

10. Лисикскелень каршовонкъ,
Лисикскелень вастамонкъ,
Тейтерькъс чинъ маронъ арасель,
Мазы чинъ маронъ арасель.
Даринъ тетямъ сайнize
15. Покшъ базарга якамо,
Базарной одранъ рамамо.
Весе рамамотъ рамавкшность
Весе сайматъ савекшность,
Меельтс рамамо сынъ рамасть
20. Базаръ мазы кинигатъ.
Столень келесъ келестъ,
Столень сэрэ сынетъ эчкестъ.
Диринъ тетянъ, ялгинень,
Икельганъ таргасъ тарганъ столъ,
25. Удалганъ ладасъ сіянъ стулъ.
Васень листке кепединъ,
Васень листке монъ штавтынъ.
Ловнынъ, ловнынъ эснэзэ
Тсѣтынъ, тсѣтынъ эснэзэ.
30. Сесэвесе сѣрмадозъ,
Кудо потсо семіасъ.
Арасъ аньсякъ, ялгинень,
Монъ пайстоמו леминемъ

- т. д.
10. Хотѣла выйти на встрѣчу вамъ,
Хотѣла я встрѣтить васъ,
Не было со мной моего дѣвчества,
Не было со мной моей красоты.
Вралъ его родимый батюшка
 15. По большому базару ходить,
Базарные саваны ¹⁾ покупать.
Всѣ покупки были закуплены,
Всѣ нужное было взято,
Последнюю покупку они купили
 20. Красоту базара книгу.
Въ ширину стола—ширина ея,
Въ вышину стола—толщина ея.
Родимый мой батюшка, подруженьки,
Передо мной поставилъ накрытый столъ,
 25. За мной поставилъ серебряный стулъ.
Первый листокъ я подняла,
Первый листокъ я открыла;
Читала, читала я его,
Свѣрjala, свѣрjala я его:
 30. Тутъ всѣ записаны
Нашего дома семейные,
Только нѣтъ тутъ, подруженьки,
Моего имени безбожнаго (оставленнаго богомъ).

35. Ловнынъ, ловнынъ эснэзэ
Тсѣтынъ, тсѣтынъ эснэзэ—
Весе роднять сѣрмадозъ,
Весе раскетъ сѣрмадозъ.
Сесэ—якъ арасъ сѣрмадозъ,
40. Монъ пайстоמו леминемъ.

- Второй листокъ я подняла.
35. Читала, читала я его,
Свѣрjala, свѣрjala я его—
Записаны всѣ родственники,
Записаны всѣ близкіе,
И тутъ не записано
40. Мое безбожное имя.

¹⁾ Наряды невѣстѣ.

Колмосте листке кепединь—
Ловимы, ловимы всеннзэ,
Тсётны, тсётны всеннзэ,
Весе сесэ сёрмадозь

45. Одть тсёратне-ялгатне.

Нилетсе листке кепединь—
Весе сесэ сёрмадозь
Боярь авать ялгатне
Сесэ якъ арась сёрмадозь

50. Монъ кайстою леинемъ.

Вететсе листке кепединь—
Весе уреть сёрмадозь,—
Эрь сесэня, ялгинень,
Монькакъ лежемъ сёрмадозь.

55. Якинъ-пакинъ, ялгинень,
Диринъ тетанъ кардазга;
Лисинъ-совинъ, онинень,

Ванинъ тетанъ кардазга.
Кардазонть витъ челемзэ

60. Шачовъ мазы поляна;
Се полянанть кунчкысо
Ашо мазы килея,
Кавтовъ аштатъ ширяно.
Ве ширясонть калинатъ свѣтитъ,

65. Омбоотсесэнтъ малинатъ палыть.

Се килейсть ало, ялгинень,
Монъ теитерьесь чмъ озадо,
Котови таргазъ паласо,

70. Коморо тсетсать кедсэизэ,
Трувитсянъ камтазъ прясонзо.
Авардезъ ашти кургозо,

73. Сюмордезъ ашти кургозо.

Третій листокъ я подняла,
Читала, читала его,
Свѣрjala, свѣрjala его.
Тутъ всѣ записаны

45. Молодые парни—товарищи.

Четвертый листокъ я подняла,
Тутъ всѣ записаны
Боярышники—мои подруги,
И тутъ не записано

50. Мое безбожное имя.

Пятый листокъ я подняла,
Тутъ всѣ замужнія записаны.
Вотъ тутъ-то, мои подруженьки,
И мое имя записано.

55. Ходила я, гуляла, подруженьки,
По двору родимого батюшки,
Ходила я гуляла, голубушки (себ. я
вышла-вошла),

По двору кормильца батюшки.
На правой сторонѣ двора

60. Уредила красивая поляна.

На срединѣ этой поляны
Бѣлая красивая береза,
Раздвоена ея вершина.
Въ одной половинѣ—калина цвѣтеть,

65. Въ другой—малина горитъ.

Подъ этой березой, подруженьки,
Мое дѣвичество сидитъ.
Въ шесть рядовъ въ вышитой рубашкѣ,
До колѣнъ украшенной въ „рутсѣ“,

70. Въ рукахъ ея—горсть цвѣтовъ,
На головѣ ея троицынъ вѣнокъ.

Лицо ея плачущее

73. Лицо ея рыдающее.

По окончаніи этого невіста встаетъ съ своего мѣста и съ причитаніями подходитъ къ любимой подругѣ, кладетъ ей на плечо руку и проситъ помочь ей причитывать. И начинаютъ въ два голоса причитывать—высказывать, какъ онѣ вмѣстѣ жили и веселились, а теперь должны разстаться. Вставая съ мѣста, невіста причитываетъ:

Амтеде молянъ, ялгинень,

75. Килей пулова яеамо,
Кона, килейеть ялгинень
Тарадонзо соединеть,
Лопинензэ пижинеть,

80. Се килейстенъ поводянтъ,
Се килейстенъ нежедянтъ.

Подождите пойду, подруженьки,

75. По березовой рощѣ ходить,
У которой березы, подруженьки,
Вѣтви почаще,

Листочки нозеленъ,
Къ той березѣ я повисну,

80. Къ той березѣ я прислонюсь.

(При этомъ кладетъ руку на плечо подруги и продолжаетъ причитывать):

Вечининнекъ, ялгинемъ,
Кельдининемъ, оннемъ,
Поладывъ вайгелемъ,
Ледстлеть-ка-якъ, ялгинемъ,

85. А мувексъ вайинень;

О, любимая моя, подруженька,
О, милая, моя голубушка,
Поддержи-ка ты мой голось,
Напомни-ка мнѣ, подруженька,

85. Слова, мною забытыя.

Марясакъ чей, ялгинемъ,
Вельть пекъ ёмсети,
87. Вельть пекъ превень машлетить.

Слышишь чай, подруженька,
Какъ сильно умъ мой теряется,
87. Какъ сильно мысли мои кончаются.

Послѣ этихъ словъ начинаетъ и подруга причитывать (смотри ниже), а невѣста продолжаетъ:

Седѣ икеле врямсто
Вельть ладнойстѣ эрсинекъ,—
90. Ве кужосо налксилънекъ,
Ве моросо морсилънекъ,
Ве превнесѣ артсилънекъ,
Ве валнесѣ кортыльнекъ,
94. Ве таркасо утсилънекъ.

Въ прежнюю нашу жизнь,
Очень дружно мы съ тобой жили,
90. Въ одномъ хороводѣ играли,
Одну пѣсню пѣвали,
Одной душой думали,
Однимъ словомъ разговаривали,
На одной постели спали и т. п.

Въ отвѣтъ на это подруга причитывается.

95. Кода полатса, ялгинемъ!
Московъ баяга вайгелеть.
Кода ледста сынъ, еинемъ,
А муевикстѣ валынетъ,
А маштанъ, ялгай, а маштанъ,
100. Тонтъ валгеетъ поладмо.
Тонтъ валынетъ ледстамо.
Умокъ маряса, ялгинемъ,
Вельть пекъ ёнотъ ёмсети
Вельть пекъ праветь машлетить
105. Кенавкстѣ кеверить сельведеть
Молевелень ваксосотъ
Вай а смѣяпъ, а смѣянъ,
Тонтъ ваксосотъ мольмедень:
Ней а кармать, ялгинемъ,
110. Минекъ марто якамо,
Ве кужосо налксемѣ,
112. Ве моросо морамо.

95. Какъ я поддержу, подруженька,
Московский колоколь твой голосъ,
Какъ напомню я, голубушка,
Тебѣ неизвѣстныхъ слова,
Не умѣю, подруженька, не умѣю,
100. Твой голосъ поддержать,
Твои слова напоминать.
Давно слышу, подруженька,
Какъ умъ твой теряется,
Какъ мысли твои кончаются,
105. Какъ горохъ катятся слезы твои,
Подошла-бы я къ тебѣ,
Но не смѣю я, не смѣю,
Подойти къ тебѣ (не смѣю).
Теперь не станешь ты, подруженька,
110. Вмѣстѣ съ нами ходить,
Въ одномъ хороводѣ играть,
112. Одну пѣсню (съ нами) пѣть и т. п.

По окончаніи этого начинаетъ провожать своихъ подругъ, — направляется къ двери и причитывается:

Аштеде, ялганъ, аштеде,
Илядо листь икелевъ
115. Аштеде, оянъ, аштеде,
Віедтъ кедень рикстедянъ,
Сіянъ кеоркехнъ рикстедянъ
Сѣдянъ тынекъ сіанъ сѣдъ.
Кертъ кедень монъ рикстедянъ,
120. Сырненъ сурксонъ рикстедянъ,
Тарганъ сырненъ балясать.
Аштеде, ялганъ, аштеде,
Сіа ютанъ монъ васня,
Талертъ, талертъ монъ карень,
125. Талертъ сѣрмать монъ слѣдънъ;
Талертъ каремъ чалгаса,

Подождите, подруженьки, подождите,
Не выходите раньше меня.
115. Подождите, подруженьки, подождите,
Размахнусь я правой рукой,
Сброшу я серебрянный браслетъ,
Вымошу вамъ серебрянный шостъ.
Размахнусь я лѣвой рукой,
120. Сброшу я золотое кольцо,—
Вытяну золотыя перила.
Подождите, подруженьки, подождите.
Тутъ я пройду сначала.—
У меня какъ «талеры»¹⁾ лапти,
125. Письмена талеровъ—слѣды мои;
Талеръ—лаптемъ наступлю,

¹⁾ Серебряная монета—талеръ.

Талеръ печать монъ теянъ,
Талеръ слѣдственъ чалгадо,
Баласативненъ кундадо.

Талеровую печать сдѣлаю.
Въ слѣдъ талера наступайте,
За перила держитесь.

У воротъ причитывается:

130. Сакшнодо, ялганъ, сакшнодо,
Илимичъ кадъ монъ скушнасъ
Илимизъ кадъ монъ тошнасъ;
Содасынкъ ведъ, ялгиненъ,
Пижедеякъ пекъ ютанъ,
135. Киведе якъ пекъ соланъ.

130. Приходите, подруженьки, приходите,
Не оставляйте меня въ скукѣ,
Не оставляйте меня въ тоскѣ;
Знаете, вѣдь, подруженьки,
Сильнѣе мѣди я расходуюсь,
135. Сильнѣе свинца я плавлюсь.

М. Е. Евсеевъ,

Учитель начальной при Казанской Учительской Семинаріи Мордовской школы.

Примѣчаніе. «Прилагаемая свадьба записана въ селѣ Кормалахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи; за тѣмъ провѣрена въ селѣ Атрагѣ Алатырскаго уѣзда той же губерніи, при чемъ обряды и пѣсни оказались тождественными. Варианты записаны въ с. Волкиѣ Оврагѣ Лукоянскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Лѣтъ десять назадъ Евсеевъ явился 15 лѣтнимъ юношею въ Семинарію изъ захолустья Симбирской губерніи, почти незнающаго русски. Выдающіяся способности дали ему возможности скоро занять первое мѣсто въ классѣ. По окончаніи курса Евсеевъ былъ назначенъ учителемъ въ училищѣ при Семинаріи. Во время своего ученичества и до настоящаго времени Евсеевъ—по педагогическимъ идеямъ Н. И. Ильминскаго—не прерывалъ своихъ связей съ деревней и каждую ваканцію уѣзжалъ въ свою деревню и тамъ работать наравнѣ съ своими родными, работать не только по необходимости, но и по сердечной любви къ сельской жизни: за долго до ваканціи Евсеевъ начинаетъ мечтать какъ онъ будетъ косить траву, возить снопы и проч. Происхожденіе и дальнѣйшая жизнь поставили Евсеева такимъ образомъ въ возможность близко знать мордовскій бытъ. Когда возникла потребность въ изданіи религіозныхъ и богослужебныхъ книгъ на мордовскомъ языкѣ, Евсеевъ нѣсколько разъ посылался въ различныя мордовскія мѣстности для ознакомленія съ разнорѣчьями языка. Нынѣшнее лѣто Евсеевъ командированъ для ознакомленія съ Мордвой въ Харьковскомъ Учебномъ Округѣ и, разумеется, привезетъ оттуда не мало интересныхъ вещей ¹⁾». (Изъ письма пр. Б—ва, которому Ж. Ст. обязана этимъ сообщеніемъ).

¹⁾ Редакція очень благодарна почтенному М. Е. Евсееву за его любопытную статью и усерднѣе проситъ его о дальнѣйшихъ обѣщанныхъ сообщеніяхъ Живой Старинѣ, о продолженіи свадьбы мордовской, о мордовскомъ погребеніи, о свадьбѣ чувашской. Такими изученіями и трудами образованные наши инородцы приносятъ честь и пользу своей народности, вносятъ цѣнные вклады въ русскую литературу, науку, образованность. О важномъ значеніи начала разнообразія въ просвѣщеніи редакторъ Ж. С. еще недавно имѣлъ случай высказаться въ ст. своей (Три міра въ апр. кн. Слав. Обзор. 1892). При этомъ нельзя не упомянуть съ глубокимъ почтеніемъ и благодарностью замѣчательные труды и заслуги покойнаго Н. И. Ильминскаго. Его здравые, просвѣщенные взгляды на образованіе инородцевъ, на наши отношенія къ нимъ должны бы быть усвоены не одною нашею школьною, но и всею русскою администраціею.

ОТДѢЛЪ Ш.

Критика и библіографія.

О типѣ Ильи Муромца.

«Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса» профессора Вс. Θ. Миллера.
(М. 1892).

„Экскурсы“ профессора Миллера принадлежать къ числу тѣхъ трудовъ, которые могутъ быть всякимъ прочтаны съ удовольствіемъ и пользою, благодаря свѣжести своего научнаго матеріала и новизнѣ выводовъ. Главная часть ихъ посвящена былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ, и мы считаемъ неизлишнимъ познакомить читателей съ тѣмъ, что въ нихъ говорится о типѣ Ильи, и встаетъ представить свои замѣчанія.

Профессоръ Миллеръ ставитъ рядъ вопросовъ объ историческомъ генезисѣ типа Ильи. Каковъ, спрашиваетъ онъ, былъ основной, первичный типъ Ильи? Какъ примирить крестьянское происхожденіе Ильи съ тѣмъ, что въ былинахъ онъ не является крестьяниномъ, а исключительно казакомъ? Дѣйствительно-ли Илья—Муромецъ? Имѣли ли типъ Ильи какую-нибудь историческую подкладку? Не есть ли этотъ типъ—русская перелицовка типа иранскаго Рустема?

I. „Илья, такъ отвѣчаетъ авторъ на первый вопросъ, не могъ быть искони крестьянскимъ сыномъ изъ села Карачарова, а былъ личностью гораздо болѣе значительною по своему общественному положенію. Можно сколько угодно любоваться исключительно принадлежащимъ русскому эпосу типомъ богатыря-крестьянина, стоятеля за интересы народа, нерѣдко въ оппозиціи съ княжескою властію, но трудно доказать, что Илья съ самаго начала былъ идеальнымъ представителемъ крестьянства“ (стр. 176).

Древнѣйшія упоминанія объ Ильѣ, такъ доказываетъ свое мнѣніе нашъ ученый, находящіяся въ германской повѣсти Ортинтъ, начала XIII вѣка, и въ норвежской Тидрекъ-сагѣ, половины XIII вѣка, говорятъ о немъ то какъ о дядѣ короля Ортинта, то какъ о незаконномъ (отъ наложницы) сынѣ короля Гертинта и братѣ короля Владимира; слѣдовательно, „до нѣмецкихъ сказителей дошли слухи о національномъ русскомъ богатырѣ, какъ о личности близкой къ Владимиру по происхожденію, хотя и уступавшей ему по роду матери. И этотъ русскій богатырь-дружинникъ (яръ) уже былъ такъ громко извѣстенъ въ русскихъ сказаніяхъ XIII вѣка, что имя его проникло изъ Руси далеко на западъ и сѣверъ“ (стр. 178).

Итакъ, профессоръ Миллеръ прежде всего опирается на свидѣтельства германской поэмы и норвежской саги. Дѣйствительно, въ сагѣ называются Русь, Новгородъ (Holmgard), Полоцкъ (Palteskia), король Владимиръ; но и сага, и поэма говорятъ также, при томъ много, о Греціи и о томъ, что не имѣетъ къ Руси ни малѣйшаго отношенія. Герой, котораго проф. Миллеръ отождествляетъ съ нашимъ Ильею, носитъ имя въ поэмѣ—Ilias von Riuzen, въ сагѣ—Ilias af Greka, имя, которое, конечно, близко по звукамъ къ имени нашего богатыря, но отнюдь съ нимъ нетождественно. Это нѣмецкое Ilias XIII вѣка не можетъ быть передачею русскаго Ильи; его конечное а,

отсутствующее въ русскомъ имени, не могло явиться на нѣмецкой почвѣ; оно указываетъ на греческій оригиналъ: *Ἠλιάς*. Последнее заставляетъ насъ признать, что въ германской повѣи и находящейся съ нею въ тѣсной связи норвежской сагѣ мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ, а съ греческимъ именемъ, съ однимъ изъ отзвуконъ не древнерусскихъ былинъ, а какихъ-то византийскихъ сказаній, что *Πίας* въ сагѣ не даромъ называется *af Greka*, „греческимъ“, что на основаніи данныхъ объ *Πίας*’ѣ нельзя дѣлать никакихъ заключеній относительно типа Ильи Муромца.

Въ самыхъ былинахъ, продолжаетъ свои доказательства проф. Миллеръ, можно найти указанія на то, что Илья только впоследствии омужничилъ, когда нашъ эпосъ перешелъ въ крестьянскую среду. „Придавъ ему крестьянское происхожденіе, сѣвернорусскіе сказители не создали ни одной былинны, гдѣ бы Илья являлся настоящимъ крестьянникомъ съ сохой, какъ другой представитель крестьянства—Микула Салыинновичъ. Всѣ свои подвиги онъ совершаетъ какъ богатырь-дружинникъ на службѣ Владиміра, либо какъ вольный старый казакъ. На сколько механически крестьянство прилеплено къ старому казаку, видно, напримѣръ, изъ такихъ былинъ, гдѣ Илья уже сейчасъ по исцѣленіи и выѣздѣ изъ родительскаго дома успѣваетъ преобразиться въ стараго казака, или изъ такихъ, гдѣ онъ прямо называется старымъ казакомъ города Муромъ, села Карачаева, какъ-будто существовали какіе-то муромскіе казаки“ (стр. 179).

Здѣсь проф. Миллеръ главнымъ образомъ ссылается на постоянный эпитетъ Ильи въ былинахъ—„старый казакъ“. Дѣйствительно, этотъ эпитетъ придается ему въ былинахъ, записанныхъ въ разное время въ разныхъ мѣстахъ, что свидѣлствуетъ объ его древности. Но какъ понимать этотъ эпитетъ? Если бы слово казакъ въ былинахъ употреблялось въ его современномъ значеніи, какъ полагаетъ проф. Миллеръ, то безъ сомнѣнія, оно пригнѣнялось бы въ нихъ не къ одному Ильѣ, а къ его молодымъ товарищамъ по стоанію на заставѣ—къ Добрынѣ, Алешѣ: они были бы тоже казаки; между тѣмъ они казаками никогда не называются. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ понимать слово казакъ не въ современномъ его значеніи, а въ старомъ великорусскомъ ¹⁾. Наши предки, съ XIV по XVII вѣкъ, называли казаконъ работника, батрака, по преимуществу сельскаго ²⁾. И такъ, эпитетъ „старый казакъ“ вполне подтверждаетъ указаніе былинъ на крестьянское происхожденіе нашего богатыря.

„Наконецъ, читаемъ мы далѣе у проф. Миллера, быть можетъ, слѣды древняго, не престоароднаго происхожденія Ильи сохранились въ извѣстныхъ трехъ былинахъ Ефименка, которыя постоянно сопровождаютъ имя Ильи титуломъ „сударь нашъ“ и въ одной былинѣ Рыбникова, гдѣ Илья не называется крестьянскимъ сыномъ, хотя и живетъ въ Муромѣ, и, собираясь ѣхать въ Кіевъ-градъ,

Приходилъ на свой широкій дворъ,
Говорилъ-то своимъ слугамъ вѣрнымъ:
Сѣдлайте-ко, уздайте добра коня, и проч.

Исслѣдователи нашего эпоса такъ много говорили о наслоеніяхъ въ былинахъ, о перенесеніи подробностей изъ однихъ былинъ въ другія, что мы не видимъ возможности придавать какое-либо значеніе приведеннымъ у проф. Миллера даннымъ. Можемъ замѣтить, что названіе государемъ, сударемъ почтенныхъ лицъ крестьянскаго происхожденія—вещь вполне обычная въ народныхъ пѣсняхъ (въ свадебныхъ, въ причтаніяхъ).

¹⁾ Старшій изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ, гдѣ употреблено это слово,—разѣзжая Кириллова Бѣлозерскаго монастыря 1395 года (Акты Калачова, I, 244). О великорусскомъ значеніи его смотри, между прочимъ, у Чечулина, Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ, стр. 46. Оно сохраняется до нынѣ въ Вологодской губ.

²⁾ О значеніи татарскаго оригинала нашего казакъ можно судить по современному значенію дагестанскаго казакъ: *Wegelagerer, Landstreicher, Abenteurer, Kosak, leicht bewaffneter Soldat* (Miklosich, Die türkischen Elemente, I, 94), и по значенію полонскаго *cozas*: *vigil, excubiae* (Kuhn, Codex Cumanicus, 118).

II. Достоуважаемый ученый держится того мнѣнія, что древній Илья—южно-русскій богатырь, что прозваніе Муромецъ и сѣверно-русское мѣстное прикрѣпленіе Ильи—факты его позднѣйшей эпической исторіи, что названіе Муромецъ—не что иное, какъ позднее осмысленіе ничего не говорящей сѣверной Руси старой формы прозвища Ильи, которая дошла до насъ въ нѣсколькихъ вариантахъ (стр. 182). Въ доказательство проф. Миллеръ ссылается на упоминаніе Чернигова въ значительномъ числѣ былины о первой поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ, какъ на дату для прикрѣпленія Ильи къ сѣверской (черниговской) Руси, и на странность пути, черезъ Черниговъ, которымъ ѣдетъ Илья изъ Муромъ въ Кіевъ.

Мы не видимъ возможности придавать какое-либо значеніе старымъ (южно-русскимъ по преимуществу) прозваніямъ Ильи: Муровецъ, Моровецъ, такъ какъ на югѣ Руси (гдѣ нѣсколько мѣстныхъ названій звучали: Мороскъ, Муровецъ, Мураескій шляхъ) сѣверный городъ Муромъ былъ называется: Муромъ¹⁾, и сѣверное прозваніе Муромецъ легко могло превратиться въ Муровецъ, Моровецъ, подобно тому, какъ въ средней Руси (гдѣ было общезвѣстно мѣстное названіе Муромъ) южно-русскій городъ Мороскъ или Моросекъ былъ именуемъ Муромекъ²⁾, а южно-русскій Мураескій шляхъ—Муромскій³⁾.

Иное дѣло путь Ильи. Богатырь ѣдетъ изъ Муромъ къ Кіеву черезъ „лѣса Брынскіе“ и черезъ Черниговъ, минуешь рѣку Смородину или Самородину. Названіе лѣсовъ „Брынскіе“ находится въ нѣсколькихъ въ разныхъ мѣстахъ записанныхъ пересказахъ былины (между прочимъ у Гильфердинга № 56). Если бы этотъ путь Ильи представлялъ что-нибудь странное, если бы Илья дѣйствительно дѣлалъ значительный крюкъ, то, конечно, можно бы усомниться въ правильности названія города отправленія: дорога къ матери городовъ русскихъ, какъ вполне основательно замѣчаетъ нашъ ученый, къ кіевскимъ святынямъ, столь много посѣщаемымъ населеніемъ всѣхъ концовъ Руси, должна была быть также хорошо извѣстна всюду на Руси въ средніе вѣка, какъ и въ наше время (стр. 185). Но стоитъ намъ взглянуть на карту Россіи, чтобы убѣдиться, что путь Ильи могъ быть „дорогою прямоѣзжею“ изъ Муромъ въ Кіевъ, т. е. не окольною, обычною въ древнее время. Онъ идетъ отъ Муромъ вдоль Оки до впаденія въ нее Угры, затѣмъ вдоль Угры, затѣмъ повертывается на югъ черезъ Брынскіе (по рѣчкѣ Брыни, въ нынѣшней Калужской губерніи) лѣса, на Брянскъ или Карачевъ, къ Чернигову; по выходѣ изъ Брынскихъ лѣсовъ онъ встрѣчается съ нынѣшнею рѣкою Смородинною (близъ Карачева, въ сѣверной части Орловской губерніи⁴⁾). Но стоитъ намъ взглянуть въ лѣтописи, чтобы увидѣть, что въ древности ѣздили изъ средней Руси въ Кіевъ и обратно приблизительно тѣмъ путемъ, какимъ ѣдетъ Илья. Кіевская лѣтопись по Ипатскому списку подъ 1152 годомъ рассказываетъ о походѣ на Кіевъ Юрія Суздальскаго съ муромо-рязанскими князьями. Они пошли сначала „на Вятичи“, т. е. на западъ, затѣмъ „поминули“ (т. е. оставили въ сторонѣ) смоленскую волость и поворотили на югъ, наконецъ прошли черезъ Мценскъ и Глуховъ къ Чернигову. Новгородская лѣтопись (первая) подъ 1331 годомъ говорить о пути архіепископа Василія изъ Владимира Волынскаго въ Новгородъ. Василій ѣхалъ черезъ Черниговъ, Брянскъ, Торжокъ.

Эта естественность рисуемаго былиною пути изъ Муромъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ несомнѣнною древностью его топографическихъ названій (особенно „Брынскіе“ лѣса),

¹⁾ См. нашу замѣтку въ *Этнографич. Обзорѣніи* 1890 года № 3.

²⁾ Въ Книгѣ Большаго Чертежа 1626 года (по печатному изданію): «Отъ Чернигова внизъ по Деснѣ 60 верстъ градъ Муромскъ» (стр. 86).

³⁾ Между прочимъ, въ «росписи», наданной въ «Лѣтописи зан. Археограф. Ком.», I, 64—65.

⁴⁾ Илья ѣдетъ еще черезъ «грязи», которыя въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины называются «смоленскими». Средняя Русь нѣкогда была хорошо знакома съ «смоленскими грязями»: единственный водный путь (а древняя Русь, даже въ XVII вѣкѣ, предпочитала водные пути сухимъ) изъ Муромской области въ Кіевъ шолъ по Окѣ, Угрѣ, затѣмъ волокомъ по этимъ «смоленскимъ грязямъ» къ Дибирю.

не позволяет нам сомневаться в том, что уже древние пересказы былины говорили о Муромѣ, какъ пунктѣ отправленія Ильи, а не о Моровскѣ или Моровеискѣ. Последний, какъ видно изъ лѣтописей и изъ приведенной выше цитаты изъ Книги Большаго Чертежа, находился между Черниговомъ и Киевомъ, на пути изъ Чернигова въ Киевъ, во всякомъ случаѣ очень недалеко отъ Киева ¹⁾, и чтобы попасть изъ него въ Киевъ черезъ лѣса Брынскіе и Черниговъ, да еще черезъ рѣчку Смородину, нужно бы сдѣлать не большой, а огромный и ничѣмъ не вызванный крюкъ.

Проф. Миллеръ признаетъ Илью уроженцемъ черниговскаго княжества. Это не подлежитъ сомнію: Муромъ, вмѣстѣ съ Рязанью, въ теченіе всего до-монгольскаго періода или принадлежалъ къ волости черниговскаго князя, или управлялся младшими родственниками черниговскихъ князей. Впрочемъ былины объ Ильѣ на это нигдѣ не намекаютъ, такъ какъ эпитеты Чернигова, въ нихъ находящіеся: „славный“ (чаще), „стольный“ (рѣже), на которые ссылается проф. Миллеръ, не могутъ считаться несомнѣнно древними, да сверхъ того, эпитетъ „славный“ придается въ былинахъ почти что всякому изъ упоминаемыхъ ими городовъ.

III. „Былъ ли Илья Муромецъ лицомъ историческимъ?“ спрашиваетъ далѣе нашъ ученый и затѣмъ отвѣчаетъ: „что ничего историческаго искони не было въ Ильѣ, что все историческое было имъ приобрѣтено лишь впоследствии, какъ позднѣйшая окраска,—видно изъ того, что и его эпическій предшественникъ, также какъ и онъ, вышелъ изъ области фантазіи, но не успѣлъ прикрѣпиться къ кievскому циклу. Мы говоримъ о Святоторѣ“ (стр. 193). „Если Илья уже по происхожденію своей силы отъ великана искони не имѣлъ никакого отношенія къ русской исторіи и даже русской мочѣ, то, во-первыхъ, становится возможнымъ предположеніе, что его первоначальный типъ не былъ самостоятельнымъ продуктомъ русскаго народнаго творчества, а лишь впоследствии обнаружился; во-вторыхъ, что этотъ богатырскій типъ вошелъ позже въ некоторые другихъ богатырей въ эпическій южно-русскій циклъ, напримѣръ, позже Добрыни Никитича“ (стр. 194). „Типъ Ильи Муромца и основныя сказанія о немъ искони не имѣли ничего историческаго и приобрѣли историческую окраску въ теченіе времени“ (стр. 197).

Намъ кажется, проф. Миллеръ даетъ слишкомъ мало посылокъ и слишкомъ много заключеній. Былины объ отношеніяхъ Ильи къ Святотору, на которыя на одни онъ опирается, не связаны органически съ другими былинами объ Ильѣ и ничего не объясняютъ намъ въ послѣднихъ; почему не можетъ быть, что въ нихъ имя Ильи лишь недавно не замѣнило какого-нибудь другаго богатырскаго имени? Сверхъ того, даже эти былины по степени фантастичности ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ эпическихъ пѣсней о Маркѣ Кралевичѣ, побратимѣ вилы, владѣльцѣ крылатата коня, о Милошѣ Обилитѣ, котораго „кобыла родила“, вообще отъ эпическихъ пѣсней о личностяхъ несомнѣнно историческихъ.

По нашему убѣжденію, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, чтобы лицо съ именемъ Ильи Муромца никогда не существовало. Это могъ быть герой „чистаго поля“ въ древнемъ смыслѣ этого слова, воинъ, стоявшій на „заставѣ“ передъ степью ²⁾, производившій разѣзды по степи и бившійся съ одиночными „нахвальщиками“ Тюрками и съ мелкими грабительскими партіями Тюрковъ. Подвиги Ильи, слишкомъ маловажные для того, чтобы имъ попасть въ лѣтопись ³⁾, были воспѣты восхваленнымъ ими народомъ, при чемъ къ нимъ, какъ это бываетъ зачастую, были

¹⁾ Былина нигдѣ не говоритъ о длинѣ пути Ильи, но все таки даетъ ясно понять, что онъ былъ дальній и трудный, что совершить его въ короткій срокъ могъ только великій богатырь.

²⁾ О „заставахъ“ въ южной Руси мы знаемъ отъ Брунона, современника св. Владимира; сходныя заставы въ древности должны были существовать и въ муромо-рязанской землѣ, также граничившей со степью.

³⁾ Если бы какая-либо лѣтопись въ Муромѣ или Рязани въ до-монгольское время или даже послѣ велась.

съ теченіемъ времени присоединены еще такіе, которые въ разное время, раньше и позже, приписывались другимъ богатырямъ, съ другими именами, и которыми даже подобныя Ильи никогда не совершалъ. Однимъ и вѣсть основнымъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые могли принадлежать историческому Ильѣ, должно было быть побѣжденіе имъ на поединкѣ какого-то страшнаго степнаго врага.

IV. Главная мысль проф. Миллера, проходящая чрезъ всѣ «Экскурсы»,—мысль о вліяніи вообще на русскій былинный эпосъ иранскаго эпоса и въ частности — на былинны объ Ильѣ пѣсенъ о Рустемѣ. Почтенный ученый „предполагаетъ“, что „личность Рустема значительно повліяла на образованіе эпического типа Ильи“ (стр. 55), иначе—что Илья—русская перелицовка Рустема, и перечисляетъ десять подробностей общихъ обоимъ типамъ, не оставляющихъ, на его взглядъ, сомнѣнія въ томъ, что сходство между ними значительно. Но намъ кажется, сходныя подробности—или слѣдствіе одного общаго свойства Ильи и Рустема—того, что они первые изъ богатырей, или совсѣмъ ничтожны и случайны. Профессоръ Миллеръ указываетъ какъ на общее Ильѣ и Рустему—на маханіе въ битвѣ Туркомъ или Татаринѣмъ (стр. 72). Конечно, маханіе героя въ битвѣ однимъ изъ враговъ вмѣсто дѣйствованія оружіемъ теперь кажется намъ страннымъ, но въ древности въ рукопашной свалкѣ едва ли оно иногда не бывало въ ходу, такъ что передъ нами, быть можетъ, фактъ не изъ иранской или древне-русской, а изъ обще-человѣческой дѣйствительности сѣдой старины. Мы можемъ съ нимъ сопоставить маханіе былиннаго героя, вмѣсто оружія,—осью телѣжномъ, тоже странное, но несомнѣнно основанное на дѣйствительныхъ фактахъ. Вотъ что мы читаемъ въ документѣ 1655 года: „*(Русскіе) государскимъ счастьемъ Татаръ побили многое множество, а побивали все такъ: изъ саней вывертывали оглобли и Татаръ все оглобляли били*“¹⁾ Проф. Миллеръ указываетъ еще на общее Ильѣ и Рустему, что они „оба отличаются продолжительностью жизни и совершаютъ подвиги уже въ преклонномъ возрастѣ“. Но представленіе и Ильи и Рустема стариками, по нашему мнѣнію,—необходимый выводъ изъ связанныхъ съ ихъ именами пѣсенъ объ боѣ съ сыномъ. Если ихъ сыновья представлялись въ пѣсняхъ такими богатырями, съ которыми приходилось считаться, то они сами должны были представляться не иначе какъ стариками.

Затѣмъ нашъ ученый сопоставляетъ подвиги Ильи и Рустема и находитъ между ними чрезвычайно много сходнаго. Къ сожалѣнію, мы здѣсь не можемъ слѣдовать за нимъ въ частности (которымъ впрочемъ онъ самъ не придаетъ большаго значенія) и должны остановиться лишь на главномъ подвигѣ—на боѣ богатырей съ своими сыновьями. Мы признаемъ большое сходство подвига Ильи съ подвигомъ Рустема, но также признаемъ не малое сходство подвига Рустема съ подвигами нѣмецкаго Гильдебранда и кельтскаго Клизамора. Если проф. Миллеръ не находитъ возможности видѣть въ Гильдебрандѣ и Клизаморѣ „перелицовки“ Рустема,—почему онъ считаетъ себя въ правѣ видѣть въ Ильѣ „перелицовку“ Рустема? Почему онъ думаетъ, что у Нѣмцевъ и Кельтовъ могло быть свое, независимое отъ иранскаго, но къ нему близкое сказаніе о боѣ богатыря съ сыномъ, а у Славянъ не могло?

А. Соболевскій.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ первый. А—Втас. Спб. 1891.

«Настоящее изданіе имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный и дѣловой языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова.... Назначеніе словаря быть истолкователемъ живаго языка не исключаетъ изъ него такихъ словъ, которыя хотя и вышли изъ

¹⁾ *Акты Археогр. Эксп.*, IV, стр. 128.

употребленія, но встрѣчаются въ сочиненіяхъ, относящихся къ обнимаемому словаремъ періоду».

Такъ опредѣляетъ Академія Наукъ объемъ новаго словаря. Сколько мы понимаемъ это опредѣленіе (наложенное, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно), Академія желала бы дать словарь современнаго литературнаго и дѣловаго языка не простой, а историческій, въ которомъ современный словарный матеріалъ былъ бы прослѣженъ по произведеніямъ писателей и ученыхъ XVIII и XIX вѣковъ, начиная съ Ломоносова.

Обратимся въ самому словарю. Достаточно развернуть его, чтобы увидѣть, что передъ нами отнюдь не историческій словарь: скудость прирѣзовъ изъ сочиненій и переводовъ XVIII и первой четверти XIX вѣковъ (особенно прозаическихъ) столь велика, что прямо бросается въ глаза ¹⁾, да и прирѣзы изъ сочиненій новѣйшаго времени настолько малочисленны, что читатель не можетъ прослѣдить даже новѣйшей исторіи ни одного русскаго слова. Итакъ, передъ нами простой словарь русскаго языка нашихъ дней, но съ значительною прирѣсью словъ, не находящихся теперь въ общемъ употребленіи. Тутъ мы находимъ и бабичій, и басалыкъ, и башловка, и безвытнѣй, и борла, и вабій, и вапленіе, и виталище, ²⁾ и многія другія подобныя слова, которыя отиѣчены какъ старинныя и принадлежность которыхъ новому литературному языку подлежитъ сомнѣнію; во всякомъ случаѣ со стороны Академіи она не доказана какими бы то ни было цитатами. Тутъ намъ встрѣчаются и слова поэтическія, изъ произведеній Ломоносова, Державина, Гнѣдича, въ родѣ быстропарный, веселоправный, веселорѣзвый, ветхострунный, волоокая, воспящать, и слова обычныя въ сравнительно недавніе годы, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ, напримѣръ, Пушкина, но теперь уже исчезнушіе изъ языка, въ родѣ альмавива, болivarъ, васисдасть ³⁾, и слова принадлежащія разнымъ русскимъ говорамъ, которыя чужды нашему литературному языку (принадлежность ихъ ему со стороны Академіи ничѣмъ не доказана), въ родѣ аба, абаза, бакулить, балахна, балобой, басаринка, бахта, безпека, белегъ, бережничать, берей, бирчить, боговщина, бодяжничать, буище, бѣшава, вачега, взводень, видкѣй, влега, воловикъ, всподимъ, всторобаниться, и наконецъ, слова какъ будто нигдѣ, ни въ какихъ говорахъ русскаго языка не существующія (хотя нѣкоторыя и находятся у Дала), въ родѣ безковарство, блазниться, блудоносный, быстротокъ, вертепистый, вздорливость, вшомка ⁴⁾....

Рядомъ съ этою прирѣсью словарь имѣетъ еще другую, тоже значительную. Это—слова не русскія, русскому языку не принадлежащія и никогда не принадлежавшія. Мы, какъ извѣстно, нерѣдко вставляемъ въ русскую рѣчь иностранныя слова и пишемъ ихъ русскими буквами; послѣднее обстоятельство, конечно, не дѣлаетъ ихъ русскими. Академія Наукъ воздержалась отъ введенія въ словарь однихъ изъ нихъ (въ немъ нѣтъ: бонжуръ, атташе, бонвиванъ, бплъеду, аливрверъ, аляфушеръ, бѣфъ бризе, супъ бискъ, архонтъ басплевсъ, буле, вигъ, ассагай), но за то ввела многія другія, въ родѣ абулія, агіасма, адинамія, адюльтеръ, акосмизмъ, актиометрія, альтиметрія, амфиболія, асинптота, адажію, ажуръ, алагрекъ, алиби, аллегретто, альпари, альфреско, анданте, анимозо, арпеджію, бандо, беде, биде, билъ-

¹⁾ Мы не замѣтили прирѣзовъ даже изъ прозаическихъ переводовъ Карамзина и Жуковскаго.

²⁾ Между прочимъ, въ словарѣ приведено слово видокъ съ ссылкой на извѣстное посланіе о земномъ раѣ, причѣмъ авторъ этого памятника названъ архіепископомъ Васіаномъ.

³⁾ Отиѣтимъ еще слово барыша. Оно найдено Академіею у Аблесимова и вставлено въ словарь, не смотря на то, что значеніе его Академія не удалось опредѣлить (однако она нашла возможнымъ поставить въ немъ удареніе!).

⁴⁾ Словарь приводитъ выраженіе: ванны песчаныя. Едва ли оно существуетъ (мы знаемъ лишь ванны песочныя).

бокѣ, бланманже, бонжо, буриме, вето, альдерманъ, альгвазилъ, арбалетъ, бакшишъ, баллиста, беглербей, берсеркъ, вали, веттурииъ.

Изъ нихъ часть можетъ быть склоняема по-русски, но часть употребляется нами въ своей иностранной формѣ, даже безъ русскихъ окончаній.

Словарь снабженъ объясненіями. Одни содержатъ въ себѣ толкованіе словъ; другія посвящены этимологіи словъ, указанію ихъ иностранныхъ предковъ и т. п.

Первыя вообще удовлетворительны. Мы не останавливаемся на мелочахъ (въ родѣ археологъ—занимающійся изслѣдованіемъ монументальныхъ древностей) и ограничиваемся болѣе крупнымъ. Азбукovníкъ—не сборникъ словъ съ толкованіями и не толковый словарь, какъ говоритъ Академія, а сборникъ разнообразныхъ статей (между прочимъ по грамматикѣ и исторіи); бусы-корабли—не бусы, т. е. темные голубовѣрые корабли, а корабли особаго типа (буса, женск. р.,—одно изъ обычныхъ словъ стараго русскаго языка XIV—XVII вв.; смотри Срезневскаго, Матеріалы для словаря); возникъ (въ старомъ языкѣ)—не возникъ (и не домовая лошадь, какъ у Дала), а экипажная, въ частности каретная лошадь (повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ и др.); березозоль (березозоль, стоящее въ словарѣ, едва ли когда нибудь существовало)—древнее названіе не марта и апрѣля, а одного апрѣля (смотри Срезневскаго); благодарствовать никогда не значитъ: оказывать добро, благотворить (былинное благодарствуешь=спасибо); бобылка—не жена бобыля, а баба живущая одиноко; вербнякъ—не вербовая роща, а кусты вербы (въ большинствѣ или меньшемъ количествѣ); возлиастый голубъ—не имѣющій бѣлыя или черныя пятна по обѣимъ сторонамъ лба, а имѣющій на краяхъ сѣрыхъ крыльевъ большее, чѣмъ обыкновенно, количество бѣлыхъ перьевъ. Значеніе нѣкоторыхъ областныхъ словъ, данное Академіей (по Далю), возбуждаетъ большія сомнѣнія; такъ, бабица едва ли гдѣ нибудь въ Россіи значитъ или значило: бабѣ, а воеводша—сборъ въ пользу воеводы.

Что до вторыхъ, то между ними не мало сомнительныхъ и недостаточно обоснованныхъ. Мы не останавливаемся на тѣхъ изъ нихъ, которые находятся въ академическомъ «Русскомъ Правописаніи» (ветчина—корень вѣд, вишь изъ видишь, бишь изъ башеъ, безмѣнъ отъ батманъ и т. п.). Передъ нами слово вязига. Оно является въ словарѣ въ видѣ визига, съ и, на основаніи польск. wuz бѣлуга и родственныхъ ино-славянскихъ словъ. Но польск. wuz имѣетъ и въ корнѣ и потому родство его съ вязига подлежитъ величайшему сомнѣнію; сверхъ того, если на основаніи пол. wuz исправлять правописаніе нашего слова, надо писать послѣднее възига; и въ визига, на нашъ взглядъ, не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ ¹⁾. Въ словѣ берлога, по словарю, его вторая часть логa—одного корня съ глаголомъ лежать. Въ этомъ вполне позволительно сомнѣваться въ виду польск. berło. Слово бляха, польск. blacha, по словарю, восходитъ къ франц. plaque. По нашему мнѣнію, скорѣе къ нѣм. blech. Слово векша, по словарю, происходитъ отъ персидскаго вешакъ. Мы думаемъ, что это издревле русское названіе сѣвернаго животнаго не можетъ быть заимствованнымъ съ востока и что заимствованнымъ должно быть персидское слово (если эти слова необходимо ставить между собою въ связь). Особенно сомнительны тѣ объясненія Академіи, гдѣ она приводитъ данныя церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Такъ, мы читаемъ: барины, ц.-сл. бояринъ. Церковно-славянскій языкъ не имѣлъ этого слова (въ немъ бояринъ). Или: беззаконныи, ц.-сл.,—языческій. Церковно-славянскій языкъ не имѣлъ для этого слова приведеннаго значенія. Или: вдова—отъ ц.-сл. прилагательнаго вдовъ.

¹⁾ Если бы Академія въ своихъ этимологическихъ изысканіяхъ обращала сколько нибудь вниманіи на произношеніе интересующихъ ее словъ въ разныхъ русскихъ говорахъ, она, конечно, не упустила бы случая отмѣтить, что вязига во всѣхъ говорахъ, сохраняющихъ древнѣе гласныя, звучитъ съ я, вѣчина—съ е, что рядомъ съ бишь слышится и башеъ.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ не было такого прилагательнаго. Или: векша, ц.-сл. вѣкша. Церковно-славянскій языкъ не зналъ этого слова, а если бы звалъ, оно бы въ немъ звучало вѣкша. Или: внезапу—отъ ц.-сл. запу, вин. пад. отъ запа ожиданіе, подозрѣніе. Въ церковно-славянскихъ памятникахъ не встрѣчается слова запа (форма вин. ед. котораго была бы, конечно, запж), а извѣстно лишь слово запъ, мужеск. рода,—подозрѣніе, съ которымъ наше внезапу едва ли можетъ быть родственно, такъ какъ оно пишется въ древнихъ текстахъ не только вънезапж, но и вънезаяпж, вънезаяпж (см. Срезневскаго, Матеріалы).

Академія Наукъ нашла нужнымъ дать грамматическое опредѣленіе приводимымъ въ словарь словамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ кое-что очень сомнительное, иногда старое, иногда новое. Между прочимъ бывало («бывало, онъ еще въ постелѣ») ¹⁾, по мѣтѣю Академіи,—нарѣчіе, бы («не тебѣ бы говорить») —союзъ, вольно («вольнo ему было не беречься») —глаголь, видно («онъ, видно, не прѣдетъ») —нарѣчіе, баць, бухъ, бултыхъ («баць его по головѣ») —глагольные частицы, вслѣдъ («ударамъ вслѣдъ звучать удары»), вслѣдствіе («вслѣдствіе неосторожности онъ занемогъ»), впереди («впереди войска»), вопреки («вопреки законамъ») —предлоги, аз, еоз —тоже предлоги, въ догонку, въ началѣ, во вѣки, во истину, волею, въ перевалку, въ перемежку, въ правду, въ прахъ и др.—нарѣчія.

О степени полноты словаря мы пока можемъ сказать только то, что бросающихся въ глаза пробѣловъ изъ современнаго нашего литературнаго языка въ немъ не видно (мы отмѣтили лишь отсутствіе слова велагорка—пшеница).

А. С—скій.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1892 годъ. Изданіе Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Выпускъ второй. Воронежъ, 1892.

«Памятныя книжки», издаваемые разными статистическими комитетами, обыкновенно такъ скуднымъ интереснымъ въ какомъ-нибудь отношеніи матеріаломъ, что настоящая «книжка» можетъ быть признана счастливымъ исключеніемъ. Обнародованныя въ ней разнообразныя данныя представляютъ много любопытнаго, особенно «списки населенныхъ мѣстъ», заключающіе въ себѣ указанія не только на число дворовъ, жителей, церквей, не только на количество общественной земли, но также—что у насъ въ подобныхъ трудахъ рѣдкость—на «народность населенія». Помѣщенный въ ней затѣмъ «Очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украинско-русскимъ нарѣчіемъ» г. Дикарева тоже былъ бы любопытенъ, если бы авторъ постарался подробнѣе описать и характеризовать говоръ воронежскаго мѣщанства и его отношенія къ языку образованнаго общества съ одной стороны и къ ближайшимъ народнымъ говорамъ съ другой (онъ, какъ почти всѣ мѣщанскіе говоры большихъ городовъ,—смѣшанный) и не пускался бы въ длинныя статистическія исчисленія звуковъ сомнительной цѣнности. Дѣло въ томъ, что г. Дикаревъ не потрудился сказать, какъ произносится въ воронежскомъ говорѣ буква *z*, какъ лат. *g*, или какъ лат. *h*, есть ли въ немъ *e* вмѣсто *y* и на оборотъ и т. п., каковы въ немъ особенныя формы склоненія и спряженія, а взаимѣ этого въ «статистикѣ вокализма» опредѣлить, сколь часто употребляются тотъ или другой звуки въ разныхъ говорахъ и языкахъ (между прочимъ сколь часто слышатся въ болгарскомъ языкѣ звукъ *и*, звукъ *с*, звукъ *ъ*, звукъ *з*, звукъ *жи* т. д...). Впрочемъ недостатки статьи г. Дикарева до извѣстной степени выкупаются довольно большимъ сборникомъ воронежскихъ, великорусскихъ и малорусскихъ пословицъ, поговорокъ и т. п., записанныхъ имъ недурно, но съ излишнею графическою тонкостью (милыиу вмѣсто милыю, абылѣ вмѣсто абые, вѣзлись вмѣсто везлись) и едва ли особенно точно. Такъ,

¹⁾ Этотъ и слѣдующіе примѣры—изъ числа приведенныхъ Академіею.

мы сомнѣваемся, чтобы въ Воронежѣ говорили: абабрали живѣ, съ ј; а окусакъ ни спорить, пиддысать карманасъ, съ е; абажоджбсьскъ, съ ждж.

Сверхъ того, въ настоящей книжкѣ изданы описаніе малорусской свадьбы и нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ изъ Острогожскаго уѣзда.

А. С—скій.

Харьковскій Сборникъ. Подъ редакціей члена-секретаря В. И. Касперова. Литературно-научное приложение въ „Харьковскому Календарю“ на 1891 годъ. Выпускъ 5-й. Харьковъ, 1891.

Здѣсь мы находимъ, кромѣ матеріаловъ для біографій Н. И. Костомарова (г. Русова) и архіепископа Филарета (харьковскаго), еще слѣдующія статьи:

„Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Вѣлгородской епархіи (1721—1799 гг.)“, г. Демидова;

„Дневникъ путешествія по Слободско-Украинской губерніи академика Гильденштедта, въ 1774 г.“, въ переводѣ съ нѣмецкаго;

„Современное состояніе вопроса о происхожденіи слободско-украинской степи“, г. Краснова.

Въ концѣ Сборника помѣщено „извѣщеніе“, что 12 членовъ Харьковскаго Губ. Статистическаго Комитета задумали составить описаніе Харьковской губ. въ естественно- и культурно-историческомъ отношеніяхъ, на основаніи какъ пособій, такъ и новыхъ данныхъ. Послѣднія имѣютъ быть собраны отчасти самими членами посредствомъ ученыхъ экскурсій по губерніи, отчасти мѣстными знатоками при помощи программъ по этнографіи, быту, исторической географіи съ археологіей и языку. Программы напечатаны при „извѣщеніи“.

А. С—скій.

Календарь Вятской губерніи на 1892 годъ. Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Вятка, 1891.

„Календарь“ на 1892 годъ содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія статьи:

„Объ историко-этнографическомъ изученіи вятскаго края“, проф. И. Н. Смирнова. Въ ней авторъ излагаетъ программу занятій для мѣстныхъ археологовъ и этнографовъ и рекомендуетъ имъ 1) собирать и изучать мѣстныя названія (рѣкъ, горъ и т. п.) и 2) изслѣдовать процессъ обрусѣнія инородцевъ и взаимныя отношенія этихъ послѣднихъ и ихъ русскихъ сосѣдей. Программа И. Н. Смирнова, по которой можно собрать цѣнныя данныя, годится для изслѣдователей не одного вятскаго края, а также и другихъ инородческихъ мѣстностей европейской Россіи, а отчасти и Сибири;

„Загадки Слободскаго уѣзда Вятской губерніи“, записанныя съ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора (889 ЖЖ);

„Матеріалы для объяснительнаго областного словаря вятскаго говора“ (съ замѣткою о звуковыхъ особенностяхъ этого говора), г. Васнецова.

Сверхъ того, въ этой книжкѣ „Календаря“ помѣщено окончаніе указателя статей „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, начатое въ предыдущей книжкѣ.

А. С—скій.

Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. T. XIII.

Въ прошломъ № «Ж. Ст.», давая отчетъ о книгѣ, заглавіе которой выписано здѣсь, мы отложили до слѣдующихъ №№ отчетъ о самой главной статьѣ отдѣла: «Этнографическихъ матеріаловъ». Это «этнографическій очеркъ» теперь уже покойнаго проф. д-ра И. Коперницкаго «O góralach Ruskich w Galicyi», составленный на основаніи наблюденій, произведенныхъ во время путешествія автора по Карпатамъ въ концѣ лѣта 1888 г.

Отправляясь въ свою поѣздку, Коперницкій имѣлъ въ виду «лично познакомиться съ отдѣльными родами русскихъ горцевъ на мѣстѣ и собрать возможный запасъ матеріаловъ для ихъ характеристики физической и этнографической». Съ этою цѣлю авторъ рѣшилъ въ продолженіи 4—5 бывшихъ въ его распоряженіи недѣль посѣтить главнѣйшія мѣста осѣлости русскихъ горцевъ между Попрадомъ и Черемошемъ, т. е. въ предѣлахъ племенъ Лемковъ, Войковъ, Тухольцевъ и Гуцуловъ. Въ важнѣйшихъ селеніяхъ онъ оставался по 1—3 дня, подгоняя время такъ, что эти дни остановокъ приходились въ воскресенье, какой-нибудь праздничный или базарный день, что давало ему возможность видѣть больше народу и прислушаться къ говору людей, какъ мѣстныхъ, такъ и изъ сосѣднихъ селеній.

Для легчайшаго ознакомленія съ народомъ Коперницкій прибѣгалъ къ такимъ средствамъ. Прежде всего, перебираясь изъ одного мѣста въ другое, онъ ѣхалъ не ближайшей дорогой, а черезъ наиболѣе людныя деревни, за тѣмъ съ телѣгомъ для своихъ переездовъ возницу выбиралъ непременно русскаго, притомъ мѣстнаго уроженца, хорошо во всѣхъ отношеніяхъ знакомаго съ окрестностями. По дорогѣ онъ спрашивалъ возницу о мѣстности, по которой они проѣзжали, о жителяхъ, ихъ хозяйствѣ, нарядахъ и т. д., и при этомъ внимательно прислушивался ко всѣмъ особенностямъ его говора. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ считалъ своею обязанностью въ каждомъ селеніи зайти подъ какой-нибудь предлогомъ, по крайней мѣрѣ, въ двѣ хаты, принадлежащія, по видимому, хозяевамъ, одна среднего достатка и одна наиболѣе зажиточному. Конфетка, давшая ребенку, или папираса, предложенная хозяйну, располагали въ его пользу владельцевъ, и ему охотно показывали хозяйство и давали различныя объясненія.

Большое содѣйствіе оказывали изслѣдователю русскія духовныя лица, принимавшія его радушно и собиравшія къ себѣ въ домъ мѣстныхъ жителей для его антропометрическихъ изслѣдованій, водившія его по хатамъ селенія и объяснявшія ему особенности и отличія въ одеждахъ даннаго селенія отъ сосѣднихъ съ нимъ, близкихъ и дальнихъ.

Такимъ образомъ Коперницкому удалось собрать довольно большой запасъ свѣдѣній и матеріаловъ этнографическихъ, на основаніи котораго онъ составилъ этотъ краткій «этнографическій очеркъ», оставляя болѣе подробную обработку матеріала на будущее время, что едва-ли ему удалось за послѣдовавшею въ 1889 году смертію.

Первымъ горнымъ русскимъ племенемъ, которое увидѣло автора разбираемаго очерка, были Лемки, получившіе отъ В. Поля названіе Спишаковъ и Куртаковъ или Чухонцевъ и занимающіе въ западной, или польской Галиціи верховья почти всѣхъ притоковъ Вислы и Вислюки (прав. притокъ Вислы). Далѣе надъ Ославой и всѣми живыми притоками Сана вплоть до рѣчекъ Дверника и Ступосянки живетъ племя, во многихъ отношеніяхъ, по наблюденіямъ Коперницкаго, отличающееся отъ Лемковъ. Авторъ по этому говоритъ о немъ отдѣльно, хотя В. Поль считаетъ его за одно племя съ Лемками.

«Лемковщина» представляетъ собой горную мѣстность съ широкими и открытыми по теченію рѣкъ и болѣе значительныхъ потоковъ долинами и съ лишенными лѣса горами, по которымъ лежатъ бесплодныя поля, покрытыя рядами огромныхъ кучъ камня. Въ виду такого устройства поверхности жители принуждены селиться у воды, гдѣ можно найти клочекъ земли подъ пашню и огородъ. Деревня тянется по берегу потока, причѣмъ верхній конецъ занимаютъ церковь и школа.

Строятся здѣсь такімъ образомъ, что всѣ постройки одного хозяина (т. е. жилище и всѣ хозяйственные постройки) находятся подъ одной крышей, образуя какъ бы одно очень длинное зданіе, обращенное лицевой стороной на дорогу. Жилища здѣсь глядятъ вездѣ не казисго: стѣны только изнутри бываютъ обтесаны немного старательнѣй, пазы между бревенъ замазываются сѣрою глиной и изрѣдка бѣлятся. Все другое остается неотесаннымъ и почернѣлымъ. Избы все курныя, только нѣкоторые наиболѣе зажиточные строятъ черезъ сѣни противъ жилой избы свѣтлицу, отапливаемую изъ сѣней, со стеклянными окнами, которыя однако почти никогда не открываются.

Внутри избы, тотчасъ у входа, на лѣво или направо цѣлый уголъ занятъ огромною 4-угольною печью съ припечкомъ спереди и лавкой съ боку; около нея всегда—1—2 бочки съ водою. У лицевой стѣны подъ окнами тянется широкая неподвижная лавка, продолжаясь изъ краснаго угла по другой стѣнѣ, а въ образуемомъ ею углѣ стоитъ высокій, на четырехъ ножкахъ столъ. Между концемъ этой скамьи и печью, у задней стѣны, стоитъ деревянная кровать съ вязкою соломой и какой нибудь покрывшкою, а надъ нею нѣрѣдко виситъ люлька (колыска). Въ промежуткѣ между кроватью и печью приделанъ къ стѣнѣ шкафикъ съ тремя узенькими полочками для глиняной посуды (называемый «подышоръ» (podyszor)). Въ послѣднемъ углу, у самыхъ дверей, противъ печи, въ нѣкоторыхъ избахъ готовится мѣсто съ подстилкою изъ соломы для помѣщенія зимою телятъ. Въ избѣ—дымъ, мусоръ, грязь.

Пища Лемковъ скудна. Вмѣсто хлѣба ржаного и пшеничнаго, который какъ лакомство покупаютъ въ городѣ, здѣсь пекутъ такъ называемые «оципки» (oczypki), т. е. лепешки изъ овсяной муки и тертаго варенаго картофеля. Картофель же, съ прибавленіемъ еще кое-какихъ овощей, составляетъ и главное средство пропитанія Лемковъ. Плодовъ потребляютъ мало: немного сливъ, да дикія груши и яблоки, ѣдятъ ихъ и незрѣлыми и сушеными на печи.

Такъ какъ земледѣліе не даетъ Лемку достаточно средствъ для содержанія семьи и уплаты податей, то онъ занимается откармливаніемъ рогатаго скота (крупнаго и овецъ), который по веснѣ закупаетъ въ Венгріи, а осенью продаетъ, получая до 40—60% прибыли, не считая стриженной шерсти. Промысла—никакого, если не считать заготовленія досокъ для бочекъ за дешевую цѣну для Евреевъ. Женщины ткутъ сукно и полотно, но то и другое грубо и годно лишь для домашняго обихода.

Все увеличивающееся размноженіе населенія и это отсутствіе промышленности заставляютъ въ послѣднее время Лемковъ отправляться на заработки въ Америку, и только скопивши нѣсколько сотъ гульденовъ возвращаться на родину. На заработки уходятъ обыкновенно молодые неженатые парни и изрѣдка дѣвушки.

Росту Лемки обыкновенно бываютъ средняго или выше средняго, по цвѣту волосъ, которые отпускаютъ чуть не до плечъ, Лемки преимущественно шатены и темно-шатены, съ примѣсью больше brunetовъ, чѣмъ blondinovъ, женщины же обыкновенно блондинки пополамъ съ шатенками, brunетки встрѣчаются рѣдко. Глаза какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ бываютъ одинаково и свѣтлые, и темные. Лицо, совершенно выбритое, бываетъ нѣрѣдко продолговатое, обыкновенно овальное и изрѣдка—круглое, послѣднее чаще всего у женщинъ. Носъ у мужчинъ обыкновенно прямой, но встрѣчается и болѣе или менѣе вздернутый, представляющій вмѣстѣ съ тѣмъ обычное явленіе у женщинъ.

Выраженіе лица у Лемка спокойное, ровное, иногда какъ бы апатичное; движенія не такъ тяжелы и болѣе свободны, чѣмъ у другихъ Русскихъ.

Наиболѣе характерною частью въ нарядѣ Лемка является «чуха» (czuha) изъ грубаго, обыкновенно сѣраго, иногда буро-чернаго сукна, длиною ниже колѣнъ, безъ воротника, съ пришитою около ворота «галеріею» (четыреугольнымъ кускомъ того же сукна), спускающейся отъ шеи и плечъ до лопатокъ; изъ подъ этой «галеріи» висятъ длинныя, почти до колѣнъ рукава, сшитыя на концахъ и украшенные, такъ же какъ и галерія, бахромой. Рукава эти служатъ обыкновенно вмѣсто кармановъ; но зимою или въ ненастье ихъ одѣваютъ и на руки, чтобы удобнѣе было запахнуть всю чуху, тогда и галерія одѣвается на голову. Чуху носятъ только путники да пастухи.

Рядомъ съ чухой, но чаще ея, носятъ гуню (gunia) суконную съ узенькими воротничкомъ, длиною до половины бедра. Гуню въ рукава одѣваютъ только въ необходимость; обыкновенно же ее только застегиваютъ подъ подбородкомъ и оставляютъ висѣть за спиной или сбоку. За гуней слѣдуетъ сердакъ (serdak)—кафтанъ безъ рукавовъ изъ тонкаго сукна для праздниковъ, изъ толстаго—для повседневнаго употребленія. Рубашки носятъ короткія, до пояса и безо всякихъ украшеній и нашивокъ. Штаны—изъ бѣлаго или чернаго сукна—имѣютъ спереди венгерскій фартучекъ, обшитый по краямъ шнуркомъ, такъ же какъ и швы по ногавицамъ; стягиваются они у пояса узенькими ремешкомъ. Шляпы носятъ черныя, широкія съ большими подлатыми по венгерски полями.

Женщины носятъ рубашки полотняныя, по праздникамъ перкаленыя безо всякихъ украшеній и нашивокъ; юбка—по буднямъ синія полотняная, по праздникамъ перкаловая разныхъ цвѣтовъ—не доходитъ до подола рубашки; поверхъ юбки бѣлый или черныя передникъ («запасака») безо всякихъ украшеній. Поверхъ рубашки «горестъ» яркочерный или синий. Ожерелій носятъ мало: нѣсколько шнурковъ на самой шеѣ. На плечи накидывается покрывало (gantuch) безъ украшеній.

Волосы дѣвушки заплетаютъ въ одну косу, въ конецъ которой выставляютъ ленточку, а женщины заплетаютъ въ двѣ косы и укладываютъ гладкими крутами на затылкѣ, а сверху одѣваютъ маленькій плотно прилегающій къ головѣ чепчикъ. Поверхъ чепца платокъ бѣлый или цвѣтной, концы котораго скрещиваются подъ подбородкомъ и завязываются на шеѣ.

Рѣчь Лемковъ отличается прежде всего очень частнымъ употребленіемъ частицы *leń* ¹⁾ (*leń*), отъ которой они и свое названіе получили; затѣмъ идетъ польско-словацкая акцентовка: *jicháty, wérba, stóit, przyjateľu, wódá, molòko, tèkło*.

Другую особенность представляетъ окончаніе прошедшаго времени (собственно причастія прошедшаго времени) *l=ł*, заимствованное, по мнѣнію Конерницкаго, отъ Поляковъ или Словаковъ, вмѣсто общерусскаго *w* (*e* или *ŷ*) ²⁾, напр. *leżał*—лежалъ, *chodzył*—ходилъ. Далѣе, послѣ гортанныхъ, въ особенности послѣ *k, ch* и *h* употребляется у (*y*) ³⁾ вм. *i*: *hrichy, muku, weluku, chyža, rohu* и т. д. Согласный *t* (*т*) на концѣ бываетъ обыкновенно твердымъ, напр. въ словахъ *piat* (пять вм. пять) и *dwadcat* (двадцать вм. двадцать), *stóit, sedyt, wodyt* и т. д. (здѣсь *t* (*т*) твердое какъ и въ руссконъ языкѣ (великоруссконъ) въ противоположность малорусскому *narѣčij*), хотя не исчезло и мягкое, напр.: *putь, starist'* (старость), *mašt'* (машть) и т. д.

Кромѣ того, въ языкѣ Лемковъ слышится довольно много словъ и выраженій, не встрѣчающихся въ другихъ русскыхъ нарѣчіяхъ, напр. *szumnyj* и *szumnyj* (шумный и шумный)—красивый, *hudda*—музыка, *sem* и *heu*—здѣсь, *otkal*—откуда, *pe-je* и *dazbi* (*dast Bih*—дастъ Богъ) въ значеніи и *ѣтъ* (малорусское *нема*), Богъ подастъ. Также въ большонъ ходу сокращенія, неупотребительныя въ другихъ нарѣчіяхъ, напр.: *pò-je* вм. *pod' leń*—ну, или же! *smò-łeń* вм. *smotry-łeń*—смотри же! *smò-łe-smò*—смотри жъ ты: *pò-łe-po* не можетъ-быть! не возможно!

Отъ Лемковъ Конерницкій перешелъ къ другому русскому племени, которое, при большонъ сходствѣ съ предыдущимъ, представляетъ однако и свои особенныя отличительныя черты. Уже самый видъ жилищъ показываетъ, что здѣсь живутъ другіе люди. Хотя жилище помѣщеніе и стоитъ подъ одной кровлей съ хозяйственными постройками, какъ и у Лемковъ, но зданія расположены иначе, сдѣланы тщательнѣе и содержатся опрятнѣе. Самая изба внутри обтесана и выбѣлена, съ большими широкими окнами

¹⁾ Испорченное словенское *leń*—только, вмѣсто южнорусск. *линь* и *тиль* и т. д.

²⁾ Конерницкій Великоруссконъ считаетъ, конечно, русскими и языкъ ихъ—россійскимъ, а не русскимъ, и потому, говоря о южнорусскихъ нарѣчіяхъ, не считаетъ нужнымъ привлекать къ сравненію русскій языкъ (языкъ образованной части народа) и великорусскія нарѣчія. *l=ł* у Лемковъ есть лишь исконное общеславянское, а стало быть и русское, окончаніе, въ сравнительно недавнее время перешедшее у малоруссовъ и (бело-)руссовъ въ *e=ŷ*, а у Сербовъ въ *o*.

³⁾ Тоже сохранилось изъ древнерусскаго языка.

Убранство избы почти такое же, какъ у Лемковъ, но столъ въ большомъ углу устроенъ иначе: здѣсь онъ представляетъ собой длинный глубокий ящикъ на низенькихъ ножкахъ, отодвижная крышка котораго замѣняетъ верхнюю плоскость стола.

Отличаются Полонинцы отъ Лемковъ и своимъ бытомъ. Земля у нихъ болѣе удобна для обработки, и трудъ земледѣльца вознаграждается лучше. Поэтому они уже менѣе занимаются скотоводствомъ и овецъ держатъ только для своего пользованія, а не для продажи, но крупный рогатый скотъ откармливаютъ и для продажи.

Пища Полонинцевъ лучше, чѣмъ у Лемковъ, вслѣдствіе большаго употребленія молочныхъ продуктовъ и овощей: кромѣ картофеля и капусты здѣсь растутъ морковь и брюква, а чеснокъ родится въ такомъ изобиліи, что его сбываютъ даже въ Венгрію.

Въ физическомъ отношеніи Полонинцы менѣе отличаются отъ Лемковъ: такъ же преимущественно средняго роста, хотя малорослые здѣсь чаще встрѣчаются, чѣмъ у Лемковъ; такъ же преимущественно шатены (темно-русые), но блондиновъ меньше, чѣмъ у Лемковъ, свѣтлые глаза чаще темныхъ; лица больше овальныя, чѣмъ продолговатыя, но встрѣчаются и круглыя; точно также и носы болѣе прямые, но встрѣчаются изрѣдка и горбатыя, чего у Лемковъ, по наблюденіямъ Коперницкаго, не встрѣчается.

Но главное отличіе Полонинцевъ отъ Лемковъ заключается въ одеждѣ. Тутъ прежде всего приходится отмѣтить, что и мужскіе и женскіе наряды Полонинцевъ обыкновенно бываютъ богаты различными украшеніями и вышивками въ противоположность Лемкамъ, у которыхъ не бываетъ на одеждѣ никакихъ украшеній. Рубашка, которую здѣсь шьютъ длиннѣе, вышита по вороту, рукавамъ и груди различнымъ гарусомъ, и кромѣ завязки около шеи застегивается по серединѣ груди особкою запонкою; подъ кафтаномъ безъ рукавовъ («лайбикъ») и гуней («сиракъ»), красиво вышитыми бѣлыми и красными шнурками, носятъ черезъ плечо гладкую кожанную торбу (кобіўка) или полотняную (цидыло). Носятъ также и чуку, которую здѣсь называютъ «сзариw» (чапивъ), но «галерія» у ней совсѣмъ иного покроя и съ различными украшеніями. Еще болѣе отличается отъ Лемковскихъ костюмовъ женскій нарядъ. Праздничный нарядъ здѣшней женщины состоитъ изъ юбки («fartuch») изъ домашняго полотна, не очень длинной, бѣлаго передника («запаска»), бѣлаго платка, наброшеннаго на голову (у Лемковъ—только на плечи) и спускающагося сзади ниже колѣнъ, обвитыхъ чернымъ шерстянымъ шнуркомъ («волоктъ»). Уборъ дѣвушки отъ убора женщины отличается только тѣмъ, что волосы дѣвушки заплетаются въ одну косу, спускающуюся на спину, и платокъ не покрываетъ голову, а набрасывается только на плечи. Корсетовъ здѣсь не носятъ, замѣняя ихъ «лайбиками» изъ тонкаго сукна въ родѣ мужскихъ, и вмѣсто чепчиковъ носятъ разноцвѣтные платочки (завійки).

Говоръ Полонинцевъ, хотя вообще и близкій къ Лемковскому, имѣетъ однако и свои отличія. Прежде всего характерное лемковское лѣмъ у Полонинцевъ почти не употребительно; затѣмъ удареніе въ словахъ ставится почти всегда правильно, какъ и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ, напр. держу, голова и т. д. И въ лексическомъ отношеніи говоръ Полонинцевъ отличается отъ лемковскаго употребленіемъ особыхъ названій для вещей, общихъ обоимъ племенамъ, напр. здѣсь говорятъ сзариw вм. szuba, sirakъ вм. gupia, lajbykъ вм. serdak, palenycia и opalanokъ вм. oszczupokъ и т. д.

Отъ Полонинцевъ, переправившись черезъ р. Сянь, Коперницкій попалъ къ новому племени русскихъ горцевъ, Бойкамъ. Внѣшній видъ ихъ поселковъ мало чѣмъ отличается отъ селеній Полонинцевъ; только строенія еще болѣе разбросаны да избы снаружи обмазаны глиной и на оконныхъ рамахъ видны бѣлые кресты, которые хозяинки ежегодно въ день Богоявленія чертятъ ржаной разведенной въ водѣ мукою ¹⁾. Болѣе всего поразило ученаго путешественника въ поселкахъ Бойковъ обиліе здѣсь Евреевъ: чуть ли не каждая пятая или шестая изба принадлежитъ Еврею. Въ одной деревнѣ Либухорѣ, надъ р. Стрѣмѣжъ, говорятъ, живетъ евреевъ до 250 чел.

¹⁾ Обычай, употребительный и въ Россіи. У насъ чертятъ ихъ, чтобы освятить домъ на цѣлый годъ и отогнать злого духа.

Свой бытъ Бойки могли бы устроить гораздо лучше, еслибы не легкомысліе и пристрастіе къ водкѣ, которыми и пользуются ихъ односельцы израильскаго племени. Бойки предприимчивѣе и подвижнѣе Лемковъ и Полонинцевъ, земля здѣсь плодороднѣе, есть хорошіе луга для пасбищъ. Кромя того Бойки торгуютъ и скотомъ.

Характеръ Бойковъ, по словамъ Коперницкаго, «живой и даже огненно-страстный», чѣмъ они сильно отличаются отъ своихъ сосѣдей по ту сторону Яна. Въ гнѣвѣ они жестоки и за обиду, особенно если мотивы или выполнение ея низки и подлы, встать ужасно, избивая виновнаго, «щобы горы зналы, якихъ мають хлопцибъ».

Въ физическомъ отношеніи Бойки отличаются отъ Лемковъ и Полонинцевъ тѣмъ, что при такомъ же среднемъ или выше средняго ростѣ (высокій ростъ встрѣчается чаще низкаго) они построены крѣпче и пропорціональнѣе, въ движеніяхъ живѣе и ловче. Лица здѣсь часто бываютъ круглыя съ болѣе или менѣе вздернутымъ носомъ, но встрѣчаются носы и горбатые.

Нарядъ Бойковъ, какъ мужской, такъ и женскій сильно отличается отъ нарядовъ Лемковъ. Прежде всего Бойки вмѣсто чулки съ галеріей носятъ сиракъ въ родѣ сирака Полонинцевъ, но только гораздо длиннѣе и съ карманами съ обѣихъ боковъ. Подъ сиракъ поверхъ лабика безъ рукавовъ носятъ «куртакъ» изъ толстаго сукна, доходящій до бедеръ. Рубашки носятъ изъ толстаго полотна, но богато вышитыя, какъ и остальные части наряда, шелкомъ и шерстью разныхъ цвѣтовъ.

Въ женскомъ нарядѣ еще больше отличій, начиная съ прически. Здѣсь дѣвушки и женщины чешутъ волосы на двѣ косы и, вплетши въ нихъ особыя плетенки изъ краснаго гаруса, оканчивающіяся такими же кистями, спускають по спинѣ до крестца, а здѣсь онѣ прикрѣпляются при помощи особаго пояса изъ шерсти («попружка»), такъ что кисточки плетенокъ высовываются изъ подъ пояса на самой серединѣ лопатокъ. Дѣвушки же повязываютъ эту «пипружку» такъ, что концы ея приходится по обѣ стороны висточекъ плетенокъ и вмѣстѣ съ ними образуютъ на крестцѣ бахраму, раздѣленную на четыре кисти.

Женщины и дѣвушки носятъ бѣлыя полотняныя юбки, собранныя наверху въ мелкія складки, а на подолѣ расшитыя цвѣтнымъ или чернымъ шелкомъ. Рубашки точно такъ же расшиты уборами и сверху, и снизу.

Голову женщины повязываютъ крѣпко небольшимъ шелковымъ платочкомъ, подложивши подъ него надо лбомъ небольшой твердый кружокъ, а сверху накладываютъ бѣлый тонкій, полотняный или шелковый платокъ, концы котораго завязываются подъ подбородкомъ. Чепчиковъ и такихъ головныхъ платковъ, какъ у Лемковъ и Полонинцевъ, здѣсь не носятъ.

Языкъ Бойковъ, по словамъ Коперницкаго, болѣе всѣхъ другихъ горскихъ нарѣчій, приближается къ малорусскому («украинскому», какъ онъ выражается) по своей свободѣ акцентировки и по фонетическимъ особенностямъ. Но есть въ немъ и мѣстныя слова и выраженія, невѣдомо, по мнѣнію Коперницкаго, откуда и какъ зашедшія и образовавшіяся, напр. *ciatu* и *ciamka*—немного, пукос—ничто, *wal* и *anecz*¹⁾—ну, же (напр. *chodý-wal*, *anész chodý*—иди же, ну ступай!), *rak*—потомъ, послѣ (*ja ty rak prunesu*), *horí, dolí*—вверхъ, внизъ (ср. горѣ, долу, дат. над.), *gynok*—дворъ, *magha*²⁾—скотъ, *Bohońko*—уменьшен. Богъ, *Bohonyka* (а *dan Bohonyko terjo*). Коперницкому удалось встрѣтить и старорусскія выраженія: *дань*, *реку*, *кмель*—важный богатый человекъ.

Коперницкій отмѣчаетъ интересное явленіе, что въ мѣстностяхъ надъ Стрыемъ, уже дѣтъ двѣсти заселенныхъ преимущественно мелкою «загоноюю» шляхтою, языкъ Бойковъ не подвергся измѣненіямъ и, напротивъ, шляхтичи, принявши обрядъ и языкъ русскій, даже и между собою не говорятъ по-польски, хотя и по-ближайшимъ съ «*schmatami i mudiami*»: не заключаютъ съ ними браковъ, въ отличіе отъ шужиковъ стригутъ голову, отпуская усы и башенбарды, носятъ шалы и стуртки изъ домашняго

¹⁾ *Anecz* изъ словенскаго *anot*.

²⁾ Ср. хорватск. *magha* и *magva* съ тѣмъ же значеніемъ.

сукна и шею повязываютъ платкомъ. Отличаются «шляхтичи» и своими постройками, которыя иногда стоятъ даже не подъ одною кровлею съ жилищемъ, а въ этихъ послѣднихъ бывають иногда каминны, большія окна и у входа крылечки на столбахъ.

Въ заключеніе надо сказать, что Бойки сами себя называютъ «Верховинцами», а названіе «Бойковъ» считаютъ браннымъ.

Отъ Бойковъ, перейдя черезъ верховья р. Стрыя въ долину р. Оравы, Коперницкій попалъ къ Тухольцамъ. Здѣсь ему представились и страна и жилища и люди совсѣмъ иные. Большіе густые лѣса, старательно оберегаемые; деревня, не сбившаяся въ кучку у рѣки или потока, а разбросанная по горамъ на большомъ пространствѣ: не только дворы съ огородами, но даже и поля огорожены низкими загородами изъ жердей.

Хозяйственныя постройки уже не тѣснятся подъ одною кровлею съ хатою, а стоятъ особо, обыкновенно позади ея. Самая хата построена старательно съ различными украшеніями и пристройками; внутри изба обмазана глиною и зачастую выбѣлена. Около оконъ и на стѣнахъ, какъ избы, такъ и другихъ построекъ видны такіе же кресты, какъ и у Бойковъ. Внутренность избы, которая и здѣсь курная, все таки гораздо приличнѣе, чѣмъ у Лемковъ и Бойковъ. Для телятъ въ избѣ мѣста уже нѣтъ. Обстановка избы такова же и такъ же расположена, какъ у Бойковъ, только все сдѣлано почище, покрасивѣй и съ различными рѣзными украшеніями. Самою драгоценною вещью въ хатѣ считается столъ въ видѣ большого ящика съ большою и толстою, нерѣдко яворовою, столешницею, зачастую изъ одного куска дерева: столы эти переходятъ по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ и нерѣдко бывають старѣе самой хаты.

Плодородная нива и богатая пастбища щедро вознаграждаютъ трудъ работника, и Тухольцы поэтому довольно зажиточны. Въ затруднительныхъ случаяхъ богатые помогаютъ менѣе зажиточнымъ, и Евреямъ здѣсь не удается хорошенько поживиться.

Зажиточность Тухольцевъ сказывается и въ пищѣ, которая здѣсь гораздо разнообразнѣе и питательнѣе, чѣмъ у Бойковъ: кромѣ молочныхъ продуктовъ и зелени, ѣдятъ и мясо довольно часто, осенью—баранину, а въ праздники Рождества и Пасхи—свинину. Люди здѣсь все здоровы и рослы: низкій ростъ встрѣчается очень рѣдко, а высокій—довольно часто. Лица больше овальные или продолговатыя, чѣмъ круглыя; носы—прямые, но вздернутые и горбатые тоже нерѣдки. Усы совсѣмъ не брѣютъ, а только до половины подбривають сверху подъ носомъ. Тухольцы преимущественно шатены (темнорусые), а блондины и брюнеты между ними встрѣчаются рѣдко. Глазъ больше темныхъ, чѣмъ свѣтлыхъ.

Нарядъ Тухольцевъ въ мелочахъ сильно разнится отъ наряда Бойковъ. Шляпу здѣсь носятъ невысокую съ плоскимъ дномъ и довольно широкими слегка приподнятыми съ боковъ полями; для красы обшиваютъ цвѣтной ленточкой съ пуговкой и павлиньимъ перомъ съ одной стороны. Рубашки носятъ длинныя, ниже колѣнъ, на выпускъ, опоясываясь широкимъ ремнемъ съ тремя пряжками. Передъ рубашки собраны въ складки и расшиты. Остальныя части мужского наряда такіе же, какъ у Бойковъ.

Женщины, убирая голову, заплетаютъ волосы въ двѣ косы съ такими же плетенками, какъ у Бойковъ, и спускають на плечи, а поверхъ надѣвають маленькій чепчикъ изъ цвѣтной шелковой матеріи, туго натянутый на тонкій деревянный кружокъ; чепчикъ украшается родомъ большихъ шпильекъ съ блестящими головками. Отъ чепца внизъ между косъ спускаются длинныя красныя ленты («ушки»). Поверхъ чепца надѣвается бѣлый платокъ, который завязывается на шеѣ «по венгерски», т. е. поверхъ двухъ другихъ вмѣстѣ сложенныхъ концовъ. Рубашки длинныя, на груди и рукавахъ собранныя въ складки.

Юбка изъ грубаго небѣленаго полотна собирается наверху сзади въ складки и по складкамъ вышиивается; такъ же вышиита по подолу. Передникъ (рійка), короче юбки, изъ того же полотна и такъ же украшенный складками и нашивками. Шею охватываетъ узкая плетенка изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ бусъ, а подъ нею, спадая на грудь, нѣсколько шнурковъ крупныхъ стеклянныхъ бусъ.

Дітячий караць гомонить як, крім чина і умиць, которим в жіноцям одівають только на праздники. В будні жінки на голові повязаного голову квіткми наплетки, а дітяки—бѣлинь.

Річ Тучацьскъ нѣмь сплывається зъ річи Бѣлитою и еще болѣе приближається къ «украинской», не вѣдѣть съ рѣчи Бѣлитою удерживають галицько-русьское і км. и (иъ): напр. «*hōtejkō tobi gidnejkō detupojkō*». Крім того вѣдѣть своеобразную акцентовку нѣкоторыхъ словъ, напр.: *wesijō* и *lajewijō*. Дал на ову (ови): *wolowu*, *żydowu* и т. д. Слѣдуетъ стѣбитъ также и нѣкоторые нѣстныя слова и выраженія, напр. *gipa* ¹⁾—картофель, *rohag*—шолъ, получившесѣ послѣ сожженія лѣса, *braszem* и *bratciō*—брѣтскъ, брѣтнина, *sekin* и *serochkin*—*biedaczysko*, *merendia*—ѣда, *piszuj wiz*—возъ на волѣхъ, *piszia mō żona*—позна его жена, *piszow wozom* ии, *pojichaw wozom*—возкаль изъ восу, запряженномъ волани, *bodaj wikuwaly* или *bodaj im wisłok*—дай Богъ долгіе годы и т. д.

* *

Наконецъ Коперникій пональ и къ Гуцуламъ, живущимъ по верховьямъ р. Пруга и первымъ его горнымъ притокамъ Лучки, Пштынки, Рѣбоницы и Черемоша. Это, по словамъ ученаго путешественника, самое оригинальное изъ горно-руськихъ племенъ: «Гуцулы въ особенности представляютъ намъ не только въ своей наружности, но и въ особенностяхъ своего быта столько нетронутой оригинальности, что, съ любопытствомъ наблюдая ихъ, каждую минуту долженъ какъ бы напоминать себѣ, что находишься среди русскаго люда».

Уже самый видъ деревни не похожъ на все, видѣнное нами до сего времени. То, что здѣсь называется деревней, состоитъ изъ построенной на пригоркѣ надъ рѣчкою церкви, плебаніи, и деревенской школы вблизи церкви, изъ глинянаго прилепленія, корчимъ немного подальше и нѣсколькихъ разбросанныхъ по горамъ вдоль потока и большой дороги домовъ съ окружающими ихъ огородами и «царынками». Если домовъ этихъ сравнительно много, то большая часть ихъ принадлежитъ Епаріи, такъ какъ значительная часть населенія одной и той же деревни или прихода живеть расцѣплено по горамъ во всѣ стороны, зачастую въ разстояніи 1—1½ миль отъ церкви.

Каждая семья живетъ отдѣльно, и при томъ на значительномъ разстояніи одинъ отъ другой, посреди своихъ обнесенныхъ изгородями садовъ, огородовъ, полей. Ворота или калитокъ въ этихъ загородахъ не имѣется: вѣхоходъ, дошедши по тропинкѣ до загородки, перелѣзаетъ черезъ нее, всадникъ—снимаетъ 1—2 жерди сверху, чтобы конь могъ перешагнуть черезъ оставшіяся, а для телеги приходится разобрать цѣлое звено изгороди.

Оригинально устройство хозяйственныхъ построекъ у Гуцуловъ: всѣ онѣ пристраиваются къ жилищу, такъ что одну стѣну каждой изъ нихъ, напр. конюшни, свѣрая представляетъ наружная стѣна избы, а крышею служитъ продолженіе крыши избы. Такимъ образомъ вѣншній видъ гуцульской избы зависитъ отъ степени зажиточности хозяина: у бѣднаго пристройки сдѣланы только съ одной стороны, у болѣе зажиточнаго—съ двухъ и даже съ трехъ.

Избы у Гуцуловъ уже не куріи: дымъ изъ печи черезъ особую трубу выходитъ въ сѣни, а оттуда черезъ два небольшихъ окошка въ крышѣ—въ поодѣль. Стѣны внутри избы не бѣлены, а только гладко выстроганы. Внутреннее убранство избы такое же, какъ и у другихъ русскихъ горцевъ, и отличается только отсутствіемъ стѣнъ для выставки муравленой и красиво росписанной посуды; такой же посуды, какъ укрѣпленія, ставится и на верхнихъ полкахъ открытаго неструганнаго шкафа, развѣсана на стѣнѣ надъ лавкою около дверей.

Печь, стоящая, какъ и у вѣдѣль Русскихъ, у самой двери, сдѣлана изъ глины, а у богатыхъ даже сдѣлана изъ кирпича развѣсана и развѣсана. Въ переднемъ углу

¹⁾ Різа?

стоитъ столъ, а надъ нимъ нѣсколько образовъ (писанныхъ на бумагѣ), украшенныхъ рядомъ пасхальныхъ «писанокъ», расписанныхъ яицъ.

Столъ состоитъ изъ большой и толстой, нерѣдко яворовой доски, положенный вмѣсто ножекъ на двѣ такія же доски; эти доски въ свою очередь связаны для крѣпости поперечинами двумя посрединѣ и двумя внизу.—Широкая кровать, на обычномъ мѣстѣ, сдѣлана гораздо старательнѣе и украшена рѣзбой; постель состоитъ изъ толстыхъ и мягкихъ суконныхъ покрывалъ ¹⁾ мѣстнаго производства. Вообще изба у Гупула содержитсѣ въ несравненно большемъ порядкѣ и чистотѣ, чѣмъ у другихъ русскихъ горцевъ.

Плодородная почва, родящая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже кукурузу, богатая пастбища на полонинахъ, позволяющія держать огромныя стада овецъ, рубка и сплавка по Черемошу строеваго лѣса обезпечиваютъ Гупулу безбѣдную жизнь; но кромѣ того здѣсь процвѣтають и нѣкоторые виды промышленности обрабатывающей: дѣлается овечій сыръ (брындза), ткуются сукна и упомянутыя выше покрывала (кос), приготовляются деревянныя издѣлія, сѣдельныя луки, а въ последнее время стали получать распространѣніе красивыя токарныя издѣлія, и шерстяныя ткани.

Вслѣдствіе всего этого Гупулы и пищу могутъ имѣть и имѣютъ гораздо питательнѣе и лучше, чѣмъ другіе русскіе горцы. Кромѣ картофеля, по здѣшнему вичка или bigeszka, и кукурузы—своей или покушной, ѣдятъ вдоволь молочнаго и брынды, разныя овощи, въ особенности бобы, и даже мясо—баранину, обыкновенно копченую осенью, и свинину—въ Рождество, Пасху и Зеленые Святки (Троицынъ и Духовъ дни).

Коперницкій замѣчаетъ, между прочимъ, что у Гупуловъ нѣтъ нищихъ: кромѣ нѣсколькихъ калѣкъ на одной ярмаркѣ, ему не попадалось ни около церкви въ праздникъ, ни по дорогѣ.

Въ физическомъ отношеніи Гупулы отличаются замѣчательно крѣпкими и красивыми тѣлосложеніемъ и необыкновенно энергичными и свободными осанкою и движеніями. По большей части высокаго роста, Гупулы волосы имѣютъ преимущественно темнорусые, хотя много и черноволосыхъ (на 3 шатена 1 брюнетъ, по словамъ Коперницкаго), но глаза очень часто бываютъ свѣтлые; лица преимущественно овальныя съ прямыми, а нерѣдко и горбатыми носами. Волосы носятъ длинныя съ пробороми по срединѣ; усовъ не брѣютъ, нѣкоторые только подстригаютъ; носятъ обыкновенно опущенными внизъ, но нѣкоторые даже фабрятъ ихъ и закручиваютъ вверхъ по венгерски.

Женщины при такомъ же сильномъ и крѣпкомъ тѣлосложеніи отличаются, въ молодости, необыкновенною красотою («pięropolita uroda») и чаще, чѣмъ мужчины, бываютъ брюнетками, а глаза имѣютъ темныя.

Еще рѣзче становится отличіе Гупуловъ отъ ихъ сродичей вслѣдствіе оригинальнаго и живописнаго наряда.

Главною отличительною чертою нарядовъ гупульскихъ можетъ служить обиліе искусныхъ украшеній яркихъ цвѣтовъ и различныхъ блесковъ.

Мужчины носятъ шляпы почти такія же, какъ и Тухольцы, только даже и въ будній день опосланную золотымъ галуномъ, а въ праздникъ къ этому прибавляются страусовы перья и другія украшенія. Зимомъ вмѣсто шляпъ носятъ мѣховыя шапки трехъ покровъ, вазываемыя здѣсь dżumerja, szłyk и klepania.

Рубашки длиною до коленъ—полотняныя въ будни и бѣлыя бумажныя въ праздники—носятъ на выпускъ; украшеній на нихъ обыкновенно не бываетъ никакихъ, только у кисти рукава собираются въ складки. Шею поверхъ воротника рубашки покрываютъ цвѣтнымъ фуляромъ.

Поверхъ рубашки и въ праздникъ и въ будни носятъ keptaг, похожій на куртку или тулупчикъ безъ рукавовъ, замысловато изукрашенный шкурками и шерстяными шнурами разныхъ цвѣтовъ. Черезъ плечо виситъ неизбѣжная «tajstra», кожанная сумка

¹⁾ У автора—«z kosów». «Кос—толстое, косматое съ обѣихъ сторонъ сукно, покрывало». См. Словаръ Дубровскаго.

съ узоромъ изъ маленькихъ мѣдныхъ гвоздочковъ или колечекъ. За недостаткомъ тайстры носятъ и «ташки», т. е. сумки изъ шерсти. За ремешкомъ поясомъ виднѣются трубка въ жестяной оправѣ, складной ножъ въ мѣдной оправѣ и на мѣдной цѣпочкѣ (getez) и «мошенка» для денегъ, сдѣланная изъ бѣлой шкурки и собирающаяся на длинный ремешекъ; она, украшенная разноцвѣтными шкурками, кожаными кисточками и мѣдью, виситъ съ кѣлочкою отъ ножа виситъ на пояскомъ ремнѣ спереди и составляетъ главнѣйшее украшеніе въ нарядѣ Гуцула. Однако еще больше вниманія въ костюмѣ гуцульскомъ обращается на сердцаки и штаны.

Сердакъ—короткій, всего до бедеръ кафтанъ съ рукавами изъ толстаго домашнего сукна, дѣлается по мѣстамъ краснаго или темновиннаго цвѣта и бѣлаго, но всегда богато и замысловато вышитъ разноцвѣтными гарусомъ и украшенъ по поламъ множествомъ кисточекъ и шариковъ; носится на распаху, завязанный у шеи, и только въ дождь и холодъ надѣвается въ рукава.

Штаны—также изъ домашнего сукна обыкновенно ярко-краснаго («kraszenyci»), иногда чернаго («cholosznic»). другіе цвѣта какъ исключеніе—дѣлаются гораздо длиннѣе, чѣмъ нужно, и заворачиваются снизу до половины голени и даже до самаго колѣна и въ этотъ мѣстъ обведены богатою каймой въ палецъ ширины. Отъ этой каймы вверхъ по нитовцамъ сзади тянется такая же, только нѣсколько уже кайма до самаго верха штановъ. Разрѣзъ въ штанахъ дѣлается надъ правымъ пахомъ; носится онъ на ремешкомъ пояскѣ.

На ногахъ носятъ «chodaky» изъ свѣтлой кожи; подъ нихъ одѣваются или шерстяные вязаные чулки, или суконные чулки и онучи; и тѣ и другіе краснаго цвѣта. «Ходаки» стягиваются чернымъ шерстянымъ шнуркомъ (wołok); такимъ шнуркомъ обвязываются и чулки или онучи выше «ходаковъ».

Поверхъ всего этого наряда въ худую погоду одѣваются «сираки», длинные кафтаны, обыкновенно безо всякихъ украшеній, а зимой—длинные бараньи шубы, красиво расшитыя.

По праздникамъ и старые и малые носятъ въ рукахъ ясеневыя палки, красиво украшенныя мѣдью, на подобіе топорковъ.

Въ женскомъ нарядѣ прежде всего бросается въ глаза уборъ головы, не похожій на уборы женщинъ другихъ русскихъ племенъ: волосы не спускаются за плечи одною или двумя косами, какъ у другихъ, а расчесанные на двѣ косы укладываются вѣнцомъ на темені; дѣвушки по всей длинѣ косы вплетаютъ красный гарусъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усаживаютъ косу мѣдными пуговками. Пожилыя женщины въ праздникъ повязываютъ головы бѣлыми бумажными «перемитками» домашней работы съ концами, протканными красивыми разноцвѣтными уборами, молодыя замужнія повязываются большимъ красивымъ платкомъ, концы котораго съ бахромкой падаютъ на лобъ спереди и на шею съ обоихъ боковъ.

Другую особенность наряда Гуцуловъ составляетъ множество бусъ, покрывающихъ всю шею и даже грудь до пояса.

Рубашки носятъ полотнянныя въ будни и перкалевыя въ праздникъ, вышитыя на рукавахъ гарусомъ или бумагой красной, желтою и черной. Вмѣсто цѣлыхъ юбокъ носятъ двѣ шерстяныя запаски—одну сзади, другую спереди, стянутыя шерстянымъ же пояскомъ («попружка»). Затѣмъ и у нихъ, какъ и у мужчинъ, идетъ кептаръ, сердцакъ и ташка, а поверхъ всего этого въ грязную погоду надѣвается гугля, широкій плащъ изъ бѣлаго сукна безъ рукавовъ. Обувь такая же, какъ и у мужчинъ, только у дѣвушекъ праздничные «ходаки» украшены мѣдными пуговками. Зимой, а иногда и лѣтомъ, для верховой ѣзды женщины одѣваютъ поверхъ чулокъ ноговицы изъ бѣлаго сукна (cholosznie), доходящія выше колѣнъ и прикрѣпляемыя чернымъ шелковымъ шнуркомъ.

Говорятъ Гуцулы всегда, по привычкѣ, крикливо. Въ фонетическомъ отношеніи рѣчь Гуцуловъ отличается употребленіемъ мягкихъ k и g (k', g') вм. t' и d', напр. smerk' вм. smert', g'iekujem вм. d'ekujem и т. д.; затѣмъ я во многихъ случаяхъ звучитъ какъ e (je), напр. jejce вм. jajce, jérmarok вм. jágmarok, świetýj вм.

światyŋ, telie̯ вм. telà, porosié вм. porosià и т. д. Вмѣсто *ы* въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносятся и (i), напр. wibrau, powikiehalu, wisoko вм. wybrau, powutyiahaly, wysoko, и наоборотъ i часто произносятся твердо какъ у, напр. umià, ydè, у tak, у win skazaу. Слѣдуетъ отмѣтить еще мягкое произношеніе гласнаго *е* безъ видимой на то причины, напр.: opared nêho, dësiètoho, do têbe, rik hostëwyj, djetë, Panë nasz, moloďenkij и т. д. Интересно также смягченіе твердаго *л* (l) исключительно передъ у, которое здѣсь произносится средне между *л* и *ы*, такъ что и самое *л* тогда звучитъ средне между *лз* и *лъ* (l и l'), какъ и въ сербскомъ, напр. въ слѣдующей колядкѣ:

«Bożiaja matka si uzweselyła,
oj szo Chrysta ta porodyła.

Nëwirny żydë i tudà piszły
trawù kosyły, trawu mykały,
Chrystà szukaly, tam ho nê naszły.

Изъ грамматическихъ особенностей встрѣчается окончаніе 3 л. мн. ч. наст. вр. *zè* съ удареніемъ вм. at или at', напр. boliè вм. bolat, blyszciè вм. blyszczat, но рѣдко. Затѣмъ, какъ слѣдъ аориста, сохранилось окончаніе *ch*, повидному, какъ замѣчаетъ авторъ, для обоихъ чиселъ и всѣхъ лицъ, напр.: a ja si pidpysà szčobych, widdaŋ; jek bych si zhodyly, to ja wam prodam ¹⁾.

Форма будущаго времени отличается отъ южнорусской употребленіемъ вспомогательнаго яти (jaty) не послѣ главнаго глагола, а передъ нимъ, напр. шу-szukatu вм. szukatu-шу, mesz-pysatu вм. pysati-mesz и т. д. Наконецъ обращаетъ на себя вниманіе образованіе формы превосходной степени прилагательныхъ посредствомъ волошской (румынской) частицы *maŋ* ²⁾, принятой по созвучію съ русск. най, напр. *maŋ bilszyj, maŋ hirsze*.

Въ лексическомъ отношеніи рѣчь Гуцуловъ богата особенностями. По словамъ г. Коперничаго, уже былъ изданъ довольно подробный сборникъ особенныхъ словъ, но автору удалось и самому порядочно записать словъ, не вошедшихъ въ тотъ сборникъ. Въ числѣ чисто-гуцульскихъ словъ и выраженій находится много и старорусскихъ, напр. *je h d a*—когда, *we r z y*—брось и *u we r h l a u lis ch o g o m y*, шуг—людь, народъ, *szlyk*. Затѣмъ, въ обращеніи находится довольно много словъ и выраженій волошскихъ, напр.: *bukát*—кусокъ, *fijuka*—крестная дочь, *flakèŋ*—паробокъ, *foja, ga-lagan, graŋda* и т. д. Наконецъ, встрѣчаются и сербскія слова, напр. *synoc*—вчера вечеромъ, *robratym* и *rosestra*, и т. д.. Кромѣ того, авторъ думаетъ, что при болшемъ знакомствѣ съ языками въ рѣчи Гуцуловъ можно найти не мало словъ, заимствованныхъ непосредственно или посредственно изъ другихъ языковъ.

* * *

Свою характеристику Гуцуловъ Коперничій заканчиваетъ сообщеніемъ, что племя это отличается «отъ всего русскаго люда недостаткомъ склонности и способности къ пѣнію и музыкѣ». То, что ему удалось слышать въ шинкахъ, можно было назвать скорѣе крикомъ, чѣмъ пѣсней; даже молодежь при своихъ танцахъ можетъ обходиться безъ пѣнія. Въ подтвержденіе своихъ наблюденій авторъ «слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, что Гуцулы вообще поютъ мало, даже на свадьбахъ, и что мелодіи ихъ пѣсень чрезвычайно бѣдны и совсѣмъ не разнообразны».

Эту черту, отсутствіе пѣнія и музыки Коперничій считаетъ общей характерной чертой для всѣхъ русскихъ горцевъ въ Галиціи, такъ какъ во время своихъ путе-

¹⁾ Изъ приведенныхъ г. Коперничій примѣровъ видно, что сохранилась собственно форма *buch* и употребляется для выраженія желательнаго наклонія, а стало-быть вполнѣ равносильна нашему бы, разница же только въ лицѣ: у Гуцуловъ—первое б *ы* хъ, у насъ—третье—б *ы*. Г. Коперничій на это, конечно, не обращаетъ вниманія.

²⁾ Рум. *maŋ* изъ лат. *magis*. Ир. II.

пестіні онъ не слышать пісень «ни въ полѣ на работѣ, ни въ лѣсу на пастбищѣ, ни въ деревнѣ по огородамъ». Разъ только, по словамъ автора, ему удалось слышать русскія пісни въ Либухорѣ надъ Стрымонь (среди Бойковъ), гдѣ танцы сопровождались распѣваніемъ «коломоекъ», а дѣвушки, по просьбѣ автора, спѣли ему нѣсколько обрядныхъ свадебныхъ пісень на мотивъ украинскихъ.

Представивши такія характеристики карпаторусскихъ племенъ, г. Коперницкій дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующій выводъ:

Галицкіе карпаторуссы во всѣхъ отношеніях, т. е. въ отношеніи жилищъ, быта, тѣлосложенія и рѣчи представляются народамъ совершенно отличными отъ русскаго населенія равнины, какъ всей прикарпатской Червоной Руси, такъ и Украины, Подолья и Волыни. Затѣмъ, и между ними выдѣляются двѣ наиболѣе характерныя группы—Лемки на западѣ, по притокамъ Вислы, и Гуцулы на юго-востокѣ, по верховьямъ Прута, которыя живутъ общаго только вѣроисповѣданіе и языкъ (да и то со значительными особенностями), а во всемъ остальномъ представляютъ не только отличіе, но даже «такія этнографическія противоположности, что большаго различія нельзя было бы указать даже между двумя народностями одной вѣтви, напр. между Словаками и Чехами». На равномъ въ этнографическомъ отношеніи разстояніи находятся Тухольцы и Бойки, представляющіе хотя и въ мелочахъ, но все таки довольно значительныя отличія одинъ отъ другихъ. Наконецъ, между этими послѣдними стоятъ Половники, представляя собою какъ бы переходную ступень отъ Лемковъ къ Бойкамъ...

Этимъ собственно и оканчивается этнографическій очеркъ Коперницкаго, такъ какъ далѣе онъ только говоритъ о неотлагательной необходимости болѣе продолжительныхъ и на большемъ пространствѣ производимыхъ изслѣдованій и наконецъ проситъ содѣйствія людей знающихъ: проситъ исправлять, дополнять и объяснять добытыя имъ данныя и присылать ему различные этнографическіе матеріалы...

Listy z českých dějin kulturních. Sepsal d-r Cenek Zibrt. V Praze. 1891. II—123 стр. Книга г. Зиберта весьма любопытна. Она состоитъ изъ 9-ти отдѣльныхъ небольшихъ статей, содержаніе которыхъ мы постараемся передать въ томъ объемѣ, какой можетъ быть оправданъ вниманіемъ къ ней съ точки зрѣнія этнографіи русской. Эти 9 статей легко могутъ быть объединены въ три группы. Первая группа заключаетъ въ себѣ три очерка, касающіеся вѣншей культурно-бытовой исторіи Чеховъ: объ употребленіи въ старину румянъ и бѣлиль (стр. 1—21), о символическомъ значеніи цвѣтовъ (стр. 49—64), объ употребленіи табаку (стр. 81—93). Во второй группѣ—четыре этюда по исторіи обрядовъ въ связи съ народной поэзіей: остатки старинныхъ жертвенныхъ обрядовъ (стр. 22—48), одна изъ предсвадебныхъ церемоній (стр. 75—78), питье св. Яна на свадьбѣ (стр. 79—80), свадьба уносомъ (стр. 102—117). Наконецъ къ третьей группѣ относятся двѣ замѣтки изъ области книжныхъ сказаній, получившихъ въ народѣ распространеніе и принявшихъ на себя колоритъ народной легенды: повѣсть о Мелюзинѣ въ народномъ пересказѣ (стр. 65—74) и повѣсть о кожѣ Жинки (стр. 94—101).

Древнѣйшее свидѣтельство объ обычаѣ румянить лицо у Чеховъ относится къ XIII столѣтію; затѣмъ вплоть до самаго конца XVIII-го вѣка (докуда доводитъ свое обозрѣніе авторъ) имѣются на существованіе и развитіе этого обычая указанія самыхъ разнообразныхъ памятниковъ, начиная съ лѣчебныхъ книгъ (какъ дѣлать румяна и бѣлила, составлять снадобья для того, чтобы сдѣлать кожу лица чистой и т. п.) и кончая нападками, иногда очень энергичными, писателей и проповѣдниковъ на этотъ обычай, неутодный Богу, такъ какъ, слѣдуя ему, человекъ старается дать себѣ другой видъ, нежели тотъ, который получилъ по волѣ Вожіей отъ природы. Впрочемъ, доводы враговъ этого искусственнаго украшенія съ теченіемъ времени мѣнялись: если въ раннюю пору достаточно было угрожать Вожіимъ гнѣвомъ и вообще пользоваться увѣщаніями характера нравственно-религіознаго, то позднѣе, въ XVII вѣкѣ, указывали

на то, что краска портитъ кожу, что искусственный румянецъ легко отличить отъ природнаго, и что вообще разумные люди смѣются надъ подобными средствами пріобрѣтенія красоты. Однако оба рода увѣщаній практиковались еще въ XVIII вѣкѣ; такъ Либертинъ (*De educatione juventutis*, 1713) говорить: «Долженъ ли молодой человекъ красить свое лицо? Конечно, нѣтъ, потому что отъ этого не только портится природный цвѣтъ лица, но и возбуждается гнѣвъ Божій» (стр. 17). Изъ этого, между прочимъ, видно, что разбираемому обычаю слѣдовали оба пола. Въ XVIII вѣкѣ перешла къ Чехамъ французская мода лѣпить на лицо звѣздочки, мушки, цвѣты и др. украшенія, нашедшая себѣ также своихъ обличителей.

Символика цвѣтовъ у старыхъ Чеховъ имѣетъ много общаго съ символической ихъ у другихъ народовъ, въ томъ числѣ и народа русскаго, что совершенно естественно въ виду ея общеевропейскаго и даже еще болѣе широкаго источника. Бѣлый цвѣтъ издавна означалъ у нихъ невинность, чистоту, святость; кромѣ того, онъ же служилъ для выраженія радости; съ другой стороны этотъ же цвѣтъ употреблялся какъ символъ траура, несчастья; въ параллель къ этому авторъ припоминаетъ чешское свидѣтельство изъ второй половины XVI вѣка объ обычаяхъ у Русскихъ, по которому вдова оплакиваетъ покойнаго своего мужа накрывши голову бѣлымъ покрываломъ, и такое же значеніе бѣлаго цвѣта у современныхъ Сербовъ. Красный цвѣтъ служилъ у Чеховъ для выраженія страстной привязанности, а видѣть его во снѣ означало побѣду надъ врагами и радость. Близкій къ ярко-красному цвѣтъ темно-красный предвѣщалъ во снѣ, напротивъ, несчастіе. Рыжій цвѣтъ волосъ отличалъ, по народному понятію, человека фальшиваго, хитраго. Голубой цвѣтъ—знакъ вѣрности, постоянства, а иногда надежды, также терпѣливаго страданія, нравственной чистоты. Зеленый цвѣтъ—надежда, радость, веселье. Желтый цвѣтъ издавна служилъ печатью поношенія, стыда; его предписывалось носить, между прочимъ, женщинамъ дурного поведенія; по свидѣтельству г. З., желтый цвѣтъ и въ настоящее время является нелюбимымъ въ чешскомъ народѣ. Эту невыгодную репутацію желтаго цвѣта отчасти раздѣляетъ съ нимъ и цвѣтъ сѣрый, который, впрочемъ, съ другой стороны служить символомъ тихой покорности. Пепельный цвѣтъ указываетъ на злую волю. Черный—означаетъ печаль, несчастіе, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ,—счастіе, радость.

Въ статьѣ о табакѣ г. З. передаетъ сначала вкратцѣ свѣдѣнія о первомъ появленіи его въ Европѣ: извѣстность его для Европы почти совпадаетъ съ открытіемъ Америки, откуда онъ былъ въ XVI вѣкѣ вывезенъ и привитъ къ европейской почвѣ, такъ что во второй половинѣ этого столѣтія онъ является въ Чехіи довольно распространеннымъ. Употребленіе его на первыхъ порахъ вызывало мнѣніе, что это—дьявольское дѣло; оно поддерживаемо было и тогдашними проповѣдниками, которые предсказывали курцамъ въ будущемъ муки ада; въ 1624 г. противъ табака издана была папская булла; но не смотря на все это, куреніе табаку быстро распространялось. Въ первой половинѣ XVII столѣтія стало распространяться въ Европѣ нюханіе табаку, и во второй половинѣ его этотъ видъ употребленія новаго зелья сильно практиковался и въ Чехіи, вызывая противъ себя также упрекъ проповѣдниковъ и воздѣйствіе церковной власти. Дальнѣйшіе успѣхи табака сдѣлали окончательно бесполезными такого рода мѣры, мѣсто которыхъ, въ дѣлѣ протеста распространенію табака, заняли въ настоящее время спеціально посвященные этому періодическія изданія и основанныя съ этою цѣлью общества (напр. французское *Société contre l'abus du tabac*).

Изъ остатковъ старинныхъ жертвенныхъ обрядовъ г. З. разсмотрѣны, на основаніи памятниковъ письменныхъ и устныхъ, слѣдующіе: снятіе съ пѣтуха головы ко-сой (соединяемое съ особой игрой, при чемъ исполняющій это старается убѣжать, чтобы не быть пойманнымъ другими участниками игры; это имѣло мѣсто на свадьбахъ, при окончаніи житва, на разныхъ сельскихъ празднествахъ; обычай этотъ наблюдаемъ былъ около половины нынѣшняго столѣтія, но теперь уже повсемѣстно вымираетъ) убіеніе деревянной саблей гуся или утки, закапываемыхъ по шею въ землю (при чемъ исполняющій это завязывалъ глаза), убіеніе годовалаго ягненка, сбрасываніе съ крыши или другого высокаго мѣста козла, отрываніе головы гусямъ, повѣшеннымъ на веревкѣ,

I.

«Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпными трудами черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная Татищевымъ. Книга первая. Часть первая». Москва. 1768.

1) Глава 4-я: о исторіи Іоакима Новгородскаго епископа, стр. 32—3: «По смерти Владиміра (сына Ванда) и матери его Адвинды княжили сынове его и внуки до Буривоя, иже девятый бѣ по Владимірѣ, имена же сихъ осми невѣдомы, на дѣла ихъ, развѣ въ пѣснѣхъ древнихъ воспоминають». Стр. 44—5: «Пѣсни древнихъ, хотя они не такимъ порядкомъ складываны, чтобъ за исторію принять было можно, однакожъ много можно въ недостаткѣ исторіи изъ оныхъ нѣчто къ изясненію и въ дополнѣ употребить, какъ видимъ Омера пѣснями нѣчто въ память оставившаго. Стрыковский въ недостаткѣ исторіи Литовской сказывалъ, что изъ пѣсенъ бралъ. Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ слышалъ, въ которыхъ жень его именали, такожъ о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣѣ Поповичѣ, Соловьѣ разбойникѣ, Дюлкѣ (sic) Стефановичѣ и проч. упоминають, и дѣла ихъ прославляють, и въ исторіи весьма мало или ничего; въ примѣру сему о Путятѣ п. 45 (въ примѣчаніи) я изъ пѣсни изяснилъ, но я жалѣю, что нынѣ такихъ пѣсенъ списать не досталъ».

2) Стр. 39: «Тысяцкій Владиміровъ Путята... мужъ смысленный и храбрый». Стр. 40: «людіе поносятъ Новгородцевъ: Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ». Стр. 50: «О Путятѣ нигдѣ Несторъ не упоминалъ, но есть Путять, токмо иной, въ пѣсняхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владиміра тако поють: противъ двора Путятина противъ терема Зыбатина, стараго Путяти темной лѣсъ; изъ чего можно видѣть, что знатный мужъ былъ».

3) Стр. 46—7: Юродивые и предсказатели.

4) Стр. 99: «Черемисы слово исотони толковали, господа рыбные, или богатые рыбами; они же всѣхъ купцовъ богатыхъ господами именуютъ, какъ то и у насъ въ простонародіи въ обычаѣ».

5) Стр. 105: «Мордва, Чуваша, Черемиса и пр. вся одного Сарматскаго рода и языка, хотя въ нарѣчіи не малую разность имѣють, однакожъ единъ другаго легко реченіе разумѣють».

6) Стр. 92: «Перешедъ за сіи горы (Ураль), якобы народъ спитъ шесть мѣсяцевъ». Стр. 105—6: «Спящіе 6 мѣсяцевъ: сія басня мною отъ того сложена, что для трудности прохода, мало въ ту сторону ходили, а особливо зимою для множества снѣговъ проходъ кромѣ лыжей былъ неудобенъ; ибо сіи горы поперегъ всюду не меньше 50 верстъ, а индѣ до 100. И какъ люди тамошніе въ то время не выходили, то сложили, якобы они все то время спятъ».

7) Стр. 106: «Около Понта народъ глупѣйшій: мно разумѣть (Геродотъ) Колхисъ, нынѣ Мингрелія или Милитинія, можетъ тогда сей вародъ таковъ былъ, правда и нынѣ не очень въ нихъ много мудрыхъ, однакожъ лестию, коварствомъ и лицемерствомъ не скудны, но и въ томъ Грузинцы ихъ превосходятъ».

8) Стр. 109—110: «Мартиньере въ лекс. геогр. сказуетъ, что они (Маиры) мазались синею краскою и что ширѣ, то честнѣе, отъ чего пикти (малеваные) названы, и якобы они въ Британію, потомъ во Францію перешли. Страленбергъ стр. 166. Сіе о Якутахъ и Тунгусахъ въ Сибири разумѣть, ибо оныя начерняя нитку на двѣ котла иглою, по за кожи по лицу, на груди и рукахъ протягивають, и разные узоры изображаютъ; оная сажая сквозь кожу видится синя, у нихъ кто болѣе такихъ узоровъ имѣетъ, тѣмъ болѣе похваляется, какъ я самъ такихъ довольно видалъ».

9) Стр. 110: «Татарской безымянной писатель о родословіи Чингизовомъ сказуетъ по преданію древнихъ, что *эмий* златоглавы, пришедъ въ Болгарію великой вредъ учинили, и многіе отъ оныхъ къ сѣверу и за горы (т. е. въ Сибирь) ушли; но сіе аллегорично о Персахъ сказуется, которое и по Персидской исторіи доказательно, что Персы около Рождества Христова на Козарѣ и Болгаръ войною ходя много по-

плѣнили, а Кизылбашъ званіе Персіанъ значить златоглавы, по злобѣ же ихъ зміями именовали».

10) Стр. 110—1: «Превращеніе въ звѣрей и птицъ во многихъ народѣхъ и недавно въ Германіи несмысленные вѣрили, но Геродотъ (превращеніе невровъ въ волковъ) благоразсудно почитаетъ (sc. не вѣритъ этимъ слухамъ); у насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладающие, сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышавшіе довольно вѣрили; но какъ я неудобности къ тому представилъ, то принуждены умолчать, однакожъ между подлостію весьма твердо вѣрятъ». Въ 1714 году ѣдучи я изъ Германіи чрезъ Польшу въ Украинѣ заѣхалъ въ Лубны къ фелдмаршалу (sic) Графу Шереметеву, и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и она съ пытки въ томъ винилась. Я хотя много представлялъ, что то не правда, и баба на себя лжетъ, но фелдмаршалъ нимало мнѣ не внималъ, я просилъ его, чтобъ позволилъ мнѣ ту бабу видѣть, и ея къ покаянію увѣщать, по которому послалъ онъ со мною адъютантовъ своихъ Лаврова и Дубасова. Пришедъ мы къ оной бабѣ, спрашивалъ я ея прилѣжно, чтобъ она истину сказала, на что она тоже что и въ распросѣхъ утверждала. Я требовалъ у ней въ утвержденіе онаго, чтобъ изъ трехъ вещей учинила одну: пилку, которую я въ рукахъ держалъ, чтобъ не дотрогиваясь вѣлѣла бѣ порваться, или свѣчѣ горѣвшей погаснуть, или бѣ въ окошко, которое я открылъ, вѣлѣла воробью влетѣть, обѣщая ей за то не токмо свободу, но и награжденіе; но она отъ всего отеклась». Потомъ я ея увѣщалъ, чтобъ покаялась и правду сказала, на оное она сказала, что лучше хочетъ умереть, нежели отпершись еще пытанной быть, и какъ я твердо увѣрилъ, что не токмо сожжена, но и пытана не будетъ, тогда она сказала, что ничего не знаетъ, а чарованье ея состояло въ знаніи нѣкоторыхъ травъ и обманѣхъ, что и достовѣрно утвердила, по которому она въ монастырь подъ началъ послана. Нѣкоторые на Финовъ сіе превращеніе приносятъ» (ссылка на гл. 17, прим. 38).

11) Стр. 129: «Обычай изъ головъ сосуды дѣлать былъ у многихъ восточныхъ народовъ».

12) Стр. 132: «Волскіе Калмыки, именуемые Торготы, имѣютъ обычай весною по равноденствіи выходить изъ зимовья къ Волгѣ и въ послѣднихъ числахъ марта или въ апрѣлѣ переходятъ за Волгу на восточную сторону, и по оной идутъ въ верьхъ до Саратова, а прежде какъ ихъ весьма много было, то и до Самары, въ августѣ пойдутъ назадъ, и въ сентябрѣ или октябрѣ пакы чрезъ Волгу ниже Царицына переправясь идутъ къ Каспійскому морю и къ Кумѣ по берегамъ въ тростникахъ зимуютъ, переходя для кормовъ скота неподалеку, какъ которому владѣльцу или роду отъ Хана назначено будетъ: ибо имъ камышъ или тростникъ награждаетъ недостатокъ дерева на дрова».

13) Стр. 133: «Лошадиное молоко, татарскій кумысъ, калмыцкое чиганъ, есть ихъ лучшее питіе, и подлинно сильно тучить, а наипаче для горячаго желудка весьма полезно, и кто привыкнетъ, непротивно, но холодному желудку для кислоты вредительно, противно тому сырѣ, а особливо къ чахоткѣ склонныхъ прѣсное молоко пользуется, что я довольно испыталъ».

14) Стр. 149: «Пигмении или Карлы съ журавлями воевающіеся; сущая баснь... Подобную сему басню у Кабардинцовъ нахожу. Въ горахъ тѣхъ есть родъ журавлей гораздо меньше ростомъ, но перьямъ много красивѣе нашихъ, и голосъ отгнѣивъ, кабардинской знатной Уздѣнъ разговаривая сказывалъ, якобы въ древности они были велики, и хохлы золотые имѣли, но такъ много вредили жителямъ на поляхъ, что не могли болѣе жить получить, и по многихъ съ ними битвахъ принуждены многіе оставя города нудя преселиться, но изъ Египта пришедшій волхвъ ихъ заклалъ хохлы, а другіе красоты перья отнялъ, ихъ учинилъ вполы меньше, и въ горы загналъ, что на поля летать съ того времени перестали, но сему и Кабардинцы другіе не вѣрятъ. Сія

басня не изъ тогожь произошла, что журавли малыхъ робить не любягъ, и нападая бьютъ, какъ то я многихъ имѣя довольно примѣтилъ».

15) Стр. 142: «Обыватели (о-ва Василии)... съ лошадиными ногами родятъся, и Иппоподи именуемыя». Стр. 157: «мню разумѣть ѣздящихъ на конѣхъ, когда переводчикъ не уразумѣлъ реченія, что не на своихъ, но на конскихъ ногахъ переходить, то за конскія ноги у людей разумѣлъ».

16) Стр. 218: «Мордва никогда ниже Суры по Волгѣ не жили».

В. Каллашъ.

Библиографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. I. Ленора (Женихъ—или братъ—мертвецъ). II. Шемякинъ судъ. Всякому, занимавшемуся сравнительно-исторической разработкой такъ называемыхъ «бродячихъ сказаній» и повѣрій, приходилось считаться при своихъ работахъ съ очень крупной помѣхой—отсутствіемъ библиографическихъ указателей, которые помогали бы изслѣдователю разобраться въ массѣ разсыянаго по тысячамъ изданій матеріала по фольклѣру, съ меньшимъ трудомъ подыскивать необходимыя данныя. Составленіе такихъ указателей, конечно, не подъ силу одному человѣку, потому что оно требуетъ слишкомъ разностороннихъ знаній и почти невозможной эрудиціи; они могутъ составляться только путемъ постепеннаго накопленія данныхъ, только совмѣстными усиліями многихъ представителей фольклѣра и смежныхъ научныхъ областей, — и, если они достигнутъ возможной полноты, будутъ цѣннымъ подспорьемъ для изслѣдователей: благодаря имъ можно будетъ безъ особеннаго труда охватить и привлечь къ сравненію весь наличный матеріалъ по данному вопросу, что и можетъ только дать наибольшую устойчивость и прочность выводовъ. Чтобы обратить вниманіе на этотъ крайне важный для развитія и научнаго процвѣтанія фольклеристики вопросъ, я задумалъ напечатать нѣсколько библиографическихъ этюдовъ по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. Конечно, они далеко будутъ отъ желательной полноты; я надѣюсь, что допущенные мною пробѣлы и промахи будутъ пополнены и исправлены другими фольклѣристами и историками литературы — такимъ образомъ подготовится нѣсколько страницъ для будущаго общаго фольклеристскаго словаря, которыхъ не будутъ, думаю, бесполезны и въ настоящее время.

Въ каждомъ этюдѣ матеріалъ будетъ расположенъ по двумъ отдѣламъ А и В—1) изслѣдованія и библиографическія указанія, 2) изданія памятниковъ. Краткое содержаніе сказаній будетъ приводиться только тогда, когда они малоизвѣстны. Если рѣчь будетъ идти о памятникахъ общензвѣстныхъ и неоднократно издававшихся, изданія не будутъ указаны, за немногими исключеніями. Въ приложеніяхъ къ этюдамъ будутъ приводиться иногда выдержки изъ наиболѣе рѣдкихъ и малодоступныхъ изданій.

I. Ленора (Женихъ—или братъ—мертвецъ) ¹⁾.

A. 1) Monthly Magazine, 1796, сент.; 2) Neue Berlinische Monatschrift, 1799, II, 389; 3) Bleibtreu, Geschichte der englischen Litteratur in der Renaissance und Klassicität, Leipzig, 1887, I, 256; 4) W. Grimm, Altdänische Heldenlieder, Balladen und Märchen, Heidelberg, 1821, 505; 5) Lach Szyrma, Uwagi nad Balladą, Bürgers-Leonora, Pamisłnik Naukowy, 1819, II, 275—282; 6) Fauriel, Chants populaires de la Grèce Moderne, Paris, 1825, II, 405; 7) W. Müller, Bürger's Lenore und ein neu-

¹⁾ При составленіи этого этюда я пользовался главнымъ образомъ указаніями, которыя даютъ въ своихъ работахъ гг. Созоновичъ и Bugiel.

griechisches Volkslied, Morgenblatt, 1825, №№ 125, 126; 8) W. Wackernagel, Einladungsschrift zur Promotionsfeier des Pädagogiums und zur Eröffnung des Jahrescursums 1835 in Basel; 9) idem, Altdutsche Blätter, 1836, I, 174—202 (zur Erklärung und Beurtheilung von Bürgers Lenore съ дополненіями Г. фонъ Фаллерслебена); 10) idem, Kleinere Schriften, Leipzig, 1873, II, 399—427; 11) Pröhle, G. A. Bürger, Sein Leben und seine Dichtungen, Leipzig, 1856; 12) Wollner, Der Lenorenstoff in der slavischen. Volkspoesie, Archiv für slavische Philologie, 1882, VI, 2, стр. 939—969; 13) Holzhausen, Die Ballade und Romanze von ihren ersten Auftreten in der deutschen Kunstdichtung bis zu ihrer Ausbildung durch Bürger, Zeitschrift für deutsche Philologie, 1883, XV, 2, стр. 129—194 и 3, стр. 297—345; 14) Psichari, La ballade de Lenore en Grèce, Revue de l'Histoire des religions, 1884, IX, стр. 27—64; 15) Πολίτης, Τὸ δημοτικὸν ἄσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ, Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς εταιρίας τῆς Ἑλλάδος ἐν Ἀθήναις, 1885, II, 193—261; 16) Biegeleisen, Tło ludowe ballady A. Mickiewicza p. t. «Ucieczka», Świt, 1885, II, №№ 10—16; 17) А. Н. Веселовскій. Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, XI, 71—9; 18) Десту-нись, Сказаніе о братѣ-мѣртвецѣ или женихѣ-мѣртвецѣ, ib. 1886, III, 76—100; 19) Cadicamo, La leggenda di Garentina. L'adolescenza, 1884, II, 65; 20) Созоновичъ, Пѣсни и сказки о женихѣ-мѣртвецѣ, этюдъ по сравнительному изученію народной поэзіи, Варшава, 1890, оттискъ изъ Варшав. Универ. Извѣстій (ре-ц. въ Библ. отд. «Русской Мысли» 1892, январь); 21) Bugiel, Eine kleinrussische Version der Lenorensage, Archiv f. Slav. Phil. 1891, XIV, 146—8; 22) Schmidt, Bürgers Lenore (Charakteristiken); 23) Boeckel, Zur Lenorensage, Germa-nia, XXXI, 1886, 117 f; 24) Liebrecht, Zur Volkskunde, Heilbronn, 1879, 195—7 и Germania, XXXV, 1890, 208; 25) Büchmann, Geflügelte Worte (12 A.), Berlin, 1880, 77 f; 26) Meyer, Aberglauben des Mittelalters etc. Basel, 1884, 357; 27) Mayer, Der Protesilaos des Euripides, Hermes, XX, 1885, 101—143; 28) Banmeister, Denkmäler des klassischen Alterthums, III, 1888, 1422; 29) Ждановъ, Къ литер. ист. рус. былевой поэзіи, Кіевъ, 1881, 230; 30) Revue des deux Mondes, 1866, LXIII, 407—9; 31) Аванасьевъ, Нар. русск. сказки, IV, Москва, 1873, 491; 32) Strodttmann. Briefe von und an Bürger, Berlin, 1874, I, 101; 33) Schlegel, Neuer deutscher Merkur, I, 394, 34) Herder, Werke, 1830, Zur schönen Literatur und Kunst, XX, 405; 35) Wagner, Deutsches Museum, 1852, 802 ff.

В. а) Русскіе варианты: 1) Созоновичъ, Русскіе варианты сказки «о женихѣ—мѣртвецѣ», «Рус. Филолог. Вѣстникъ», 1890, IV, № I, II, VII, VIII, IX; 2) Жуковский, «Ленора» и «Людмила».

б) Малорусскіе: 1) Bugiel, l. c.; 2) Головацкій, Нар. пѣсни Галиц. и Угор. Русь, 1878, I, 83, № 40; 3) Созоновичъ, Рус. варианты etc № IV, V, VI; 4) Lach Szyrma, l. c.; 5) Драгомановъ, Малор. нар. пред. и разк., 392—3; 6) Чубинскій, Труды этн. стат. эксл. въ Зап. Рус. край, II, 411—416; 7) Л. М. Старинская, «Живая могила» (малорусская легенда, «Кіевская Старина», 1889, X, 70—102; 8) Zegota Pauli, Pieśni, II, 37.

в) Вѣлорусскіе: 1) Созоновичъ, Рус. варианты etc., № III; 2) Добровольскій, Смоленскій Этнографическій Сборникъ, I, СПб., 1891, стр. 126—7.

д) Польскіе: 1) Lach Szyrma, Kamilla i Leon, Pamiętnik Naukowy, 1819, I, 358—366; 2) Kolberg, Lud, XIV, стр. 181—2, № 41 и VIII, 160; 3) Gołębiowski, Lud Polski, jego Zwyczaje, Zabobony, Warszawa, 1830, 171; 4) Wagner, Deutsches Museum, 1862, 802 ff; 5) Zeitschrift für Volkskunde, II, 144; 6) Mickiewicz, Ucieczka; 7) Zamarski, Podania i basni ludu w Mazowszu, w Wrocławiu, 1852, 121—132; 8) Chmielowski, Ballady Tomasza Zana, Studya i Szkica, II, 202; 9) Zawiliński, Ułamek polskiej «Leuory», Wista, 1891, 4, стр. 790—1.

е) Чешские: 1) Erben, Prostonárodní české písně a říkadla, v Praze, 1864, 472—3; 2) Sumlork (Krolmus), Staročeské powěsti, zpěwy, hry, obyčeje, slawnosti a nápěwy, I, v Praze, 1845, 608—610; 3) Kytice z básní Karla Jaromira Erbena, v Praze, 1874, 23.

ф) Моравские: Sušil, Morawské narodni písně, v Brně, 1860, № 112, стр. 111.

г) Лужицкие: 1) Schulenburg, Vendische Volkssagen und Gebránche aus dem Spreewald, Leipzig, 1880, 137, 138; 2) idem, Wendisches Volksthum, 64.

h) Сербские: 1) Krauss, Powrót umarłych na swiat, Wisła, IV, 1890, zes. 3, 667 — 671; 2) Караџић, Српске Народне njecme, II, у Бечу, 1875, 38—42.

и) Словинские: 1) Valjavec, Narodne pripovjedke u Varaždinu, 1858, 239; 2) Hanusch, Mannhardt's Zts. f. deutsch. Myth. u. Sittenkunde, IV, 224 ff.

к) Литовские: 1) Schleicher, Litauische Märchen, Weimar, 1857, 34; 2) Leskien und Brugmann, Litanische Volkslieder und Märchen, Strassburg, 1882, 497.

l) Венгерские: 1) Hermann's Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn, III, 341; 2) Aigner, Gegenwart, 1875, № 12; 3) Pap, Paloc nép költemények, 1865.

м) Цыганские: Wlislöcki, Volksdichtnngen der transylvanischen Zigenner, 104—6, 983—5.

н) Болгарские: 1) Милadiniовци. Бжлг. нар. пѣсни, Загребъ, 1861, № 200; 2) Dozon, Chans. popul. bulg., Paris, 1875, 319—321, 327.

о) Албанские: Rapsodie d'un poema albanese, tradotto e messo in luce da Gir de Puda, Firenze, 1866, canto XVII, 29.

р) Древне и ново-греческие: 1) Lucianus, Dial. mort. 23, I; 2) Hyginus, Tab. 103, 104; 3) Ovidius, Metam. II, 67; Heroid. XIII; 4) Propertius, I, 19, 7; 5) Philostr. Heroic. I, 4; 6) Eustathius (Ilias), p. 325, 24; 7) Passow, Траγούδια Ῥωμαϊκᾶ, popul. carm. Graeciae recentioris. Leipzig, 1860. №№ 517—9; 8) Kind, Anthologie neugr. Volkslieder, Lpz; 1861, 96; 9) Fauriel, Chants populaires de la Grèce moderne, II, Paris, 1825, 405—9; 10) Траγούδια ἔθνικᾶ συναγμένα καὶ διασαφηνισμένα ὑπὸ Ἀντωνίου Μανούσου, Κέρκυρα, 1850, II' 73—6; 11) Sathas et Legrand, Les exploits de Digénis Akritas etc. Paris, 1875, introduction, 50—2 annotations, 276—8; 12) Ζαμπελίου, Ἀσματα δημοτικὰ τῆς Ἑλλάδος, Κέρκυρα, 1852, 713—5; 13) Lagarde, Neugriechisches aus Kleinasien, Abh. der k. Ges. der Wiss. zu Göttingen, 1886, XXXIX, № 15, 25, 36; 14) Ἰωαννίδου Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος, Κωνστ., 1870, 283—4, № 15;

q) Древне-германские: 1) Vigfusson, Corpus poeticum boreale, I, 502—507; 2) Rasmann, Die deutsche Heldensage und ihre Heimat, 1863, I, 72—89; 3) Calaminus, Die Liebe des Königs Helgi und der Walkyrie Sigrun, Archiv f. das Studium der neueren Sprachen u. Litteraturen, 1883, LXIX, 37—63; 4) Сэмундова Эдда.

г) Шведские и норвежские: 1) Mohnike, Volkslieder der Schweden, Berlin, 1830, I, 39; 2) Geijer och Afzelius, Svenska Folk-Wisor, Stockholm, 1816, I, 29—30, III, 204; 3) Idunna, 1812, 60; 4) Warrens, Schwedische Volkslieder der Vorzeit, 302; 5) idem, Norwegische Lieder der Vorzeit, 405.

с) Датские: 1) Grundtvig, Dankmars Gamle Folkeviser, Kjöbenhavn, 1853, II, 492 ff, 871; 2) Grimm, Altdänische Heldenlieder, Balladen und Märchen, Heidelberg, 1811, 73; 3) Warrens, Dänische Lieder der Vorzeit, 232; 4) Sandvig, Levninger af Mettelalderens Digtekunst, Kjöbenhavn, 1780;

5) Rahbeck, Kjembe Visebog, Kjöbenhavn, 1810; 6) Nyerup, Udvalgte danske Viser, I, 210—217; 7) Uhland, Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage, 1868, VII, 416.

г) Исландские: 1) Maurer, Isländische Volkssagen der Gegenwart, Lpz, 1850, 73; 2) Arnason, Islenskar Thjóðsögur og Aefintýri, I, 280 (Lpz. 1864).

и) Голландские: 1) Grimm, Märchen, III, 75; 2) Pol de Mont, De Volkskunde, Tijdschrift voor Nederlandsche Folklore, II, 1889, 129 — 135; 3) Correspondenzblatt des Vereins f. niederländische Sprachforschung, 1883, № 6, p. 82.

х) средне, южно и восточно-немецкие: 1) Iahn, Volkssagen aus Pommern, 404; 2) Peter, Volkstümliches aus Oesterreich—Schlesien, Troppau; 3) Schröer, Ein Ausflug nach Gottschee, Sitzungsber. der Phil. Hist. Classe d. k. Akademie d. Wiss., LX, 1868, 165 — 292; 4) Müllerhaff, Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig Holstein und Lauenburg, Kiel, 1845, 164; 5) Rochholz, Deutsch. Glaube und Brauch, Berlin, 1867, I, 307—8; 6) Bürger, Lenore.

у) Английские: 1) Child, The english and scottish popular ballads, Boston, 1885, III, 226; 2) Collection of old Ballads, London, 1723; 3) Motherwell, Minstrelsy Ancient and Modern, Glasgow, 1827.

з) Шотландские: Warrens, Schottische Volkslieder der Vorzeit, 189.

а) Бретонские: 1) Villemarqué, Barzaz Breiz, Chants populaires de la Bretagne, Paris, 1825, I, 271; 2) Elissen, Polygl. der europ. Poesie, 61; 3) Sébillot, Litt. orale de Haute Bretagne, 197.

б) Корсские: Ortoli, Contes populaires de la Corse, 373—6.

;) Провансальские: 1) Béranger—Férand, Légendes de la Provence, 363. 2 La Tradition, I).

д) Вотяцкие: Верещагинъ, Вотяки Сарапульскаго уѣзда (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по Отд. Этн. XIV, вып. III, 180—1.

е) Америк. павнийе: 1) Grinnel, Pawnee Hero Stories. 2) Revue des traditions populaires, V, 314.

II. Шемякинъ судъ.

Къ обстоятельно составленной г. Ольденбургомъ (Живая Старина, III, 183—5) библиографіи этого сюжета я могу прибавить пока очень мало.

1) Галаховъ, Ист. рус. словесности (А. Н. Веселовскій), I², 432—3; 2) Льдовъ, Шемякинъ судъ по рукописи XVII в., стихотв. переложение, Истор. Вѣст. 1890. I; 3) Чубинскій, Труды, II, 657; 4) Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, III, 396—400; 5) еще неизданный рассказъ, записанный Н. А. Янчукомъ въ Корницѣ (Констант. у. Сѣдл. губ.) и 6) Kosiński, Materyjały do etnografii Hórali Bieskidowych, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, Kraków, 1881, V. Materyjały etnologiczne, № 4, стр. 197—8.

Москва, 31 января 1892 г.

Владиміръ Каллашъ.

Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90).

Фр. Бартошъ издалъ въ 1888 г. книжку «*Naše děti, jejich život v rodině mezi sebou a vobcí, jejich poesie, zábavu a hry i práce společně popisuje Fr. . V. ... V Brně. 1888. стр. 310 въ м. 8°. Здѣсь описана жизнь дѣтей только моравскихъ, собранъ большой матеріалъ пѣсенъ, поговорокъ, загадокъ, игръ дѣтскихъ обыкновенныхъ и въ извѣстные праздники, рождественскіе, пасхальные и др. Любопытно, что авторъ считалъ нужнымъ въ предисловіи своей книги какъ бы извиниться, что въ книгѣ описана настоящая жизнь дѣтей, какъ она есть, а не какой должна быть, что въ книгѣ встрѣчается то, чему опытный и осторожный педагогъ не станеть учить дѣтей. Замѣчательнѣе другой, болѣе ранній трудъ нашего этнографа «*Lid a párod*», изданный въ двухъ томикахъ «моравской библіотеки» *Ve velkém Meziříčí* I т. 1883, II. 1885. Тутъ собраны нѣкоторые этнографическія статьи издателя изъ разныхъ чешскихъ журналовъ, *Osvěty* и др. Въ I т. (стр. 238) помѣщены статьи: 1) *Bývalé panství Zlínské* (стр. 1—154) въ югозападной Моравіи; здѣсь описаны и изложены сельскій бытъ, старыя соціальныя отношенія за время крѣпостнаго права и пр., жизнь дѣтей, свадьбы, церковный годъ, календарь простолюдина, суевѣріе, обычаи; этнографическія границы, сосѣди, характеръ народа, торговцы и пр. 2) *Moravské Valašsko, kraj i lid* (стр. 155—238): въ этой статьѣ между прочимъ указано, что въ населеніи этого края была значительная доля румынской народности (стр. 161) и приведены вообще очень любопытныя замѣтки о колонизаціи этого края, изъ кое-какихъ семейныхъ записей нач. XVIII в.; само собой тутъ обстоятельно описанъ народный бытъ этого края. Во II т. (стр. 337) помѣщены два этнографическіе очерка, изъ жизни моравскихъ Словаковъ: 1) *Podluží a Podlužáci. Národopisný obrázek z jižní Moravy* (стр. 1—99) 2) *Moravští Kopaničáři. Narodopisný obrázek z jihovýchodní Moravy* (стр. 101—194) на границахъ моравско-венгерскихъ. Слѣдующая затѣмъ статья *O naší poesii kramářské* (стр. 195—293) отчасти касается вопроса объ упадкѣ народной поэзіи и условіяхъ ея; о глубочинныхъ или лучше рыночныхъ пѣсняхъ, распространенныхъ книгошошами и печатаемыхъ уже съ конца прошлаго столѣтія предпринимчивыми издателями. Тутъ перепечатаны и народныя пѣсни, разнымъ способомъ переработанныя и конечно не къ лучшему измѣненныя, перепечатаны тоже нѣкоторые стихотворенія новѣйшихъ чешскихъ поэтовъ, Челяковского и др. Наконецъ въ этомъ томикѣ находятся еще «*Tři filologické humoresky*» (стр. 295—337), въ первой «гуморескѣ» подъ названіемъ «*Kapitola z prstonárodní geografie a ethnografie moravské*» приведены примѣры взаимнаго осмѣянія сосѣднихъ племенъ; не безынтересна и другая «гумореска»: «*Pes v zrcadle našich přísloví a pořekadel*».*

Наконецъ еще упомянемъ о сборникѣ, который Фр. Бартошъ составилъ съ моравскимъ композиторомъ Л. Яначкомъ: *Kytice z národních písní moravských. Telč 1890 стр. XII 216.*

Фр. Бартошъ кромѣ того печатаетъ въ разныхъ чешскихъ журналахъ статьи по этнографіи моравской въ *Sašopisě Matice moravské*, въ пражскомъ журналѣ «*Osvěta*», въ еженедѣльномъ журналѣ «*Obzor*» (въ Бернѣ), въ литературномъ ежемѣсячномъ журналѣ моравскомъ «*Hlídká literár.*» и др. Большая часть этихъ статей или вошли въ упомянутые сборники Бартоша, или явились въ переработанномъ видѣ въ его изслѣдованіи, приложенномъ къ сборнику моравскихъ пѣсенъ. Поэтому всѣхъ этихъ статей Бартоша перечислять не станемъ. Назовемъ лишь нѣкоторые: «*Prstonárodní kalendář*» (*Obzor* 1888), *Sbírečka moravsko-slezských přísloví* (*Obzor* 1891) «*Div ženy dle dosavadních pověr lidu moravského*» (*Premie Umělecké Besedy v Praze* 1888: по его мнѣнію, повѣсти эти принадлежатъ какому-то кочевому народу, жившему въ славянскихъ земляхъ до Славянъ и вытѣсненному ими въ горы. Въ статьяхъ: «*Příspěvky praktické politice*» (*Hlídká literární* 1889—90) Бартошъ разобралъ нѣкоторые моравскія народныя пѣсни съ эстетической точки зрѣнія; вопроса о подлинности ихъ

мотивовъ, о вліяніи народной поэзіи сосѣдей онъ не касается. Но важнѣе и любопытнѣе всѣхъ этихъ статей статья «O domácím lékařství lidu moravského», которую недавно Вартошъ сталъ печатать въ *Casopisъ Matice moravské* 1891 г.

Фр. Вартошъ теперь первый этнографъ чешскій. Онъ добросовѣстный, тщательный, усердный собиратель и издатель. Въ этомъ отношеніи Вартошъ имѣетъ громадныя заслуги, умалить ихъ никто не посмѣетъ. Есть и другіе собиратели и издатели, но ихъ значеніе, по крайности повинѣ, гораздо меньшее. Въ чешской части Силезіи затѣяно было на нѣдныя деньги прекрасное изданіе. Говоримъ о широкозадуманномъ сборникѣ г. В. Праска (Прасекъ) въ маленькихъ выпускахъ: «*Vlastivěda slezská*» (Отчизновѣдніе силезское). Въ 1888—89 г. изданъ первый томикъ «*Podání lidu*» (стр. 240). Тутъ вошло все, кажется, доселѣ извѣстное и собраное по народной словесности и народнымъ повѣртіямъ; но это матеріалъ скудный, гораздо меньшій, чѣмъ можно было ожидать, судя по огромному сборнику Ант. Петера *Volksthümliches aus Oesterreich... Schlesien* (II т. Troppau 1864, оба почти по 300 стр.), гдѣ собранъ матеріалъ среди нѣмецкаго населенія австрійской Силезіи и то лишь западной, Опавской части, и не весь еще собранный матеріалъ вошелъ въ этотъ очень цѣнный сборникъ (см. рецензію Р. Кёлера въ *Gött. Gel. Anz.* 1867, стр. 137 сл.). Издатель въ предисловіи II-го тома замѣчаетъ, что много сказокъ, знакомыхъ изъ другихъ нѣмецкихъ сборниковъ хорошо, онъ выбросилъ, хотя иногда попадаютъ большія разнорѣчія. Мы должны были ожидать большаго собранія матеріала, и по объему и по содержанію, отъ наблюдателей чешскаго населенія Силезіи, надѣемся, что въ настоящемъ сборникѣ онъ далеко не исчерпанъ. Въ II т. сборника «*Vlastivěda slezská*» напечатана «*Historická topografie země Opavské*»; въ III т. I части «*Dějiny Opavska až do roku 1318*».

Изъ другихъ сборниковъ по народной словесности припомнимъ во первыхъ, какъ сравнительно лучшія изданія общества «*Slavia*»; имъ изданы въ послѣднее десятилѣтіе: 1) *Písne slovenské*. V. Praze 1880 стр. 410; при всякой пѣснѣ указано, гдѣ и кѣмъ она записана, характеръ говоровъ словацкихъ вѣрно сохраненъ; 2) *Pohádky i pověsti našeho lidu*. V Praze 1882 стр. 181: сказки чешскія изъ Чехіи и Моравіи.

Другіе сборники сказокъ чешскихъ: 1) *Národní pohádky a pověsti*. Vypравuje Václav Beneš-Třebizský. V Praze 1887, стр. 160. 2) *Národní pohádky i báje*. Vypравuje Josef Kalenský. V Praze I, стр. 181. II, стр. 172: разсказчикъ передаетъ сказки, слышанныя имъ въ отрочествѣ на родинѣ, въ юго-западной Моравіи. 3) *Pohádky i pověsti z moravského Valašska*. Napsal Matouš Václavek. Nové Město nad Metují вып. I. 1888, стр. 48, II. 1888, стр. 40, вып. III. 1889, стр. 48; нѣкоторыя повѣсти сообщены тѣмъ же авторомъ въ книгѣ *Moravské Valašsko*. V Třebíči 1887. 4) *Z chatek moravské Slovače*. Pohádky a pověsti z okolí Uher-sko-Brodského. Sepsal Jos. B. Kolář-Kochovský. Ve Velkém Meziříčí. 1888, стр. 112. 5) Рядъ народныхъ сказокъ издалъ Я. К. Граше; изъ нихъ припомнимъ новѣйшій его сборничекъ «*Z vypravování našeho lidu. Víněk z českých pohádek a pověstí*. V Praze 1886. Всѣ эти сборники предназначены для дѣтскаго чтенія, и изданы даже въ разныхъ «библіотекахъ» для юношества; понятное дѣло, что эти сборники не представляютъ вполне надежнаго матеріала. Составители этихъ сборничковъ не записывали сказокъ прямо со слов народныхъ сказочниковъ: онѣ записаны въ кабинетѣ на память и вѣроятно даже подъ вліяніемъ книжнымъ; тутъ часто были нѣны соображенія, чѣмъ заботы о вѣрномъ сохраненіи подлиннаго характера народнаго разсказа.

Въ статьѣ «*Národní píseň na Chodsku, ukázka z kulturních studií o Chodcech*» (Квѣты 1891) авторъ И. Ф. Грушка обѣщалъ сообщить нѣсколько сотъ народныхъ пѣсень, собранныхъ имъ у ходскаго племени на чешскомъ западѣ; но критика замѣтила, что дѣйствительно новыхъ пѣсень очень мало (*Cas* 1891 № 24).

Гораздо вѣрнѣе всѣхъ этихъ сборниковъ, указанныхъ нами болѣе полноты ради, «*Prostonárodní slovenské povesti*. Usporiadal a vydáva Pavol Dobšinský вып. 1—8 небольшихъ въ 8°. V Turč. Sv. Martině 1880—83. Но и это изданіе не вполне отвѣчаетъ требованіямъ; матеріалъ здѣсь не всегда надежный; главный недостатокъ изданія въ томъ, что издатель по разнымъ сообщеннымъ ему отъ разныхъ

собираетелѣ версіямъ составлялъ, записывалъ сказки и при этомъ не могъ нѣкоторымъ образомъ не сочинять сказокъ, и такъ иной разъ сказка не могла не явиться какъ бы поддѣльною. На счетъ вѣрности народнаго языка тоже были высказаны сомнѣнія, см. книгу *Príspevky k dejinám jazyka slovenského. Napísal D. S. Czambel. V Budapešti 1887*; въ этой книгѣ указывается на явные руссизмы, встречаемые въ сказкахъ Добшинскаго (стр. 76, 86, 90, 97, 99).

Наконецъ упомянемъ еще книжку Пр. Соботки: *Kratochvilná historie měst a míst v zemích koruny Svatováclavské. V Praze 1885*, стр. 297, интересную для характеристики чешскаго народнаго юмора.

Для исторіи народной поэзіи очень важны начала пѣсенъ народныхъ, которыя Иречекъ собралъ изъ древне-чешскихъ рукописей и печатныхъ изданій *Čas. česk. Musea 1879* и *1881*; это собраніе дополнилъ еще Ченекъ Зибертъ въ *Čas. česk. Mus. 1888*. Приступаемъ къ обзорѣю матеріаловъ, собранныхъ въ разныхъ книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ по народнымъ обычаямъ, повѣрьямъ и другимъ примѣтамъ духовной жизни простолюдина.

Первымъ собирателемъ и изслѣдователемъ на этомъ полѣ является теперь Ченекъ Зибертъ. Онъ съ большою тщательностью собираетъ изъ старыхъ книгъ чешскихъ всѣ данныя, всѣ самыя мелкія замѣтки касательно народныхъ обычаевъ, суевѣрій и т. д. и на ихъ основаніи старается представить картину древне-чешской жизни народной. Его дѣятельность касается такимъ образомъ этнографіи, и такихъ даже отдѣловъ культурной исторіи, какіе уже мы не относимъ къ области этнографіи. Главное его сочиненіе, *Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti i zábavy prstonárodní, pokud o nich vypravují písemné památky až po náš věk. V Praze 1889* (стр. 294) доставило автору почетное мѣсто между славянскими этнографами. Другія его позднѣйшія сочиненія: *Myslivercké pověry a čáry ze starých časů v Čechách V. Pisků. 1889*.

Z her a zábav staročeských. V Velkém Meziříčí 1889.—*Poctivé mravy a společenské řády při jídle a pití po rozumu starých Čechů. V Praze 1890.*—*Dějiny kroje v zemích českých z doby nejstarší až po války husitské. V Praze 1891.*—*Listy z českých dějin kulturních. V Praze 1891*, не всѣ касаются равнымъ образомъ этнографіи. Въ послѣдней книжкѣ собрано нѣсколько статей; изъ нихъ назовемъ, какъ болѣе интересныя: *Přežitky starodávných obětních obřadů (Stínání kohouta, Mlácení kačera, Stínání beránka, Shazování kozla, Trhání hlavy husím, na provaze pověšeným), Pověst o Meluzině v českém podání lidovém, Svatba unosem u starých Čechů*. Въ послѣднихъ сочиненіяхъ своихъ пользуется Зибертъ еще болѣе иностранною литературою, не только нѣмецкою, для изслѣдователя чешской старины, чешскихъ обычаевъ и обрядовъ едва ли не самую важную, разъ онъ хочетъ строго различить подлинно чешское отъ пришлыхъ элементовъ нѣмецкихъ, но и особенно славянскими литературами, гораздо больше, чѣмъ въ первой книжкѣ.

Г. Зибертъ кромѣ того печаталъ въ газетахъ и журналахъ чешскихъ множество статей и замѣтокъ. Онъ главнымъ образомъ вошелъ въ книжки его, потому считаетъ и ненужнымъ въ настоящемъ библиографическомъ очеркѣ приводить ихъ; упомянемъ лишь нѣкоторыя большія статьи, болѣе или менѣе важныя для этнографа: *Kukačka v národním podání slovanském. Čas. čes. Mus. 1887.*—*Čarodějnice v staročeské pověře. Zlatá Praha 1887.*—*Kouzla a čáry starých Čechů. Památky archaeolog. 1887.*—*O staročeských hrách dětských. Vesna 1889.*—*Lidové zábavy, obyčeje a pověry na den sv. Jana Křtitele. Čas. čes. Mus. 1891.*—Наконецъ еще припомнимъ, что онъ перепечаталъ старую чешскую поваренную книжку съ сохраненіемъ стараго правописанія «*Kuchařství*», въ первые изданную въ половинѣ XVI в.

Остальные чешскіе изслѣдователи быта народнаго конечно уступаютъ г. Зиберту въ начитанности и эрудиціи. Они болѣею частью ограничиваются только или даже исключительно чешскими матеріалами, не сличаютъ ни родственныхъ славянскихъ, ни близкихъ нѣмецкихъ. Много мелкихъ статей написалъ Іос. Коштялъ: *Chléb v*

щаются въ *Časopisъ Muz. Olomúckého*, хотя въ этомъ журналѣ статьи археологическаго содержанія преобладаютъ. Здѣсь напечатаны напр. статья Э. Д. Пекы: *Jména a význam některých rostlin v národním podání lidu valašského* (V т., 1888), *Mat. Вацлавка: Z pověr lidu valašského* (т. VIII, 1891, о кладахъ), тоже есть и о Словакахъ, наприм. *Byliny v poezii a praxi slovenského lidu* (VII т., 1890).

Главный трудъ о словацкихъ обычаяхъ, повѣрхяхъ и вообще о народномъ бытѣ словацкомъ сочиненіе П. Добшинскаго *Prostonárodnie obvyaje, pověry a hry slovenské*. Turč. Sv. Martin 1880, стр. 179. Кроме того есть нѣсколько мелкихъ статей въ *Slov. Pohľad'axъ*. J. L. Holuby: *O mandragore* (III, 1883), *Voda a vosk v poverách a čarach ludu slovenského* IV (1884), *Magické rostliny* VI, (1886), *Žaby v reči a poverach l'udu* VIII, (1888); далѣе С. Гребоня: *Národnie hry v Sejnici* IV (1884); Голубы напечатали еще статью *Aus der Hexenapotheke des slovakischen Volkes* (*Zeitschrift des österr. Apotheker Vereines* 1883).—Этнографическій матеріалъ содержитъ еще книга Рудольфа Покорнаго *Z potulek po Slovensku* 1883—85, I—II т., (стр. 375 и 382).

Сознательное стремленіе къ освобожденію отъ преобладающей нѣмецкой культуры и къ созданію своей самобытной чешской вызывало къ усердному всестороннему изученію жизни простаго народа, въ коемъ надѣялись еще найти остатки древней славянской самобытности, и изъ этого чистаго источника черпать помощь для ослабленія быта интеллигентныхъ слоевъ, культурно онѣмеченныхъ, слившихся вообще съ западною Европою. Поэтому изучали и народные танцы, стараясь вводить ихъ въ общество (сл. еженедѣльный журналъ *Čas* 1891, № 3 сл.); такъ напр., занимались изученіемъ танца называемаго «Краловнички», и Власта Гавелкова, одинъ изъ главныхъ дѣятелей оломуцкаго музейнаго общества, написала о «краловничкахъ» статьи въ *Časop. muz. Olom.* (т. IV,) и въ *Obzorъ* (XII, 1889), придавая имъ рѣшительно мнѣологическое значеніе. См. еще статью И. Дебернова: *O písničích a tancích národních* (*Osvěta* 1887, № 8).

Гораздо усерднѣе, глубже и съ большимъ успѣхомъ изучали народную одежду, народное убранство, вышиваніе, писанки и пр. Центромъ этихъ изученій опять было оломуцкое музейное общество; въ музеѣ оломуцкомъ хранится и прекрасное собраніе одеждъ, вышивокъ и пр. Въ *Časopisъ muz. Olom.* (т. V — VI), явилось объ этомъ много статей. Стараніемъ и иждивеніемъ общества роскошно изданы *Moravské ornamanty* въ трехъ выпускахъ: I) *Moravské kraslice z tabul barvotiskovýchъ a 1 kreslená*. Na kámen kreslila Madlena Wanklova. S vysvětlujícím textem D-ra Jindřicha Wankla, Fr. Stránecké a Vlasty Havelkové. Seš. II. *Vzory vyšívané 6 tabul barvotiskovýchъ*. Na kámen kreslila Madlenka Wanklova. Text napsala Vlasta Havelkova, s úvodem a douškem V. H(oudka). Seš. III. *Ornamenty kančionálů*. Z tabul barvotiskovýchъ. 4°. Na kámen kreslila Madl. Wanklova. Text (стр. 102) napsali V. Houdek i J. Klvaňa 1890: здѣсь издана вся орнаментальная часть канціонала, т. е. книги, содержащей церковныя пѣсни, иллюстрированной въ 1717—33 гг. учителемъ въ деревнѣ Боршицѣ; орнаменты эти тѣмъ важны, что вполне сходны съ орнаментами, встрѣчающимися на вышивкахъ, и что въ нихъ нѣтъ никакого вліянія современнаго стиля барокко; позже нашлось еще нѣсколько такихъ рукописныхъ иллюстрированныхъ канціоналовъ, но эти помоложе Боршицкаго и уже не такъ своеобразны и типичны: о Боршицкомъ канціоналѣ писали оба издателя въ *Časop. muz. Olom.* т. V, VI и VII.

Кромѣ того есть еще слѣдующія изданія: *Národní vyšívaní lidu moravského*, sebráno a vydáno od Antonie Valtrové a Hermíny Tiché, učitelek při c. k. čes. ústavě ku vzděl. učitelek v Brně 1888. I—VI вып. 1889—90. Промышленнымъ музеемъ въ Бернѣ изданы въ 1885 г. *Proben weiblicher Handarbeiten mährisch-ländlicher Hausindustrie*. 26 табл. фототипическихъ.—Сојкова В.: *Vzory vyšívaní lidu slovanského na Moravě*. V Olomouci. 1887. См. еще статьи Фр. Странецкой: *Křestný vínek a úvodnice na Moravě*. (Květy 1885). *Národní ornament moravský*

(тажеже 1886, II). См. также статьи И. Колвани въ журналахъ Světozor 1887, Zlatá Praha 1887 (съ иллюстраціями) и пр. О чешской народной одеждѣ, вышиваніи и пр. писано еще весьма немного, хотя есть прекрасное собраніе напр. въ промышленномъ музеѣ г. Войты Наперстеа въ Прагѣ и на земской выставкѣ чешской нынѣшняго года было представлено большое собраніе вышивокъ и проч.

Недавно въ Олоуцѣ издана книжка Терезин Новаковой о народной одеждѣ въ краѣ Литомышльскомъ подъ неточнымъ названіемъ: Příspěvek k poznání kultury lidu českého. О словацкой народной одеждѣ тоже немного: Vzory slovenskeho vyšívaní sesbiral a vydal P. B. Socháň 1890, сл. журн. Ruch. 1888. № 23, Národní listy 1889. № 288. Изданіе И. Коулы: Vyšívaní lidu slovenského. Výbor nejskrásnějších prací z výstavy národního vyšívaní v Turč. Sv. Martině 1877, 1889. не пушено въ продажу.

Въ новѣйшее время стали обращать вниманіе еще на изученіе другихъ сторонъ крестьянскаго быта, на постройки крестьянскихъ избъ: České chalupy a stará stavění světská Ал. Ираска съ иллюстраціями (Květy 1887, т. II), Česká chalupa (Čas. muz. Olom. VII). На чешской земской выставкѣ была представлена крестьянская чешская изба по типу обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ въ сѣверной Чехіи, въ околницѣ Турнова. Архитекторъ А. Wiehl, выстроившій ее, издалъ по этому поводу брошюрку Česká chalupa na zemské jubilejní výstavě. V Praze 1891. Критика однако замѣтила, что въ ней не былъ сохраненъ чистый типъ настоящей чешской крестьянской избы (Янъ Пейскеръ въ чешскомъ Athenaeum VIII. № 9). Стали также заниматься изслѣдованіемъ постройки деревень вообще и различій чешскихъ деревень отъ нѣмецкихъ (V. Houdek: O způsobu stavby dědin moravských. (Čas. muz. Olom. VI). Наконецъ стали изучать аграрную исторію въ чешскихъ земляхъ—припомнишь статейку О čem svědčí rozdělení parcel ve tratích polních (Čas. muz. Olom. VIII). Очень усердно изучаетъ эти вопросы Янъ Пейскеръ. Этотъ ученый напечаталъ два изслѣдованія: 1) Záduha na Prachensku. Příspěvkem ke srovnávacímu dějezpytu agrárnímu a selského práva dědického въ чешскомъ Athenaeum V и VI (1888, 1889) и въ отдѣльныхъ оттискахъ. 2) Die Knechtschaft in Böhmen. Eine Streitfrage der böhmischen Socialgeschichte. Gegen J. Lippert. Prag 1890. (См. рец. Мецена въ Deutsche Literaturzeitung 1891, и Mittheilungen des Vereins für die Geschichte der Deutschen in Böhmen 1891). Онъ на основаніи каталогическихъ картъ указываетъ, гдѣ были самыя старыя свободныя усадьбы славянскія и какія деревни моложе, новѣйшія; деревни, о которыхъ говорится въ старыхъ грамотахъ, именно такія новѣйшія, закрѣпощенныя, о деревняхъ задружныхъ въ грамотахъ не говорится, потому что онѣ не продавались и не дарились. Пейскеръ изучилъ такимъ образомъ только южную часть Чехіи и надѣется, что когда также изучена будетъ вся Чехія, тогда можно будетъ вѣрно опредѣлять, гдѣ была первая колонизація славянская, сколько племенъ и какъ эти племена слились наконецъ въ одинъ народъ.

Научныхъ изслѣдованій народной поэзіи чешской еще весьма не много. Изъ ученыхъ старшаго поколѣнія мы прежде всего должны назвать Пр. Соботку, автора известной книги «Kostlinstvo v národním podání slovanském (1879); по этому самому плану онъ составилъ статьи Ptastvo v národní poesii slovanské (Světozor 1880, 1881 и 1885). Беллетристическая безъ научнаго значенія книжка И. Духновскаго «Žena v písni lidu slovanského». Praha 1883 (стр. 175). Ближе къ новѣйшей теоріи заимствованія И. Черный О národních pohádkách i pověstech (Světozor 1880). Припомнимъ еще статью рано умершаго поэта Ioác. Якуба Některé formální stránky národních písní slovanských (Světozor 1883). Я. В. Новакъ тоже держится еще возрѣвній старшей школы; въ предисловіи его къ упомянутой уже нами книгѣ К. Граме «Z vupravování našeho lidu»; онъ предполагаетъ, что сказки славянскія плоды духа народнаго, остатки отъ стародавнихъ временъ, что народный духъ—единственный ихъ источникъ и т. д. Этому же автору принадлежитъ статья Báje zvířecí v českoslov. písních národních (Vlast III, 1887); онъ не сомнѣвается въ древности этихъ сказокъ. Наконецъ надо упомянуть и напис. основательнымъ молодымъ ученымъ

В. Тилле разборъ извѣстнаго сборника Коскена *Contes populaires de Lorraine* въ *List'axh filolog.* 1889, (XVI т., стр. 375 сл.). Здѣсь приведены чешскія параллели къ сказкамъ Коскена. Для знакомства съ возрѣніями на народную литературу, преобладающими еще въ Чехіи, характерна статья молодого литератора чешскаго Льва Шольца о моравской повѣсти *Král Ječmínek* (*Zlatá Praha* 1891, № 4 — 9); эта повѣсть принадлежитъ къ циклу повѣстей о спящихъ рыцаряхъ. Авторъ признаетъ, что моравская повѣсть того же типа, что чешская о св. Вячеславѣ и его рыцаряхъ, спящихъ въ горѣ Бланикъ, нѣмецкая о бѣ императорѣ Фридрихѣ въ Кифгейсертъ и пр.; могъ бы потому авторъ разбирать вопросъ о возможной сродности моравской повѣсти съ другими, м. б., и о заимствованіи и пр., но такіе вопросы для автора совсѣмъ лишніе; онъ доказываетъ, что моравская повѣсть въ основѣ историческая, что Ечминекъ, спящій доселѣ и будущій избавитель народа дѣйствительно есть Святополкъ, что наконецъ Ечминекъ—Святополкъ даже есть воплощеніе какого то большаго божества языческихъ Моравянъ.

Странно, даже прискорбно появленіе такихъ статей, совсѣмъ отсталыхъ отъ современной науки въ чешской литературѣ и къ тому же еще изъ подъ пера молодого писателя съ университетскимъ образованіемъ.

Короткій библиографическій очеркъ народной поэзіи чешской написалъ Tieftrunk: *O písních národních* (въ отчетѣ гимназій въ Прагѣ на Житной улицѣ 1888). Библиографическій списокъ статей по «вѣстивѣдѣ» Чехіи, Моравіи и Силезіи, помѣщенныхъ въ журналахъ въ гг. 1801—1885 азбучнымъ порядкомъ составленъ Кл. Шнеддингровою и напечатанъ въ журналѣ *Zeměpisný Sborník* 1887.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ изученіи мифологій. Сюда принадлежитъ сборникъ мелкихъ статей Пр. Сobotky *«Výklady prstonárodní z oboru jazykozpytu, bájesloví a psychologie národní. 1882, (стр. 124), написанныхъ вполне еще въ духѣ старой школы (ср. статью «Perun na nebi a Přemysl na zemi»). Янъ Пейскеръ изъ мѣстныхъ названій старался доказать существованіе Сварога у древнихъ Чеховъ и дуализмъ въ въ древнечешской мифологій (*Slovník historický* I, 1882). Новѣйшаго, современнаго направленія держится другой молодой мифологъ чешскій Ганушъ Махалъ; его статьи разбросаны по журналамъ: *Bohyně Lada* и *pohanských Čechů. Zlatá Praha* 1884 («*paní Lida*» у Эрбена стр. 76), *O ctění dědů u Slovanů* (тамъ же 1884), *O domácích bučcích u Slovanů* (тамъ же 1886), *Slunce v bájích slovanských. Slovanský sborník* 1887, № 7 сл., *O bohyních sudby u Slovanů* (*Květy* 1887, № 12), *Rusalky a rusálné slavnosti* *Zlatá Praha* 1889 (указываются слѣды этого праздника у Чеховъ). Г. Махалъ, по собственному признанію (*Zlatá Praha* 1884, № 42), хочетъ въ своихъ мифологическихъ изслѣдованіяхъ слѣдовать тому же пути, какъ и проф. Ягичъ, но, надо признаться, это не всегда ему дается, и иногда, вопреки доброму своему желанію, онъ не можетъ воздержаться отъ манеръ старой школы.*

Только что мы кончили нашу библиографическую замѣтку, вышелъ первый выпускъ этнографическаго сборника «*Český lid*» съ цѣлымъ рядомъ статей по разнымъ сторонамъ чешской этнографіи. Нѣтъ, здѣсь не мѣсто входить въ его разборъ, но по этому первому выпуску можно судить, что новый органъ сдѣлаетъ много полезнаго для изученія чешской этнографіи. Подъ впечатлѣніемъ громаднаго успѣха всеобщей земской выставки въ Прагѣ не такъ давно образовался комитетъ, взявшій на себя устройство въ 1883 г. этнографической выставки всего чешскаго народа Чехіи, Моравіи и Силезіи, даже угорскихъ Словаковъ. Мы можемъ кончить это обозрѣніе чешскихъ этнографическихъ изученій за послѣднее дѣсятилѣтіе, полные надеждъ на разцвѣтъ этнографіи у чешскаго народа. Въ виду новыхъ предпріятій мы въ правѣ ожидать, что будущій библиографъ наступающаго десятилѣтія дастъ лучшую картину успѣховъ нашей науки, чѣмъ могъ я сдѣлать въ настоящее время.

Прага чешская. Сентябрь 1891.

Ю. Поливка.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Не дѣлали ли Вы какихъ-нибудь наблюденій надъ жизнью народнаго языка? Не случалось ли Вамъ замѣчать, что старшее поколѣніе деревенскихъ жителей произноситъ какіе-либо звуки иначе, чѣмъ младшее (напримѣръ, говоритъ Ванька, старушка, въ то время какъ у младшаго поколѣнія слышится Ваньтя, старуштя)? Не знаете ли Вы, когда появилась разница между произношеніемъ двухъ поколѣній (напримѣръ, съ какого возраста младшее поколѣніе, съ дѣтства, лѣтъ съ 6—7, или позже, стало говорить Ваньтя)? Не замѣтно ли вліянія произношенія старшихъ на произношеніе младшихъ (напримѣръ, не говоритъ ли младшее поколѣніе, рядомъ съ Ваньтя, также и Ванька, болѣе или менѣе часто, или хотя изрѣдка)? Если младшее поколѣніе деревни уже имѣетъ подростковъ-дѣтей, чѣму произношенію слѣдуютъ эти послѣдніе, отцовскому или дѣдовскому, или смѣшиваютъ и то, и другое (напр., говорятъ безразлично и Ваньтя, и Ванька, или чаще Ваньтя, рѣже Ванька, или на оборотъ)?

Если у Васъ нѣтъ готовыхъ наблюденій, не возьмете ли Вы на себя трудъ сдѣлать ихъ и сообщить редакціи «Ж. Ст.»?

А. Соболевскій.

Какія косметическія средства употребляются въ народѣ и какъ часто? Предоставляется ли всякой женщинѣ на ея волю румяниться, бѣлиться, сурьмиться, или же общественное мнѣніе (деревни, города) требуетъ, чтобы женщина въ извѣстныхъ случаяхъ (напр., на свадьбѣ) непременно была нарумянена и т. д.?

А. Соболевскій.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с ъ .

Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ.

«Ты гуди-ко, мой звучень голосъ!
«Позвончѣ ты вызванивай!..
«Погромчѣ выговаривай!»..

(Народная поэзія. Причеты).

Велика была бѣда каргопольскому населенію въ началѣ XVII вѣка (1612—1619 гг.) отъ нахлынувшихъ на край его разбойниковъ, которые, обирая животы (имущество), не щадили жизни обывателей, ругаясь надъ всѣмъ, что было дорого и свято сердцу Русскаго... Но та бѣда была вещественная, такъ сказать тѣлесная... Она не отнимала у темнаго народа его не многихъ вѣрованій, переищенныхъ съ суевѣріемъ, освященныхъ вѣками да тьмой невѣжества... И, какъ ни надругались надъ нимъ и некрещеная «Татарва», и папистская Литва, и не только надъ народомъ, но и надъ Св. храмами и иконами ¹⁾, все таки не посягали они отнять у него вѣру «крестьянскую»,—а навязать свою «басурманскую», иль римскую-латинскую... по крайней мѣрѣ, не встрѣчается тому доказательствъ...

Прошло съ тѣхъ поръ почти полъ вѣка: позажили раны нестерпимыя, позгладились изъ памяти раздражающія картины прошлаго, какъ вдругъ—нежданно, негаданно понагрянула бѣда новая, несравненно больше прежнія, изъ той ли Москвы да бѣлокаменной, вмѣстѣ съ сильнымъ Павломъ Коломенскимъ (сосланнымъ въ Олонію, послѣ собора 1654 г.)... Первая бѣда продолжалась 3 года, по мѣстамъ затянувшись лѣтъ на 9, когда били мучили, убивали и грабили безнаказанно, но и безъ согласія и вѣдома Московскихъ властей ²⁾; вторая же бѣда продолжилась повсемѣстно почти на цѣлую сотню лѣтъ, также ни щадя ни пола, ни возраста... но уже съ приказа Москвы бѣлокаменной... Какъ огненная рѣка бурнымъ потокомъ, мгновенно пронеслась она изъ края въ край; и вдаль, и въ ширь—во всѣ стороны, съ трескомъ, шумомъ лютостью зельною зажгла—запалила,—не дѣса, дома и селенія, а чуткія сердца чело-вѣческія, забралась она и въ хоромы богатыхъ и въ хижинны убогія, навела печаль, изсушила мозгъ, ввела въ думушку тяжелую... Не было, кажется, такой хоромины, гдѣ бы не думали да думы крѣпкія, о новой яко бы вѣрѣ и книгахъ Никона—того санаго, что недавно шелъ отъ моря, съ мощами Филиппа угодника (въ 1652 г.)... Они сами его видѣли... Всѣ были заняты такими мыслями печальными—чернецы и настоятели, попы, крестьяне и купечество...—Между тѣмъ Соловецкіе бѣлые иноки не зѣвали: ловили рыбку въ мутной водѣ, подливая масла въ огонь—распространяя

^{1—2)} См. мою «Исторію Челмонской пустыни», въ «Христіанск. Читеніи». 1889 г. № 7—8, стр. 229—230.

всюду пожарами... Своими вкрадчивыми рѣчами и доводами они всѣхъ сводили съ разума,—чему служить доказательствомъ и челобитныя ихъ соловецкихъ собратовъ... Стара вѣра, говорятъ, переиѣнена; новы книги, говорятъ, перепорчены... Но бѣда минныхъ и дѣйствительныхъ нововведеній была еще тѣмъ болѣе невыносимою и ужасною, что шествовала со всѣми ужасами мученій, казней, ссылки... Вдругъ отнимали у человека все, не только его имущество, родню, но даже—жизнь, а съ нею вѣстѣ и вѣрованія, чего не было и при лже-дмитріяхъ!..—Не имѣя ни малѣйшаго понятія отличить важное отъ ничтожнаго: догматъ отъ обряда, обязательность заповѣди Евангелія отъ какого либо хожденія по-солонь предки наши и, даже лучшіе изъ нихъ пришли въ ужасъ отъ бросающихся въ глаза якобы новшествъ... Болѣе шести съ половиною вѣковъ—думали и говорили они—благочестивые Россіяне читали, пѣли—молилися по книгамъ—письменнымъ, не подозрѣвая искаженій... и, вдругъ такая новость ужасная: тѣ книги, говорятъ, перепорчены... Да и новыя, оказывались съ изыищемъ... (Даже современные каноники кievской печати разногласятъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, съ московскими... Это мы можемъ доказать)... Ничѣмъ необъяснимая и неоправдываемая поспѣшность печатанія новыхъ, при Никонѣ, книгъ, съ различными разночтеніями, не согласными съ тѣми же Никоновыми книгами, вышедшими раньше или послѣ—невольно наводила на размышленія самыхъ разсудительныхъ людей, что въ свое время было указано знаменитыми поморскими отвѣтами, и повторено, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ духовныхъ изданіяхъ... А тутъ, какъ нарочно, тѣ немногіе пастыри, знавшіе суть дѣла, не хотѣли съ христіанскою кротостію объяснять пасомымъ этихъ разностей... При этомъ замѣчательно, что почти всѣ обличители раскола, древнѣйшіе, начиная съ составителей «Жезла»—этого перваго обличительнаго акта, и позднѣйшіе (за исключеніемъ, конечно, новѣйшихъ), какъ бы сговорившись, въ обличеніяхъ своихъ противъ такъ называемыхъ «старообрядцевъ», употребляли ругательные слова,—что служило только къ большому ожесточенію послѣднихъ, а уже ни какъ не къ вразумленію... Нѣкоторые же изъ пастырей такъ и ругались то не по церковному, а чисто по площадному... Чтобъ не обвинили насъ въ голословности указываемъ «Обличеніе неправды раскольническія» («Поморскихъ отвѣтовъ») Феофилакта Тверскаго, во коемъ встрѣчаются между прочими, слѣдующія слова: «на прельщеніе русскаго, варварскаго грубаго народа»... ¹⁾ Да и во многихъ мѣстахъ тяжело обзывается русскій народъ, въ родѣ: «дураки, русаки невѣжды, русакъ», что весьма оскорбительно для народнаго чувства!.. Епископъ, какъ истый малороссъ, ко всему великорусскому дышалъ ненавистью и презрѣніемъ, находя, вѣроятно, уничиженіемъ латинянъ, Хохловъ, да лукавыхъ Грековъ и, не хотя вникнуть въ ширь и глубь отеческихъ писаній, ограничивался верхоглядствомъ да выходками, въ родѣ: «Пропади, плуть»!.. ²⁾ О старовѣрческихъ книгахъ выразился: «то отъ русскихъ старогадскихъ и старопечатныхъ книгъ взято»... ³⁾ Возмутительнѣе сего обличенія мы не встрѣчали. Почти первымъ изъ русскихъ пастырей заговорилъ съ заблуждающими языкомъ кротости Платонъ, митрополитъ московскій, въ своей «Увѣщаніи къ Раскольникамъ», 1765 г., т. е. почти ровно 100 спустя послѣ возникновенія раскола... Хотя—раньше его и говорилъ нѣсколько смягченнымъ тономъ Питиримъ, епископъ Нижегородскій, въ своей «Працицѣ», какъ

¹⁾ Листъ 18, на оборотѣ.

²⁾ Листъ 23 на обор.

³⁾ Листъ 33 на обор. Или вотъ еще цѣточекъ: Въ разсужденіи 5-мъ «О св. Иконахъ», ст. 20, показаніи 1-мъ поморцы ссылаются на Патріарха Іоакима, запрещающаго латинскихъ переводовъ иконы писать: Богородицу съ непокровенною главою. Феофилактъ на 21-мъ листѣ отвѣчаетъ: «Іоакимъ патріархъ московскій, будо онъ таковой завѣтъ написалъ, явно себе показалъ ровнителемъ русскихъ деревенскихъ мужичиныхъ азбобоновъ, по которымъ женѣ мужатой не возможно ни къ кому явиться непокровенною главою, и тѣмъ не доволенъ, захотѣлъ еще и Божію Матерь тому же деревенскому мужичію закону подчинити и писать ея образъ по подобію русскихъ бабицъ. Развѣ не вѣдалъ, что Богородица по російскія породы была»... Но и Феофилактъ въ запальчивости своей забылъ, что эти «азбобоны» уставили не «дураки русаки», а еще апостолъ Павелъ и вѣроятно на основаніи обычая, существовавшаго у Евреевъ...

самъ вышедшій изъ раскольниковскаго заблужденія... И такъ пастыри—меньшинство—не хотѣло съ христіанскою кротостію объяснять пасомымъ книжныхъ разностей, большинство же и само ничего въ нихъ не смыслило и, почти всѣ они, какъ истые наемники вмѣсто слова увѣщанія, схватились—конечно посредствомъ гражданской власти—за цѣпи, кнутъ и мученія, ссылки, казни; срубы огнены... и этими противъ - христіанскими, варварскими, безчеловѣчными мѣрами мечтали прекратить отпаденіе отъ Церкви... Опять безъ причины потокомъ полилась кровь русская христіанская отъ своихъ же собратьевъ и пастырей, обязанныхъ душу полагать за овецъ своихъ, и обагрила стогны градскія и дремучіе лѣса непроходимыя... «О немилостиваго діянія крове!»—говоритъ олонецкій раскольниковскій писатель—не къ тому проповѣдашеся восточный законъ благодатный, но западный—ратный. Всюду бо мучительства мечъ, обогранный кровію неповинною... видяшеся; всюду плачь, и вопль, и стонаніе; вся темяны во градѣхъ и въ селѣхъ наполнишася христіанъ... Вездѣ чѣни бряцаху, вездѣ вериги звеняху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію служяху, вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической повседневно омочахуся. Проповѣдницы Никоновыхъ новинъ яростію и гнѣвомъ и мучительствомъ, вмѣсто кроткаго духа, дышаху: бїеніемъ и ранами, а не благодатію Христовою увѣщаваху, лукавствомъ и коварствомъ злобнымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привоздаху. И отъ таковаго насильствованнаго лютаго мучительства обліяхуся вся гради кровію, утопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ плачи и въ стонаніи пустыни и дебри... Ови мечи усекаеми, ови же огнемъ сожигаеми, и инѣи инако скончаеваеми, чесо ради? вопрошаетъ «старобрядецъ».—Да ради обрядовъ—отвѣчаемъ мы—маловажность и измѣняемость которыхъ сознавали сами гонители—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ—однако не хотѣли уступить... «Новое убо есть ученіе Никоново—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Ив. Филипповъ—сего ради и нравъ учителей новый, не словомъ бо, солю раствореннымъ по Апостолу, поучаютъ, но мечемъ остримъ и блещашимся... И бысть тогда лютое гоненіе и не милостивое неповинныхъ мучительство. Всюду плачь, вопль и, стонаніе слышашеся и на всякой души страхъ и колебаніе, и ужась. Отъ лютаго гоненія и мучительства мнози людѣ, дома своя покидающе, бѣгаху»... ¹⁾ Изъ бѣжавшихъ каргопольцевъ извѣстны: посадскій челоувѣкъ Василій Быковъ, въ раскольниковскомъ иночествѣ—Варлаамъ, изъ поселянъ: Ловзунскаго прих., чернецъ Іосифъ ²⁾, Кенорецкаго,—д. Кузминской Григорій Андреевъ... ³⁾ Конечно, это только одна капля того необъятнаго моря, которое «побѣже»...

За то въ настоящее время являются у насъ такіе проповѣдники, кои не стыдятся утверждать не на единѣ, а во всеуслышаніе,—что у насъ «были только» будто бы однѣ «попытки (а не самыя гоненія) вразумленія карательными мѣрами»... «попытки», когда замучивали въ пыткахъ, живьемъ сжигали въ срубѣхъ, отрѣзали языки, гибли въ земляныхъ тюрьмахъ... а о ссылкахъ, и не говоримъ... Не даромъ же выразился знаменитый Аввакумъ: «не по што намъ ходитъ въ Персиду мучиться... дома Вавилонъ нажили!»..

Однако, не смотря на всѣ ужасы мученій казней, не было, кажется, на всемъ сѣверѣ обители иноческой, гдѣ бы явно или тайно не сочувствовали такъ называемому—одними—«расколу», другими—«благочестію»... Мы уже не упоминаемъ о Соловецкомъ монастырѣ, какъ не входившемъ въ уздѣ Каргопольскій, скажемъ только, что Каргопольскаго Спаскаго монастыря игуменъ Евфимій (1663—1671 гг.), служа тогда поповскимъ старостомъ, благочиннымъ по нынѣшнему, былъ оборонителемъ и пристанодержателемъ бѣглыхъ соловецкихъ чернецовъ, разсыпавшихся по всему свѣту: «Любилъ же старое благочестіе—говорится о немъ въ житіи раскольниковскаго инокъ Корнилія выговскаго—и служилъ по старому все. У него же Евфимія кряхуся соловецкіе старцы Игнатій да Германъ, иже въ Палеостровѣ сожжены быша, да старецъ Іосифъ

¹⁾ Исторія Выговской пустыни, Ив. Филип. стр. 25, 26, 36.

²⁾ Тамъ-же стр. 124—126, 67—70, 74—76.

³⁾ «Олонецкія Губернскія Вѣдомости» 1878 года № 57.

ожженъ въ Пудоги; и иныхъ человѣкъ съ восемь, всѣ жили у Евфимія игумена, въ поварной келіи не мало время пребываа» ¹⁾. Эти расколоучители, конечно, знали почти всѣ разночтенія въ книгахъ до—Никоновскихъ (разумѣется, печатныхъ) и Никоновскихъ и потому не опускали случая сѣять свои плевелы во всей странѣ сѣверной, которая прозябла, выросла и принесла сторичные плоды, продолжая свои урожаи и до настоящаго времени... Такъ, напримѣръ, о названномъ Игнатіи говорили будто бы его противники: «Игнатій Соловецкій — сосудъ полный мудрости и нагнѣтенъ есть». Онъ утвердилъ стоять въ расколѣ всѣ Олонецкія и Каргопольскія страны и населилъ жителями непроходимыя пустынные выгорѣвкіи дебри...» ²⁾ Одинъ такой расколоучитель могъ сдѣлать болѣе цѣлой сотни поповъ, великороссійскихъ, ничего по этому предмету не знавшихъ и не дѣлавшихъ... Въ другихъ иноческихъ Каргопольскихъ обителяхъ, напримѣръ, Кудозерской монахи по прежнему продолжали отправлять службу по старонарѣчнымъ же книгамъ... ³⁾ Коозерскимъ же настоятелямъ такъ понравился расколъ, что они, подобно Соловецкимъ инокамъ, нашли удобнымъ и возможнымъ ослушаться грамоты даже самого собора Московскаго, относительно высылки чернеца Боголѣна... ⁴⁾ «Не найдутъ, молъ, насъ въ лѣсной глуши», вѣроятно думали они. А строитель Елгомской пустыни, монахъ Гавріилъ съ 15 человѣками мирянъ подвергъ себя самосожженію... ⁵⁾ Но и попы также не отставали отъ чернецовъ, тайно и явно сочувствуя расколу: въ XVII вѣкѣ напримѣръ Троицкой волости поппъ Ив. Акимовъ доносилъ на поповъ — Архангельской волости Григорія Самойлова и Ошевенской (Огнѣнскаго-Богоявленскаго) — Василія Федорова, что они, попы, укрывали раскольника Сергущку... ⁶⁾ При Олонецкомъ архіерей Игнатіи, нѣкоторые попы явно сочувствовали — расколу, даже ходили въ раскольниковскіе скиты мириться, за что и ссылаемы были въ монастырь, подъ пачаль ⁷⁾... Что же касается мирянъ, то можно безошибочно сказать, что почти всѣ они, за немногими исключеніями, были на сторонѣ раскола... ⁸⁾ Скажемъ только, что въ XVII вѣкѣ весьма сочувствовали расколу граждане Каргопольскіе... Въ томъ же житіи Корнилія Выговскаго упоминается одинъ изъ нихъ богачъ Урываевъ, защитникъ этого чернеца... «Слухъ о покровительствѣ раскола въ Каргополѣ — говорится въ житіи — дошелъ до Москвы. Въ Каргополь посланы были монахи Филофей и Сергій», — т. е. что-то въ родѣ нынѣшнихъ миссіонеровъ, разнища развѣ въ томъ, что тогдашніе миссіонеры тысячаго жалованья не получали и, по всей вѣроятности, ложныхъ отчетовъ о мнимомъ ослабленіи раскола не составляли... Филофей и Сергій, вѣроятно Кожеозерскіе постриженники, тѣ самые, что провожали Никона съ мощами митрополита Филиппа (въ

¹⁾ Разказы изъ Исторіи старообрядчества, изданіе Кожанчикова, С.-Петербургъ 1861 г. стр. 23—24.

²⁾ «Разказы изъ исторіи Старообрядчества», стр. 146, 149. Исторія Выговской пустыни, стр. 27.

³⁾ См. мое описаніе этой пустыни въ «Христіанскомъ чтеніи», 1885 г., № 9—10.

⁴⁾ См. мое же описаніе «Кожеозерскаго монастыря», въ «Христіанск. чтеніи» за 1886 годъ № 1—2.

⁵⁾ «Исторія Выговской пуст.», стр. 76. Этотъ строитель былъ настоятелемъ въ 1727 г. См. мое описаніе Елгомской пуст. въ «Христ. чтеніи» за 1866 г., № 5—6.

⁶⁾ Доношеніе 1678—1683 г. находится въ архивѣ Каргопольскаго-Спасскаго монастыря.

⁷⁾ Тамъ же указъ Олонецк. консисторіи, отъ 8 марта 1834 года.

⁸⁾ Да не подумаетъ читатель, что мы обобщаемъ единичный случай или преувеличиваемъ событія... Доказательствомъ нашихъ доводовъ служатъ свидѣтели, на этотъ разъ, достовѣрные—греки православные, даже если хотите—сами восточные патріархи, бывшіе на Соборѣ 1667 г., которые выразились въ своей грамотѣ, между прочимъ, и о нашихъ архіереяхъ, такъ: «Обаче, за еже во здѣшнихъ странахъ великороссійскаго государства не быкоша архіереи... исправляти священническія распри и прочая, учинишася толки раскольники и мятешники, и возмущаши все государство, и многія души погубиша, и малъ было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили...» Последніе слова «и малъ было не весь народъ... отъ Православныя вѣры возвратили», и говорить краснорѣчиво и конечно въ нашу пользу». (Матер. для Истор. раск. т. II, стр. 247).

1652 г. ¹⁾, и потомъ жили въ Челменской пустыни (въ 50 верстахъ отъ Каргополя) ²⁾. Итакъ въ Каргополь посланы были два монаха Филофей и Сергій, для увѣщанія непокорныхъ. Корнилій держалъ съ ними споръ. Дать бо ему Богъ свободенъ языкъ ко глаголанію о вѣрѣ. «Молчи! «будто бы говорили ему посланные, хотя наша не права вѣра да быть тому времени такъ»... Понятно, что такіе и подобные имъ миссіонары не многихъ могли вразумить... «Оскорбить же злобно (Корнилія) ничѣмъ не снѣли, понеже обороняли и защищали его посадскіе, да пугуень въ Каргополи же» ³⁾.

Теперь посмотримъ, какой получился выводъ отъ вышеупомянутыхъ гоненій—мученій раскольниковъ, боялись ли они мученій и, убоявшись, обратились-ли въ православіе?.. Крайность всегда порождаетъ другую крайность...

«Къ новинамъ мучительное обращеніе людѣ видяще — говоритъ раскольниковъ быто писатель—больши тѣхъ удалятися начаша, не могуще камо крыгися, въ рудѣ же мучителемъ вдатися трепетаху.. и того ради овѣи голодомъ помираху, а овне въ водахъ утошяху, отъ лютого того гоненія и грознаго мучительства... Мнози же... собирахуся... при нашествіи мучителей и отъ нихъ сожигавшася, а овны, отъ нихъ наѣзду со оружіемъ и съ пушками, боящася ихъ мучительства, сами сожигавшася...» ⁴⁾.

Да, въ эти ужасныя времена гоненій доводили несчастныхъ до изступленія, хуже того—до самоубійства: самопожизненія, самосожиганія, и надъ ними же потомъ глумились и увѣрили, что самосожиганіе есть плодъ ученія старообрядцевъ... Конечно, есть немногіе намеки какъ бы на самовольное самосожженіе заблудшихъ, но эти самосожженія предпринимались уже никакъ не вслѣдствіе измышленнаго и навязаннаго имъ ученія, а по обольщенію нѣкоторыхъ проходивцевъ изъ корыстныхъ видовъ, которые, обобравъ имущество простодушныхъ, не имѣвшихъ добраго пастыря овецъ, сами всегда успѣвали бѣжать отъ самосожженія... Но и эти немногіе самосожиганія были тогда уже, когда иступились мечи мучителей, устали руки кнудодержателей, именно во время царствованія Елизаветы, давшей нѣкоторую отраду заблуждавшимся... Но до нея положеніе притѣсняемыхъ, по причинѣ разныхъ настраиваній со стороны слишкомъ ужъ усердныхъ проповѣдниковъ, орудующихъ, вмѣсто слова увѣщанія — разъясненія, петлями, кнутами, срубами, дыбками и хомутами, было совершенно безысходное, что они и сами хорошо сознавали и что потрясало все существо ихъ, наводя на нихъ страхъ и ужасъ предъ дальнѣйшимъ продолженіемъ жизни ихъ въ этомъ мірѣ, въ коемъ нѣтъ ни «истины», ни правды, ни спасенія отъ порабоженія мнимому антихристу и тѣлесныхъ наказаній... Впередѣ болному, напряженному ихъ воображенію, представлялись разные муки, нѣкоторыми изъ нихъ уже испытанныя, и все-таки ужасныя, при одной мысли о которыхъ волосъ становился дыбомъ, эти муки могли не только поколебать ихъ твердость, но даже принудить отказаться отъ своей вѣры, значить, по ихъ мнѣнію, лишиться отрады въ будущей жизни... А въ ней-то и все назначеніе человѣка! Не дожидаться же, въ такомъ случаѣ, смерти отъ антихриста, послѣ предварительныхъ, притомъ тяжкихъ мученій отъ ревнителей не по разуму?!

И несчастный, невѣжественный народъ жегся въ Каргопольскомъ уѣздѣ цѣлыми десятками и сотнями (а въ Палеостровскомъ монастырѣ и Пудожѣ—тогда Олонецк. у.—даже тысячами)... жегся съ пѣніемъ псалмовъ, въ бѣлыхъ погребальныхъ одеждахъ, со свѣчами воска яраго, сами яко свѣщи сожигались («...—Дыма и смрада исполнися земля русская отъ тѣлесъ человѣческихъ», говоритъ раскольниковъ писатель. Се не весямъ и монастырямъ токмо адамантъ бѣ отъ страдальцевъ, но и дебри возликоваху о праведницѣхъ, послужившихъ Господу... ⁵⁾ Больше совершилось самосожженій въ теперешнемъ Повѣнецкомъ уѣздѣ, но мы обязаны перечислить тѣ изъ происходившихъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, которыя намъ извѣстны.

¹⁾ Христіанское чтеніе 1885 г. № 34 ст. прот. Николаевскаго о перенесеніи мощей св. Филиппа, стр. 299.

²⁾ Христіанское чтеніе 1889 г. № 7—8, стр. 236—237.

³⁾ Разсказы изъ исторіи Старообрядчества, стр. 23—24.

⁴⁾ Исторія Выговской пустыни Івана Филиппова, стр. 25—26.

⁵⁾ Тамъ же.

Первое самосожженіе, описанное Выговскимъ историкомъ Ив. Филипповымъ, было «въ борахъ, на Пормы (двѣ рѣчки сего имени: одна малая, другая большая Пормы, впадаютъ въ рѣку Воложку; послѣдняя впадаетъ въ р. Онегу, съ правой стороны) въ пустыни. Высть въ собраніи старецъ Нижегородскій Андроникъ, «чернецъ» Іосифъ Соловецкій, Михаилъ и Іоаннъ—нѣкоторые мужи ревностные; съ ними много народа; всѣ около полугода были «въ запорѣ...» «Отъ города пріѣхало нѣсколько стрѣльцовъ со оружіемъ воинскимъ и со огненными снастями, яко же на пожарахъ... съ понятными многолюдствомъ и съ Каргопольскими солдатами и съ подъячними и обступя часовню, хотѣше всѣхъ живыхъ взяти... Іосифъ и... Андроникъ... бояся расхищенія и отъ благочестія отлученія... оные же *зажгашеся* и отъ дыму падоша все ницѣ...» «Гонители... два или три бревна выбиша (у часовни) вонъ... Изъ огня начаша людей ко-котами волочити вонъ, и конехъ выволочать—водой отливаху, и овѣи оживаху. И на-волочили изъ огня числомъ 60 человекъ; двухъ старцевъ—Андроника и Іосифа, да... молодыхъ мужиковъ и дѣвокъ, а достальные сгорѣли—Михаилъ и Іоаннъ еще со многими». Андроникъ же вскорѣ былъ замученъ въ Холмогорахъ, а Іосифъ былъ застрѣленъ 12 августа 1693 года при новомъ самосожженіи съ тысячною толпою, въ Пудогѣ...—Второе: «Въ борахъ, на Пормы же—говоритъ выговскій историкъ—жили старовѣрцы, отъ Чаженьги, отъ монастырскаго Выговскаго завода за тридцать поприщъ, оные и написаны въ подушной окладъ нѣсколько душъ и платили въ Каргопольскую канцелярію; а подъ двойной окладъ за старовѣрство не положены: И за то обнесено въ Каргопольскую канцелярію и изъ канцеляріи посланы на нихъ посыльщики съ указомъ и съ понятными—велѣно всѣхъ взять скованныхъ въ Каргополь. И эти пустынножители, убояся, собралися въ часовню и заперлися ко страданію. И посыльщики пришли, указъ прочитали и стали говорить: «дайте намъ лучшихъ людей послать въ Каргополь, къ оправданію, а вы не горите». И оные, по совѣту и по уговору, дали имъ изъ запору числомъ осмь человекъ и взявши ихъ скоро и послали за карауломъ въ Каргополь; а сами около запорныхъ поставили караулъ. И въ запорѣ инокъ Кириллъ да бѣлецъ Григорій, видѣвши оныхъ лукавство: еже дождавши прибавочной посылки хотѣли восхитити ихъ всѣхъ и свести въ Каргополь, отъ нихъ не отступаютъ. И оные въ запорѣ, бояся расхищенія и мукъ и отъ благочестія отступленія, храня древнее благочестіе, зажгошася огнемъ, и скончашася съ ними мужеска и женска пола до двухъ сотъ душъ, въ 1734 г. «А которыхъ свезли—поясняетъ Филипповъ—и тѣхъ принуждали къ повинны своей всякими страхами и муками, и разспрашивали сбитіемъ и послали въ Новгородской разрядъ за карауломъ, и въ Новѣ градѣ вельми ихъ жестоко истязали допросами и битіемъ, и два человека преставилося, а третій старикъ ослѣпъ, учалъ не видѣти, и того держаша въ Богадѣльни за карауломъ. А пять человекъ свезли въ ссылку, въ дальные города, въ новостроенныя, на рубежъ» ²⁾. Этого короткій разсказъ краснорѣчиво доказываетъ, почему именно заблуждавшіеся предпочитали самосожженіе всѣмъ прочимъ сдѣлкамъ съ властями... Они хорошо знали и видѣли, какіе ужасы ожидали ихъ, въ случаѣ сдачи въ руки гонителей, и потому предпочитали лучше разомъ покончить, чѣмъ страдать неопредѣленное время, не надѣясь на лучшее будущее и, въ концѣ концовъ, пожалуй, еще отрѣчься отъ вѣры, слѣдовательно идти на вѣчную муку.

«Видѣ пашу бѣду, се бо обмыдоша насъ лютии гонители, ищутъ насъ всѣхъ погубити и отъ благочестія отлучити».

«Аще попустимся въ руки ихъ—приводить въ другомъ мѣстѣ Филипповъ разсужденія самосожгавшихся—на муки слатися, но боимся расхищенія собраннаго толнаго стада да не будемъ сынове погибели, ибо руки вражія мучительства и томленія готовы на пролитіе крови, на поруганіе христіанства. Мы немощны и слабы, того ради и не смѣемъ къ подлежащимъ мукамъ вдатися» ³⁾. «Такъ же послѣ того

1) Стр. 45, 65—66 «Первая гарь».

2) Стр. 74—75 «Въ Каргопольскомъ уѣздѣ на пустомъ лѣсу».

3) Стр. 69.

подаѣ, тамо близъ Моши (Мошенская волость въ 120 верстахъ отъ Каргополя), въ лѣсу, въ году» сожглись: 3) «Иванъ, порекломъ Соколъ, въ поставленной отъ нихъ храминѣ съ тридцатью шестью душами въ запорѣ, въ разговорахъ съ гонители, единого въ окнѣ, прозваніемъ Козлова, гонители пострѣлили и, обступя начали добиваться въ хоромы, прочіи же огнемъ скончашася за древнее благочестіе». 4) «Да въ 240 (1732 года), за Канакшей (сельскій приходъ, въ 141 верст. отъ г. Каргополя) нѣкто мужъ именемъ Григорій, за древнее благочестіе, въ лѣсу, въ состроенной храминѣ, отъ нашествія жителей, съ сѣмидесяти съ пятию человекъи огнемъ окончашася». 5) Да тамо же, подаѣ, въ пустыни, инокъ Гавріилъ, первобыный нѣкотораго монастыря строитель—по нашему мнѣнію—сосѣдней съ Канакшей Елгомской пустыни, бывшій строителемъ въ 1727 г., ¹⁾—да Ив. Кириловъ, Алексій и Козьма, съ двѣнадцатію душами, за древнее благочестіе отъ нашествія гонителей огнемъ скончашася ²⁾. Конечно, подобныхъ ужасныхъ самосожженій въ Каргопольскомъ уѣздѣ было не мало; но историкъ Ив. Филипповъ, какъ жившій вдали отъ Каргополя, не могъ всѣхъ знать, особенно болѣе или менѣе незначительныхъ, по числу погибшихъ жертвъ, записывая только болѣе страшно—извѣстныя—затѣмъ не могъ же онъ записывать самосожженій, бывшихъ послѣ его смерти... О нѣкоторыхъ же изъ другихъ самосожженій, память сохраняется только въ народномъ преданіи, надмогильныхъ холмахъ, въ раскольническихъ поминникахъ, или, наконецъ, въ кое-какихъ, случайно находимыхъ, служебныхъ письменныхъ памятникахъ... Но должно допустить, что нѣкоторыя самосожженія исчезли изъ памяти народной, погребены—такъ сказать—общимъ забвеніемъ, уцѣлѣвшіе еще не всѣ извѣстны въ печати или собирателямъ народныхъ преданій, наконецъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ должны же находиться въ нашихъ мѣстныхъ архивахъ, какъ бы эти архивы малы ни были... Къ сожалѣнію, наши архивы свѣтскіе и монастырскіе мало доступны, какъ мы сами испытали, изслѣдователямъ... Однако передадимъ, что знаемъ. Въ старообрядческихъ поминникахъ записаны слѣдующія самосожженія, совершившіяся въ тогдашнемъ Каргопольскомъ уѣздѣ: «Іоанна и иже съ нимъ; Никифора и иже съ нимъ; Аверкія и иже съ нимъ, въ Янгорахъ» (теперь Кудожскаго уѣзда); «Евдокія, Зиновія, Агафіи и прочихъ, подъ Каргополею, инока Филарета, Алексія, Леонтія и прочихъ 40, за Кенозеромъ» (озеро и приходъ одного имени, теперь находятся въ двухъ уѣздахъ—Каргопольскомъ и Пудожскомъ); «Θеодора, Василія и прочихъ на Кученадѣ ³⁾ (деревня въ 20 верстахъ отъ Каргополя, Краснояжскаго прихода)...—И какъ просты эти «съ прочими» и «прочихъ», и «иже съ нимъ»; ни дать, ни взять поминники Грознаго, въ коихъ угрызаемый совѣстью царь записывалъ замученныхъ имъ безъ именъ, прибавляя: «ихъ имена ты, вѣси, Господи». А сколько въ этихъ простыхъ словахъ горя людскаго, слезъ, крови, страданій, сколько силъ погублено, да и какихъ силъ?!.. Сколько народа, съ женами и домочадцами погибло, особенно въ виду самихъ распространителей той самой вѣры, которая учить любить всѣхъ, не только собственныхъ враговъ, но и враговъ этой вѣры, — погибло того именно народа, который сожигалъ самъ себя безъ остатку и, при томъ къ видимому прискорбію начальниковъ, не дождалъ поимки»...

Вотъ, наконецъ, немногія свѣдѣнія о самосожженіяхъ заблудшихъ, происшедшихъ, повидимому, безъ всякихъ явныхъ мученій или поимокъ, а по обольщенію нѣкоторыхъ изувѣровъ или проходимцевъ, которые, обобравъ простодушныхъ, подговаривали ихъ къ самосожженію, съ тѣмъ, чтобы самимъ, при первомъ же возможномъ случаѣ, скрыться, что имъ, всегда или нѣтъ, и удавалось...

1) «Каргопольскаго уѣзда раскольники, изъ крестьянъ (какой волости и деревни—не сказано) Зайковъ и Климовъ, бѣжавъ, въ лѣсу построили избы и, подговоря, увели мужеска и женска полу 57 человекъ изъ крестьянъ же, которые... въ одной избѣ сожглись...» Это самосожженіе случилось не позже 1744 г. и стало из-

¹⁾ См. мое описаніе этой пуст. въ Христіанск. чтеніи за 1886 г. № 5—6.

²⁾ Истор. Выговской пуст., стр. 75—76.

³⁾ Памятная книжка Олонецкой губ. за 1868—69 г. ч. III, стр. 195.

вѣстникъ даже севату, который и предписалъ Новгородской губернской канцеляріи, а эта, въ свою очередь, воеводскимъ уѣзднымъ канцеляріямъ 1) разыскивать бѣглыхъ раскольниковъ Зайкова и Пригодина, которыхъ предполагали не сгорѣвшими; 2) «раскольниковскимъ старостамъ и сборщикамъ подтвердить наискрѣпчайше указами, чтобъ они... имѣли все прилежное стараніе, безъ отлагательства, а паче бѣ, дабы имѣющіеся раскольники сами себя не жгли (!), въ томъ за ними имѣть все крѣпкое смотрѣніе и до того ихъ отнюдь не допускать...» 31 октября 1745 г. — 2) «Олонецкаго уѣзда, раскольникъ, изъ крестьянъ Ефимъ Ивановъ, бѣжавъ изъ Олонецкаго... въ Каргопольскій уѣздъ (тогда эти уѣзды были смежны), въ Мошенской станъ въ Лимскую волость (въ 138 верстахъ отъ Каргополя) и подговоря, увелъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и тамо, отъ раскола (! sic.) въ избѣ прошедшаго іюня 11 дня, сгорѣли...» (Писано 23 ноября 1745 г.). Сколько здѣсь сгорѣло раскольниковъ—неизвѣстно, извѣстно только, что Ефимъ Ивановъ «до сгорѣнія оныхъ раскольниковъ дней за 10 ушелъ», сгорѣлъ его «товарищъ, раскольникъ же, Олонецкаго уѣзда Якимъ Матвѣевъ... съ прочими...» Этими, за недостаткомъ свѣдѣній, и заканчивается лѣтопись самосожженій въ Каргопольскомъ уѣздѣ за XVIII и можно бы сказать даже за XIX вѣкъ, еслибы подобный несчастный случай, къ сожалѣнію, не повторился даже въ наши дни... «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»... Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія цѣлыхъ тридцать человѣкъ (по словамъ другихъ только 15) Волосовской волости (въ 37 верстахъ отъ Каргополя) подъ вліяніемъ одного скрытническаго наставника, преступности котораго однако никто не доказывалъ... сожглись въ лѣсной избушкѣ близъ рѣчки Чучексы ¹⁾. Этотъ несчастный случай былъ въ лѣтнее время... Затѣмъ лѣтъ 15 назадъ горѣли опять въ той же Волосовской волости, на этотъ разъ уже тѣлеса скрытниковскія ²⁾... И въ этомъ видятъ нѣкоторые самосожженіе, но другіе утверждаютъ, что пожаръ учиненъ для сокрытія убійства и, кто правъ изъ нихъ — не знаемъ, и потому въ счетъ сего не кладемъ... Такимъ образомъ совершилось въ Каргопольскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, 14 самосожженій извѣстныхъ, погубившихъ многія сотни (а быть можетъ, и цѣлую тысячу) ни въ чемъ неповиннаго народа, вся вина котораго состояла лишь въ томъ, что онъ былъ невѣжественнѣе—не знали даже (какъ и современники крестьяне)—кто такой Богъ, не знали самыхъ необходимыхъ молитвъ... А сколько погубило народа въ самосожженіяхъ неизвѣстныхъ (которыя мы будемъ стараться разувѣдать), сколько было замучено во время гоненій, сколько сослано, бѣжало, утопилось, умерло отъ голода и другихъ невзгодъ?.. А о томъ, чтобъ вразумить, забыли и не подумали...

И такъ какую же пользу принесли гоненія? Обратили заблуждавшихся? или по крайней мѣрѣ, сократили ихъ число? и запугали ли другихъ, чтобъ бѣжали запретныхъ заблужденій?.. Ни то, ни другое, ни третье... (И теперь число чисто православныхъ приходовъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ не болѣе 4-хъ, но и въ тѣхъ уже появляются одиночки раскольники...) Плодомъ всѣхъ этихъ гоненій было то, что появились у минимыхъ старообрядцевъ свои преподобные мужи, даже (доказательство — цѣлый воловскій патерикъ Ив. Филиппова сочиненія Мышенскаго)... и мученицы, появились свои многочисленные скиты, монастыри и пустыни... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій появился въ Каргопольскомъ уѣздѣ «свой» Филаретъ Милостивый, «своя» Великомученица Варвара» (дѣвушка, бѣжавшая отъ мучителей, или настигнутая и убитая въ лѣсной глуши Шожемскаго прихода, самаго удаленнаго отъ мірскихъ жилищъ (въ 150 верстахъ), стоящаго за лѣсами дремучими, болотами непроходимыми...) Вся окрестность на 100, на полтора ста верстъ во всѣ стороны усердно чествовала ихъ память; сюда стекались поклонники, особенно поклонницы, преимущественно въ весенне-лѣтнее, какъ болѣе свободное время, разомъ цѣлыми сотнями... Здѣсь была устроена даже «пустынь» для ихъ пристанища и долго существовала она... Знаменитый же Чухонскій скитъ (въ 82 верстахъ отъ Каргополя) былъ основанъ Выговцами еще въ

1) «Истор. Выговск. пуст.», стр. 138.

2) «Олонек. Губерн. Вѣдомости», 1878 г., № 57.

1710 году... Въ концѣ концовъ получился такой выводъ: мучители, преслѣдуя за отпаденіе отъ церкви, лишились на всегда этихъ отпадшихъ, лишились многихъ членовъ ся; заблуждающіе же, ревнуя за обряды лишились даже самыхъ обрядовъ, наприѣтръ безпоповцы—оставшись чуть ли не съ одними семью поклонами, такъ называемымъ «началомъ» по крайней мѣрѣ ихъ неграмотное большинство... Слѣдовательно обѣ стороны понесли убытки невознаградимые...

Карлз А. Докучаевъ-Басковъ.

Игра «со выюномъ».

Записана в Новг. г., Тихв. у., д. Заборовые.

Как старыя пѣсни, так и игры нашего простаго народа, постепенно вытѣсняемыя новой, городской цивилизаціей изъ большихъ селъ и мѣстечекъ — остаются в неприкосновенности только развѣ в самыхъ захолустныхъ уголкахъ, лежащихъ вдалекѣ отъ почтовыхъ дорогъ и фабрикъ. Уже слишкомъ извѣстно всѣмъ, и об этомъ не приходится распространяться, какъ хороводныя игры замѣняются в современной деревнѣ французской «кад-релью» или «ланце», правда, искаженными до невозможности. Эти новшества коснулись также и бесѣдныхъ игръ.

В одномъ изъ глухихъ уголковъ Новгородской губерніи, в Тихвинскомъ уѣздѣ, славящемся своими лѣсами, мнѣ удалось записать игру, которая, какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ мало обращала на себя вниманіе собирателей пѣсенъ. Это—игра частая на посидкахъ, называемая «со выюномъ» (т. е.—ходить со выюномъ)

Мы имѣемъ варианты нѣкоторыхъ пѣсенъ, относящихся къ этой игрѣ, но записаны они не систематически и не точно. Отрывокъ одной изъ пѣсенъ записанъ покойнымъ М. А. Колосовымъ ¹⁾, затѣмъ у Якушкина находимъ, правда нѣсколько далекіе, варианты къ 2-мъ пѣснямъ. Затѣмъ у Шейна мы натываемся на нѣчто странное: в этомъ богатомъ сборникѣ, или по небрежности редактора, или по личному незнакомству его с игрой, или наконецъ по чисто мѣстнымъ условіямъ—запѣвъ цѣлаго ряда пѣсенъ игры «со выюномъ» помѣщенъ почему-то в разрядѣ хороводныхъ игровыхъ пѣсенъ в описаніи игры «занька» (стр. 141 и сл. № 93, изд. 70 г.), тогда какъ надо замѣтить, что «занька» играется часто в хороводѣ, а «со выюномъ» ходятъ на бесѣдахъ, и спутать эти двѣ игры нельзя. Далѣе же в томъ же сборникѣ уже подъ заглавіемъ «хороводныя разводныя» пѣсни мы находимъ нѣсколько вариантовъ къ тѣмъ же пѣснямъ об игрѣ «со выюномъ».

Такова исторія этихъ пѣсенъ у нашихъ собирателей. Здѣсь ниже постараемся привести всѣ возможные пѣсни этой игры, извѣстныя намъ.

Какъ сказано, пѣсни эти поются на бесѣдахъ. Обыкновенно в зимніе долгіе вечера молодежь со всей деревни навиваетъ в складчину избу, с обязательствомъ за уступку имъ этого помѣщенія отжечь опредѣленное количество ржи, овса или какого нибудь другого хлѣба. Парни покупаютъ свѣчи или керосинъ, если в избѣ есть лампа. Всѣ участники собираются на посидку и когда уже значительно умяются «метелицей» или новымъ «ланце», то переходятъ къ играмъ, не требующимъ такъ много движенія. Тутъ по большей части и играютъ «со выюномъ».

Всѣ разсуживаются по лавкамъ, дѣвушки запѣваютъ обычныя в этой игрѣ пѣсни; выходитъ на средину пѣбы паренъ и вызываетъ в половинѣ пѣсни дѣвушку.

Всѣ поютъ:

¹⁾ Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи в области сѣверно-восточнорусскаго нарѣчія и Сиб., 1877, стр. 163. Отрывокъ въ 6 стиховъ. Олон. губ.

Со вьюном я хожу,
С молодым гуляю.
Мнѣ куда вьюна дѣти,
Мнѣ куда положить?
Положу я вьюночка,
Положу молодова
К князю в изголовьё:

1.
Пушай ему на здоровьё!
Чѣм вьюна выкупати,
Чѣм молодова выручати?
— Дам я за молодца вьюночка
Два овса шёлгуночка ¹⁾,
Поцалую три разочка.

Во время пѣнія парень водит дѣвушку за руку посеред избы, а при послѣдних словах они цѣлуются. К этой пѣснѣ поется еще слѣдующій вариант: послѣ слов «Чѣм молодова выручати»—

— Дам двѣ гривны золоты
Да чѣтыри серебряны,
Да два инохода, два коня,

2.
Которы не ходя со двора,
Да двѣ дѣвцы, двѣ душечки,
Да чѣтыри молодущечки.

Когда допоют одну пѣсню,—то один из играющих уходит на свое мѣсто. Остающийся выбирает себѣ пару и также ходят они взявшись за руки. Далѣе поются слѣдующія пѣсни:

Сидит голуб на конички,
А голубка на коллинах у нево.
Почему голуб голубушку держал?
А мнѣ, грят, голубушка надобна,
А красна дѣвица спонадобилась:
Она хлѣбцы-кокорочки ²⁾ печёт,

3.
Сухи корочки на полочки кладёт,
Мякки мякишки по лавочкам,
Сладки прянички по фаргучкам.
Мой то миленькой гулять пойдёт,
Меня дѣвушку с собой возьмет,
На гуляныи поцалует-обоймет.

Пошел мужик молотить,
Да жалко жонушку будить.
«Спи-ка, жонушка Аннушка,
«Вот те в головы подушка.
«Спи-ка, радость дорогая,
«Вот те в головы другая ³⁾.

4.
Што за дура за такая—
Ничѣво не сказала:
Ни отвѣту, ни привѣту,
Вѣрно ей дома нѣту.
Отвѣрнулася—поцалуйся.

Летал голуб, летал сизой
Со голубушкой,
А удалой молодец—
С красной дѣвушкой.
Кабы эта голубушка—
Со голубом жила,
Кабы эта красна дѣвица
Со иной пожила:
Я бы золотом усынал
И жемчугом унизал,
Я бы лютѣй порою
Во кареты катал,

5.
Я бы зимной порою—
Во казанских санях,
Во казанских санях—
На ямских лошадах.
Сажу голуба на ручку—
Он не тряхнется,
На другую посажу—
Не ворѣхнется.
Скажу: шии, голуб, долой,
Полетай ⁴⁾, сизой, домой;
Полетай, сизой, домой:
Мы распрѣстисся с тобой ⁵⁾.

¹⁾ Шёлгуночка—хѣшочка. Пѣсни записаны здѣсь с сохраненіем особенностей говора. К. № 1 и 2 вар. у Якушкина. Собр. соч. изд. Михневичем. 1887 г. СПб.

²⁾ Пирожок из ржаного кислого тѣста, круглый, открытый, с начинкой из толченого картофеля или овсяной разварной крупы.

³⁾ Вариант первых 6-ти стихов записан в Арханг. губ. См. Якушкин, стр. 692, № 62.

⁴⁾ Полетай—лети, полети.

⁵⁾ К этой пѣснѣ имѣем варианты: 1) У Якушкина, болѣе распространенный, с явно новѣйшими чертами, записанный в Вятской губ. Сарапульскаго у. в селѣ Кыгбаевѣ (стр. 695, № 67); у Шейна также № 191, стр. 233 (по изд. 1870 г.).

Я не думала севодни угорѣть;
Стала с вечера голоушка болѣть,
Расходились угары в головы
Раскипѣлись самовары на столы.

Говорила старику:
Не ходи за рикю,
Там погода велика—
Завнесет старика.
Накануни Рождества
Много кражи—вороства:

Как онна гора висока,
А другая низка,—
Один миленькой далеко,
А другой-то близко.

Не хватайтесь, дѣвцы,
Замуж выходить,
Не глядите на робят,
Што робята говорят:

Вы молодчики молоденьки,
В вас поддевачки коротеньки;
Постой парень, не обманывай меня,

Досочка, досочка,
Досочка дубовая;
Досочка дубовая,
Дѣвка чериобровая.
Тут никто не хаживал,

Не соколики по полю летѣ,--
К нам Новьски на посидку ватѣ ²⁾,
Отвяжите-ка переднички,
Пришли новьскіи бесѣднички.

6.
Чашки чайвы наливаются
Холосты дошой собираются,
Поцалую дожидаются.

7.
Дѣвка парня обокрала,
Вся карманы оборвала—
Вся карманы оборвала,
Вся конфеты унесла.
С кѣм гуляла молода,—
Цаловала молодца. ¹⁾

8.
Уж я дальново милова
В люди подарю,
А ближново милова
Сем раз поцалую ²⁾.

9.
Оны божатся-кленутся,
А отойдут—засмѣются.
Три копейки с денежкой,
Цаловаться с дѣвушкой.

10.
Я маленько попроворнѣй тебя,
Попроворнѣй малѣшенько...
Цѣловаться милѣшенько.

11.
Никово не важивал.
Шѣл-прошѣл дѣтинушка,
Провѣл красну дѣвушку.
Эта парочка баскѣ—
Цаловаться три разка.

12.
Переднички розовы,
Наши молодцы не вожены,
Красны дѣвки не цалованы.

¹⁾ Очевидно эти послѣдніе стихи приставлены, так сказать, в интересах игры. Подобное случается и в других пѣснях.

²⁾ Варіант великорусскій имѣем у Шейна, стр. 222, № 169. Считаю пѣсню заимствованной от Малорусов. Такой оборот рѣчи не встрѣчается в великор. пѣснях и представляют искаженіе малор. Сравни у Чубинск., V т., стр. 25, с той только разницей, что в этом мѣстѣ у Чуб. говорят парубок. Вот это мѣсто:

Одна гора високая,	...Ой я тую далекую
А другая низка—	Хлопцам подарю,
Одна мила далекая,	А до сеі близенькой
А другая близка...	Тай сам помандрую.

³⁾ Новьски—из Новой деревни (близ Заборовья).

13.

Уж ты, верба, вербочка,
Золотая виточка,
Не расти, верба, во ржи,
А расти в поли на межй.
Верба ¹⁾ солнышком не грѣе,
И погодой не несёт,

Погодушкой не несёт—
Соловей гнѣзда не вѣет.
Соловейко Ванюшка,
Кинарейка Ганюшка.
С кѣм гуляла молода,
Цаловала молодца.

14.

Обѣшпалси мѣшпанин
Мѣшпаночку брати,
А мѣшпанка отвѣчала:—
Не умѣю жати.
В понедѣльник на овторник—
Снопичок нажала,
В среду садила,

В четверг молотила,
В пятницу вѣяла,
В субботу мѣряла,
В воскресенье продала—
Всѣ деньжонки пропила ²⁾....
С кѣм гуляла молода—
Цаловала молодца.

15.

Мы на печкѣ молотили,
На ошѣскѣ вяли, 2 (bis)
Рукомойкой мѣрили.
Мой то милой мѣд мовал
Перекапался,

Он на дѣвушку глядѣл—
Сам расплакался.
Вот те гривна, вот те грош,
Поцалуй которую кошъ.

16.

Двой нишпенки большыи,
Как телята пропащыи:
Ноги зыблются,

Куски сыплются,
Сухари-то говорѣ,
Цаловаться велѣ ³⁾.

17.

Как Ивану то жениться пора
Ивановичу свататься,
Ему тесть то богатенькой,
Ему тѣшка то ласковая,
Яниница масляная,

А невѣста хорошая.
Цаловаться им дюжину,
Штоб на цѣльную на ужину.
Цаловала во сахарныи уста,
Почитала за любезново дружка

18.

Разсыпался сырой дуб
На четыре грани.
Кто полюби старых баб,
Тово новѣ драли.

Кто молодых вдов полюби—
Для души спасенья,
Красных дѣвушек полюби—
Для поцалованья.

¹⁾ «В е р б а солнышком не грѣе», вин. пад. имѣем сходн. случаи, напр.: постолька стлѣть, Кирѣвск., VII, 190; голова держать наклонная, нодѣлюшка нодѣливать—Пермск. Сборн., I, стр. 43, № 26; д у ш а спасти—в былинѣ о Васкѣ Буслевѣ.

²⁾ Сходный мотив имѣем и в малорусской народной поэзии. Ср. Чуб. V, 685 стр., № 293, но там жена, привыкшая гулять, идет дальше—заставляет мужа для ея увеселенія плясать трепака. Мотив этот разработан в массѣ вариантов. Кромѣ записанных мной трех укажу еще у Варенцова стр. 77, № 25, у Якушкина—594, № 64; 633, № 147; 642, № 164; у Деволана стр. 134—5; и еще многіе другіе стоящіе в связи с данной темой пѣсни.

³⁾ Пѣсня шуточная, поют в насмѣшку над полюбившим компаніей.

19.

Уж как вам тетеревам
Не летать по деревьям,
Маленьким тетёрочкам
Не скакать по ёлочкам ¹⁾,
А жонатим мужикам
На бесѣду не ходить, 2 (bis)

По двѣ, по три не держать, 2
Холостых не обижать.
Холосты—люди просты,
А женаты—проклятыи.
С кѣм гуляла молодца
Цаловала молодца.

20.

У моёво у милово
Нѣтъ колечка никакого,
Хоть и есть перстенок—
Позолоченой орѣл, 2
Славной Грузиньской маёр 2
Каширьску Машеньку увѣл ²⁾.

А гдѣ Машенька шла—
Трава мурава росла,
Гдѣ Ефимовну вели—
Цвѣточки алыи цвѣли.
Три копейки с денежкой,
Цаловаться с дѣвушкой.

21.

По полу хожу—
Мнѣ не находится,
Я на милова гляжу—
Мнѣ не наглядиться.

Згляни, миленькой, разок,
А я на тебя двожды, 2
Поцалую трожды.

22.

Как у милово хоромы хороши:
На двори столбы точёныи,
Уголки позолоченыи,
Подворотенка серебряна,
Вороточки—нѣмецково стекла;

Приду к милому скорѣшенько,
Шипшину милово легошенько;
Догадался поскорѣшенько,
Поцалуемся милѣшенько.

23.

Горѣ, горѣ што живѣшь,
На лѣни в казармы,
Горѣ, горѣ што жуешь—
Кирпичи да камни.
Кирпичу я не хочу,

Камушка не кушаю;
В табатирки нѣтъ заперки ³⁾,
Тобаку то не пылинки,
Поцалуй пожалуста
Во тобашныи уста.

24.

Водлѣ рѣчки, водлѣ мосту,
Водлѣ мочевишки ⁴⁾
Я не думал, я не чаял
Молодой дѣвчонки.
Хоть и думал, хоть и чаял—
Не буду казати.
Запрягу я кошку в дрожки,
А кота в пристяжку, 2

Поѣду кататься.
Стелю, стелю перинушку
Нову пуховую;
Ково знаю, ково знаю,
Тово подарю.
Ково люблю, ково люблю—
Тово поцалую.

¹⁾ Первые четыре стиха этой пѣсни я нынче лѣтом слышал и записал в Крестецком уѣздѣ—эти стихи потеряли связь с пѣсней и поются там как всё другія припѣвки или сборушки без опредѣленнаго приурочиванія к какомунибудь случаю.

²⁾ Кошира—деревня в Крестецком уѣздѣ на р. Мстѣ, Грузино—село Новгор. губ. на рѣкѣ Волховѣ

³⁾ Нѣтъ крышки, запора.

⁴⁾ Мбча, мочевишка—маленькое болотце, напр. около рѣчки или на заливных лугах.

Должно сказать, что многія из пѣсен приведенныхъ выше, особенно послѣднія носятъ на себѣ слѣды ихъ недавняго происхожденія или по крайней мѣрѣ перерожденія. Особенно характерна пѣсня № 24, являющаяся, какимъ то страннымъ конгломератомъ изъ обрывковъ другихъ пѣсен. Запѣвъ ея принадлежитъ извѣстной русской пѣснѣ, далѣе—слѣды заимствованія или, по крайней мѣрѣ, сильнаго вліянія малорусской пѣсни; послѣдніе же стихи—изъ хороводной же пѣсни или бесѣдной: «подушечка моя пуховая», помѣщаемой чуть ли не во всѣхъ сборникахъ и даже в хрестоматіяхъ. Слѣды разложенія этихъ пѣсен замѣтны и с другой стороны: метръ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 23 и 24 сильно приближается къ метру припѣвокъ ¹⁾ или сон-рушекъ, какъ ихъ называютъ в Череповецкомъ у. Новг. губ., и къ метру южно и червоно-русскихъ коломыхъ ¹⁾—этихъ продуктовъ новѣйшаго періода народнаго творчества. (Всѣ эти пѣсни записаны со слов крест. д. Заборовы Палаген Ѳеодоровой).

Къ игрѣ «со вьюномъ» относятся еще пѣсни записанныя мною на посидѣхъ в деревнѣ Малая Будагоща в Тихвинскомъ уѣздѣ Новг. губ. Къ сожалѣнію, удалось записать только двѣ. Вотъ онѣ:

25.

Не ходи, не гуляй
Кругъ мойво саду,
Не шпипляй, не ломай ²⁾
Саду-винограду;

Вѣдь не я ево садила,
Не я поливала,
А тебя я, мой хорошей,
Три разъ цаловала.

26.

Огородомъ павѣ шла, 2
Ой люли, павѣ шла 2
За павой павень летѣла 2
Ой люли, летѣла. 2
«Ой ты, павѣ моя 2

«Ой люли, моя. 2
—Нѣтъ я, судырь, не твоя 2 ;
Ой люли, не твоя 2
Я корнильца батюшка 2
Ой люли, батюшка. 2

Далѣе дѣвушка перечесть, кому она принадлежитъ, но неотвязный парень всетаки не отступаетъ отъ нея и при словахъ:

«Нѣтъ, ты павѣ моя 2
Ой люли, моя 2. ,

цѣлуетъ дѣвушку, изображающую собой паву.

Очевидно, къ этому сводится вся игра; такихъ игръ можно назвать еще нѣсколько: напримѣръ—«коней смѣнять» или «Тетѣра» или малорусская игра—Нѣлюб (Новгр. Волынск. у.) ²⁾.

Всѣ подобныя игры, какъ и заимствованная у горожанъ игра—«фанты», имѣютъ цѣлью сближеніе половъ и потому не скоро сравнительно выводятся изъ жизни народа; даже танцы не могутъ окончательно вытѣснить этихъ игръ.

¹⁾ Подобныхъ припѣвокъ—коротенькихъ пѣсенокъ с характернымъ метромъ—продуктомъ разложенія большихъ пѣсенъ с основнымъ размѣромъ 10 сл. с двумя удареніями—записано мною в предѣлахъ Тихв. и Крестецкаго уѣздовъ до 600. Всѣ онѣ—представляютъ экспромпты, по большей части лирическаго содержанія, стиховъ отъ 2—6, рѣдко больше. Ср. с ними коломыхи у Деволяна стр. 213, 236 и разв. Головацкаго II, 335 и др.; у Чубинскаго IV т., стр. 72—83, 101, 126, 133 и слл.—свадебныя припѣвки, и т. V, 1106 стр. шуточные, и в др. сборникахъ. См. и специально посвященный коломыхамъ сборникъ «Счастливаго Соломона», Коломыйки и шутки, Львов. 1863 р. Подобныя пѣсенки считаетъ отрывками большихъ и А. Потебня. См. Приб. XXXVII т. Зап. Ак. Н. Отчетъ о присужд. Уваровской преміи, стр. 146.

²⁾ Ломать, шпипать виноградъ—любить дѣвушку; ломаніе винограду, какъ и потоптанію травы—лишеніе невинности. См. Потебня. Объясн. малор. и сродныхъ нар. пѣсен. Т. II, стр. 480 и слл., 487 и слл.

³⁾ «Тетѣра»—записана мной в Тихв. у.; «Нѣлюб»—в Тр. Этн. Ст. Эксп. Чубинск. т. III, стр. 90, № 33.

О. О. Первольфъ.

Славянская этнографія понесла крупную потерю въ лицѣ скончавшагося 21-го декабря 1891 г. въ Варшавѣ профессора Императорскаго Варшавскаго Университета по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій Осипа Осиповича Первольфа.

Родившись въ 1841 году въ Южной Чехи, въ м. Чимелицахъ, близъ г. Писка и окончивъ курсъ въ мѣстной гимназiи, О. О. Первольфъ завершилъ свое образованіе въ Пражскомъ университетѣ, ревностно занимаясь славистикой подъ руководствомъ Гатталы, Ганки и Палацкаго; съ особенною любовью онъ относился къ исторiи славянскихъ народовъ, славянскимъ древностямъ и исторической этнографіи. Выйдя изъ университета съ широкимъ кругомъ познаній по славяновѣдѣнію, онъ въ скоромъ времени заявилъ себя въ литературѣ рядомъ основательныхъ статей по исторiи славянскихъ народовъ, при чемъ особенное вниманіе удѣлено было имъ Россiи.

Не перечисляя многочисленныхъ (свыше 60) трудовъ и статей, написанныхъ О. О. Первольфомъ за время его полезной дѣятельности, такъ неожиданно прерванной смертью, мы здѣсь укажемъ лишь, что покойный славистъ со всегдашней любовью посвящалъ свои труды изысканіямъ въ области историческихъ, этнографическихъ и бытовыхъ древностей славянскихъ. Докторская диссертациа его: «Германизациа Балтійскихъ славянъ», основанная на разработкѣ данныхъ быта и языка, является выдающеюся работою его въ этой области, въ сильной мѣрѣ содѣйствовавшая установившейся репутации его, какъ солиднаго знатока славянства. Къ той же области принадлежать статьи его: «Варяги-русь и Балтійскіе славяне» (Журн. М. Н. Пр. 1877 г.), «Slavische Völkernamen», «Polen, Liachen, Wenden» — (Arch. f. Sl. Phil.) «Staloslav. řady a Obyčeje» (Slov. Sborn. 1884.); сюда же нужно отнести и весьма интересную статью его: «Словенскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ», напечатанную въ «Мееодіевскомъ сборникѣ», изданномъ Варшавскимъ Университетомъ въ 1885 г. по поводу 1000-лѣтней годовщины смерти св. Мееодіа.

Съ живыми интересомъ относясь и къ славянской современности, О. О. Первольфъ былъ и дѣятелемъ, и знатокомъ современнаго славянства; главнѣйшей темой всѣхъ трудовъ Первольфа служилъ вопросъ о славянской взаимности; въ его капитальномъ сочиненіи: «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи» объединены многолѣтнія изысканія его по этому вопросу; къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему довести этотъ трудъ до конца: въ 1886 г. вышелъ его I томъ, въ 1888 г. т. II, въ 1890 г. III т.; въ рукописи осталась часть III тома и далеко еще не обработанный томъ IV.

Въ 1871 г. О. О. Первольфъ былъ призванъ на кафедру Варшавскаго Университета, которую и занималъ съ честію въ теченіе 20 лѣтъ, посвящая свои чтенія славянскимъ древностямъ и особенно древностямъ славянскаго быта, рядомъ съ исторической этнографіей славянъ и характеристикой славянскихъ нарѣчій.

	Стран.
9. Библиографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. I. Ленора (женухъ или братъ-мертвецъ). II. Шемьякинъ судъ. В. <i>Каллаша</i>	142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90). Ю. <i>Полишки</i>	146—152

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты. А. <i>Соболевскаго</i>	153
--	-----

ОТДѢЛЪ V.

Слѣсъ.

1. Расколъ въ Баргопольскомъ краѣ. К. А. <i>Докучаева-Баскова</i>	154—162
2. Игра со вьюномъ	162—167
3. О. О. Перволѣтъ (покрологъ). О. И.	168